

№ 82. томъ 5. *Френше* 31 (57.2)

ИЗВѢСТІЯ ТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО Сибирскаго Географическаго Общества

подъ редакціею правителя дѣлъ М. Я. Писарева.

Томъ XVI, №№ 1, 2 и 3.

1885 ГОДА.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.		Стр.
Годовой отчетъ о геологическихъ работахъ, совершенныхъ на среднесибирскомъ Сибирскомъ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ въ 1883 и 1884 годахъ	1	Естественно-историческія наблюденія и замѣтки, дѣланныя на пути отъ г. Иркутска до с. Преображенскаго изъ р. Нижней Тунгускѣ	238
Путешествіе въ Монголію. И. П. Дубинина	24	Разныя извѣстія: Ишикульскія. — Могилы Карыбалла. — Письмо Г. Н. Потанина на имя В. И. Сувачева изъ Самъ-туани	310

ИРКУТСКЪ.

Печатано въ Типографіи Н. Н. Сеницына.

1886.

ИЗВѢСТІЯ

Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества.

1885

№№ 1, 2 и 3.

годъ.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

О геологическихъ экскурсіяхъ, совершенныхъ на средства Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1883 и 1884 годахъ по Канскому и Красноярскому округамъ Енисейской губерніи.

Въ протоколѣ засѣданія 30 апрѣля 1883 г. отдѣленія геологіи и минералогіи С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей помѣщена моя статья: «Геогностическія наблюденія въ окрестностяхъ г. Красноярска», въ которой находится краткое геогностическое описаніе упомянутой мѣстности, какое я могъ сдѣлать на основаніи моихъ прежнихъ небольшихъ экскурсій. На предоставленныя мнѣ средства Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ Имп. Р. Геогр. Общества я пополнилъ мои прежнія наблюденія и значительно расширилъ районъ этихъ наблюденій, обративъ, кромѣ того, большое вниманіе на собраніе геогностическаго матеріала въ надеждѣ, что онъ подвергнется обстоятельному опредѣленію и описанію, и такимъ образомъ послужитъ прочнымъ основаніемъ къ точному геогностическому описанію южной части енисейской губерніи, имѣющей, какъ кажется, въ значительной степени геогностическое строеніе, сходное съ изслѣдованнымъ мною Красноярскімъ округомъ.

Имѣя исходнымъ пунктомъ г. Красноярскъ, я совершилъ экскурсію на востокъ по московскому тракту до г. Канска, отклоняясь въ сторону отъ тракта, на западъ, экскурсировалъ до самой западной излучины р. Качи (около 50 в. отъ Красноярска), гдѣ она подходит къ водораздѣлу между рѣчками, текущими въ Обь и Енисей, на сѣверъ до устья р. Кана (около 90 в. отъ Красноярска) и на югъ около 70 в. вверхъ по р. Енисею. Въ послѣднемъ направленіи я прослѣдилъ геогностическое строеніе береговъ р. Енисея въ той его части, гдѣ онъ течетъ большею частью между высокими утесистыми берегами (въ трубѣ), имѣя сначала, около устья рч. Осиновой, западное, потомъ сѣверное и, наконецъ, (у Красноярска) восточное направленіе.

Въ описаніи посѣщенныхъ мною пространствъ я буду слѣдовать порядку развитія замѣченныхъ мною и частью другими изслѣдователями въ упомянутыхъ мѣстностяхъ геологическихъ формацій*). Эти формаціи слѣдующія: 1) граниты и гнейсы; 2) сѣрые песчаники, сѣрновакки, глинистые сланцы, бѣловатые и темносѣрые известняки; 3) сѣроватые известняки съ кремневыми гнѣздами, красныя глины, бѣлыя, бѣловато-зеленоватые, красныя или зеленые мергеля, такого же цвѣта песчаники и конгломераты; 4) синеватыя глины, каменные угли, сѣроватые и желтоватые пески и песчанники и угольные сланцы; 5) галька, желтоватая глина, сѣроватые промытые пески.

Грипты и можетъ быть гнейсы въ описываемомъ пространствѣ наблюдались въ нѣсколькихъ мѣстахъ, которыя группируются около трехъ пунктовъ: по рѣчкамъ Базаихѣ и Имкиной вблизи Красноярска, въ 10 верст. выше д. Бирю-

*) Гревингъ. Труды Сиб. экспедиціи, Матем. отд., стр. 153—4. Сиб. г. Крапоткинъ. Записки Имп. Р. Геогр. Общ. по общей геогр. Т. V, с. 135. Сиб. 1875 г.

синской на Енисеѣ и, наконецъ, по р. Кану у селеній Курьшинскаго, Баргинскаго и прямо на западъ отъ этихъ деревень на обоихъ берегахъ р. Енисея между д. Шиверской и селомъ Атамановымъ, и даже далѣе на сѣверъ, гдѣ гранитъ обнажается близъ с. Кекурскаго, а на Енисеѣ въ соотвѣтствующей параллели онъ, кажется, скрывается подъ новѣйшими наносами. Около Красноярска и выше д. Бирюсинской на горныя породы этой формациі налегаютъ образованія 2-й группы, а около Кана и на Енисеѣ ниже г. Красноярска—3-й и 4-й группъ.

Ближайшіе къ Красноярску гранитные утесы, начинаясь у лѣваго берега рч. Базанхи близъ ея впаденія въ р. Енисей, распространяются на ЮЮЗ, образуя живописныя зубчатыя короткія стѣны съ недоступными вершинами, по направленію ихъ наибольшаго діаметра они кажутся колоннами, а потому группа ихъ у верховьевъ маленькой рѣчки Ляликиной называется столбами. Эти гранитные столбы составляютъ наиболѣе высокіе пункты окрестностей Красноярска, видные издалека (40—50 в.) съ возвышенностей, лежащихъ къ С и СЗ отъ города. Этимъ же утесомъ, кажется, разными авторами описаній окрестностей Красноярска придается названіе Куйсумскихъ скалъ*), хотя такое названіе неизвѣстно жителямъ ближайшихъ къ Красноярску селеній (напр. д. Базанхи). Гранитные утесы другихъ посѣщенныхъ мною мѣстъ не представляютъ такихъ стѣнъ и колоннъ, но все-таки эти мѣста представляютъ крайне волнистую поверхность съ крутыми скалистыми скатами, узкими хребтами и долинами. Хребты и скаты покрыты сосновымъ и лиственничнымъ лѣсомъ, а долины часто столь густой чащей елей и пихтъ, что въ ней едва можно подвигаться.

Къ этой же группѣ горныхъ породъ, кажется, должно причислить хлоритовый сланецъ и сіенитъ; изъ нихъ ~~первый~~ ^{эти}

*) Гревингкъ. Цитиров. статья стр. 159.

наблюдался по р. Есауловкѣ у д. Бархатовой, а второй по ручью Каштаку, впадающему въ рч. Теревилу, притокъ р. Есауловки, въ 3—4 верстахъ отъ с. Кускунскаго. Красный крупнозернистый гранитъ рѣчекъ Базаихи и Ляликиной былъ уже нѣсколько разъ описываемъ *). Здѣсь же встрѣчается и синевато-сѣрая почти только изъ призматическихъ кристалловъ полеваго шпата состоящая порода

Гранитъ на р. Енисеѣ выше р. Бирюсы сѣрый или красноватый, состоящій изъ красноватаго или бѣловатаго полеваго шпата, черной слюды, смѣшанной съ роговой обманкой, и мало замѣтныхъ зеренъ кварца. Полевой шпатъ на плоскостяхъ раскопа породы является болѣе или менѣе удлиненными, съ блестящими поверхностями спайности, четырехъугольниками. По сосѣдству съ этимъ гранитомъ развитъ красный сіенитъ, состоящій преимущественно изъ призматическихъ кристалловъ краснаго полеваго шпата и рѣдкихъ кристалликовъ черной роговой обманки, иногда сильно разрушенныхъ. Эта порода легко распадается на куски. Въ области развитія двухъ вышеописанныхъ породъ находятся: 1) мелкозернистая зеленовато-черная порода съ жилами, состоящими изъ крупныхъ недѣлимыхъ черной роговой обманки и красноватаго или бѣловатаго полеваго шпата; послѣдній содержитъ пятна эпидота; 2) бѣлый крупно-зернистый мраморъ. Надо замѣтить, что при приближеніи отъ рч. Бирюсы къ области описываемыхъ полевошпатовыхъ породъ известнякъ, развитый выше рч. Бирюсы, становится крупнозернистымъ сѣрымъ мраморомъ, разсѣкаемымъ жилами плотно черноватой, какъ кажется, полевошпатовой породы.

По р. Кану и Енисею ниже д. Шиверской встрѣчаются граниты и гнейсы, сходные между собою. Это частію мелкозернистые темноцвѣтные съ преобладаніемъ черной слюды

*) Гревингкѣ. Труды Сиб. экспед., стр. 158.

породы (особенно у д. Шиверской и с. Атаманова), или сѣроватая и красноватая крупнозернистая породы съ бѣловатымъ или красноватымъ полевымъ шпатомъ, черною слюдою (особенно у села и дер. Курьшинскихъ по рч. Кану и на правомъ берегу р. Енисея противъ с. Атаманова) и сѣроватымъ кварцемъ. Въ темносѣромъ гнейсѣ лѣваго берега р. Енисея у с. Атаманова проходятъ жилы краснаго крупнозернистаго гранита, состоящаго изъ крупныхъ недѣлимыхъ краснаго полеваго шпата и листочковъ бѣлой слюды. Въ крупнозернистомъ гранитѣ противоположащаго праваго берега также встрѣчаются участки такого же гранита. Въ прежнее время, говорятъ, большіе листочки бѣлой слюды добывали для оконъ вблизи с. Атаманова въ горахъ лѣваго берега Енисея. Подобныя же жилы встрѣчаются въ темно-сѣромъ гнейсѣ д. Шиверской, но они состоятъ изъ краснаго полеваго шпата и безцвѣтнаго кварца. Жилы идутъ не прямолинейно, но различнымъ образомъ изломанной линіей.

Полевой шпатъ въ описываемыхъ породахъ является порфириднымъ, а слюда съ замѣтнымъ слоистымъ расположеніемъ. Замѣчательнъ гранитъ рч. Буганаевой праваго притока р. Кана, противъ д. Баргиской. Онъ состоитъ въ однихъ разновидностяхъ изъ бѣлаго полеваго шпата, составляющаго главную составную часть породы, черной слюды (въ иныхъ штуфахъ, богатыхъ кварцемъ, почти незамѣтной), и отдѣльных или сросшихся кристалловъ гранита (венисы); въ другихъ разновидностяхъ гранитъ замѣняется плотными скопленіями мелкихъ зеленоватыхъ листочковъ мягкаго минералла (хлорита?). Последняя разновидность снаружи пориста отъ вывѣтриванія зеленоватыхъ скопленій. Сіэнитъ, осмотрѣнный мною на утесѣ лѣваго берега ручья Каштака около с. Кускуинскаго, состоитъ изъ бѣлаго или розоватаго, частью каолинизированнаго, полеваго шпата и зеленовато-черной роговой

обманки. Онъ иногда становится мелкозернистой почти однороднаго зеленоватаго цвѣта породой.

Вторую группу горныхъ породъ я назову силлурійской формаціей, такъ какъ въ известнякѣ этой группы около Красноярска, близъ с. Торгашинскаго на высотахъ, идущихъ отъ д. Базаихи, мной найдены трилобиты, которые отнесены Ф. Б. Шмидтомъ къ Герцинекому ярусу Кейзера*).

Рельефъ мѣстности, въ которой развита эта формація, сходенъ съ рельефомъ мѣстности гранитовъ и гнейсовъ въ предѣлѣ моихъ наблюденій.

Известняки этой формаціи, большею частью массивные, безъ яснаго наслоенія, пронизаны не рѣдко жилами матоваго известковаго шпата. Они то бѣловатые, то черноватые, пахучіе, кристаллическіе, нѣкоторые окремнѣлые.

Описываемые известняки образуютъ ближайшія высоты праваго берега р. Енисея у Красноярска; выше монастыря они являются на обоихъ берегахъ, а также у д. Овсянки и, наконецъ, выше д. Бирюсинской они тянутся на нѣсколько верстъ (около 6—7 в.). Въ нихъ на различныхъ высотахъ заключаются пещеры разныхъ величинъ, но ни въ одной изъ нихъ мнѣ не удалось видѣть сталактитовъ. Стѣны пещеръ имѣютъ трещины, разсѣкающія скалы; такъ что самыя пещеры имѣютъ видъ расширенныхъ трещинъ.

Сѣрая вакка и глинистый сланецъ встрѣчаются, перемежаясь, съ известнякомъ, но не распространяются такъ однородно, на значительныя пространства, какъ этотъ послѣдній. Сѣрая вакка—это песчаникъ черноватый, грязно-зеленоватый, или буроватый, содержащій листочки бѣлой слюды. Эта порода является то пластовой, то сланцеватой, часто переслаивается съ тонкослоистымъ плотнымъ песчанистымъ известнякомъ,

*) Протоколъ засѣданія отдѣленія геологій и минералогій С.-Петербургскаго Общ. Естественныхъ наукъ 10 марта 1884 г.

являющимся въ этомъ случаѣ въ видѣ нетолстыхъ пластовъ. Иногда въ описываемой породѣ встрѣчаются* жилы черного, крупнокристаллическаго пахучаго углекислаго минерала.

Сѣрая вакка заключаетъ жилы, прорѣзывающія ее въ разныхъ направленіяхъ и состоящія изъ кварца бѣлаго цвѣта и известковаго шпата; при этомъ кварцъ располагается по стѣнкамъ жилы, а известковый шпатъ внутри жилы. По этому, когда известковый шпатъ растворится, то замѣчается не рѣдко, что жила является трещиной, покрытой по шероховатымъ стѣнкамъ кварцемъ.

Глинистые сланцы бываютъ черного, зеленоватаго и сѣровато-буроватаго цвѣтовъ, то тонкослоисты, то толстослоисты, измѣняясь въ послѣднемъ отношеніи на небольшомъ пространствѣ. Кромѣ слоеватости, они часто дѣлятся по многимъ направленіямъ на отдѣльности, иногда столь мелкія, что даже разбивая небольшой кусокъ, трудно получить свѣжій расколъ, обнаруживающій внутреннія свойства породы. Раскалываясь по слоеватости, сланцы вслѣдствіе соединенія расколовъ по разнымъ направленіямъ даютъ закругленныя поверхности, иногда шелковисто-сѣраго блеска. По плоскостямъ слоеватости сланцевъ большею частію располагаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ листочки буровато-бѣловатой слюды. Рѣдко въ сланцѣ обнаруживаются кристаллы сѣрнаго колчедана. Тогда какъ известнякъ, сѣрая вакка и глинистый сланецъ очень обыкновенныя горныя породы силлурійской формации окрестностей Красноярска, брекчія и зеленокаменный туфъ встрѣчены мною только однажды, а именно: брекчія ближе д. Бирюсинской, туфъ вначалѣ высотъ лѣваго берега Енисея у Красноярска.

Брекчія состоитъ изъ чернобурыхъ обломковъ съ закругленными частію углами и синевато-сѣраго цемента; величина обломковъ измѣняется отъ 1 дюйма до величины мелкаго зерна;

и какъ въ обломкахъ, такъ и въ цементѣ замѣчается по спайнымъ поверхностямъ полевой шпатъ.

Зеленокаменный туфъ залегаетъ между чернымъ песчанымъ известнякомъ, разсѣкаемымъ зернистой буроватой полевошпатовой породой съ значительнымъ содержаніемъ углекислыхъ солей. Этотъ туфъ частію буроватаго цвѣта, и въ семъ случаѣ заключаетъ щебень краснобурой полевошпатовой породы, частію синеватый или зеленоватый. Всѣ эти разновидности туфовъ, встрѣчающіяся на пространствѣ нѣсколькихъ сажень, обильны содержаніемъ карбонатовъ, которые имѣютъ ясное кристаллическое строеніе, малой твердости и имѣютъ землистый изломъ. Простираніе и паденіе горныхъ породъ описываемой формациі неодинаково: такъ уголъ паденія измѣняется отъ 35° до 90° , а направленіе паденія уже на пространствѣ нѣсколькихъ сажень измѣняется въ противоположное; на нѣкоторыхъ пластахъ замѣтна волнистая извилистость.

Такое измѣненіе въ расположеніи напластованій произведено діабазами и порфирами, какъ на это было указано г. Гревингкомъ *).

Горныя породы этой категоріи требуютъ болѣе точнаго опредѣленія, а до того времени ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: красныя и черновато-зеленоватыя полевошпатовыя горныя породы, болѣе или менѣе зернистыя или порфировидныя.

Эти полевошпатовыя горныя породы прорвали осадочныя породы описываемой силлурійской формациі, на площади развитія которой онѣ имѣютъ обширное распространеніе. Такъ начинаясь на подходящемъ съ запада къ Красноярску высокомъ лѣвомъ берегу р. Енисея, онѣ наблюдались на разстояніи около 40 в. къ сѣверо-западу отъ Красноярска на рч. Катѣ, гдѣ эта послѣдняя, въ 4 в. выше пересѣченія ея Московскимъ трактомъ, бурно протекаетъ между высокими стѣнами преиму-

*) Гревингкъ. Труды Сиб. эксп. мат. отд., стр. 154.

щественно зеленокаменныхъ породъ (въ щекахъ). Эти породы, впрочемъ, значительно отличаются отъ развитыхъ близъ береговъ Енисея; но нѣсколько верстъ выше, по рч. Малой Качѣ, отдѣляясь отъ только что упомянутыхъ зеленокаменныхъ породъ толщами силлурійскихъ известняковъ, на правомъ берегу этой рѣчки, залегаетъ черный порфиръ, тождественный съ обнажающимся близъ Черной сопки (въ 9 в. отъ Красноярска) и въ 4 верстахъ отъ устья на лѣвомъ берегу р. Собакиной.

Отъ Красноярска вверхъ по Енисею діабазы и порфиры тянутся почти до дер. Бирюсинской, образуя то высокіе голые почти вертикальные утесы, то низкія побережья (займища). На лѣвомъ берегу они наблюдались мною на протяженіи около 30 в. въ нѣкоторомъ удаленіи отъ берега, а выше, близъ впаденія рч. Лиственныхъ, на самомъ берегу Енисея; начиная же съ разстоянія около 22 в. выше Красноярска и на правомъ берегу они тянутся верстъ на 20, не доходя около 2-хъ верстъ до д. Бирюсинской. Но сплошное обнаженіе они представляютъ только въ тѣхъ берегахъ р. Енисея, гдѣ сей послѣдній выше впаденія р. Маны принимаетъ меридіональное направленіе.

Къ юго-востоку и востоку отъ Красноярска породы разсматриваемой группы встрѣчаются на рч. Базанхѣ близъ утеса Токмакъ и на притокѣ рч. Базанхи рч. Калтатѣ, на рч. Быстрой у д. Кузнецовой, на рч. Березовкѣ у д. Зыковой, въ горѣ Мунѣ близъ с. Ботойскаго и не доѣзжая с. Кускунскаго вправо отъ дороги у рч. Кускуни. Но далѣе на востокъ до г. Канска близъ тракта породъ этой группы не встрѣчается.

Около 14 в. выше д. Бирюсинской по лѣвому берегу р. Енисея начинаются выходы зеленоватой полевошпатовой породы скрытнокристаллическаго сложенія *). Эти выходы тянутся по

*) Землевѣдѣніе Азіи, Карла Риттера т. IV стр. 627—628. Эта порода названа зеленымъ камнемъ или діоритомъ.

Енисею, переходя съ лѣваго берега на правый до устья рч. Осиновой, по которой обнаженія этихъ породъ наблюдались мною на протяженіи около 5 в. и на указанномъ разстояніи найдева мелкозернистая разновидность вышеуказанной породы. Здѣсь же на рч. Осиновой наблюдался кристаллическій известнякъ, залегающій между упоминаемыми породами. Выше было уже указано, что по Енисею выше известняковъ, развитыхъ близъ д. Бирюсинской, находится гранитъ, сіенитъ и бѣлый мраморъ, которые, такимъ образомъ, съ другой стороны ограничены зеленоватыми полевошпатовыми породами рч. Осиновой.

Чтобы закончить перечисленіе горныхъ породъ, развитыхъ въ области силлурійской формациі, нужно упомянуть о змѣвикѣ. Эта порода наблюдается здѣсь въ двухъ мѣстахъ: а) близъ устья рч. Базанхи и гранитнаго утеса «Токмакъ» по ручью Каштакъ и б) выше впаденія рѣчки Собакиной по р. Енисею. Еще Гофманъ *) указалъ на большую глыбу серпентина, лежащую у д. Базайской. Оказывается, что не болѣе $\frac{1}{2}$ версты отъ этого мѣста находится выходъ этой породы въ горѣ по правому берегу ручья Каштакъ. Въ другомъ мѣстѣ обнаженіе змѣвика было наблюдаемо мною на высотахъ лѣваго берега рч. Собакиной на разстояніи около 1 в. отъ устья; отсюда эта порода направляется къ лѣвому берегу р. Енисея, гдѣ образуетъ оба утесистые берега Енисея выше впаденія рч. Собакиной на протяженіи 2—3 верстъ. Здѣсь берега р. Енисея свѣтятся по плоскостямъ отдѣльностей змѣвиковъ довольно яркими зеленоватыми или синеватыми переливками цвѣтовъ. Змѣвикъ д. Базайской чернаго цвѣта съ рѣдкими кристалликами бронзита, тогда какъ змѣвикъ рч. Собакиной темноземнаго цвѣта съ болѣе свѣтлыми кристалликами того же минерала съ свойственной этому минералу блестящей и изогнутой поверхностію спайности. Обработка

*) Гренингъ. Труды Сиб. экспедиціи, стр. 158.

соляной кислотой обезцвѣчиваетъ змѣвикъ рч. Собакиной. Въ тоненькихъ жилочкахъ, разсѣкающихъ его содержится асбестовидный минераль (хризолитъ) бѣловатаго цвѣта съ шелковистымъ блескомъ.

На поверхности раскоповъ, особенно болѣе рыхлыхъ штуфовъ этой породы находится налетъ углекислой соли (гуджира?).

Силлурійская формація, имѣя обширное распространеніе къ югу отъ Красноярска, на протяженіи около 250 в. моихъ изслѣдованій по параллели Красноярска, преимущественно къ востоку, не наблюдалась сѣвернѣе этой параллели. Какъ на параллели Красноярска, такъ и сѣвернѣе ея въ Красноярскомъ и Канскомъ округахъ наблюдаются горныя породы другихъ развитыхъ въ окрестностяхъ Красноярска формацій.

3-ю группу горныхъ породъ изслѣдованной мною мѣстности, на основаніи нижеприведенныхъ данныхъ, я отнесу къ девонской формаціи. Выше перечисленные горныя породы этой группы наклонены къ горизонту подъ небольшимъ угломъ (отъ 10° — 15° и только въ одномъ мѣстѣ, а именно у с. Ботойскаго, наклонъ пластовъ кажется болѣе крутымъ). И хотя нигдѣ мнѣ не удалось наблюдать разрѣза, обнаруживающаго соприкосновеніе этихъ пластовъ съ пластами силлурійской формаціи, но направленіе паденія заставляетъ признать, что они занимаютъ высшій горизонтъ сравнительно съ послѣдними.

А между тѣмъ въ 6 в. къ югу отъ Красн. у с. Торгошинскаго на высотахъ праваго берега р. Енисея, гдѣ обнаженія обѣихъ разсматриваемыхъ формацій наиболѣе сближаются, въ 1884 году мною найдены остатки трилобитовъ, отнесенные Ф. Б. Шмидтомъ къ силлурійской эпохѣ. Этотъ известнякъ составлялъ гнѣздо въ такомъ же известнякѣ, неимѣющемъ ясныхъ окаменѣлостей, такъ какъ при раскопкѣ известнякъ съ отпечатками трилобитовъ скоро истощился и глубже начался тотъ-же известнякъ безъ окаменѣлостей, ко-

торый и на дневной поверхности окружалъ первый, простираясь отсюда на юго-востокъ на значительное разстояніе.

Къ ССВ. отсюда, у подножія высотъ начинается высокая терасса, соотвѣтствующая терассѣ на лѣвомъ берегу р. Енисея ниже Красноярска, въ склонахъ ея къ низменности пр. берега и въ размывахъ обнажаются горныя породы девонской формаціи.

Эта высокая терасса тянется на востокъ, какъ кажется, до г. Канска. Небольшія рѣчки, пересѣкающія московскій трактъ между Красноярскомъ и Канскомъ, врѣзали довольно глубоко въ эту терассу свои русла, на склонахъ, къ которымъ и расположены придорожныя селенія. Такой разрѣзъ терассы произведенъ маленькой рѣчкой Ботоемъ у с. Ботойскаго, въ 25 верстахъ къ востоку отъ Красноярска. Здѣсь въ правомъ боку долины рч. Ботоя, менѣе 1 в. выше села, въ такъ называемомъ Зыряновомъ мысу является зеленый слоистый песчаникъ съ простираниемъ съ ЗСЗ на ВЮВ и паденіемъ на ССВ подъ 35° , а на склонѣ этого мыса встрѣчаются куски желтоватаго песчаника въ видѣ ядеръ, стволовъ кноррій и лепидодендровъ, отпечатковъ коры лепидодендровъ и др. Миѣ не удалось выдѣлить изъ упоминаемаго зеленаго песчаника ясныхъ растительныхъ остатковъ, но въ немъ я наблюдалъ нахожденіе желтоватыхъ тѣлъ, заставляющихъ видѣть въ нихъ подобные остатки. Нѣсколько десятковъ саженой выше въ томъ же боку въ новомъ мыскѣ обнажаются слой бѣлаго, зеленаго и красноватаго мергеля; такое же обнаженіе и на противоположномъ лѣвомъ берегу. И далѣе выше видны по рч. тѣ-же обнаженія бѣловатыхъ, зеленоватыхъ и красноватыхъ породъ съ преобладаніемъ послѣднихъ. Направленіе паденія казалось сходнымъ съ зеленымъ песчаникомъ. А въ мѣстахъ лѣваго бока долины, лежащихъ ниже по рѣкѣ обнажается желтая глина, подъ которой, какъ это видно въ искусственномъ раз-

рѣзѣ ниже села, залегаютъ слои гальки, перемежающейся съ тонкими слоями желтаго песка, иногда становящагося охристымъ или чернымъ. Не много ближе къ селу, у подножія того же бока, находится глинистая топь, указывающая на выходящую по глинѣ воду. Такое же обнаженіе наблюдалось мною въ 7—8 верстахъ ниже Красноярска на лѣвомъ берегу Енисея, гдѣ оказалась въ основаніи синяя глина, на ней слой пропитаннаго водою каменнаго угля, который покрывается галькой, выше которой залегала толстой массой глина. Далѣе внизъ по рч. Ботою, въ разстояніи около 5 в., при впаденіи его въ р. Есауловку, обнажается желтоватый рыхлый песчаникъ съ обугленными неясными растительными остатками, сходный съ песчаникомъ, обнажающихся у с. Коркинскаго въ 12 вер. ниже Красноярска по р. Енисею. Такимъ образомъ, разрѣзы по лѣвому берегу Енисея ниже Красноярска на продолженіи около 7—8 в. и по рч. Ботою, начиная немного выше села Ботойскаго по этой рѣчкѣ, представляютъ обнаженіе главнѣйшихъ членовъ трехъ послѣднихъ группъ горныхъ породъ окрестностей Красноярска. Что же касается до того, что при с. Ботойскомъ отсутствуютъ выходы каменнаго угля, то во-первыхъ присутствіе черныхъ слоевъ песка, и во-вторыхъ присутствіе въ 25 в. къ востоку у с. Кускунскаго выходовъ каменнаго угля вмѣстѣ съ синеватою глиною и бѣловатымъ мергелемъ, сходнымъ съ Ботойскимъ, заставляеть предполагать существованіе слоя каменнаго угля и у с. Ботойскаго. Но онъ, должно быть, находится подъ толстымъ слоемъ диллювіальныхъ наносовъ.

Растительные остатки, найденные мною у с. Ботойскаго, кажутся сходными съ найденными И. А. Лопатинымъ (въ болѣе чѣмъ 100 верстахъ къ югу отъ Красноярска) растительными остатками, которые г. Шмальгаузенъ*) расположенъ

*) *Melanges physiques et chimiques*. IX. 1876.

отнести къ слоямъ Урса-Штуфы, залегающимъ ниже горнаго известняка каменноугольной формаци. Слѣдовательно, съ одной стороны горные породы 3-ей группы налегаютъ на известняки съ остатками трилобитовъ силлурійской формаци, а съ другой верхніе слои этой группы горныхъ породъ заключаютъ растительные остатки самыхъ нижнихъ слоевъ каменноугольной формаци. Все это дѣлаетъ вѣроятною принадлежность упоминаемыхъ породъ къ девонской формаци.

Въ рельефѣ мѣстностей съ развитіемъ породъ девонской и 4-й и 5-й группъ господствуютъ равнинныя пространства: они или постепенно или круто поднимаются отъ узкихъ долинъ рѣкъ, или иногда съ одной стороны круто, а съ другой полого отъ болѣе широкихъ долинъ рѣкъ. На высокихъ равнинахъ поднимаются горы въ видѣ хребтовъ съ плоскими равнинными вершинами, идущими къ западу отъ Енисея, напр. съ ЮЮЗ на ССВ, параллельно теченію Енисея и его лѣвыхъ притоковъ ниже Красноярска. И какъ по склонамъ, такъ и по равнинамъ преобладаетъ степная и луговая растительность съ рѣдкимъ большею частію березовымъ лѣсомъ, особенно по ложкамъ. Такія мѣста мѣстными крестьянами называются освѣтлистыми или есвѣтистыми въ противоположность таежнымъ мѣстамъ, въ которыхъ обыкновенно развиты породы 1-й и 2-й группъ.

Горныя породы девонской формаци окрашены яркими цвѣтами: бѣлымъ и краснымъ, и почти во всѣхъ обнаженіяхъ эти цвѣта чередуются, придавая обнаженіямъ полосатый видъ. Впрочемъ, иногда породы имѣютъ окрашиваніе пятнами или вертикальными полосами. Яркость бѣлаго и краснаго цвѣтовъ мергелей, песчаниковъ и глинъ этой формаци подала поводъ называть многія обнаженія красными или бѣлыми горами или ярами. Такъ произошло должно быть названіе г. Красноярска, д. Красной горки, на рч. Березовкѣ, д. Бѣлоярской на р. Канѣ и пр. Известнякъ девонской формаци плотный свѣтло-сѣраго

цвѣта, пронизанъ болѣе или менѣе гнѣздами роговика, которымъ иногда отдѣльные камни покрыты какъ бы корой, въ нѣкоторыхъ случаяхъ известнякъ такъ проникнутъ кремнеземомъ, что превращается въ кремень. Известнякъ перваго рода встрѣчается у Красноярска по р. Качѣ и притокѣ ея Бугачѣ, на Енисеѣ въ верстахъ 5 ниже Красноярска (у Каркинскаго быка), у д. Зыковой на Березовкѣ, у с. Балайскаго, у д. Подъ-айской (въ 10 в. отъ Канска) и др.; известнякъ втораго рода—у д. Малой Ури (недалеко отъ Канска), у с. Ухрскаго и др. Известнякъ является въ видѣ массивныхъ слоевъ. Подъ нимъ иногда залегаетъ пестрый песокъ съ значительной кварцевой галечкой (какъ у с. Балайскаго), а иногда пестрый мергель, распадающійся на желваки, содержащіе кварцевыя песчинки (напр. у Красноярска). На известнякъ налегаютъ мергеля (какъ въ 5 в. ниже Красноярска) или песчанники (какъ на лѣвомъ берегу Енисея у Красноярска). Выше песчанниковъ и мергелей залегаютъ конгломераты изъ мелкой кварцевой или известняковой гальки. Песчанники, налегающіе на известняки, иногда переходятъ въ довольно плотные кварциты, что наблюдалось у станціи Балайской при поднятїи на высокую равнину изъ ложбины рч. Балая по направленію къ Уярской станціи, но большею частію, начиная немного ближе станціи Балайской и до г. Канска, онъ является крупнымъ кварцевымъ пескомъ, которымъ усыпаютъ почтовую дорогу, исключая мѣстъ около села Рыбнаго, гдѣ московскій трактъ пересѣкаетъ другую формацию.

Распространеніе описываемой формации мною наблюда-лось, начиная съ 30 в. къ западу отъ Красноярска у д. Еловой до г. Канска. Такъ въ послѣднемъ мѣстѣ она является въ слѣдующемъ видѣ. У д. Перевозинской противъ г. Канска на правомъ берегу р. Кана въ небольшой раскопкѣ обнажался изъ подъ слоя гальки зеленовато-бѣлый мергель, который и

дальше внизъ по р. Кану версть на 8 также скрывается подъ слоемъ гальки и желтой глины, образующихъ не широкую прибрежную равнину. Надъ этой равниной подымается другая болѣе высокая; а равно по Кану много находится еще болѣе низкихъ луговыхъ равнинъ, подымающихся едва на нѣскольکو аршинъ надъ уровнемъ воды: и р. Канъ то первую, то вторую размываетъ на протяженіи около 37 версть ниже Канска до д. Курьшинской, образуя болѣе или менѣе высокіе яры и обнажая бѣлые и шеколадно-красные мергеля, кремнистые известняки, песчаники и конгломераты литологически сходные съ породами девонской формациі окрестностей Красноярска. Левый берегъ какъ кажется имѣеть на томъ же пространствѣ подобное очертаніе, какъ и правый, но геогностическое строеніе его осмотрѣно мною только въ обнаженіяхъ у с. Курьшинскаго, гдѣ оно оказалось сходнымъ въ этомъ отношеніи съ правымъ.

Таковы берега р. Кана вначалѣ той его части, гдѣ онъ, вмѣсто сѣвернаго, принимаетъ западное теченіе. Дальше по рассказамъ мѣстныхъ жителей онъ протекаетъ на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ версть между высокими гранитными горами и утесами, съ перерывомъ по срединѣ у д. Баргинской, гдѣ подходятъ съ юга невысокія наносныя равнины. Теченіе Кана между гранитными утесами порожиисто, плаваніе поэтому по нему почти невозможно. При устьѣ въ Енисей онъ опять течетъ между наносными равнинами. Но площадь девонскихъ пластовъ представляется у Красноярска и Канска въ видѣ двухъ отдѣльныхъ полосъ.

Что-же касается до геологическаго возраста угленосной формациі Канскаго и Красноярскаго округовъ, то въ этомъ отношеніи мнѣ также не удалось собрать достаточно палеонтологическихъ данныхъ. Ранѣе въ этой формациі мною найдены въ синей глинѣ д. Кубековой плохіе остатки папоротника сход-

наго съ *Asplenium Whietbiense* Brgn. *), а въ желтоватомъ песчаникѣ д. Солонцовъ подобныя же остатки *Phoenicopsis speciosa* Нг. **); но во время геологическихъ экскурсій послѣднихъ двухъ лѣтъ, не смотря на довольно тщательные поиски, мнѣ не удалось найти ничего болѣе удовлетворительнаго. Въ синей глинѣ, подстилающей каменный уголь, а особенно въ тонкихъ и быстро выклинивающихся пропласткахъ этой глины въ рыхломъ песчаникѣ, налегающемъ на упомянутый каменный уголь, и въ самомъ песчаникѣ, особенно въ болѣе плотной синеватосѣрой тонко-слоистой его разновидности, во множествѣ заключаются обугленные остатки растений, но они являются въ сильно раздробленномъ видѣ. Причиной такой раздробленности могло служить то, что отложенія происходили у береговъ, такъ какъ встрѣчаются песчаниковыя плиты съ отпечатками волнъ и вышеупомянутыхъ растительныхъ остатковъ. Но принимая во вниманіе, что въ сосѣднихъ томской и иркутской губерніяхъ развита угленосная юрская формація и что добытыя мною данныя не противорѣчатъ признанію въ угленосной формаціи красноярскаго и канскаго округовъ образованій юрской формаціи, можно считать рассматриваемую формацію юрской.

Около Красноярска обнаженія этой формаціи начинаются въ разстояніи около 7 в. ниже города въ обрывахъ высокой террасы лѣваго берега р. Енисея и около 25 в. въ бокахъ той-же высокой террасы, на значительное разстояніе отошедшей отъ праваго берега помянутой рѣки, гдѣ у д. Бархатовой эта терраса подмывается р. Есауловкой. Далѣе на сѣверъ, на прилегающихъ къ правому берегу Енисея болѣе низкихъ равнинахъ, и тѣмъ болѣе горахъ, она, кажется, не встрѣчается, но на прилегающей къ лѣвому берегу Енисея вышеупомяну-

*) Heer. Jura.—Flora Ost—Sibiriens. Taf. XXII. Fig. 9 c. 4 g. Отдѣльные листочки встрѣчались изрѣдка и во время экскурсій 1883—1884 гг.

***) Ibidem Taf. XXX. Fig. 1.

той высокой терассѣ она наблюдалась мною до самаго сѣвернаго пункта моихъ наблюдений у с. Кекурскаго на рч. Большомъ Бузимѣ (около 100 в. сѣвернѣе Красноярска). На западъ она наблюдалась на лѣвомъ берегу р. Качи въ бокахъ той же терассы на разстояніи около 23 в. отъ устья, а на востокъ у с. Рыбнаго и, какъ кажется, у с. Ключевскаго, но далѣе къ Канску (начиная между с. Ключевскимъ и с. Больше-Уримскимъ) по почтовому тракту идетъ область девонской формациі, или формациі качинскихъ пластовъ.

Лучшія обнаженія угленостной формациі наблюдаются въ 20 в. ниже Красноярска у д. Кубековой и по близости с. Рыбнаго. У д. Кубековой, расположенной на низменной прибрежной, сходной съ Красноярской, равниной, къ Енисею подходит высокая равнина, бока которой у деревни, а особенно въ 4 в. ниже ея по Енисею (Эдоульскій логъ) показываютъ, начиная снизу, обнаженіе слѣдующихъ породъ: 1) близъ уровня Енисея синяя глина съ неясными растительными остатками; 2) каменный (бурый) уголь болѣе 2 арш. толщины; 3) желтый песокъ съ тонкими прослойками синей глины съ растительными остатками (напр. папоротники) и тонкими прослойками каменнаго угля, съ ожелѣзѣлыми стволами; 4) сѣровато-желтый песчаникъ, являющійся толстымъ пластомъ, распадающимся на закругленные глыбы, мѣстами на томъ же горизонтѣ онъ становится тонкослойнымъ, густо по спаю покрытымъ обугленными раздробленными растительными остатками; 5) желтый песокъ; 6) углистый рыхлый глинистый сланецъ иногда съ каменнымъ углемъ. Надъ всѣмъ этимъ залегаетъ толстый слой желтой диллювіальной глины, покрытой растительнымъ болѣе или менѣе чернымъ слоемъ. Встрѣчаются и слои гальки подъ растительнымъ слоемъ. Песокъ 5-го слоя иногда подъ углистымъ шеколаднаго цвѣта сланцемъ становится глинистымъ охристымъ и тонкослойнымъ. Вышеупомя-

нутый папоротникъ встрѣчается въ видѣ отдѣльныхъ или только немногихъ соединенныхъ листочковъ въ глинѣ 3-го или въ глинистомъ песчаникѣ 5-го слоя, но во всякомъ случаѣ довольно рѣдко.

Около с. Рыбнаго канскаго округа мною осмотрѣны четыре большею частью искусственныя обнаженія.

Самое дальнее, къ сѣверу отъ села, у 1-й мельницы, на правомъ берегу р. Рыбной, ниже села, обнаруживаетъ бѣлый рухляковый плитнякъ съ слабыми отпечатками параллельно-вервныхъ растительныхъ органовъ, а на немъ слой сажи частію охристой.

Ближе къ селу (около $\frac{1}{2}$ в. отъ него) и выше на склонѣ высокой равнины праваго же берега р. Рыбной въ ямѣ, разработанной для добыванія камня на усыпку дороги является подъ растительнымъ слоемъ: 1) бѣлый песокъ съ мелкими листочками слюды, частью отвердѣлый, съ сплюснутыми различныхъ діаметровъ ожелѣзными стволами; 2) слой краснаго и бураго землистаго желѣзняка, съ такими же стволами, около 1 четв. арш. толщины; 3) синеватая затвердѣлая глина съ многочисленными обугленными растительными остатками, къ низу она пріобрѣтаетъ шеколадный цвѣтъ; 4) слой землистаго какъ-бы изъ листочковъ составленнаго каменнаго угля, напоминающаго растительный уголь; надъ нимъ залегаетъ бѣловатый мягкій ноздреватый песчаникъ, сходный съ тою же породою у с. Ново-Зеледѣвскаго на р. Качѣ, гдѣ онъ покрывается слоемъ мелкаго угольнаго порошка.

Еще на нѣсколько сажень ближе къ селу, въ подобной же, но не глубокой раскопкѣ, обнажается: 1) бѣлый плитнякъ съ красными полосками; 2) слой мягкаго бѣлага съ красною каймой минерала; 3) буроватый и красноватый плитнякъ съ параллельно-вервными растительными отпечатками. Породы, только что описаннаго обнаженія, носятъ слѣды обжиганія, можетъ быть, отъ каменноугольнаго пожара.

Въ боку той же высокой равнины, но выше села около $\frac{1}{2}$ в. по р. Рыбной наблюдается въ искусственномъ разрѣзѣ, начиная сверху: 1) синевато-грязноватая глина съ пятнами ржавчины; 2) черноватый горючій сланецъ около 1 арш. толщины; 3) бѣловатый рыхлый глинистый сланецъ; 4) сѣрый песчаникъ съ желѣзною рудою въ видѣ стволонъ и 5) синевато-сѣрый песчаникъ.

Менѣе значительныя обнаженія угольной формаци наблюдались мною въ слѣдующихъ мѣстахъ, которыя располагаются, начиная съ самаго сѣвернаго пункта моихъ наблюдений (въ 100 в. отъ Красноярска) у с. Кекурскаго и до с. Ново-Заледѣвскаго въ 25 в. къ СЗ отъ Красноярска, съ ССВ на ЮЮЗ, а отъ с. Ново-Заледѣвскаго эти мѣста идутъ на востокъ, а именно: с. Кекурское, с. Сѣдельниково, с. Барабаново, с. Частоостровское, с. Погорѣльское, д. Старцева, д. Замятина, с. Ново-Заледѣвское, д. Солонцы, с. Коркинское, д. Бархатова, с. Кускунь, с. Тертежское, д. Налобина и с. Троицко-Заозерное. Въ этихъ обнаженіяхъ является сѣровато-желтый или сѣрый песчаникъ или песокъ съ отпечатками или обугленными остатками растеній и ожелѣзнѣлыми стволами, синеватая глина и каменный уголь. При этомъ наблюдается или песчаникъ и песокъ, или глина и каменный уголь, или одна какая нибудь изъ этихъ породъ; рѣдко и всѣ члены формаци, но сильно замаскированныя осыпями. На всемъ пространствѣ развитія разсматриваемой формаци мнѣ или самому удавалось наблюдать нахожденіе каменнаго (бураго) угля, или о нахожденіи его сообщали крестьяне, называя его землянымъ углемъ, способнымъ напр. горѣть въ самоварахъ съ развитіемъ сильнаго жара, но издающаго при этомъ непріятный запахъ.

Около с. Троицко-Заозернаго, находящагося къ С. отъ вышеупомянутаго с. Рыбнаго, на высокомъ правомъ берегу рч. Барги добывали изъ слоя песчаника желѣзную руду для

бывшаго желѣзодѣлательнаго завода Яковлева, находившагося въ 20 в. отсюда при впаденіи той же рѣчки въ р. Кань. Для добыванія руды, говорятъ, копали ямы и, найдя руду, шли въ сторону, пока гнѣздо руды не выбиралось; при этомъ въ выбираемомъ мѣстѣ для поддержанія свода или дѣлалась подпорки, или твердость песчаника достаточно защищала отъ обваловъ. Руда здѣсь являлась, по всей вѣроятности, въ видѣ ожелѣзненныхъ стволовъ, которые обильно встрѣчаются въ песчаникѣ у д. Налобиной, или образуютъ даже слой, какъ выше указано, у с. Рыбнаго, гдѣ слои такихъ же стволовъ указаны, въ другихъ мѣстахъ около того же села, еще Палласомъ*), во время котораго они давали матеріалъ для полученія желѣза мѣстнымъ кузнецамъ. Болѣе новыя геологическія образованія описываемой мѣстности принадлежатъ, какъ кажется, къ послѣтретичной эпохѣ. Они состоятъ изъ гальки, глинистаго бѣловатаго или желтоватаго песка и желтоватой глины; эта послѣдняя представляетъ матеріалъ на всемъ осмотрѣнномъ мною пространствѣ для выдѣлки кирпичей.

Указанныя горныя породы послѣтретичной формации образуютъ какъ низкія, такъ и возвышенныя равнины, сглаживая угловатыя очертанія болѣе древнихъ породъ. Наибольшаго развитія онѣ достигаютъ въ области девонской и юрской формаций, гдѣ поэтому преобладаютъ равнинныя слегка холмистыя пространства. Такова высокая равнина, идущая отъ Красноярска къ сѣверу, сѣверо-западу и востоку до крайнихъ пунктовъ моихъ экскурсій. Здѣсь разсматриваемыя горныя породы, залегая подъ верхнимъ растительнымъ слоемъ, то достигаютъ мощности нѣсколькихъ сажень, то сокращаются до нѣсколькихъ дюймовъ. Въ первомъ случаѣ обыкновенно въ основаніи находится толстый слой гальки (часто съ известко-

*) Ч. III стр. 429—30. Пут. по разн. провин. госуд. Рос. Русскій переводъ 1788 г.

вой скорлупой на одной сторонѣ), на который налегаетъ желтоватая глина или такой же глинистый песокъ, богатые известью*). Кроме того, въ глини часто заключается соль, что обнаруживается бѣлыми налетами и тѣмъ, что скотъ охотно гложетъ ее. Галька иногда образуетъ нѣсколько прослоекъ, раздѣленныхъ желтовато-сѣрымъ отмытымъ пескомъ (напр. ниже с. Ботойскаго на лѣвомъ берегу р. Ботоя). Рѣдко въ галькѣ встрѣчаются камни до 1 ф. въ діаметрѣ, иногда галька образуетъ черный слой отъ примѣси чернаго минерала (напр. у с. Ботойскаго, Баробановскаго и д. Баргинской). Но рѣдко слои гальки встрѣчаются непосредственно подъ растительнымъ слоемъ, даже на вершинахъ самыхъ высокихъ равнинъ. Изъ органическихъ остатковъ въ рассматриваемыхъ породахъ встрѣчаются кости мамонтовъ, носороговъ и оленей. Особенно же много костей мамонтовъ найдено въ глини върабатываемой на кирпичи изъ склона высокой равнины къ западу отъ Красноярска.

Въ области развитія красныхъ и бѣлыхъ горныхъ породъ девонской формации особенно къ СЗ отъ Красноярска у д. Бугачевой встрѣчаются, какъ кажется, новѣйшія наносы тѣхъ же цвѣтовъ, ибо въ нихъ костей мамонта не встрѣчено.

Растительный слой осмотровнаго мною пространства красноярскаго и канскаго округовъ различается сообразно рельефу мѣстностей, а рельефъ зависитъ отъ развитія той или другой формации въ данномъ мѣстѣ, какъ это было указано мною выше. Такъ въ области развитія девонской и угольной формаций распространены равнинныя или слегка холмистыя пространства, а въ области болѣе древнихъ кристаллическихъ

*) Еще Палласъ замѣтилъ, что въ пескѣ высокого берега р. Енисея у Красноярска изгнивающіе корни растений пропитываются известью, которая особенно отлагается снаружи корней, отчего получаютъ известковыя трубочки. Палласъ это явленіе объясняетъ обиліемъ костей въ пескѣ. Ibidem, стр. 434.

породъ преобладаютъ крутые хребты и узкія долины со многими выступами твердыхъ горныхъ породъ и щебнемъ въ почвѣ и подпочвѣ. Поэтому почва, вообще бурфющая съ углубленіемъ, въ первомъ случаѣ является правильнымъ слоемъ, тянущимся, слѣдуя рельефу мѣстности, на значительное протяженіе, во второмъ случаѣ почва не образуетъ слоя или слой тянется на незначительное пространство. Въ первомъ случаѣ растительность степная съ перелѣсками густаго мелкаго березняка или рѣдкихъ крупныхъ березъ и лиственницъ (очень рѣдко сосенъ), и тогда равнины покрываются довольно высокими и густыми луговыми травами. Во второмъ случаѣ растительность лѣсная съ преобладаніемъ хвойныхъ, травы высокорослы и довольно рѣдки. Во всѣхъ случаяхъ почва состоитъ преимущественно изъ черной земли какъ на хребтахъ и ихъ склонахъ, такъ по днамъ узкихъ долинъ и на пространныхъ равнинахъ.

На пространныхъ равнинныхъ мѣстностяхъ черная почва является слоемъ различной толщины, но большею частію около $\frac{1}{2}$ арш.; такія обширныя равнины суть лучшія мѣста по плодородію, тогда какъ небольшія хотя и высокія равнины въ области древнихъ породъ далеко не такъ плодородны. Замѣчательно, что съ удаленіемъ степныхъ мѣстъ отъ лѣсовъ плодородіе почвъ возрастаетъ.

Земледѣльцы различаютъ между черными землями двѣ разновидности: суглинокъ и собственно черноземъ; первый распространенъ на болѣе возвышенныхъ равнинахъ, а второй— на низменныхъ. Суглинокъ считается лучшею почвою, чѣмъ черноземъ, потому что засухи особенно губельны для посѣвовъ на послѣднемъ, который и въ дождливое лѣто даетъ много соломы, но мало зерна.

Я. П. Дуброва. Поѣздка въ Монголію*).

ГЛАВА XIV.

ДОЛИНА РѢКИ БУКСОЙ. ОСМОТРЪ КИТАЙСКИХЪ
ГОРОДИЩЪ (21 іюля).

Ночь была бурлива и сильно холодна. Буря смѣнилась дождемъ, который и не переставалъ идти до утра. Къ утру горизонтъ не очистился отъ нависшихъ со всѣхъ сторонъ грязныхъ глинистыхъ тучъ. Дождя не было. Зато западный, холодный, леденящій вѣтеръ все усиливался и усиливался и безъ шубы нельзя было сидѣть.

Интересуясь ознакомиться съ замѣченными вчера остатками китайскихъ городищъ, я, утромъ, мало-мало обогрѣвшись у огонька, отправился осматривать ихъ. Отъ этихъ городищъ мѣсто нашей остановки было не далеко, такъ что я предпочелъ идти пѣшкомъ. Мнѣ помнилось, что бродъ чрезъ р. Зунай-голь не глубокъ и вполне возможенъ для перехода пѣшкомъ.

Вотъ результаты осмотра китайскихъ городищъ.

Мѣстоположеніе. Остатки Кергесе-чило расположены на сѣверъ отъ долины р. Буксой на треугольной возвышенной площадкѣ, сѣверо-западной стороною своею примыкающей къ лѣвому берегу р. Зунай-голь. Основаніе треугольника площадки примыкаетъ къ подошвѣ одиноко стоящей горы, имѣющей три коническихъ возвышенности. Возвышенности эти представляютъ изъ себя груды краснаго гранита, совершенно вывѣтрившагося отъ наслоенія остальныхъ горныхъ породъ. Острый уголъ площадки глядитъ на юго-востокъ. Разстояніе между углами треугольника равняется приблизительно одной верстѣ. Площадь треугольника имѣетъ покатость къ лѣвому берегу р. Зунай-голь, направленіе теченія котораго идетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ.

*) Изв. Отдѣла. Т. XV. № 1—2, 1884 г.

Планъ городищъ. Лицевая сторона Кергесе-чило, судя по остаткамъ крѣпостнаго вала, была обращена на югъ. Слѣды крѣпостнаго вала плохо сохранились, что и лишаетъ возможности описать ихъ точно. Зато прекрасно сохранилось основаніе каменной стѣны, защищавшей городище съ южной его стороны. Стѣна эта съ запада на востокъ расположена была по ту сторону крѣпостнаго вала. Между прочимъ, для ясности въ концѣ прилагаются чертежи:

№ 1-й. Толщина стѣны, судя по остаткамъ хорошо сохранившагося фундамента, была въ одну слишкомъ сажень. Въ основаніе ея положены толстыя глыбы гранита.

№ 2-й. Длина стѣны, не включая оконечностей и круговъ, равняется семидесяти аршинамъ.

№№ 3-й круга. Къ обѣимъ оконечностямъ крѣпостной стѣны и къ центру ея, сливаясь съ нею, примыкаютъ круглыя кучи, имѣющія въ діаметрѣ нѣсколько болѣе сажени. По всему видно, что это были сторожевыя башни.

Къ югу отъ этой стѣны расположена одна изъ главныхъ кучъ. Планъ ея въ концѣ.

Это Кергесе-чило расположено, какъ мы уже сказали, на сѣверъ отъ крѣпостной стѣны на разстояніи ста саженей отъ нея. Линіи, обозначенныя подъ №№ 1-мъ, есть остатки хорошо сохранившагося фундамента четырехугольной ограды, внутри которой и было круглое зданіе, обозначенное нами № 3-мъ. Ограда квадратна. Каждая изъ сторонъ этого квадрата равняется пятидесяти аршинамъ въ длину и сажени въ толщину.

№ 3-й. Куча, расположенная въ центрѣ, очевидно образовалась изъ развалившагося жилища. Куча эта громаднa, болѣе сажени вышиной и имѣетъ конусообразную форму; въ діаметрѣ своего основанія она имѣетъ болѣе двадцати аршинъ.

№ 4-й. Вершину конуса кучи составляетъ большая пятиугольная, краснаго гранита плита, очевидно нарочито положенная, но слѣдовъ надписей на ней не замѣтно.

№ 2-й. На всѣхъ четырехъ углахъ ограды, не раздѣльно отъ нея, были построены башни. Окружность ихъ основанія имѣеть въ діаметрѣ болѣе одной сажени. Кромѣ этихъ башень, есть еще одна въ центрѣ южной стѣны ограды, обозначенная нами подъ № 9-мъ. Башня эта, судя по плану, была и сторожевой, и въ то же время чрезъ нее былъ входъ внутрь двора. Входъ, какъ видно изъ рисунка—№ 5, шелъ галлереей, проходъ по которой велъ внутрь зданія. Вѣроятно, были и боковые выходы изъ этой галереи, но слѣдовъ ихъ не осталось. Длина галереи равняется пятнадцати аршинамъ, а ширина одной сажени, считая въ томъ числѣ и видимую теперь толщину стѣны. Кромѣ этой галереи, отъ главной кучи, къ сѣверо-западному углу ограды проведена еще и другая. Длина этой галереи до $28\frac{1}{2}$ аршинъ, ширина же тоже равняется одной сажени.

Кромѣ главной кучи, на площади, окруженной оградой, не замѣтно никакихъ другихъ остатковъ построекъ.

№ 7-й. Съ восточной стороны, за оградой, на разстояніи отъ нея трехъ сажени, съ сѣвера на югъ проведена каменная стѣна. Длина стѣны нѣсколько больше пятидесяти сажени, толщина же равняется двумъ саженимъ.

№ 8-й. На сѣверо-восточномъ и юго-восточномъ углахъ ограды видны остатки башень, которыми и оканчивалась стѣна.

Башни эти въ основаніи своемъ имѣють въ діаметрѣ по двѣ сажени слишкомъ.

Такимъ образомъ, если мы вспомнимъ раньше начерченный нами планъ стѣны, то будемъ знать, что описанное нами Кергесе-чило было защищено съ юга и востока двумя стѣнами; кромѣ того, за южной стѣной былъ еще и крѣпостной валъ.

Перейдемъ теперь къ описанію кучи Кергесе-чило, лежащей на сѣверъ отъ первой. Куча эта, судя по остаткамъ, обширности площади занятой ею, равно и по количеству при-

мыкающихъ къ ней кучь, должно быть была одна изъ главныхъ во всемъ поселеніи. Прилагаемъ планъ ея въ концѣ.

Куча эта расположена на двадцать сажень выше отъ первой, нѣсколько сѣверо-восточнѣе отъ нея.

№ 1-й. Сѣверная сторона Кергесе-чило защищена стѣною. Стѣна имѣетъ сто слишкомъ аршинъ длины и до одной сажени толщины. На западномъ концѣ стѣны видѣнъ остатокъ одной башни, а на восточномъ хорошо сохранились слѣды трехъ башень. Круги этихъ башень нами обозначены подъ №№ 2-мъ.

№ 3-й. Отступивъ отъ сѣверной стѣны три сажени, начинается ограда Кергесе-чило. Длина ограды въ квадратѣ равняется 288 аршинамъ, считая длину каждой стѣны въ 72 аршина.

№ 5-й. На всѣхъ четырехъ углахъ ограды видны слѣды башень. Сохранившееся основаніе этихъ башень имѣетъ въ діаметрѣ нѣсколько болѣе одной сажени.

№ 4-й. Въ центрѣ ограды обвалъ зданія. Образовавшаяся отъ этого обвала куча камней конусообразна и въ разрѣзѣ имѣетъ до двухъ сажень вышины; на верхушкѣ ея положено три большихъ плиты.

№ 6-й. Отступивъ къ югу на одну сажень, расположена другая, меньшая куча. Куча эта, какъ обозначено на рисункѣ № 1, соединена съ главной галереей. Галерея эта имѣетъ до полуторыхъ аршинъ ширины.

№ 7-й. Отъ кучи № 6 галерея продолжаетъ идти до конца южной стѣны, минуетъ ее и внѣ ея тянется еще на двѣ сажени и № 8 оканчивается кучей же, которая, должно быть, и есть остатокъ башни.

№ 7-й. Кромѣ галереи, связующей южную стѣну съ главной кучей, проведена еще одна галерея къ восточной стѣнѣ, чрезъ которую должно быть былъ выходъ въ поселеніе, разбросанное внѣ стѣнъ ограды.

№ 9-й. Въ ограды, на сѣверо-восточномъ концѣ ея, между ею и крѣпостной стѣной расположено въ рядъ, на сажень разстоянія другъ отъ друга, четыре кучи; и врядъ же съ башней ограды — еще двѣ кучи. Разстояніе между этими послѣдними двумя кучами равняется четыремъ сажнямъ. Діаметръ всѣхъ этихъ кучъ не больше двухъ сажень. Кучи эти не имѣютъ ограды.

№ 10-й. Вдоль восточной стѣны ограды отъ сѣвера къ югу и затѣмъ загибомъ къ западу расположено врядъ двадцать три кучи. Всѣ онѣ одинаковой величины, именно въ одну сажень въ діаметрѣ и ограды не имѣютъ. Это, вѣроятно, было поселеніе людей бѣдныхъ или рабовъ хозяина главнаго Кергесе-чило, защищеннаго оградой со сторожевыми башнями.

№ 11-й. Квадратная ограда, длина стѣнъ которой равняется двѣнадцати аршинамъ, а въ квадратѣ шестнадцати сажнямъ. Внутри площади нѣтъ слѣдовъ построекъ. По угламъ же, какъ обозначено на рисункѣ подъ № 12, расположены башни.

Сейчасъ описанное нами городище значительно обширнѣе перваго, какъ по величинѣ площади ограды, такъ равно и по величинѣ кучи; обращаетъ на себя также вниманіе и расположеніе остатковъ построекъ внутри ограды. Кромѣ этого, не считая двухъ кучъ, заключенныхъ внутри ограды и четырехъ, стоящихъ по угламъ ея, на восточной сторонѣ Кергесе-чило разбросано всѣхъ кучъ счетомъ тридцать четыре. Интересно бы знать, какое значеніе имѣла площадка, обозначенная на нашемъ чертежѣ подъ № 11?

Кромѣ этихъ двухъ Кергесе-чило, мною тщательно осмотрѣно еще одно городище, окруженное громадной четырехугольной оградой, каждая сторона которой равняется ста семидесяти тремъ аршинамъ; на углахъ ограды по башнѣ, также и въ центрѣ ея площади одна большая куча.

Исключая описанные нами Кергесе-чило—на сѣверѣ, у подошвы горы расположено еще девять кучь съ четырехугольными же оградами, и до пятидесяти малыхъ кучь безъ ограды. У самаго же склона подошвы видны слѣды четырехъ квадратныхъ площадей, сплошь устланныхъ каменными плитами. Квадратныя эти площади почти на аршинъ возвышаются надъ общимъ уровнемъ поверхности земли. Возлѣ этихъ площадей стоймя торчатъ высокія гравитныя плиты, но никакихъ слѣдовъ надписей на этихъ плитахъ нѣтъ.

Послѣ тщательнаго, насколько хватило умѣнія, осмотра этихъ остатковъ китайскихъ городищъ, я отправился на правый берегъ р. Зунай-гола, чтобы осмотрѣть и виднѣющіяся тамъ кучи.

Кучи праваго берега р. Зунай-гола другого типа. Онѣ съ круглой оградой и сторожевыхъ башенъ не имѣютъ, а только лишь съ западной стороны замѣтны остатки длинной крѣпостной стѣны, по окраинамъ которой есть слѣды башенъ.

Если мы припомнимъ, что у подошвы Асхатай-улы есть также пять кучь остатковъ китайскихъ городищъ, то въ правѣ заключить, что эти пять кучь, по отношенію къ зунай-гольскимъ Кергесе-чило, были въ ту отдаленную историческую эпоху развалины военнаго форпоста; описанныя же нами городища были крѣпостію, возлѣ которой и было раскинуто поселеніе. Отъ этой же крѣпости на югъ по долинѣ р. Буксой были разбросаны деревушки, о чемъ говорятъ кучи съ круглой оградой.

На описанные мною Кергесе-чило позволяю себѣ обратить вниманіе ученыхъ, свѣдущихъ въ исторіи происхожденія такъ называемыхъ китайскихъ городищъ; такъ какъ желательно было бы знать—нѣтъ ли гдѣ-нибудь указаній на существованіе когда либо города въ долинѣ рѣки Буксой, близъ хребта Зосо или *Елесетей*. Елесетей же называются горы, сопровождающія лѣвый берегъ р. Буксой.

22 июля. Дневка. Посещение куреня. Ночью был морозъ. Утро же до того было холодно, что я безъ шубы не рѣшился ѣхать въ курень. Холодъ усиливалъ рѣзкій, холодный сѣверо-западный вѣтеръ.

Курень До-гунскаго хашуна стоитъ въ долинѣ лѣваго берега рѣки Буксой. Сравнительно съ Дархатскимъ и Ми-гунскимъ—До-гунскій хашуна далеко бѣднѣе выглядитъ. На небольшой площадкѣ расположено девять дугуновъ (церквей) и въ центрѣ ихъ суме (соборъ). Дугуны построены въ Китайскомъ стилѣ. Покрыты они тесомъ и крыши окрашены вохрой. На углахъ крышъ, въ видѣ украшеній торчатъ вырѣзанныя изъ дерева головы разныхъ мифическихъ чудовищъ, какъ то: а) Бу, б) Ареолана (нѣчто въ родѣ олимпійскаго пегаса или магометанскаго Абакра), с) Тымен (верблюды), d) Хони (овцы), g) Бургут (орла). Пасти этихъ изображеній раскрыты, языкъ высунуть, зубы оскалены. Вообще художникъ старался придать чудовищамъ возможно устрашающій видъ. Къ языку чудовищъ привѣшаны маленькіе, мѣдные китайскіе колокольчики. Колокольчики эти, колеблемые вѣтромъ, издають довольно гармоничный и пріятный звукъ. Суевѣрные номады убѣждены, что когда колокольчики зазвонятъ, это значитъ, что чудовища или воздаютъ хвалу предвѣчному Буддѣ или же произносятъ шесть магическихъ священныхъ звуковъ ом-ма-ни-бад-ме-хомъ. Изъ всѣхъ девяти дугуновъ одинъ только лишь суме имѣетъ вызолоченный ганжуръ—т. е. куполь. Вокругъ дугуновъ построены жилища ламъ. Жилища эти представляютъ изъ себя маленькія, низенькія квадратныя деревянные избушки. Обнесены онѣ высокимъ частоколомъ, такъ что изъ за него виднѣются однѣ лишь крыши избушекъ. Видъ на эти кельи монаховъ довольно оригиналенъ. Крыши келій почти плоски и однимъ краемъ своимъ сливаются съ частоколомъ, покрыты землей, на которой и растеть довольно

высокая трава. Ворота у входа во дворъ келій высоки и окрашены вохрой. На южномъ концѣ монастырской площади на ряду съ келіями монаховъ стоятъ двѣ фанзы, принадлежащія китайскимъ купцамъ. Близъ фанзъ огороды и другія пристройки. Рядомъ съ фанзами строится деревянный домъ для князя, управляющаго До-гунскимъ хашуномъ. Въ мою бытность выведены были только лишь стѣны громаднаго корпуса, вокругъ котораго была уже сдѣлана галерея въ китайскомъ вкусѣ; повидимому, дворецъ князя будетъ роскошенъ. Постройкой зданія завѣдуетъ китаецъ.

Дугуны были заперты, ламы по обычаю не выѣзжали изъ своихъ келій. Скучная пустота кругомъ... Я хотѣлъ было идти къ Серджи-ламѣ (такъ титулуется настоятель куреня), сдѣлать ему визитъ и попросить у него позволенія осмотрѣть дугуны... Но чу... Раздавшіеся жалобные, раздирающіе душу стоны, болѣзненно отразившись на мнѣ, привлекли мое вниманіе. Ужь не душатъ ли, не рѣжутъ кого— было нервою моею мыслию. «Въ чемъ дѣло? Что это значитъ? Откуда стоны и кто стонетъ?» въ торопяхъ спрашивалъ я сопровождающаго меня ламу. Отвратительный по своей апатичности, какимъ показался мнѣ лама за свой невозмутимо равнодушный отвѣтъ, сказалъ мнѣ—«хулунчи хунъ харяна», т. е. вору кричатъ, стонуть. Это было сказано такъ невозмутимо хладнокровно и такъ неопредѣленно, что я сразу не понялъ въ чемъ дѣло. Изъ дальнѣйшихъ же разспросовъ я узналъ, что то кричали, мучимыя предсмертной агоніей, жертвы варварскаго деспотизма. Два монгола пойманы были въ воровствѣ. Гунъ (князь), по обычаю сильныхъ, безъ всякаго суда и слѣдствія приговорилъ этихъ воровъ къ самому жестокому наказанію—именно оттятію обѣихъ ногъ. Все варварство, безчеловѣчное звѣрство это наказанія состоитъ въ томъ, что приговоръ князя приводится въ исполненіе всегда, какъ и въ данномъ случаѣ, не простымъ,

такъ сказать, одновременнымъ способомъ, а медленнымъ, мучительнымъ процессомъ отгниванія голени. Для чего приговореннаго къ такому наказанію заковываютъ въ цѣпи (къ стыду цѣпи и номадамъ извѣстны), а ноги ниже колѣнъ кладутъ въ деревянные тиски. Тиски дѣлаются очень просто: раскалываютъ толстое бревно на двѣ половины и въ каждой изъ этихъ половинокъ дѣлаютъ выемки по размѣру окружности голени; затѣмъ въ выемки эти кладутъ ноги осужденнаго и половинки бревна, приложивъ другъ къ другу, скрѣпляютъ арканами, либо желѣзными обручами. Несчастная жертва, подвергшаяся такому наказанію, лишена всякой возможности не только что пошевелить ногой, но даже не можетъ поворотить ее набокъ и привстать, а должна либо лежать не подвижно на спинѣ, либо сидѣть; но въ томъ и другомъ случаѣ она прикована къ одному и тому же мѣсту, такъ какъ сдвинуть тяжелое листовничное бревно нѣтъ возможности. Жертва такого варварства испражняется подъ себя... заводятся черви, отгниваетъ тѣло... возмутительно даже описывать. Заковавъ такъ несчастнаго преступника, бросаютъ въ степи на открытомъ воздухѣ... Ни стоны, ни крики, ни проклятія, ни мольбы... ни въ комъ не вызываютъ сочувствія... апатично невозмутимый номадъ будто не слышитъ ихъ... въ данномъ случаѣ онъ лишень святаго благороднаго чувства состраданія такъ присущаго природѣ человѣка. Предоставленная злой судьбѣ жертва деспотизма подъ дождемъ, ненастьемъ, вѣтромъ, жаромъ, усыпанная тучей мошекъ, комаровъ, кишачая червями, испытывая адскія страданія и муки голода, обречена лежать до тѣхъ поръ покуда не исполнится звѣрскій приговоръ, т. е. не отгниютъ ноги, если, къ счастью, не умретъ раньше. Лѣтомъ мученія длятся иногда около мѣсяца. Зимой же жертва, прежде чѣмъ отгниютъ у нея ноги, скоро замерзаетъ. Двѣ такихъ жертвы азіатскаго деспотизма, достойнаго представителей и нашей

инквизиціи, валялись на одномъ пустомъ дворѣ монашеской келіи и мы слышали ихъ мучительный стонъ. Ноги у нихъ уже отгнили — преступники были свободны. Но зачѣмъ имъ свобода? Раны несчастныхъ зіяли, гноились, распространяя смрадъ. Я было хотѣлъ войти во дворъ; но чувство отвращенія къ звѣрскому варварству въ связи съ рефлексивно отразившемся и на мнѣ страданіи этихъ жертвъ, болѣзненно сжало мое сердце... нервы разстроились и я не могъ принудить себя подойти близко къ этимъ несчастнымъ..... Съ гнетущимъ, тяжело давящимъ чувствомъ, навѣявшимъ тоску и былыя воспоминанія... отошелъ я отъ страдальцевъ, повеснимъ жестокою кару... Стоны ихъ преслѣдовали меня..... Не могу и теперь безъ содроганія вспомнить этой картины страданія. Наступило уже время послѣобѣденной молитвы... Дугуны открыты... Чтобы обезсилить мерзкое, мрачное впечатлѣніе я вошелъ было въ одинъ изъ дугуновъ... Но монотонный речитативъ молящихся богу ламъ, сопровождаемый бряцаніемъ меди, глухимъ рокотомъ бубна, рѣзкимъ пронзительнымъ свистомъ раковины, еще больше разстроилъ мои нервы и положительно, ошеломивъ, выгналъ меня изъ «храма молитвъ». Мнѣ чудилось... нѣтъ не чудилось... я былъ въ то время убѣжденъ, что все это, что творится въ дугунѣ во имя Бога, все нарочито придумано, чтобы заглушить, умертвить совѣсть, отуманить ее и найти лазейку примиренія злой воли человѣка съ врожденнымъ ему чувствомъ чести и любви. Мнѣ слышалось, что будто-бы ламы нагло, цинично выкрикиваютъ: «дѣлай все, что хочешь, мучь своего брата... все тебѣ простится... только лишь подь однимъ непремѣннымъ условіемъ: «бурхану такль угышь? (принеси бурхану».... Я чувствовалъ, что молитвенный речитативъ ламъ мертвитъ голосъ чести и чело-вѣколюбія... «Дай и простится» — преслѣдовало меня и по выходѣ изъ дугуна.....

Осматривая курень, я вездѣ встрѣчалъ ламъ, этихъ deguire аскетовъ, или съ толстыми, лоснящимися отъ жиру щеками ламъ—исполняющихъ правила аскетизма только языкомъ, а не жизнью, почему и «раздобрѣвшихъ не въ мѣру»; или же въ противоположность разжирѣвшей братіи, встрѣчались истощенные, ободранные, въ лохмотьяхъ, питающіеся чуть не выбросками, монастырскіе пролетаріи.....

Сегодня мнѣ не посчастливилось. Отвратительно гнетущее впечатлѣніе произвелъ на меня курень. Все въ немъ казалось мнѣ недостойнымъ имени человека..... Масса галокъ, гнѣздящаяся на кровляхъ дугуновъ, своимъ надоѣдливымъ пискомъ и крикомъ усиливала мерзость впечатлѣнія; крикъ этотъ въ связи съ раньше много испытаннымъ просто выгнать меня изъ жилища подвижниковъ смѣющихся, жрущихъ, молящихся нагло забывающихъ, глухихъ къ стонамъ двухъ жертвъ своего деспотизма, валяющихся рядомъ съ келіями этихъ бездушныхъ формалистовъ религіи. Нужно быть слишкомъ ужъ черстнымъ и безсердечнымъ, чтобы, читая молитвы, въ тоже время быть постыдно равнодушнымъ къ предсмертнымъ стонамъ заживо гнѣющихся двухъ собратьевъ... Или исполненіе, выдуманныхъ самими же людьми, обрядовъ религіи, заглушило всеъ человѣческія чувства?!? Должно быть такъ!.. На это я тутъ же встрѣтилъ доказательство... Не говоритъ ли объ этомъ лама, въ молитвенномъ экстазѣ усердно бьющій себя въ грудь, благоговѣнно прикладываяющій руки ко лбу, безустаи бьющій земные поклоны—лама, котораго мы увидѣли, сейчасъ же по выходѣ за черту построекъ куреня. Къ мѣсту молитвы ламы безъзвучно четко доносились стоны страдальцевъ, но стоны эти, повидимому, проходили мимо ушей формалиста религіи, ничуть не трогали молящагося ламу, да едва-ли и производили на него какое нибудь впечатлѣніе. Не могъ я удержаться, чтобы не нарушить молитвенное созерцаніе ламы.

Мнѣ захотѣлось провѣрить свои мысли и я подошелъ къ нему, чтобы спросить: «что лучше—обмыть ли раны собрата и облегчить его страданія, или же ради какихъ то отвлеченныхъ цѣлей глупо лбомъ бить землю?» Прерванный въ благочестивомъ своемъ подвигѣ, лама апатично посмотрѣлъ на меня и... приложивъ руки ко лбу, продолжалъ свое дѣло... Говоря языкомъ тунчанъ «эта бездушная тварь» не удостоила меня даже отвѣтомъ...

Не весело начался день, не лучше и кончился.

Сегодня у Гуна, начальника До-гунскаго хашуна свадьба. Князь этотъ отдаетъ свою дочь за брата гыгена, живущаго въ Джазасакскомъ куренѣ. Описывать обряда свадьбы мы не будемъ, такъ какъ объ этомъ нами уже сообщено въ этногр. оч. быта мон. бурятъ. Теперь же относительно свадьбы Гуна мы замѣтимъ, только лишь то, что она особенно интересна буквальной своей вѣрностию русской поговоркѣ: «безъ меня меня женили, я на мельницѣ былъ». Дѣло въ томъ, что невесты не было дома: она уѣхала въ Богдо-курень на поклоненіе тамашнимъ святынямъ. Покуда она тамъ молится, отецъ ея, Гунъ, заключилъ договоръ со своимъ зятемъ и играетъ свадьбу, задавъ пиръ на весь міръ. Позднѣе вечеромъ толпа монголовъ, принимавшая участіе въ свадебномъ пиру, а потому, естественно, пьяная, съ пѣніемъ и громкимъ крикомъ мчалась по направленію къ нашей палаткѣ. Какъ только лишь толпа эта поравнялась съ нашей палаткой, сейчасъ же смолкли пѣсни и крикъ, и, вмѣсто этого, пьяные номады чуть ли не всѣ въ одинъ голосъ начали обдавать насъ самою отборною бранью. Мы струхнули... и съ минуты на минуту ожидали, что вотъ-вотъ брань пьяной толпы перейдетъ въ угрозы, а затѣмъ угрозы кончатся нападеніемъ на насъ, тѣмъ болѣе, что было совершенно темно, что и представляло для монголовъ полную возможность избить насъ, какъ только лишь душѣ

угодно; къ тому же насъ только двое, а ихъ цѣлая толпа и притомъ пьяная... Къ счастью, до этого дѣло не дошло... Принявъ насъ за торгашей, монголы изливали бранью свою злобу на этихъ благодѣтелей; и только лишь натѣшившись въ волю, отъѣхали отъ нашей палатки... Но долго еще слышенъ былъ, точно удары молота, отзывавшійся въ ушахъ крикъ этой толпы: *«Э шара оросутъ! Кунколь хани идижи ябанатъ! Э шара оросутъ! Кунколь хани идижи ябанатъ!»* т. е. вотъ желтые русскіе, грабя монгольскаго хана, разъѣзжаютъ! Вотъ желтые русскіе, грабя монгольскаго хана, разъѣзжаютъ!» Толпа монголовъ умчалась, скрылась и, скрывшись, умолкла, но въ нашихъ ушахъ долго еще раздавалось эхо этой много говорящей, оскорбительной фразы. Не красивый, чтобы не сказать болѣе, этотъ фактъ, коментарій не требуетъ. Достаточно будетъ, если мы скажемъ, что онъ вызванъ способомъ веденія дѣла нашими торгашами. Способъ этотъ, не пренебрегающій никакими средствами для достиженія наживы, сильно подорвалъ авторитетъ русскихъ; такъ что мы, русскіе, сосѣди монголовъ по границѣ, какъ культурный народъ, нравственно обязанный оказывать свое просвѣтительное вліяніе на номадовъ, надолго лишены этой возможности; и все это потому, что первыми культурными воздѣйствователями «на сосѣдную Азію» были торгаша, старавшіеся изъ всего выжать сокъ, употреблявшіе даже силу, тамъ гдѣ хитростію ничего нельзя было взять у номада. Своимъ отношеніемъ къ монголамъ торгаша, мало того, что поселили у номадовъ недовѣріе къ намъ, нѣтъ мы на основаніи многихъ и многихъ фактовъ смѣло констатируемъ факты враждебности номадовъ ко всему русскому, какъ прямое слѣдствіе купеческихъ зуботычинъ, кулаковъ, плетей и товарной гнили. Роль, какую историческое наше призваніе обязываетъ насъ исполнить по отношенію къ номадамъ Монголіи, будетъ до тѣхъ поръ далека даже отъ приступа къ выполненію,

покуда мы не озаботимся первѣе всего быть нравственными въ своихъ отношеніяхъ къ монголамъ, а для этого нужно подчинить строгому общественному контролю дѣятельность нашихъ торгашей и хоть страхомъ кары заставить ихъ быть, не говоримъ уже нравственными, а просто разборчивыми въ выборѣ средствъ для наживы насчетъ Монголіи. Дѣло до того испорчено, что на окраинахъ Монголіи насъ не зовутъ уже «оросъ», т. е. русскій, а «мангутумп»; мангутъ же значитъ мнѣшеское животное, требующее все свѣжей и свѣжей крови. Нѣтъ сомнѣнія, что только лишь историческій горькій опытъ, систематически послѣдовательное обирательство могло заставить номадовъ придумать такое собственное имя, далеко не лестное для *честныхъ гражданъ Россійскаго государства*. И много нужно затратить нравственной силы, радикально нужно измѣнить наши отношенія къ монголамъ, чтобы возможно было заставить номадовъ перестать называть насъ такимъ позорнымъ именемъ. Это же великое дѣло, дѣло чести націи нужно начать съ прискриванія средствъ — возбудить голосъ совѣсти у нашихъ торгашей. Если же мы будемъ продолжать вести свои торговые дѣла тѣмъ же не разборчиво-эксплуаторскимъ способомъ, какой практикуемъ доселѣ, то кличка наша «мангутъ» не-вдолгѣ, съ развитіемъ торговли проникнетъ и во внутреннюю Монголію, тогда надолго и надолго будетъ загражденъ путь къ выполненію нашего исторически-провиденціального назначенія. Случай же взаимнаго мордобитія между торговцами и номадами могутъ повести къ болѣе серьезнымъ результатамъ, чѣмъ простая мировая сдѣлка, оканчивающаяся теперь съѣденіемъ барана на счетъ виноватаго или же брань пьяной толпы, что было съ нами... Не потребовали бы съ насъ монголы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ расчета за теперешнія плутни торгашей!?!.....

23 іюля. Дневка. Переходъ въ верховья р. Буксой. Утро опять до нельзя холодное; ночью кажется былъ иней. Чуть

зорька, пришелъ къ намъ въ палатку монголь. Воспользовавшись его словоохотливостію, я хотѣлъ было записать сказку, но окоченѣвшіе пальцы рукъ не могли держать пера. Вотъ тебѣ и 23 іюля!.... Да и день не обѣщаетъ быть теплымъ. Съ запада дуетъ холодный вѣтеръ; по горизонту же, въ безпорядкѣ, носятся клочки тучъ... Судя по состоянію температуры, нужно ждать не дождя, а снѣгу.....

Оріентировавшись нѣсколько въ незнакомомъ мѣстѣ, опишемъ долину р. Буксой и систему его.

Долина рѣки Буксой была бы очень широкой, версть до шести въ ширину, если бы не гряда горъ *Даши-дерсынъ*, вышедшая съ сѣверо-запада и сопровождающая правый берегъ р. Зунай-голь. Хребетъ *Даши-дерсынъ* отдѣлилъ долину Зунай-гола отъ долины р. Буксой, и тѣмъ самымъ раздѣлилъ равнину на двѣ почти равныя половины. Начиная же отъ устья Зунай-гола, придвинулись горы лѣваго берега р. Буксой и точно также сжали равнину. Берега р. Зунай-голь и р. Буксой болотисты, хотя и не особенно грязны и кочковаты; покрыты хорошей кормовой травой; среди болотъ есть возвышенныя сухія, довольно широкія площадки; на этихъ то площадкахъ, равно и на склонахъ подошвы хребтовъ и стоятъ лѣтнія юрты монголовъ. Юртъ не много: на всемъ лѣвомъ берегу Буксой я насчиталъ ихъ не болѣе десятка. Эти-то десять юртъ, да курень, расположенный у подошвы горъ, и составляютъ все поселеніе описываемаго нами лѣваго берега р. Буксой.

Рѣка *Зунай-голь* беретъ начало на сѣверо-западѣ, съ одной изъ вершинъ хребта *Эрчи-нуру*; пространство ея теченія не велико, — не болѣе пятнадцати-двадцати верствъ; маловодна; течетъ не широкимъ плисто-каменистымъ русломъ; не доходя же версты двѣ до мѣста соединенія своего съ р. Буксой, *Зунай-голь* развѣтвляется на четыре рукава; рукава эти, точно каналы, и прорѣзываютъ болота. По лѣвому берегу

р. Зунай-голь идетъ тележная дорога на западъ въ Далай-белекскій ханунъ.

Относительно верховьевъ рѣки *Буксой* Гр. Н. Потанинъ говоритъ, что рѣка эта беретъ начало съ вершины горы *Баинъ-Дзурку*. Показаніе это ошибочно. Лично я убѣдился, что истокъ рѣки *Буксой* начинается съ вершины горы *Уланъ-Эрикъ* (Дакъ тожь). Хребетъ же *Уланъ-Эрикъ* стоитъ у западнаго конца оз. *Саинъ-Далай*. *Буксой* течетъ сначала небольшимъ каменистымъ русломъ, лѣвымъ своимъ берегомъ прижимаясь къ подошвѣ горы *Элесетей*. Хребетъ же *Элесетей*, есть продолженіе хребта *Уланъ-Эрика*. Вслѣдствіе же того, что р. *Буксой* не отходитъ отъ подошвы хребта *Элесетей* долины рѣки есть только лишь на правомъ берегу. Послѣ же впаденія справа р. *Сибиртей* (*Сибир*—лѣсная чаща), р. *Буксой* отшибается отъ хребта *Элесетей* и течетъ серединой долины; долина эта довольно широка—около двухъ верстъ. У устья р. *Сибиртей* ставка *Гунъ-ноина*,—владѣтельнаго князя *До-гунскаго* ханшуна. Послѣ пяти верстъ разстоянія, считая отъ устья р. *Сибиртей*, хребетъ *Элесетей* соединяется съ хребтомъ праваго берега р. *Зунай-голь*, теряетъ свое названіе и дальнѣйшее продолженіе его называется уже *Дашинъ-дересе*, т. е. именемъ хребта праваго берега р. *Зунай-голь*. Отъ мѣста соединенія съ *Элесетей* хребетъ *Дашинъ-дересе* дѣлаетъ загибъ къ югу и стѣняетъ долину лѣваго берега р. *Буксой*; такъ что рѣка вновь плотно прижимается къ подошвѣ горъ, и дорога идетъ уже не долиной, а по самому берегу рѣки подлѣ отвѣсныхъ береговыхъ скалъ; скалы эти довольно высоки и состоятъ изъ обнаженій краснаго гранита. Не доходя устья р. *Зунай-голь*, хребетъ *Дашинъ-дересе* круто обскъкается и дальше идетъ уже ровная, болотистая долина береговъ *Буксой*. У подошвы хребта *Дашинъ-дересе* расположено пять кучъ, свидѣтельствующихъ объ остаткахъ китайскихъ городищъ; кучи эти съ круглой

оградой, безъ башень. Близъ одной изъ нихъ стоитъ высокая гранитная баба; высота этого памятника до полуторыхъ сажень; слѣдовъ надписей на немъ нигдѣ незамѣтно. Верстахъ въ трехъ отъ этихъ остатковъ китайскихъ городищъ расположенъ курень. Сѣверо-восточнымъ своимъ концемъ площадь куреня примыкаетъ къ подошвѣ горъ Хара-Узуръ Тала-Булунгай (хара—черный, узуръ—устье рѣки, конецъ, тала—степь, булунъ—ручей). Начиная отъ хребта Хара-Узуръ-Тала-Булунгай, рѣка Буксой лѣвымъ своимъ берегомъ вновь пробивается къ подошвѣ горъ и самая долина суживается, и только лишь близъ устья рѣки долина опять дѣлается широкой. Въ этой долиноѣ, по рассказамъ монголовъ, есть масса остатковъ китайскихъ городищъ, причемъ упорная молва говоритъ, что будтобы между камней одной изъ кучъ виднѣется громадный мѣдный котелъ. Къ большому моему сожалѣнію, провѣрить эту молву мнѣ не удалось, такъ какъ я не рѣшился измѣнить маршрута и тѣмъ отказаться отъ посѣщенія береговъ р. Эдира.

Рѣка Буксой только въ устьѣ широка и многоводна. Въ среднемъ же теченіи ширина русла рѣки не болѣе двухъ сажень, глубина же воды не превышаетъ полуторыхъ аршинъ. Начиная отъ средняго теченія и ниже въ р. Буксой водится масса рыбы; преимущественно линки (зибе) и хайрюзы (хадарганъ), есть также и налимы (гутаръ). Все теченіе р. Буксой принадлежитъ номадамъ До-гунскаго хашуна. Рѣка Буксой принимаетъ въ себя съ права: 1) Мусуту-холай (Мусун—ледъ, холай—горло, —рукавъ рѣки); 2) Мухуръ-холай (Муръ—тушой, безверхій, камолый по-сибирски); 3) Дунду-холай (Дунду—средній); 4) Сибиртей (въ чащѣ лѣсной); 5) Саганъ-Бургасанъ 1-й (бѣлые—прутья); 6) Тынгырдыкъ 7) Хуху-шолутей (съ синими камнями); 8) Саганъ-Бургасанъ 2-й; 9) Номтъ (номчи листъ); 10) Шабартей (грязная); 11) Султей-голь (хвостатая рѣка); 12) Хаптагай (плоскій); 13) Дабать 1-й

(горная); 14) Тель; 15) Дабать 2-й; 16) Наринь-Дабать (на-ринь—тоненькій); 17) Бугутей (Буге-у—поясь).

Слѣва: 1) Дархинтей (съ розсынями); 2) Боджи (бодоху—вставать); 3) Даганей-цакирь (Дагань—жеребенокъ); 4) Сагань-сакъ (бѣлое время); 5) Хуху-цакъ (Хуху—спній); 6) Уить (Уидо-то—голодать); 7) Нирунтей (озерная); 8) Сохордошь (Сохоръ—пестрый); 9) Бургутей-голь (орлиная рѣка); 10) Шарухундой (желтая падь); 11) Асхатей (каменные розсыпи); 12) Шолутей (каменистая); 13) Хара-Шолутей; 14) То; 15) Теле; 16) Наринь; 17) Усутъ (водная); 18) Елатей; 19) Багультъ; 20) Ара-Тойнь-Булунъ; 21) Хурдылыкъ-Тологой.

Всѣ эти притоки очень незначительны по длинѣ теченія, но водны.

Обратимся теперь къ свѣдѣніямъ, какія сообщили о р. Куксой и ея системѣ Гр. Н. Потанинъ. На 256 стр. (Вып. 1-й) онъ пишетъ: «Въ сѣверномъ концѣ долины (Онгонь-хаиръ-ханъ и Баннь-дзюрку) есть небольшой переваль (это и есть Талынь-дюрильджи, т. е. морской переваль отъ «талай» море*), за которымъ караванъ и остановился на ключѣ, текущемъ въ рѣку Кубъ или Кувунъ-голь, притокъ Бургула..... Бургуль впадаетъ въ Тельгир-Муринъ; начало беретъ въ сѣверномъ склонѣ горы Баннь-дзюрку». Очевидно, вокакъ Гр. Н. Потанина даль ему невѣрные топографическія свѣдѣнія, отчего и произошла ошибка. Дѣло въ томъ, что вершина р. Бургутей-гола, а не «Бургуль-гола», какъ значится у Г. Н. П., идетъ съ верховьевъ горы *Уидуунъ* (ийдо), а не съ Баннь-дзюрку; къ тому-же р. Бургутей-голь впадаетъ не «въ Делгырь-Муринъ», а лѣвымъ притокомъ въ р. Буксой. Далѣе—гора Баннь-дзюрку дѣйствительно есть, но расположена она далеко южнѣе горной возвышенности, называемой Уидугунъ. Ошибочно также переведено и значеніе слова «талай»; тала значитъ не «море»,

*) Скобки Г. Н. П.

а наоборотъ, ровное широкое мѣсто, будто въ степи, въ распадкѣ, долинь и пр.; слѣдовательно, «Талайнъ (а не Талынъ) дюрильджи» въ переводѣ будетъ значить: не «морской переваль», а переваль въ ровное широкое мѣсто. Море же монголы обозначаютъ словомъ «Далай». Что-же касается р. «Кубъ или Кувыйнъ-голь», то она есть притокъ р. Бургутей-голь.

На той же (256) страницѣ путешественникъ продолжаетъ: «изъ той же горы, т. е. Баннъ-дзюрку (нужно бы написать дзурхе—что значить—сердце, баннъ—богатый), лежащей къ сѣверу отъ оз. Сангинъ-далай изливается съ восточнаго склона ея рѣка Буксий». Разъ опредѣливши не вѣрно положеніе горы, путешественникъ продолжаетъ и невѣрное указаніе истоковъ рѣкъ. Читатель помнитъ, что р. Буксий изливается не «съ вершины Баннъ-дзюрку», а съ Уланъ-Эрикъ.

Мы уже отмѣтили, что все теченіе р. Буксой принадлежитъ монголамъ До-гунскаго хашуна. Въ долинь средняго теченія этой рѣки находится центръ управленія хашуномъ и курень. До-гунскій хашунъ граничитъ: съ сѣвера и сѣверо-запада съ правымъ берегомъ р. Делгиръ-Муринъ; на востокъ съ Ганжуръ-гунскимъ хашуномъ; на югъ съ Айгунскимъ хашуномъ, неправильно обозначеннымъ на картѣ пор. Рафаилова — «Тайги-гунскимъ»; на юго-западъ съ Джазасыкъ-гыгени и Далай-балейскимъ хашунами.

До-гунскій хашунъ въ административномъ отношеніи дѣлится на четыре бака (округа). Въ каждомъ бакѣ кочуетъ до полуторыхъ тысячъ душъ обоого пола. Свѣдѣнія эти заимствованы нами изъ статистическихъ данныхъ, какія имѣются въ До-гунскомъ Богдо-жасенѣ. Баки подчинены Заланъ-ноенамъ, а всеми ими завѣдуетъ и управляетъ гунь (князь). Кроме гуна есть еще слѣдующія, по порядку, власти: а) Эринчи, б) Захи-ракша, в) Тусулукчи (ихъ четыре), д) Меринъ (ихъ тоже четыре), е) Заланы (четыре), ф) Зангины (восемь),

h) Хяны (двѣнадцать), g) Кундои (шестнадцать). Всѣ эти чиновники служатъ по выбору общества безсрочно. Кромѣ этихъ ноеновъ, есть еще бошконы (десятники) и бишени (писаря). Гунъ получаетъ отъ общества по одной овцѣ въ день и пользуется правомъ имѣть даровыхъ пастуховъ для своихъ стадъ. Остальные же чиновники только лишь во время отправленія своихъ служебныхъ обязанностей при Богдо-жасанѣ имѣютъ право на полученіе одной овцы въ теченіе десяти сутокъ.

Присутственное мѣсто, въ которомъ засѣдаетъ Гунъ и Ноены и чинятъ въ немъ судъ и расправу, называется Богдо-жасанъ. Богдо-жасанъ помѣщается всего лишь въ одной юртѣ, которая и стоитъ всегда близъ ставки Гунъ-нонна; куда кочетъ Гунъ-ноннъ, туда переносится и Богдо-жасанъ. Дѣлами Богдо-жасана, какъ внутренними—по управленію хашуномъ, такъ и внѣшними—по сношенію съ другими хашунами, Улясутаемъ и Китайскимъ правительствомъ, завѣдуютъ всѣ перечисленные выше чиновники—до Хяна включительно. Судъ при управленіи гласный, открытый и производится на основаніи обычнаго права, непереданнаго еще письменности. Дѣлопроизводство ведется на монгольскомъ языкѣ, для чего и держатся при Богдо-жасанѣ четыре писаря; бишени эти получаютъ по одному сыркену (козу) на каждые десять дней. Если дѣло сложное, требующее большой переписки, то листы этого дѣла не подшиваются, какъ у насъ другъ къ другу, а приклеивается въ длину; отчего сложныя дѣла монголовъ выходятъ «не многотомныя», а многосаженныя. Присутствіе въ Богдо-жасанѣ открыто съ утра и до вечера, и каждый монголь имѣетъ право во всякій часъ дня требовать для себя правосудія. Дѣло, не требующее слѣдствія, сейчасъ же и рѣшается; въ противномъ же случаѣ слѣдствіе поручается произвести Хяну, специальность службы которыхъ и состоитъ именно изъ такихъ командировокъ.

Кочевники Догунскаго хашуна, какъ и Ми-гунскаго, платятъ подати (алба) со скота, причеиъ платежной единицей также считается десять головъ крупнаго и пятьдесятъ овецъ мелкаго скота, т. е. овецъ. Догунцы, сравнительно, народъ бѣдный.

Въ торговомъ отношеиіи долина Буксоа представляетъ изъ себя важный пунктъ. Чрезъ него съ низовьевъ р. Селенги, Иги, Ури, Делгирь-Мурина проходитъ трактовая дорога въ Улясутай и Ургу; куда кочевники свозятъ масло, кожи, пушнину, остовы юртъ; китайцы прогоняютъ скотъ и табуны лошадей, точно также привозятъ изъ Урги въ глубь Монголіи и свои товары. Во время нашей стоянки въ долину р. Буксой я видѣлъ два торговыхъ транспорта въ сто слишкомъ телѣгъ каждый; въ телѣги были впряжены исключительно быки; кромѣ этого, то и дѣло приходили китайскіе транспорты въ пять, — десять телѣгъ. Одинъ изъ монгольскихъ транспортовъ весь состоялъ изъ остововъ юртъ, на которые есть большая потребность въ кочевьяхъ Саян-ноенскаго Хана. На вопросъ мой — «почеиъ монголы думаютъ сбыть свой товаръ»? Одинъ изъ хозяевъ транспорта отвѣтилъ, что остовы юртъ продаются отъ десяти до пятнадцати кирпичей чая за каждый.

Въ долину Буксоа близъ куреня есть три постоянныхъ китайскихъ лавки. Кромѣ этого, сюда же пріѣзжаютъ со своимъ товаромъ и наши тункинскіе торганы забираются въ Дагунскій хашунъ и изъ Минусинска и Бійска; съ этихъ окраинъ пріѣзжаютъ не для закупа скота, а для сбора тарбаганьихъ шкурокъ и всякой другой пушвины. Въ бытность въ Буксоѣ, между прочимъ, стоялъ торговый караванъ тункинскихъ купцовъ — Томилова и Тишенина. Управляющіе караваномъ собрали уже до двухъ сотъ головъ рогатаго скота и успѣли сбыть почти весь свой товаръ, котораго завезено было на двѣ тысячи руб. слишкомъ. Товаръ этотъ сначала былъ

обмѣненъ на овцы, а затѣмъ уже овцы на быковъ. По обычаю, у торгашей не обошлось дѣло безъ скандала. Довѣренный Томилова купилъ у монгола завѣдомо краденнаго быка— «вѣдь по сходнѣе цѣна»—и угналъ его въ свой гуртъ. Воры были пойманы, уличены, закованы; а такъ какъ съ воровъ нечего было взять, то Гунъ хотѣлъ обратно отобрать отъ русскихъ быка, такъ какъ онъ былъ не законно купленъ; но «шара-орось-хунъ» уперся и не далъ быка и бѣдное начальство не знаетъ что и дѣлать, какъ возвратить хозяину его собственность.... Случай этотъ не единственный и торгаши, нужно правду сказать, не мало таки способствуютъ развитію воровства среди номадовъ.... Снятся ли имъ когда нибудь страданія номада, мучащагося закованными въ колодку ногами, муки номада гніющаго, съѣдаемаго червями?

Тункинскіе и иркутскіе торгаши-мясники транспортируютъ свой товаръ въ долину рѣки Буксоя по слѣдующему маршруту: Тунка, Шимки, Туранъ, Майгу. Далѣе за-границей по Монголіи: Хангинскій карауль и затѣмъ вдоль восточнаго берега оз. Кубсаула чрезъ урочища и рѣки впадающія въ озеро.

1) *Той*—небольшая рѣка. Предъ переходомъ чрезъ нее есть подъемъ на невысокій, но грязный дабанъ. По берегамъ рѣки Той разбросаны лѣтнія кочевья урянхайцевъ.

2) *Алактанъ*. Русло этой рѣки широкое и каменистое. По долинѣ ея есть лѣтнія и зимнія кочевья урянхайцевъ.

3) *Тана*. Русло рѣки не широкое. По прибрежьямъ есть лѣтнія и зимнія кочевья урянхайцевъ же.

Эти три рѣки на картахъ изданія Ильина не обозначены, не отмѣчены онѣ и у пор. Рафаилова

4) *Турукъ*. Передъ входомъ въ долину рѣки есть грязный и каменистый переваль чрезъ дабанъ. По берегамъ рѣки есть только лишь однѣ лѣтнія кочевья. Р. Турукъ—обозначена на картѣ пор. Рафаилова.

5) *Шогнулъ*. Рѣку эту отдѣляетъ отъ Турука грязный и каменистый дабанъ. Бродъ же чрезъ обѣ эти рѣки удобенъ, такъ какъ русла ихъ усѣяны мелкимъ щебнемъ и не широки. По берегамъ рѣки есть кочевья урянхайцевъ. Шогнулъ отмѣченъ у г. Рафаилова.

6) *Нашиг-юль*, 7) *Сапсуль*. Обѣ эти рѣки небольшія, съ неширокимъ, но каменистымъ русломъ; переходъ чрезъ нихъ удобенъ. По берегамъ ихъ лѣтомъ и зимою живутъ урянхайцы.

8) *Анчагашъ*. Рѣка небольшая съ болотистыми берегами; зато богата подножнымъ кормомъ. Въ верховьяхъ Анчагаша расположены зимніе хашаны урянхайцевъ. Лѣтомъ же по берегамъ его никто не кочуетъ. Эта рѣка у г. Рафаилова отмѣчена подъ именемъ «*Анчагатай*».

9) *Моринъ-Тусхулъ*. Характеръ мѣстности такой же какъ и р. Анчагаша. По горнымъ берегамъ Моринъ-Тусхула расположены зимніе хашаны урянхайцевъ.

10) Далбай 1-й, 11) Далбай 2-й. Устья обѣихъ этихъ рѣкъ, при впаденіи въ оз. Кабегуль, сходятся; начало же свое берутъ изъ разныхъ вершинъ. Передъ входомъ въ долину перваго Далбая есть грязноватый не высокій перевалъ чрезъ дабанъ. На картѣ г. Рафаилова отмѣченъ одинъ только Далбай.

12) Ехе-бурсукъ, 13) Бога-бурсукъ. Русла этихъ рѣкъ небольшія, но сильно каменисты. Между этими рѣками, недалеко отъ устья ихъ есть озеро — «Бурсукъ-нуръ». Озеро это изобилуетъ рыбой; въ немъ водятся налимы (путаръ), линки (зибе), окуни (уланъ-зибе), караси и сорожина. Обѣ рѣки текутъ по дну тѣсныхъ распадковъ; берега ихъ очень болотисты; усѣяны обвалами камней и покрыты тальникомъ. По болоту трава растетъ негодная для корма, почему по берегамъ этихъ рѣкъ нѣтъ даже зимнихъ кочевьевъ. Передъ входомъ въ распадки Е. Бурсукъ и Б. Бурсукъ есть значительно высокій, крутой и грязный горный перевалъ. Въ верховьяхъ пер-

вой рѣки есть *Аршіанъ* (горячій минеральный ключь): Аршіанъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ: «*Халхани*». Въ верхъ по р. Ехе-Бурсукъ есть дорога въ Дархинтуйскій харуль.

14) *Ехе-Гумнукъ*, 15) *Бага-Гумнукъ* и 16) *Дунду-Гумнукъ*. Не доѣзжая р. Ехе-Гумнукъ есть переваль чрезъ большой, грязноватый дабанъ, сплошь покрытый листовичнымъ лѣсомъ. Горы же, отдѣляющія берега Бага-Гумнука, отъ Дунду-Гумнука не высоки и перевалы чрезъ нихъ не затруднительны.

17) *Бага-Барчиланта*, 18) *Ехе-Барчиланта*. Рѣки эти раздѣляетъ невысокій лѣсистый горный отрогъ. Берега ихъ болотисты и покрыты каменными розсынями; переходъ чрезъ нихъ мало удобенъ. Вдоль этихъ рѣкъ нѣтъ ни зимнихъ, ни лѣтнихъ кочевьевъ.

19) *Мотб*. По берегамъ этой рѣки есть лѣтнія и зимнія кочевья, на правомъ берегу небольшой дабанъ, переваль чрезъ него нѣсколько грязноватъ. Переваломъ чрезъ верховья этой рѣки идетъ дорога въ Харуль-Хуху.

20) *Загусутей*. Ложе этой рѣки болотисто, усыяно розсынями камней и нѣсколько затруднительно для перехода. По причинѣ болотистости рѣки, и отсутствія подножнаго корма, вдоль этой рѣки нѣтъ ни лѣтнихъ, ни зимнихъ кочевьевъ.

21) *Нуръ*. Прежде чѣмъ перейти чрезъ не широкое русло этой рѣки, нужно сдѣлать переваль чрезъ невысокій, пологій и сухой дабанъ. По правому берегу рѣки, на горныхъ площадкахъ есть зимніе хашаны урянхайцевъ; лѣтнихъ же кочевьевъ нѣтъ.

22) *Хилынъ 1-й*, 23) *Хилынъ 2-й*. На правой сторонѣ перваго Хилына есть переваль чрезъ невысокій, но грязный дабанъ. По долинамъ этихъ рѣкъ есть лѣтнія и зимнія кочевья урянхайцевъ.

24) *Секаръ*. Рѣка эта служитъ границей земли урянхайцевъ и кочевьевъ сагдановъ Хатхульского харула, неправильно названаго Гр. Н. Потанинымъ «Хатгыль» (Хатхуль отъ слова хатху=тыкать чѣмъ нибудь острымъ). Прежде чѣмъ войти въ долину р. Секара, нужно сдѣлать большой переваль чрезъ дабанъ. Дабанъ покрытъ лиственничнымъ лѣсомъ, сухъ и каменистъ.

25) *Алакъ-саръ*. Переваль чрезъ большой сухой дабанъ. Дорога идетъ прямо на югъ, озеро же Кубегуль своею оконечностію загибается на западъ. На дорогѣ стоитъ *Урто*. По долинѣ р. Алакъ-саръ есть лѣтнія кочевья Сагдановъ. Рѣка на картахъ не обозначена.

26) *Донжигото*. Это послѣдняя рѣка впадающая въ оз. Кубегуль съ восточной его стороны. По берегамъ ея есть лѣтнія кочевья сагдановъ Хатхульского харула.

27) *Хундой*—лѣвый притокъ р. Алаксара; по долинѣ ея есть лѣтнія и зимнія кочевья; сама долина широка и суха.

28) *Наринъ-голь*. Есть переваль чрезъ небольшой сухой и каменистый дабанъ. Рѣка эта есть притокъ р. Иги; по берегамъ ея кочуютъ лѣтомъ и зимой.

29) *Адуни-голь*—лѣвый притокъ р. Иги.

30) Послѣ перехода долиной р. Адуниголь (рѣка Табуновъ) бродъ чрезъ рѣку *Ину*; затѣмъ внизъ по р. *Итъ*; переходъ на правый ея берегъ; бродъ чрезъ р. *Ажикъ*—правый притокъ р. Иги; потомъ переваль чрезъ гору и входъ въ *Эрхиль-нури-хундой*, что близъ оз. Эрхиль-нуръ; подъемъ по распадку Уланъ-Хапсагай-Булукъ и такъ дальше по пройденной и описанной нами дорогѣ, въ долину р. *Буксой*.

Переходъ этотъ, начиная отъ Хангинскаго куреня и до береговъ рѣки Буксой, купеческіе караваны, если идутъ безостановочно, дѣлаютъ въ восемь дней; монголы же, безъ вьюковъ, проходятъ въ четыре дня.

24 июля. Дневка и полнѣйшая бездѣятельность. Говорить ли о томъ, что и сегодня утромъ до того было холодно, что зубъ на зубъ не попадалъ,—ну точно глубокая холодная осень. Холодъ, холодъ и холодъ: чуть не каждый день во все продолженіе экспедиціи приходится отмѣчать одно и то же. Надоѣло... А между тѣмъ, пельзя и не отмѣчать. Вѣдь теперь только лишь 24 июля. И уже такъ холодно! Что-же будетъ въ августѣ, сентябрѣ?! Неужели съ августа начинается зима? По рассказамъ монголовъ, — да! Не удивительно, что номады, кочующіе по среднему теченію р. Буксой, далеки даже отъ мысли сѣять хлѣбъ; состояніе температуры никогда и не позволить номадамъ заняться хлѣбопашествомъ. Долина рѣки Буксой хотя и южнѣе Делгирь-Мурина, зато, въ мѣстѣ нашей остановки и выше, имѣетъ гораздо большую абсолютную высоту, чѣмъ Муринго-хажу. Такъ по барометрическимъ вычисленіямъ высотъ, сдѣланнымъ Г. Н. Потанинымъ и г. Рафаиловымъ, Муринго-хажу имѣетъ 4580 ф.; *Хухуцабъ-че*, что недалеко отъ мѣста нашей остановки—5,930: разница—на 135 ф.; эта значительная возвышенность, естественно, измѣняетъ существеннымъ образомъ климатическія условія мѣстности и вліяетъ на растительность; долины рѣки Буксой бѣдны флорой и лѣсъ, растущій по склонамъ горъ, корявъ и низкоросль.

Сегодня не было, какъ говорится отбою отъ монголовъ: то и дѣло все новыя и новыя лица, возвращаясь со свадьбы, дѣзли къ намъ въ палатку. Холодъ, лишивши меня возможности писать, просто бѣсилъ меня, а тутъ еще и монголы со своимъ: «ю-найматей? Юзараху?—Худы-шаръ абасанъ-байнымъ»*) рѣшительно выводили меня изъ терпѣнія. Мое «юнши байха-уве»! (рѣшительно ничего нѣтъ) приводило въ недоумѣніе номадовъ... Растянутое же, недовѣрчивое ихъ повтореніе конца моего отвѣта «*уве-е-е*»?! (нѣ-ѣтъ) точно оплеуха, раз-

*) Что есть для продажи? что продаете? сколько собрали скота?...

давалась въ моихъ ушахъ. Я до того былъ золъ на всѣхъ и на все, что мнѣ противно было увѣрять номадовъ въ томъ, что я не «наймашинъ» хунъ (торговецъ), а сузукъ (пиллиgrimъ). Между тѣмъ, это несносное, вопросительное «Убе-е-е!» Помимо того, что интонація этого слова говорила объ удивленіи монголовъ касательно того, что у насъ нѣтъ товаровъ,—ясно было, что номады этимъ же словомъ заразъ хотѣли сказать: «вре-е-ошь! Русскій и безъ гнилаго товара. Не можетъ быть»!.. Признаюсь, мнѣ хотѣлось выругаться... Въ своемъ же недоувѣрїи къ намъ монголы правы, правы, потому что, кромѣ торговцевъ, они никого не видѣли и никто изъ другой «націи», какъ выразился Степанъ, не проѣзжалъ чрезъ ихъ кочевья. Дальнѣйшіе разспросы монголовъ ясно говорили о томъ, что они, не смотря на мои разувѣренія, все-таки считаютъ меня купцомъ, продавшимъ весь свой товаръ и теперь зондирующимъ почву—гдѣ-бы на слѣдующій годъ лучше поживиться. Будучи увѣрены въ этомъ, монголы просили у меня денегъ «подъ скоть» до будущаго года... Но будетъ объ этомъ... Злость мою нѣсколько развлекъ одинъ изъ монголовъ своимъ разговоромъ причины: почему Гунъ, не дождавшись возвращенія своей дочери изъ Богдо-Куреня, сыгралъ свадьбу въ ея отсутствіи. Дѣло въ томъ, что дочь Гуна была влюблена въ одного изъ Кундоевъ. Любовь эта не была платонической. Гунъ сначала смотрѣлъ сквозь пальцы на отношенія своей дочери къ Кундою. Но когда этотъ послѣдній вздумалъ просить Гуна отдать дочь за него замужъ, Гунъ обозлился: дерзкаго любовника заковалъ на двѣ недѣли въ колодки; дочери же запретилъ выходить изъ юрты и постарался подыскать ей подходящаго жениха, какимъ и оказался братъ Гыгена. Но вотъ срокъ заключенія Кундою въ колодки прошелъ; и вѣрный любовникъ, получивъ свободу, пробрался къ своей Дульцинеѣ, уговорилъ ее бѣжать въ другой какойнибудь Ха-

шунъ и тамъ соединиться «узами брака». Задуманъ и планъ побѣга. Дочь Гуна должна во чтобы то ни стало отпроситься у отца на богомолье въ Богдо Курень, куда пріѣдетъ и Кундой. Гунъ ничего не подозрѣвая отпустилъ дочь; но даль ей конвой, строго наказавъ послѣднему слѣдить за поступками дочери. Красавица уѣхала; неволгѣ, вслѣдъ за нею, поѣхалъ и Кундой. Видѣться то съ красавицей ему удалось, да бѣжать не удалось. Конвойные, подозрѣвая Кундоя въ злыхъ умыслахъ противъ дочери Гуна, схватили его, скрутили молодца и отправили къ Гуну. Допросивъ Кундоя подъ пыткой, Гунъ вывѣдалъ отъ него всѣ его затѣи; и чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ дѣломъ, заковалъ Кундоя, посадилъ его безъ сроку въ острогъ, и послалъ—одного гонца къ дочери, съ наказомъ чтобы она поскорѣе возвращалась домой, а другаго къ нареченному зятю, просить его, чтобы онъ, не мѣшкая, ѣхалъ и бралъ-бы свою нареченную жену. Зять, прельщенный богатствомъ приданаго, а въ особенности возможностью породниться съ княземъ, немедленно же пріѣхалъ къ Гуну; дочь же Гуна не торопилась. Мало этого—притворилась больной; Гунъ не обратилъ вниманіе на отсутствіе дочери и сыгралъ свадьбу безъ присутствія невѣсты. Покладливые ламы не препятствовали и исполнили религіозный обрядъ брака и безъ невѣсты, мужъ которой теперь только ждетъ ея пріѣзда, чтобы увезти съ собой уже какъ жену. Неправда ли, что случай, только что рассказанный нами, есть отличный сюжетъ для романа. Любились, жили... хотѣли жениться... аристократическія традиціи, нечуждые и номадамъ, помѣшали браку по любви... аристократъ отецъ разлучилъ любящія сердца... соблазнителя дочери заковалъ... Дочь выдалъ по требованію традицій. Побѣгъ... колодки для любовника... бракъ поневолѣ... Однимъ словомъ, есть все, что дѣлалось и у насъ среди «родовитыхъ аристократовъ»....

Типическихъ отличій между Догунцами и кочевниками Ми-гунскаго хашуна нѣтъ; есть же только маленькая разница въ костюмѣ, именно: поверхъ дегыла носятъ маленькую безрукавку, застегивающуюся съ праваго бока. Безрукавка эта называется *Хантазъ*. Богатые же люди, кромѣ Хантаза, носятъ еще *Захапши*. Это нѣчто въ родѣ кирасы, съ зубцами по краямъ. Захапши шьется изъ голубой, шелковой матеріи, съ прорѣзомъ для надѣванія чрезъ голову; концы же его привязываются къ поясу.

ГЛАВА XV.

ДО БЕРЕГОВЪ Р. ЭДИРЪ. ДОЛИНА РѢКИ БУГДУГЕНЪ
(25 Июля).

Ознакомившись достаточно съ системой рѣки Буксой, мы отправились дальше на югъ, именно къ берегамъ рѣки Эдиръ. Для полноты географическихъ свѣдѣній о р. Селенгѣ, я рѣшилъ побывать въ долинѣ р. Эдиръ, а затѣмъ внизъ по р. Чилоту спуститься до мѣста соединенія ея съ Эдиромъ и, такъ сказать, на мѣстѣ провѣрить насколько основательно сообщеніе Гр. Н. Потанина, что будто-бы «соединеніе Эпира съ Чилоту образуетъ рѣку Селенгу».

Нанять проводника нѣтъ средствъ и мы, въ двоимъ со Степаномъ, распросивъ монголовъ о направленіи пути къ р. Эдиръ, завьючили лошадей и отправились. «Во всякомъ случаѣ Эдира намъ не миновать, рѣшили мы, значить и не заблудиться».

Снявшись съ мѣста стоянки, мы перебрали на правый берегъ рѣки Буксой и, пересѣкая долину его, направились къ берегамъ р. *Дабатъ*. Миновавъ трактовую дорогу, идущую изъ низовьевъ Делгиръ-Мурина въ Улясутай, мы вошли въ распадокъ р. *Дабатъ* и начали подыматься вверхъ по нему. Рас-

падокъ р. Дабать довольно широкъ; склонъ горъ правой его стороны совершенно безлѣсенъ; изголовья возвышенностей округлены и изрыты впадинами; горы же сопровождающія лѣвый берегъ р. Дабать сплошь покрыты листвяничнымъ лѣсомъ, среди котораго видѣются цѣлыя полосы деревьевъ съ пожелтѣвшей хвоей... «Тере-модонъ хорхой-идиже», т. е. эти деревья черви съѣли, — объяснилъ намъ, встрѣтившійся монголь, причину вымиранія деревьевъ. Странно было смотрѣть на изголовья горъ, окаймляющихъ равнину, равно и на оставленный нами горный берегъ р. Буксой!.. Въ долинь, на низкихъ мѣстахъ кругомъ цвѣты, роскошная зелень, густая высокая трава, а на верхушкахъ горъ... чтобы вы думали?.. *Толстый слой ослѣпительно блестящаго снѣга!* Не диво бы, если-бы горы эти находились, по своей высотѣ, въ линіи вѣчнаго снѣга — тогда другое дѣло, а этого то нельзя сказать. Просто — «ну и климатъ»! какъ замѣтилъ мой спутникъ Степанъ. Холодъ и мерзости погоды намъ ужь такъ наскучило отмѣчать, что мы было и забыли, что утромъ сегодня насъ привѣтствовалъ снѣгъ, вынавшій болѣе четверти толщины. Къ двѣнадцати часамъ, — порѣ нашего выѣзда, снѣгъ этотъ, какъ въ долинь р. Буксой, такъ равно и въ распадкахъ стоялъ; на верховьяхъ-же горъ еще остался свидѣтелемъ продолжительности лѣта въ сѣверо-западной Монголіи.

При входѣ въ распадокъ Дабать мы встрѣтили китайскій торговый караванъ, расположившійся лагеремъ для пастьбы скота; мы повернули къ одной изъ палатокъ. Оригинальные во всемъ, китайцы въ палаткахъ живутъ не по-людски. Въмѣсто того, чтобы, какъ-то обыкновенно дѣлается, развести огонь близъ палатки, сыны небесной имперіи разводятъ очагъ внутри; палатка-же, кромѣ выхода, не имѣетъ другихъ отверстій. Благодаря такому «обычаю», палатка китайцевъ всегда

наполнена ѣдкимъ смердящимъ дымомъ, сразу отуманившимъ насъ при входѣ въ это обиталище. Дымъ клубился вездѣ; трудно было ориентироваться, тѣмъ болѣе, что вѣки глазъ инстинктивно сжимались, лишая тѣмъ возможности осмотрѣться. Кое-какъ я дошелъ до задней стѣны палатки, гдѣ помещались хозяева и гдѣ, хотя съ трудомъ, можно было сидѣть съ открытыми глазами. Странный народъ: сидятъ среди клубовъ дыма, точно въ какой-нибудь коптильнѣ! Сказать бы для тепла это дѣлали—такъ нѣтъ! Разведенный въ палаткѣ огонь не горитъ, а едва только лишь тлѣется, и, вмѣсто тепла, выдѣляетъ изъ себя клубы дыму, немилосердно рѣжущаго глаза. И нужно имѣть привычку китайца, либо монгола, чтобъ сидѣть въ такомъ дымокурѣ. Привычка же эта образовалась подъ вліяніемъ неуклоннаго исполненія одного изъ многихъ суевѣрныхъ обычаевъ, которыми жизнь китайцевъ и номадовъ монголіи обставлена чуть ли не на каждомъ шагу. Такъ, напр., раскладывать огонь въ палаткѣ заставляеть заяшъ, духъ, покровитель дома, любимымъ мѣстопребываніемъ котораго служитъ огонь; слѣдовательно, развести огонь внѣ жилища, хотя-бы то и временнаго, значитъ оказать невниманіе къ заяшу и какъ-бы нежеланіе приютить его въ своемъ, хоть и временномъ, жилищѣ. Невниманіемъ, неугодженіемъ опасно раздражать заяша,—особенно въ дорогѣ; у этого духа есть много способовъ жестоко отомстить за оскорбленіе; между прочимъ, одинъ изъ способовъ, любимый заяшемъ и часто имъ практикуемый,—это болѣзнь, голодь и раздоръ въ семьѣ. И вотъ, слѣпо вѣря въ силу заяша, суевѣрный китаецъ, также какъ и монголъ, сидя въ палаткѣ, мучится отъ ѣдкаго дыму, развести-же огонь внѣ ея боится. Во время нашего приѣзда, китайцы готовили себѣ обѣдъ. Сквозь клубы дыма нельзя было сразу ничего разсмотрѣть; разбросанный же вездѣ въ беспорядкѣ хламъ затруднялъ проходъ къ китайцу, сидящему на

почетномъ мѣстѣ, т. е. по срединѣ задняго края палатки. Китайца этого я счелъ за хозяина, и не ошибся: онъ дѣйствительно и былъ старшій «пуза». Слово «пуза» есть нарицательное имя, соотвѣтствующее нашему—«купецъ». Не отсюда ли произошло и русское слово «пуза», служащее выразителемъ купеческой дородности? Китаецъ пуза хорошо говорилъ по-монгольски. Изъ разговоровъ съ нимъ я узналъ, что онъ и его товарищи изъ Улясутая возвращаются въ Ургу; торговали они въ хашунахъ, примыкающихъ къ Улясутаю и торговали хорошо. Товаръ свой: дабы, худшаго достоинства шелковыя матеріи (таргонъ) шелковыя нитки, шапки (малахай), трубки (даса), кисеты (сондой), чашки деревянныя (аяга), табакъ (тамхи), чай (цай) обувь (гутуль) и пр. весь этотъ товаръ съ барышемъ обмѣняли на рогатый скотъ, преимущественно же на лошадей, которыхъ они и гнали теперь съ собой около тысячи головъ. На вопросъ мой: «во сколько обошлась каждая лошадь», китаецъ, вѣроятно, предполагая во мнѣ тоже купца, а значитъ конкурента, видимо не захотѣлъ сказать мнѣ правды, и, вмѣсто прямого отвѣта, понесъ околесицу. Сначала путалъ цифры, а потомъ пустился въ длинное разсужденіе о плутовствѣ, невѣжествѣ, дикости и грубости монголовъ; лстя мнѣ, онъ добавилъ, что «нохой мунгалъ» (собаки монголы) и въ подметки негодятся сравнительно съ русскими, среди которыхъ у него есть много пріятелей по кяхтинской торговлѣ. Уклонившійся такъ далеко отъ предмета разговора, китаецъ видимо далъ мнѣ понять, что о торговлѣ онъ не желаетъ говорить со мной, и всѣ мои старанія навести разговоръ на интересующую меня тему, потерпѣли полное фіаско. Безцѣльная болтовня съ китайцемъ наскучила. Вполнѣ же убѣдившись въ невозможности узнать что либо вѣрное о ихъ торговыхъ оборотахъ, прекратилъ свои разспросы, и, гонимый дымомъ, мучившимъ глаза, я вышелъ изъ палатки, отказавшись даже отъ любезнаго приглашенія китайца—попить съ нимъ чаю.

Отъ палатки китайцевъ, вмѣстѣ съ нами, поѣхалъ одинъ изъ монголовъ—рабочихъ купцовъ; его послали осматривать табуны лошадей. Съ простодушно-наивнымъ номадомъ легче было разговориться, чѣмъ съ хитрымъ пронырой китайцемъ. Но все-таки относительно торговыхъ оборотовъ китайскихъ пуза, я ничего не могъ узнать отъ монгола, такъ какъ онъ, равно и другіе пять его товарищей, сопровождающіе караванъ, наняты въ До-гунскомъ хашунѣ. Зато словоохотливый номадъ повѣдалъ мнѣ о тѣхъ благахъ, какія онъ и его товарищи, получаютъ отъ китайцевъ за утомительную работу—пастьбу полоторыхъ тысячъ головъ скота (кромѣ лошадей, у китайцевъ было еще пятьсотъ рогатыхъ скотинъ). Судя по словамъ нашего собесѣдника-монгола, получаемая ими заработная плата болѣе чѣмъ низка, просто нищенская, именно *кирпичъ чаю въ мѣсяцъ*. Стоимость же этого кирпича, переводя на наши деньги, равняется полоторымъ рублямъ. Не говоря уже о томъ, что такая нищенская плата далеко такъ не окунаетъ труда, затрачиваемаго на утомительную пастьбу и досмотръ скота, требующій бессонныхъ ночей и постоянныхъ разъѣздовъ; не считая порчи одежды и обуви, такъ дорогой въ Монголіи; не говоря обо всемъ этомъ, замѣтимъ что и эта полтора рублевая подачка остается не въ карманѣ номада, а въ рукахъ тѣхъ же китайцевъ-хозяевъ. «Что вы дѣлаете съ полученнымъ кирпичемъ чаю»,—спросилъ я у номада...—«На дунсу обмѣниваетъ» (дунса—пачка табаку) отвѣтилъ монголъ.

«Надолго ли хватаетъ этой пачки дунсу?»

«Да въ мѣсяцъ же и выкуриваемъ!»

«Значитъ вы за табакъ работаете?»

«Нѣтъ—за чай. У насъ еще остается треть кирпича».

Чтоже вы съ этой третью дѣлаете!

Домой отсылаемъ и семья кормится (тыжесе) въ теченіе недѣли.....

И такъ, какъ видитъ читатель, у монгола изъ всей его заработной платы, за вычетомъ стоимости пачки дансы, остается треть кирпича чая или, на наши деньги, полтинникъ. Вотъ все, что можетъ тяжелымъ трудомъ заработать номадъ для прокормленія своей семьи!... Нужно замѣтить, что содержаніе рабочимъ и лошадей для развѣздовъ китайцы даютъ отъ себя.

Въ этомъ отношеніи наши торгаши почему-то пощедрѣе. Такъ, напр., довѣренный Тишенина платилъ рабочему монголу въ день по два «амана» бязи. Аманъ—это квадратный отрывокъ отъ куска какой нибудь матеріи; судя по ширинѣ матеріи, аманъ бываетъ менѣе и болѣе аршина. Квадратъ этотъ русскіе называютъ косякомъ. Стоимость же амана бязи цѣнится въ пятнадцать коп. Такъ что мѣсячная плата русскихъ превосходитъ китайскую въ шесть разъ. Причемъ русскіе, платя рабочему девять руб. въ мѣсяць, также и содержатъ его на свой счетъ.

Разговаривая съ монголомъ, мы незамѣтно доѣхали чуть ли не до конца подъема по Дабать. Монголь уѣхалъ заворачивать разбредшіеся табуны лошадей, а мы продолжили проходъ въ верховья распадка.

Подъемъ на Дабать очень пологъ и идетъ центромъ распадка; почва глиниста, мало камениста, почему и дорога мягка. Рѣка Дабать правымъ своимъ берегомъ прибивается къ подошвѣ горъ, русло ея узкое, не болѣе двухъ сажень ширины, берега не высоки; ложе рѣки услао мелкимъ щебнемъ, по которому вода узкой лентой и катитъ свои воды. Не много далѣе (къ югу) средняго пункта подъема, у подошвы горъ лѣваго берега рѣки, стоятъ двѣ лѣтнія юрты монголовъ; около этихъ юртъ, не въ большомъ количествѣ, пасется скотъ. Видно, хозяева юртъ не богаты.

Далѣе за юртами, площадь распадка начинаетъ сѣуживаться; подъемъ становится круче; и почва, изъ глинистой, постепенно переходитъ въ каменистую. Переѣздомъ же на правый берегъ р. Дабать, оканчивается дорога долиной распадка и уже тянется косогоромъ праваго берега рѣки. Въ верховьяхъ своихъ берега р. Дабать густо заросли кустами тальника, а прибрежья гораздо богаче покрыты цвѣтущими злаками, чѣмъ низовья распадка. Весь подъемъ на вершину р. Дабать мы сдѣлали въ продолженіе полутора часа. Подъемъ совершенно удобенъ для телѣжной ѣзды: сухъ, не очень каменистъ, широкъ и крутизны нигдѣ не имѣетъ. Рѣка Дабать имѣетъ воду только, начиная отъ средняго своего теченія; въ верховьяхъ же русло р. сухо. Вершина подъема сплошь заросла листовичнымъ лѣсомъ и, судя по заросшимъ густой травой кочкамъ, была когда то болотиста, теперь же совершенно суха. Перспектива съ верховьевъ Дабать закрыта. Только лишь на сѣверъ виднѣются изголовья горъ, окаймляющихъ лѣвый берегъ р. Буксой. Изголовья эти блестятъ бѣлизной покрывшаго ихъ снѣга. Долины же рѣки, вслѣдствіе извилистости подъема, не видно.

Съ вершины Дабать сейчасъ же спускъ къ берегамъ р. *Тель*. Рѣка *Тель* вышла съ запада, миновавъ верховья р. Дабать, она дѣлаетъ крутой загибъ къ сѣверу, перерѣзываетъ хребетъ *Зосо* и противъ куреня, справа впадаетъ въ рѣку *Буксой*.

Спускъ къ берегамъ р. *Тель* сравнительно съ подъемомъ на Дабать, нѣсколько круче, но также вполне удобенъ для телѣжной ѣзды. Часть спуска идетъ довольно широкимъ ущельемъ, правой стороной косогора котораго и пролегаетъ дорога. Внизъ по ущелью мы не поѣхали, потому что дорога по нему привела бы насъ въ низовья р. *Буксой*, намъ же нужно было идти прямо на югъ, поэтому мы, оставивъ ущелье, поднялись

на вершину праваго его склона. Дно ущелья грязно, кочкато и правильнаго стока воды въ видѣ русла ручья не имѣеть. Весь склонъ подъема покрытъ тонкимъ высокимъ листвяничнымъ лѣсомъ, пріятно зеленѣющимъ отъ подошвы и до вершины бока ущелья, и съ пожелтѣвшей хвоей въ изголовьѣ его. Причиной тому червякъ (хорхой), который, подтачивая корни, высушилъ деревья. Дорога лѣсомъ суха и только лишь въ двухъ мѣстахъ болотиста. Послѣ подъема на вершину праваго бока ущелья, вновь спускъ въ распадокъ второй р. *Тель*. Спускъ пологъ, широкъ, не каменистъ и богато поросъ злаками, но обнаженъ стѣ древесной растительности; почва его — суглинокъ. Спустившись, мы въѣхали въ широкую котловину; мѣстами сырую, болотистую и кочковатую, съ стоячей между кочками водой. Котловина эта образовалась вслѣдствіе того, что съ юго-запада, къ правому берегу р. *Тель*, примкнуло устье распадка третьей р. «*Толь*». Устье это, соединившись съ долиной *второй р. Тель*, и образовало довольно широкую полукруглую площадь. Площадь эта называется *Телейнъ-бые* (Тѣло Теля); вся она заросла прекрасной кормовой травой. На площади *Телейнъ-бые* стоятъ три лѣтнихъ юрты и вокругъ нихъ бродить масса скота, преимущественно овецъ; это свидѣтельствуеетъ о зажиточности номадовъ, хозяевъ юртъ. У южнаго конца площади протекаетъ главное русло р. *Тель*. Русло это не широко, каменистое, ровное и съ неглубокой водой. Рѣка *Тель* беретъ начало изъ трехъ вершинъ и течетъ сначала по русламъ трехъ распадковъ, устья которыхъ и сходятся между собой въ котловинѣ *Телейнъ-бые*, образуютъ одну рѣку, которая, какъ сказано, и впадаетъ правымъ притокомъ въ р. *Куксой*. Нужно замѣтить, что котловина *Телейнъ-бые* служитъ, между прочимъ, однимъ изъ пунктовъ границы *Догунскаго хашуна* съ *Баторъ-Гунскимъ*. Переѣздомъ на правый берегъ р. *Тель* начинается подъемъ на вершину хребта *Бугду-*

генъ. Хребетъ этотъ названъ именемъ рѣки, омывающей подошву южнаго его склона. Хребетъ невысокъ, гораздо ниже Эри-нуру и Зосо, имѣетъ много отроговъ и тянется сначала съ запада на востокъ; а потомъ, вмѣстѣ съ рѣкой того же имени, поварачиваетъ на юго-востокъ. Мѣсто этого поворота мы впоследствии укажемъ. Будугенъ служитъ водораздѣльнымъ хребтомъ между системой Буксоя и Эдира; сѣверный склонъ его, по которому мы поднимались, называется *Окзомъ*. По Окзому есть болотистый распадокъ, но именно потому, что распадокъ болотистъ, мы по нему не поѣхали, а поднялись по сухому лѣвому его склону (лѣвому—считая по теченію ручейка, едва пробивающагося между кочекъ болота Окзомъ). Подъемъ пологъ, некаменистъ и только лишь въ изголовьяхъ покрытъ густымъ лѣсомъ, въ которомъ, по словамъ монголовъ, водятся медвѣди, кабаны, изюбри и косули. Въ лѣсу мы встрѣтили монгола, собирающаго мокъ (грибы). Единственное, что изъ отрасли промышленности китайцы привили въ этой части Монголіи—это собираніе грибовъ; но промышленность эта далеко не окупаетъ той данн, какую простодушные номады Монголіи платятъ хитрой эксплуататорской изобрѣтательности китайцевъ, массой выгоняющихъ богатство монгола—скоть.

Въ верховьяхъ Окзома, у опушки лѣса, подъемъ кочковать и болотистъ, но проѣздъ чрезъ болото не затруднителенъ даже для телѣжной ѣзды, такъ какъ болото тонкой грязи не имѣетъ.

Весь подъемъ на вершину Бугдугена мы сдѣлали въ три четверти часа. На вершинѣ хребта стоитъ обо извѣстный подъ именемъ *Анидай*. Обо, какъ и вездѣ, состоитъ изъ кучи камней, съ торчащими поверхъ ея древесными вѣтвями. Лицевая сторона Обо и нишъ обращены на югъ. Вѣтви Обо обвѣшаны миткалемъ (шанхай), хадаками и конскимъ волосомъ; въ ниши привѣшенъ бурханъ Будда, а по бокамъ ея торчатъ деревянныя сабли и ружья.

Отъ вершины хребта Бугдугень идутъ уже кочевья Баторъ-Гунскаго хашуна. Съ пункта Обо Ангадай видѣнь на югѣ хребетъ Боро-Бургасу нуру, сопровождающій правый берегъ р. Бугдугень. На право отъ Ангадай начинаются верховья р. *Андайн-Булузъ*, лѣваго притока р. Бугдугень, а прямо распадокъ же *Бодо*. Внизъ по этому распадку мы и начали спускъ. Спускъ пологъ, не каменистъ, бѣдно покрытъ кормовыми травами и обнаженъ отъ древесной растительности, дорога по нему идетъ правымъ берегомъ текущаго по нему ручейка.

Спустившись съ вершины Бугдугена, мы вошли въ довольно ширскую долину рѣки того же имени. На площади этой долины, кучкой, недалеко другъ отъ друга, стояло семь юртъ, возлѣ которыхъ бродило много разнаго скота. Эти семь юртъ представляли изъ себя какъ бы небольшую кочевую колонію. Такое впечатлѣніе онѣ на насъ произвели потому, что мы до сихъ поръ встрѣчали лишь одиноко стоящія юрты. Жители колоніи были очень оживлены. Почти изъ каждой юрты раздавался шумливый говоръ, пѣсни, визгъ бабъ и плачь дѣтей. Дѣло въ томъ, что номады, по какому то случаю, загуляли, и во всей колоніи, какъ мы потомъ узнали, исключая дѣтей, никого не было трезваго. Сердитый лай собакъ, давшій знать о нашемъ приѣздѣ, вызвалъ кой кого изъ юртъ поглядѣть: «чего ради лаютъ собаки?» Вышедшія изъ юрты монголки, крикомъ своимъ: «шара оросутъ ябана!» (русскіе ѣдутъ), взбудоражили всю пьяную колонію. На крикъ этотъ, номады, пошатываясь, шумною толпой вылѣзли изъ своихъ юртъ къ намъ на встрѣчу. Возбужденное хмѣлемъ состояніе монголовъ, пьяный безсвязный ихъ разговоръ или, вѣрнѣе, крикъ, визгъ бабъ, плачь ребятишекъ, вой собакъ, всеобщій хаосъ, безтолковщина, — все это живо напомнило намъ родныя, праздничныя картины нашихъ захоlustьевъ. Для полноты картины

не доставало лишь одного, именно юрты, на которой красовалась бы размалеванная вывеска съ любезной сердцу россиянина надписью: «распивочно и на выносъ». Пьяная толпа обступила насъ со всехъ сторонъ, лишила возможности двинуться впередъ, и до тѣхъ поръ держала насъ въ осадномъ положеніи, покуда мы чуть ли не каждому порознь на ихъ неизмѣнные вопросы: «откуда мы, куда ѣдемъ, какъ насъ зовутъ, здоровы ли мы, жирны ли наши чиновники, что веземъ для продажи и проч. Какъ ни досадно, а дѣлать нечего, — нужно было, въ виду избѣжанія неприятностей, отвѣчать на самые глупые вопросы въ родѣ того — не купишь ли у насъ хухынъ (дѣвицу) — и вмѣстѣ съ тѣмъ не отказывать въ просьбѣ дать табаку.

Мнѣ кажется, что мало кто бываетъ такъ радъ лѣту, какъ номады Монголіи. Всю зиму... зиму длинную, суровую... зиму съ вьюгами, трескучими, сорокоградусными морозами, номады проводятъ зачастую въ дырявой, и вообще въ холодной юртѣ, защищающей своего хозяина только лишь отъ непогоды и бури, но не отъ стужи. Зимой юрта также холодна, какъ и внѣшняя температура воздуха. Мы ужь знаемъ, что юрта согрѣвается не печью, а просто на полу посрединѣ раскладывается огонь, выдѣляющаяся отъ котораго теплота все уходитъ въ урхо (дымовое отверстіе). Одежа у большинства номадовъ плоха, обувь тоже. И корчится бѣдный номады всю лютую зиму, сидя у очага. Ъсть печего... Молочной пищи мало, а мясо далеко не всякому по средствамъ часто употребить: приходится одной лишь чайной бурдой наполнять свое брюхо, быть всегда голоднымъ и постоянно дрожать отъ холода. Беззаботный лѣтомъ, номады пристигнутый суровой зимой, вьюгами, холодомъ и голодомъ, дѣлается унылымъ, безжизненнымъ, мучительно апатично коротающимъ день за день. Но вотъ приходитъ весна, а съ нею и тепло въ при-

родъ все встрепенулось, ожило: молодые сочные побѣги травы «поправили» скоть... кобылы и коровы даютъ хорошій удой... Молока вдоволь—хоть купайся. Скоть, изъ захудалаго, опаршивѣвшаго въ долгую зиму, дѣлается жирнымъ, добрымъ. Со скотомъ оживаетъ и монголь. Теплые лучи солнца и его пригрѣли и оживили. Холодъ не гнететь его... къ тому же онъ сытъ... Пробудившійся духъ ищетъ простора... Монотонная жизнь требуетъ развлеченій... И номадъ устраиваетъ празднества,—торжество обо смѣняется гуримами, гуримы чередуются съ тайлагонами,—затѣваются свадьбы—на всѣхъ этихъ торжествахъ идетъ круговая попойка... Спиртуозы пробуждаютъ жизнь въ номадѣ, возбуждаютъ спящія его нервы, заставляютъ забыться и выйдти изъ круга, до тошноты одуряющей своимъ однообразіемъ, жизни. И номадъ пьетъ безъ удержу. Пьетъ не только на общихъ празднествахъ, пьетъ и дома, въ одиночку; котель, перегоняющій молоко въ водку, не сходитъ съ очага.... Да... Если монголь и пьянствуетъ все лѣто на пролетъ—дивится вчему.

Оторванный судьбою отъ культурной жизни, онъ ищетъ въ пьянствѣ забвенія; причудливая игра фантазіи пьянаго человѣка доставляетъ ему особенное наслажденіе. Пьянствуя, монголь какъ бы торопится насладиться благами лѣта,—лѣта, дающаго ему возможность имѣть спиртной напитокъ; номадъ хочетъ нагуляться въ волю, чтобы потомъ въ продолженіе холодной и скучной зимы опять сжаться, уничтожиться, терпѣть голодъ и холодъ. Природа, сковывая все зимой, какъ бы оцѣпеняетъ и духъ номада; ему, какъ и скоту, зимой придется паршивѣть и жить жиромъ, нагуляннымъ въ продолженіе благодатнаго лѣта.

Признаюсь, что пьяная толпа номадовъ, обступившая насъ и надоѣдающая своими разспросами и попрошайствомъ, далеко не возбуждала во мнѣ чувства отвращенія,—того чувства гад-

ливости, какое обыкновенно приходилось испытывать при видѣ дикаго разгула нашихъ пьяныхъ тунчанъ, жизнь для которыхъ и условія ея далеко таки не злая мачиха. При видѣ забывшихъ все и вся номадовъ, мнѣ хотѣлось слѣзть съ коня, вмѣшаться въ ихъ толпу и воспріять въ себя тѣ движенія души, какія волнуютъ ихъ въ данный моментъ. Мнѣ казалось, что я понималъ, что монголъ только лишь въ такомъ состояніи и счастливъ.....

Только, что мы успѣли отѣхать нѣсколько десятковъ саженой отъ веселой толпы монголовъ, какъ одинъ изъ номадовъ сѣлъ на коня и что есть духу помчался въ догонку намъ; поровнявшись, выпучилъ глаза и широко раскрылъ ротъ; пьяный номадъ, вѣроятно, хотѣлъ что-то сказать, или спросить о чемъ нибудь; но вмѣсто членораздѣльныхъ звуковъ, изъ его глотки раздалось одно только лишь мычаніе; потерявъ же надежду вымолвить хоть словечко, номадъ круто поворотилъ свою лошадь и поскакалъ во весь карьеръ, изъ стороны въ сторону пошатываясь на сѣдлѣ... Долго слѣдилъ я за этимъ номадомъ... Мнѣ казалось, что вотъ, вотъ слетитъ онъ съ коня и расшибетъ себѣ голову; но номадъ точно приросъ къ сѣдлу и на вѣрное можно сказать, что онъ тогда лишь слетитъ съ сѣдла, когда споткнется конь, а это послѣднее рѣдко бываетъ.

У подножія спуска, на восточной сторонѣ колоніи мы замѣтили остатки китайскихъ городищъ въ числѣ трехъ кучъ; кучи имѣютъ круглую ограду. Миновавъ колонію, мы по устью рѣки Богдо дошли до береговъ р. Бугдугунъ: отъ устья сдѣлали крутой поворотъ на юго-востокъ и пошли внизъ по теченію р. Бугдугунъ, правымъ его берегомъ.

По показанію Г. Н. Потанина, «рѣка Бугдыгэнъ беретъ начало (на сѣверо-западѣ) изъ горы Уланъ-Халцагай, отстоящей къ югу отъ г. Байнъ-дзюрку» (256 ст. В. 1-й). Показаніе это согласно съ дѣйствительностію. Почти съ самой

вершины своей рѣка Бугдугунъ течетъ вдоль ущелья, изголовья котораго густо поросли листвяничнымъ лѣсомъ. Затѣмъ немного выше устья лѣваго своего притока р. *Анадай-Булукъ*, Бугдугунъ выходитъ изъ ущелья и течетъ узкимъ распадкомъ; чрезъ версту же, послѣ принятія въ себя р. Богдо, проходитъ уже широкон долиной. Собственно русло рѣки имѣетъ до двухъ саженой ширины, каменисто; теченіе воды быстро, горнаго характера; глубина воды не превышаетъ аршина... Дальнѣйшее же продолженіе теченія рѣки мы будемъ описывать по мѣрѣ прохода внизъ по ея теченію.

На лѣвой сторонѣ устья р. Богдо, близъ самой дороги, мы вновь встрѣтили остатки китайскихъ городищъ. Кергесе-чило расположены правильной линіей вдоль лѣваго берега р. Бугдугунъ. Около кучъ или, вѣрнѣе, внѣ ихъ круглой ограды торчатъ стоймя поставленныя громадныя гранитныя плиты; слѣдовъ надписей на этихъ плитахъ незамѣтно. Кромѣ городищъ лѣваго берега рѣки, виднѣются и на противоположномъ берегу три громадныя кучи Кергесе-чило. Такимъ образомъ, если мы вспомнимъ про Кергесе-чило, которыя расположены близъ колоніи, то будемъ вправѣ заключить, что три эти кучи суть остатки сторожеваго пикета, которыхъ охранялъ съ запада и сѣвера входъ въ городище. Двѣ, повидимому, главныя кучи имѣютъ четырехугольную ограду. Замѣчательно, что встрѣчаемые нами остатки китайскихъ городищъ, начиная отъ долины рѣки Буксой, имѣютъ ограду четырехугольной формы, съ башнями по угламъ, а не круглую и безъ башень, какъ то въ долинѣ р. Былтысъ, Шобутей и Муриго-хажу. Впрочемъ, Гр. Н. Потанинъ замѣчаетъ, что онъ въ верховья р. Делгиръ-Муринь въ долинѣ р. Дзак-цзу встрѣтилъ городище съ четырехугольной оградой.

Близъ большихъ кучъ, что на правомъ берегу р. Бугдугунъ, стоятъ три лѣтнихъ юрты.

Мы продолжали проходить лѣвымъ берегомъ рѣки, которая этой своей стороной прибивается къ подошвѣ скалистыхъ обнаженныхъ горъ; дорога пролегаетъ между розсышей гранита и нѣсколько затруднительна для проѣзда. Миновавъ розсыши, мы вошли въ широкую долину у сѣверо-восточнаго края которой стояло три лѣтнихъ юрты; на конусообразной крышѣ этихъ юртъ разостланъ былъ для просушки мокъ (грибы). Послѣ того оживленія, какое мы встрѣтили въ колоніи, юрты эти казались пустынными, не живыми. Хотя солнце еще не закатилось, но мы порѣшили остановиться близь юртъ на ночлегъ; приворотили къ берегу рѣки и у подошвы горы *Шандамъ-му* разбили свою палатку.

Шандамъ-му, есть названіе одной изъ вершинъ хребта Боро-Бургасаъ-нуру. Хребетъ этотъ, начиная отсюда, дѣлаетъ подъ угломъ загибъ къ юго-востоку; точно также какъ и противоположный хребетъ Бугдугунъ вмѣстѣ съ рѣкой круто поворачиваютъ къ юго-востоку же.

Возвышенность Шандамъ-му почитается монголами за священную; на вершинѣ ея есть Обо; къ этому Обо каждый годъ лѣтомъ, около двадцатыхъ чиселъ іюня, собираются монголы для принесенія жертвы злему духу *Шандамъ*. Именемъ этого духа и названа возвышенность (Шандам — собственное имя духа, му-худой). Изъ общей картины мѣстности г. Шандамъ-му выдѣляется уровнемъ своей высоты и еще тѣмъ, что сѣверный склонъ ея покрытъ молодымъ лиственничнымъ лѣсомъ, тогда какъ остальные склоны горъ обнажены. Сторона Шандамъ-му, обращенная къ рѣкѣ, скалиста и почти отвѣсна; къ подошвѣ ея плотно прижался правый берегъ р. Бугдугунъ; на лѣвомъ же берегу, гдѣ мы остановились, растеть около десятка лиственничныхъ деревьевъ, единственныхъ среди обнаженной мѣстности.

Мимо нашей палатки, почти до самого заката солнца, то и дѣло, мчаеь во весь карьеръ, проѣзжали пьяные монголы, напѣвая какую то, по мотиву, волчью пѣсню. Къ радости моей, ни одинъ изъ монголовъ не приворотилъ къ палаткѣ. Правду сказать, я опасался визитовъ пьяной компаніи, которая, принявъ насъ за купцовъ, могла надѣлать дерзостей, а въ крайнемъ случаѣ надоѣсть безтолковой болтовней и тѣмъ мѣшать работать.

Сегодня мы, не считая остановокъ, ѣхали четыре слишкомъ часа. День былъ холодный и до самого вечера дулъ рѣзкій сѣверо-западный вѣтеръ; вечеромъ же нельзя было сидѣть безъ шубы. Прощай, значить, лѣто. Да оно такъ и должно быть; сегодня, по монгольскому счету, уже первое число осенняго мѣсяца.

26 іюля. Внизъ по р. Будунунъ до р. Буингъ.

Вчерашняя ночь не обошлась безъ приключеній. То, чего мы опасались въ Билтыскомъ харулѣ, чуть не осуществилось здѣсь, именно: два монгола покушались уворовать у насъ лошадей. Часовъ около двѣнадцати ночи, воры подѣхали къ нашему стойбищу и, пожалуй, если бы мы спали, они увели бы коня, тѣмъ болѣе, что и ночь была темна. Къ неблагополучію воровъ, я долго сидѣлъ съ вечера и занимался; не прошло и получаса послѣ того, какъ загашена была свѣча, монголы тихо подѣхали къ стоящимъ на привязи конямъ. Кони зафыркали. Это встревожило меня. Я разбудилъ Степана и вдвоемъ съ нимъ вышелъ изъ палатки и громко вскрикнулъ. Не ожидая такой бдительности, воры струсили и быстро умчались вверхъ по берегу рѣки. Осмотрѣвъ своихъ лошадей, мы, «для острастки воровъ», какъ выразился Степанъ, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ винтовки.... Ворами не удалось увести нашихъ лошадей, но благодаря ихъ поползновенію, мы, опасаясь за цѣлость лошадей, не могли уснуть; не привлека-

тельная перспектива—остаться пѣшкомъ далеко отогнала отъ насъ сонъ..... То ли вслѣдствіе нашей бдительности, частымъ окликаемъ, выстрѣламъ, то ли по другимъ причинамъ, но только лишь никто больше уже не дѣлалъ попытки увести нашихъ лошадей.

Мы забыли упомянуть, что еще въ До-гунскомъ хашунѣ монголы насъ предупреждали и совѣтовали быть осторожными во время проѣзда чрезъ Баторъ-гунскій хашунъ, кочевники котораго изстари пріобрѣли себѣ худую славу, какъ *хулушинъ олосъ* (вороватый народъ).

Утромъ, чуть только начало зориться, изъ сосѣдней юрты пришелъ къ намъ въ палатку монголъ. Вопросъ его: «тахыръ сайнъ ноерсо?», т. е. хорошо ли мы провели ночь», быть можетъ подъ впечатлѣніемъ ночной тревоги, показался мнѣ насмѣшливымъ. Такъ что когда номадъ дальше спросилъ о причинахъ ночной стрѣльбы, я со злостію рассказалъ ему, въ чемъ дѣло, причемъ не мало досталось отъ меня упрековъ жителямъ хашуна, пріобрѣвшимъ славу воровъ. На мою злобную тираду, монголъ глубокомысленно замѣтилъ: «Ю хелымъ? Манай газараса тима-има олосъ би-и-байна!», т. е. что и говорить? Въ нашей землѣ сякой-такой народъ дѣйствительно есть. Такимъ отвѣтомъ номадъ ясно далъ понять, что мы на будущее время должны быть осторожны и ожидать со стороны монголовъ повторенія попытки—увести нашихъ лошадей... Посмотримъ, что будетъ.....

Утро было свѣжее, тихое, безоблачное и день, повидимому, обѣщалъ быть хорошимъ. Отдохнувъ немного послѣ бессонной ночи, мы собрались въ путь.

Отъ мѣста ночевки дорога шла лѣвымъ берегомъ р. Бугдугунъ прямо на юго-востокъ. Вскорѣ мы перешли на противоположный берегъ рѣки и поднялись на косогоръ. Нужно это было сдѣлать потому, что долина р. Бугдугунъ начала суживаться и берега рѣки были сплошь усѣяны каменными обвалами.

Склоны горъ, идущихъ вдоль праваго берега р. Бугдугенъ, пологи, обнажены и только лишь въ изголовьяхъ своихъ кой-гдѣ покрыты листовяничнымъ лѣсомъ; сопровождающія же лѣвый берегъ, отвѣсны, скалисты, и признаковъ лѣса нигдѣ не примѣтно. Въ долину рѣки трава засохла, пожелтѣла и видъ на нее былъ мраченъ.

Не доходя мѣста суживанія долины, мы встрѣтили остатки китайскихъ городищъ въ числѣ трехъ кучъ; Кергесе-чило расположены треугольникомъ, причемъ острый уголъ обращенъ на востокъ. Каждая изъ кучъ обнесена четырехугольной оградой, съ западной же стороны ихъ видны остатки крѣпостной стѣны, защищавшей основаніе треугольника. Сравнивъ расположеніе этихъ кучъ съ тѣми, что близъ устья р. Богдо, у подошвы спуска съ горы Бугдугунъ и отмѣченныя нами какъ сторожевой пикетъ, то и эти три кучи, расположенныя у начала тѣснаго прохода р. Бугдугунъ, навѣрно можно предположить, имѣли точно такое же сторожевое значеніе, какъ и первыя три.

Противъ Кергесе-чило, на взгорьѣ лѣваго берега р. Бугдугенъ, расположено три лѣтнихъ юрты. Хозяева этихъ юртъ вѣроятно богаты скотомъ, такъ какъ послѣдній массой толпится по берегу рѣки.

Послѣ незначительнаго перехода косогоромъ, мы спустились въ долину рѣки, которая вновь расширилась. Спустившись, мы перешли на лѣвый берегъ рѣки, такъ какъ правымъ она плотно прибилась къ скалистой подошвѣ горъ.

Внизу спуска стоятъ три лѣтнихъ юрты; не вдалекѣ отъ нихъ, на лѣвомъ же берегу рѣки, расположены четыре громадныя кучи Кергесе-чило и вокругъ ихъ масса маленькихъ кучъ. Видимо, что это остатки какого-то большаго поселенія. У большихъ кучъ хорошо сохранились слѣды крѣпостныхъ валовъ, фундамента четырехугольной ограды и башенъ по

угламъ ея; тутъ же стоймя торчатъ громадныя гранитныя плиты. Плиты эти я тщательно осмотрѣлъ, но слѣдовъ надписей на нихъ нигдѣ не нашель.

Начиная отъ китайскихъ городищъ, на югъ открывается видъ на курень Баторъ-гунскаго хашуна. Курень этотъ, по видимому, небольшой и издали кажется кучей старыхъ, ветхихъ построекъ, расположенныхъ какъ попало, безъ всякаго соблюденія симметріи. Надъ беспорядочной кучей низенькихъ построекъ возвышаются три-четыре зданія съ остроконечными крышами, верхушки которыхъ украшены отливающими золотомъ ганжурами (куполами). Возвышающіяся эти зданія издали кажутся сторожевыми башнями, стоящими въ центрѣ группы острожковъ; украшенные золочеными куполами зданія суть дугуны. Жилища же ламъ, ютящіяся вокругъ дугуновъ, обнесенныя высокымъ частоколомъ, надъ поверхностію котораго едва возвышаются крыши, совершенно скрытымъ фасадомъ, дѣйствительно ничего другого, кромѣ сельскихъ острожковъ, и не могутъ напоминать собою. Тамъ-сямъ приставить бы по трехцвѣтной полосатой будочкѣ—и картина томской пересыльной тюрьмы была бы готова.

Курень расположенъ на лѣвомъ берегу р. Бугдугень, въ вершинѣ наклонной плоскости его. Курень небольшой и, по видимому, бѣдный. Всѣ его постройки состоятъ изъ четырехъ остроконечныхъ, крытыхъ драньемъ дугуновъ и двадцати пяти монашескихъ келій. Жилища ламъ деревянныя, съ крышей на одинъ скатъ; крыши эти завалены землей. Среди одиноко стоящихъ монашескихъ келій, двѣ постройки, расположенныя у подошвы горы, что на востокъ, отличаются своею массивностію и оригинальнію архитектуры. Одна изъ этихъ построекъ—длинное предлинное зданіе, точно старинный сибирскій этапъ, къ тому же окрашено оно, какъ и этапъ, въ желтую краску и, кромѣ фасада, обнесено съ трехъ сторонъ

высокимъ частоколомъ. Другое зданіе—это родъ двухъэтажнаго амбара, съ высокой, крытой на четыре ската крышей; со стороны фасада къ обѣимъ этажамъ амбара придѣлана открытая, съ колоннами, галлерей. Обѣ эти постройки принадлежатъ, какъ собственность, двумъ богачамъ-ламамъ. Остальныя же келіи ламъ, равно какъ и дугуны, въ массѣ бѣдны; не видно ни достатка ламъ, ни религіознаго усердія, какъ то у дархатцевъ, заботящихся о «благоустройствѣ» дугуновъ; крыши ихъ гнилы, поросли травой, покривились... все выглядитъ какъ то мрачно, непривѣтливо.....

Поровнявшись съ куренемъ, мы остановились; въ одномъ изъ дугуновъ шло служеніе и я взошелъ въ храмъ Будды..... Какая разница съ дархатскими храмами—этимъ гнѣздомъ ламскаго ханжества! Тамъ каждый день сотни ламъ хуруль хуруле (служать службу); тутъ же всего какой нибудь десятокъ и то почти все мальчишки, во главѣ которыхъ не болѣе двухъ-трехъ ламъ. Служеніе идетъ безъ наружнаго благоговѣнія, прерывается смѣхомъ, перешептываніями, зѣвотой, молитвы читаются не хотя, вяло, какъ будто изъ подъ палки. Не видно никакого религіознаго настроенія; нѣтъ дархатской образцовой стройности въ чтеніи молитвъ. Каждый мальчишка, не въ тактъ съ другими, машинально, читая молитвы, видимо такъ и наровитъ поскорѣе «отвалить положенное по уставу»; затѣмъ юркнутъ изъ дугуна и предаться обыкновеннымъ житейскимъ занятіямъ свойственнымъ его возрасту; очевидно мысли его далеко бродятъ, даже отъ поползновенія предаться религіознымъ размышленіямъ. На каждомъ лицѣ написано—не отвратительное ханжество дархатца, его еже-секундная готовность пуститься въ разсужденія о религіозныхъ бредняхъ,—нѣтъ—написано, что это вольные сыны природы, чуждые всякой мысли маскировать елейнымъ видомъ далеко не аскетическіе свои подвиги; видно что, «подростки» эти по случаю,

по традиціи надѣли на себя духовный костюмъ и обрили голову; читають они молитвы, не съ благоговѣніемъ, а какъ бы по тяжелой обязанности: «такъ де нужно — чтожъ дѣлать? посижу погорланю!» Эти мои наблюденія подтверждалъ самъ Аймаганъ-гускуй (уставщикъ и благочинный), то и дѣло прибѣгающій къ посредству палки, чтобы заставить ламъ не зѣвать по сторонамъ. Аймаганъ-гускуй не утомимо покрикивалъ и тыкалъ палкой въ спины ламъ, побуждая ихъ къ чтенію и благочестивому вниманію къ совершаемому богослуженію. Но и обильно раздающая удары палка Аймаганъ-гускуя оказалась безсильной при моемъ появленіи въ дугунѣ. Завидѣвъ меня, большая половина ламъ прекратила свое чтеніе молитвъ, повскакивала съ мѣсть и съ любопытствомъ, скаля зубы, начала разсматривать меня; богослуженіе же было забыто. Крикъ Аймаганъ-гускуя, усердные удары палкой не всѣхъ ламъ сразу заставили обратиться къ прерванному чтенію молитвъ.... Постороннихъ молящихся въ дугунѣ не было.

Кромѣ бѣдности и ободранности, я ничего особеннаго не замѣтилъ во внутренней обстановкѣ дугуна. Пантеонъ боговъ бѣденъ, внутренность самага дугуна темна, мрачна; во всемъ видна запущенность, небрежность; вездѣ грязь; нѣтъ ни той сравнительной чистоты, ни украшеній, какія составляютъ особенность Дархатскаго и Ми-гунскаго куреня. Не видно также толстыхъ, жирныхъ духовныхъ сановниковъ; не стоятъ рядомъ съ ними и тощіе, изнуренные, оборванные прислужники-хабараци; не видно вокругъ куреня и юртъ — этихъ обиталищъ нищенской проституціи ламъ. Очевидно, что Бугдугунскій курень, не только не представляетъ изъ себя центра жизни, но даже не есть постоянное мѣсто жительства ламъ. Судя по запущеннымъ ихъ келіямъ, видно, что аскеты-ламы, только лишь временно пріѣзжаютъ въ свои кельи, построенныя близъ дугуновъ для монашескихъ подвиговъ — провожденія времени

въ молитвѣ и воздержанія отъ благъ земныхъ. Въ послѣдствіи мы узнали, что всѣ ламы, числящіеся при куренѣ, постоянно живутъ въ кудонахъ (улусахъ) и живутъ обыкновенною жизнію всѣхъ смертныхъ: имѣютъ женъ, дѣтей и полное хозяйство; въ куренъ же заглядываютъ по временамъ и то очень рѣдко, предоставляя дѣло молитвъ мальчишкамъ - школьникамъ *). Представители ламскаго духовенства, Батор-гунскаго, не будучи никогда аскетами, отлично понимаютъ, что имѣть семью и хозяйство въ житейскомъ отношеніи несравненно удобнѣе аскетическихъ подвиговъ, награда за которые обѣщается въ болѣе или менѣе безсрочно-отдаленномъ будущемъ, тѣмъ болѣе, что досконально неизвѣстно, что это за награда. Послѣ разрушенія носимой человѣкомъ оболочки, душа, быть можетъ, приметъ оболочку гада, птицы, звѣря; насколько же пріятно быть въ звѣриной шкурѣ—никто не знаетъ. Такъ не лучше ли пожить человѣческою жизнію, и въ теченіе ея воспользо-ваться всѣмъ, что она предлагаетъ и что доступно по находящимся въ распоряженіи средствамъ и силамъ?!..... Что ламы, руководствуясь такими соображеніями, дѣйствительно живутъ полною жизнію номада, мы вскорѣ имѣли и доказательства.

Въ Бугдугунскомъ куренѣ чрезъ три дня предполагался праздникъ «цама». (Цамъ—представленіе въ лицахъ борьбы добрыхъ духовъ со злыми. Одни изъ ламъ въ формѣ масокъ надѣваютъ изображенія добрыхъ духовъ, а другіе злыхъ, и при громадномъ стеченіи народа ведутъ между собою борьбу). Такъ вотъ, мы, оставивъ куренъ, по дорогѣ то и дѣло встрѣчали толпы ламъ, ѣдущихъ въ куренъ. Почти каждый лама вель съ собою либо лошадь, либо верблюда навьюченнаго про-

*) При куренѣ есть тибетско-монгольская школа. Учитель въ ней—старикъ-лама. Въ школѣ учителя до сорока мальчиковъ. Замѣчательно, что школу, какъ зданіе, составляетъ одинъ изъ главныхъ дугуновъ—и обученіе мальчиковъ замѣняетъ собою отправление церковнаго богослуженія.

визіей: мясомъ, кукурами (кожанная фляга) съ молокомъ, таракомъ, кумысомъ и пр. Съ ламами ѣхали ихъ жены и дѣти. При этомъ нужно замѣтить, что ни одинъ изъ ламъ на вопросъ нашъ: «хенеи хашунъ, хенеи хухетъ», т. е. чья жена, чьи дѣти, — не скрываясь отвѣчалъ «манай» (мой); тогда какъ лама дархатскаго куреня ни за что не сознается, что онъ имѣетъ жену и дѣтей. Если вы увидите его окруженнымъ семействомъ, онъ, какъ лукавый лицемѣръ, нагло будетъ утверждать, что дѣти не его и что мать этихъ дѣтей, живя въ его юртѣ, исправляетъ обязанности не жены, а «тогоши», т. е. кухарки. Въ этомъ отношеніи дархатскіе ламы напоминаютъ собою католическихъ патеровъ.....

Нѣсколько подальше отъ куреня долина р. Бугдугунъ опять суживается и дорога переходитъ на правый берегъ рѣки; такъ какъ эта послѣдняя правымъ своимъ берегомъ прибивается къ подошвѣ скалистыхъ обнаженныхъ горъ. Почва долины, а съ нею вмѣстѣ и дорога, дѣлается все болѣе и болѣе каменистой.

Послѣ небольшого прохода тѣснымъ распадкомъ долина р. Бугдугена вновь расширяется. Вышедшій, устьемъ съ сѣверо-запада, распадокъ *Уланъ-гергеней* (красная коса) и съ юго-востока, устьемъ же, распадокъ *Хотон* (поселеніе) — образуютъ значительный циркъ съ четырьмя выходами. Площадь цирка имѣетъ въ діаметрѣ до одной версты; на ней, у лѣваго берега р. Бугдугунъ, стоятъ четыре лѣтнихъ юрты. Распадки *Уланъ-гергеней* и *Хотонъ* широки; имѣютъ русла съ текущей по нимъ водой и вершины ихъ покрыты листвяничнымъ лѣсомъ. Близъ устья обоихъ распадковъ стоятъ лѣтнія юрты монголовъ; въ вершинахъ же расположены зимніе хашаны. У конца же cadaго устья, при соединеніи его съ долиной р. Бугдугуна, видны остатки китайскихъ городищъ, окруженные четырехугольной оградой, съ башнями по угламъ ея и

крѣпостнымъ валомъ. Городища эти расположены по правымъ берегамъ устья. Минуя устье распадка Хотонъ, мы встрѣтились съ приказчикомъ бійскаго купца Гилева. Приказчикъ этотъ странствовалъ по Монголіи за сборомъ тарбаганьихъ шкурокъ, и, по его словамъ, успѣлъ собрать ихъ цѣлую массу. Отъ торгаша этого я, между прочимъ, узналъ, что въ общей сложности, стоимость каждой шкурки обошлась цѣною *трехъ голокъ*. Это, значитъ, почти даромъ. Между тѣмъ, эта грошевая въ Монголіи шкурка, въ Ирбитѣ продается отъ десяти до пятнадцати копѣекъ. При такихъ условіяхъ торговли, конечно, можно быть «пузой». Читатель, разумѣется, не забылъ, что китайское: «пуза», по-русски значитъ: купецъ.

Разставшись съ приказчикомъ, мы съѣхались съ толпою ламъ, ѣдущихъ въ курень. Лоснящіяся отъ жира щеки, веселый видъ этихъ ламъ, вовсе не говорилъ о томъ, что это *аскеты*. Спереди сѣдла почти у каждого ламы сидѣли дѣти, тоже одѣтыя въ ламскій костюмъ. Одинъ изъ этихъ ламъ, обращаясь къ намъ съ привѣтствіемъ, вмѣсто обычнаго: «амиръ-сайханъ», сказалъ «здарасъ», причемъ улыбнулся во всю ширину своей толстой рожи. Его «здарасъ» должно было обозначать наше «здравствуй». Довольный тѣмъ, что пришлось показать весь свой запасъ знанія русскаго языка, лама разговорился съ нами; онъ подробно разсказалъ намъ про свою бывальщину въ Кяхтѣ и знакомство съ русскими. Изъ разговора съ этимъ номадомъ, я убѣдился, что онъ, кромѣ одного исковерканнаго слова «здарасъ», да самой отборной русской брани, четко имъ выговариваемой, ни одного «путняго» слова больше не зналъ. Нельзя отнести къ чести кяхтинцевъ (да однихъ ли ихъ?) то, что номады, бывая у нихъ, сталкиваясь съ русскими, изъ этого столкновенія «съ цивилизованными людьми» только и выносятъ, что знаніе ругани. Грустно и въ тоже время противно было слушать словоохотливаго монгола, бесѣда котораго

пестрѣла крѣпкими словами, знаніемъ которыхъ номады очевидно щеголялъ предъ нами.

Простившись съ монголомъ, «воспріявшимъ начало русской цивилизаціи», мы вскорѣ дошли до конца площади цирка; вновь вошли въ узкій проходъ р. Бугдугуна и поднялись на косогоръ праваго берега рѣки. Косогоръ этотъ, съ сѣверо-запада на востокъ, прорѣзывается распадкомъ *Талайнъ-Булукъ* (степной ключъ). Устье распадка, какъ и самъ онъ, широко, съ небольшимъ пробивающимся по срединѣ его ручейкомъ, теченіе котораго, глыбами камней завалившихъ русло, разбивается на мелкія струйки. У амана (устья) распадка видны остатки китайскихъ городищъ и близь нихъ четыре лѣтнихъ юрты. Всѣ юрты новенькія, чистыя, бѣлыя, не закопченныя. Послѣ спуска на дно распадка *Талайнъ-Булукъ*, вновь начинается подъемъ на правый его берегъ и затѣмъ опять спускъ къ устью распадка же *Сысырлыкъ*. Аманъ р. Сысырлыка отодвигаетъ теченіе р. Бугдугунъ къ подошвѣ лѣвыхъ его горъ и тѣмъ образываетъ полуциркъ, на площади котораго расположено въ одной кучѣ восемь лѣтнихъ юртъ; въ верховьяхъ распадка *Сысырлыкъ*, на горныхъ площадкахъ, виднѣются зимнія хашаны; у устья же остатки китайскихъ городищъ.

Проѣзжая площадью полуцирка, мы сошлись съ караваномъ, состоящимъ изъ двухъ верблюдовъ и четырехъ лошадей. Караванъ этотъ сопровождали три ламы. Они транспортировали изъ Богдо-курена въ Улясутай тюки Ганжуръ-Данжура и другихъ священныхъ книгъ. Тюки книгъ были закупорены въ большіе деревянные ящики. Окончивъ проходъ полуциркомъ, мы переѣхали на лѣвый берегъ рѣки Бугдугуна, пересѣкли сухое русло устья распадка *Бичаханъ* (маленькій) и поднялись на горный отлогъ, замыкающій площадь полуцирка. Не забудемъ отмѣтить, что и у амана *Бичаханъ* есть остатки китайскихъ городищъ съ четырехугольной оградой. Именемъ рас-

падка—Бичаханъ—называется и отлогъ. Спускъ съ отлога, какъ и подъемъ, не крутъ. За от. Бичаханъ, съ правой стороны рѣки вышелъ Аманъ рѣки *Эче-голь*. Рѣка Эче-голь течетъ съ сѣверо-запада вдоль каменистаго ущелья, стѣны котораго высоки, отвѣсны и обнажены. Поровнявшись съ устьемъ р. Эче-голь, дорога, наискось, переходитъ на правый берегъ Бугдугуна, минуетъ р. Эче-голь и сразу же пересѣкаетъ устье другой рѣки—*Наринъ-голь* (тоненькая рѣка). Противъ амана р. Наринъ-голь съ сѣверо-востока, по распадку выпалъ новый притокъ *Музуръ-Булукъ* (безверхій ручей). У устья р. Мухуръ-булукъ стоятъ двѣ лѣтнихъ монгольскихъ юрты. Но всѣ эти три устья (р. Эче-голь, Наринъ-голь и Мухуръ-булукъ) не расширили долины р. Бугдугунъ, и послѣдній, прибившись лѣвымъ своимъ берегомъ къ скалистой подошвѣ горъ, течетъ тѣснымъ каменистымъ проходомъ; только послѣ принятія въ себя съ правой стороны устья р. Уту-Булукъ (длинный ручей), побережья Бугдугуна дѣлаются болѣе широкими.....

Сегодня было очень, очень жарко.... горизонтъ чистъ.... Погода тихая.... солнце, какъ никогда раньше, жгло.... двѣнадцать слишкомъ часовъ... продолжать путь было утомительно для насъ, и въ особенности для лошадей.... Мы рады были встрѣтить широкое, не каменистое, покрытое роскошнымъ кормомъ устье р. Уту-Булукъ и, воспользовавшись удобствомъ мѣста, остановились на роздыхъ.

Какія рѣзкія перемены! Вчера безъ шубы нельзя было сидѣть въ палаткѣ.... по горамъ лежалъ толстымъ слоемъ выпавшій недавно снѣгъ... дулъ рѣзкій пронзительный вѣтеръ.... сегодня же невыносимый зной; почти съ самаго утра до того было жарко, что у меня разболѣлась голова и съ лошадей, не смотря на тихую нашу ѣзду, потъ просто градомъ катился. Если тихая погода продолжится и до вечера, то это будетъ первый лѣтній день, встрѣченный нами въ Монголіи.

Къ мѣсту нашей остановки подъѣхали два китаецъ. Попивая съ нами чаекъ, китаецы рассказали намъ, что они ѣздили въ верховья р. Делгирь-Муринъ и р. Тесъ; товаръ свой обмѣняли на скоть, который и гонять теперь въ Богдо-Курень (Ургу тожь). Между прочимъ, китаецы эти горько жаловались намъ «на мошенниковъ монголовъ», которые двѣ ночи тому назадъ украли у нихъ трехъ быковъ. Какъ ни разыскивали китаецы свою пропажу—не могли найдти даже и слѣдовъ ея. Пропажи же жалко. Такъ вотъ наши собесѣдники китаецы и ѣдутъ къ Гуиъ-ноену Батиръ-Гунскаго хашуна съ просьбой, чтобы онъ приказалъ своимъ хашунцамъ возвратитъ увороваанныхъ быковъ. Но удастся ли китаецамъ возвратитъ свою пропажу—это вопросъ.

Замѣчательно, что не смотря на всѣ варварскія кары, какимъ подвергаются монголы за воровство, какъ-то: отмораживанію и отгниенію ногъ, отсѣченію рукъ, заключенію въ ящики, пыткамъ, смертной казни и проч., номады все-таки не упустиятъ благоприятнаго случая украсть что-нибудь. Воруютъ они не только у пріѣзжающихъ чужеземцевъ, не только другъ у друга, воруютъ даже и у гуновъ. Примѣры жестокой кары, мученія наказанныхъ, жалкій видъ калѣкъ, оставшихся безъ рукъ и ногъ, не устрашаютъ номадовъ. Очевидно азіатски звѣрская, жестокость наказаній за воровство, практикуемая въ Монголіи, не имѣетъ нравственно воспитательнаго значенія. Что можетъ быть лютѣе, напр., слѣдующаго наказанія. Одинъ монголь, довольно зажиточный (уветей-хунъ-бише) украсть у Гуна—До-гунскаго хашуна, хорошаго цѣннаго коня-иноходца, съумѣлъ сбыть его въ Богдо-Курень и благополучно пріѣхалъ домой. Пошли розыски. Такъ какъ укравшій коня былъ не бѣденъ, то на него, меньше чѣмъ на другихъ падало подозрѣніе. Но воръ все-таки не былъ покоенъ; и, опасаясь раскрытія дѣла, а вслѣдъ за нимъ и горькаго

наказанія, номадь бросилъ домъ, семью, хозяйство и сбѣжалъ. Побѣгъ его ясно далъ понять хашунцамъ—слугамъ Гуна, что сбѣжавшій и есть именно воръ. Гунъ же, жалѣя свою лошадь и дознавъ, кто воръ ея, употребилъ все усилія, чтобы розыскать его. Поиски всеильнаго князя увѣнчались успѣхомъ: воръ былъ пойманъ. Несчастнаго этого номада привели въ Богдо-Жасанъ и начали пытаться, чтобы добиться признанія, гдѣ онъ дѣвалъ коня. пытка нужна была потому, что воръ вначалѣ не признавался въ своемъ преступленіи. Для пытки номада, привязали къ рукамъ и ногамъ ремни и въ горизонтальномъ положеніи, лицомъ книзу, повѣсили его, укрѣпивъ ремни за двѣ перекладины юрты. Потомъ развели дымокуръ и принялись «вплотную жарить» ремнями по спинѣ повѣшеннаго номада, подъ вліяніемъ мучительнаго удушья отъ смердящаго дыма, сильныхъ, разрѣзывающихъ тѣло ударовъ, равно и мукъ повѣшеннаго съ вывороченными руками; номадь не вынесъ пытки, признался въ кражѣ коня и указалъ, кому онъ сбылъ его въ Ургѣ. Добившись своей цѣли, т. е. признанія вора, Гунъ не удовлетворился муками пытки его и приговорилъ номада къ самому варварскому наказанію—отнятію лѣвой руки по локоть и ноги по колѣно. Дѣло было зимой и приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе самымъ жестокимъ способомъ. Избитаго и искалѣченнаго пыткой номада положили на полъ юрты, связали его и такъ крѣпко прикрѣпили къ остову юрты, что номадь не могъ даже пошевелиться. Затѣмъ приподняли край войлока и часть руки и ноги, приговоренныя къ отнятію, выставили на морозъ; причемъ эти части тѣла предварительно завернули въ войлокъ, тѣло ихъ истыкали шиломъ и потомъ поливали водой до тѣхъ поръ, пока части руки и ноги не окоченѣли; удостовѣрившись въ этомъ, отпустили мученика домой. Само собой понятно, что отмороженныя рука и нога вскорѣ же отпали. При этой «изысканной» пыткѣ, достойной

изобрѣтательности лучшаго изъ инквизиторовъ, присутствовалъ все время самъ Гунъ-Ноентъ; слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ ея и какъ-бы наслаждался адскими муками вора. Въ мученіяхъ этихъ Гунъ навѣрно видѣлъ удовлетвореніе собственному чувству мести за дерзость воровства его лошади. Далѣе. Не только пыткой, но и казнью вора Гунъ не удовлетворился; онъ приказалъ какъ бы за протори и убытки, отобрать у вора почти все его достояніе, не смотря на то, что достояніе это, своею цѣною, въ десять разъ превосходило стоимость уворовааннаго коня.

Поймите же послѣ этого, что заставляетъ номада воровать? Не смотря на звѣрское наказаніе, испытанное воромъ, братъ его въ этомъ году въ свою очередь попался въ воровствѣ быка. Навѣрное можно сказать, что и этого вора ожидаетъ не менѣе звѣрское наказаніе, т. е. отнятіе либо руки, либо ноги. Разница лишь развѣ будетъ состоять въ томъ, что наказаніе приведется въ исполненіе не съ такими пытками, такъ какъ воръ укралъ быка у простаго смертнаго, а не у чиновнаго... Кстати замѣтимъ, что воровство среди номадовъ сильно развито, жестокія же мѣры, какъ знаемъ мы изъ историческаго опыта, едва-ли въ состояніи искоренить этотъ порокъ; одно лишь вѣрно, что съ обнищаніемъ Монголіи, идущимъ изъ году въ годъ все болѣе и болѣе по наклонной плоскости, воровство развивается, вкореняется—и номады изоцряются въ немъ. Воровскія способности урянхайцевъ вошли уже въ пословицу.

Отъ мѣста нашей остановки, т. е. отъ устья р. Уту-бугуль, дорога въ долину Эдира идетъ лѣвымъ берегомъ р. Бугдугунъ, побережья которой стѣснены. Даже вышедшіе аманы распадковъ: слѣва *Бурласанъ* и справа *Бургутъ* (орель) не расширяютъ долины теченія р. Бугдугунъ.

У устья двухъ упомянутыхъ распадковъ стоятъ пять лѣтнихъ юртъ монголовъ. Возлѣ одной изъ этихъ юртъ за-

мѣтно было такъ необычное оживленіе. Мы подъѣхали къ этой юртѣ и узнали, что причиной веселья служитъ катаніе войлоковъ. Какъ у русскихъ сибиряковъ есть повсемѣстный праздникъ «капустки» (время заготовленія на зиму капусты, что дѣлается не по найму, а гостями), «овина» (окончаніе молотбы), «ожинокъ» (конецъ страды), «потолки» (мытье потолковъ предъ праздникомъ пасхи) и пр., такъ и у монголовъ въ числѣ другихъ семейнохозяйственныхъ праздниковъ есть «тохомей-нарь», т. е. праздникъ потниковъ (*нарь* собственно значить *ширище*). Для катанія потниковъ, по обычаю номадовъ, собираются въ извѣстную юрту всѣ одноулусники; бываетъ же, что съѣзжаются и изъ другихъ улусовъ и, вмѣстѣ съ работой, устраиваютъ торжество и игры. Во время тохомей-наря, хозяева, у которыхъ сосѣди (айль) въ данное время собрались катать войлоки, обычаемъ обязываются заколоть овцу и вдоволь наготовить тараку, кумысу и архи (молочной водки); въ свою очередь и собирающіеся на праздникъ айлнуть (сосѣди) не приходятъ съ пустыми руками, а приносятъ съ собой *немеръ*, т. е. приношеніе; *немеръ* этотъ, обыкновенно, состоитъ изъ кукуры (фляги) архи (водки). На тохомей-нарь сходятся мужчины, женщины, парни и дѣвушки. Весь этотъ людъ, скатавъ одинъ-два войлока, начинаютъ пировать; поѣдаютъ мясо и другую провизию, но въ особенности много пьютъ архи, такъ что далеко еще до заката солнца всѣ сплошь бываютъ пьяны. Во время же самаго катанія войлоковъ поютъ пѣсни, шутятъ, заигрываютъ другъ съ другомъ; однимъ словомъ—говоръ, шумъ, смѣхъ и веселье кругомъ. Вечеромъ же въ складчину устраивается «*наада*», т. е. вечерка, оканчивающаяся «свальнымъ грѣхомъ». Оставивъ эту веселую компанію, пирующую тохомей-нарь, мы переѣхали черезъ устье р. Бургасанъ. Начиная отъ этого устья, оба берега р. Бугдугунъ поросли высокими густыми кустами тальника,

съ массой между вѣтвями его сорочьихъ гнѣздъ. Нѣсколько дальше отъ Бургасана съ востока вышло устье распадка *Усутей* (водное). Распадокъ *Усутей* широкъ, русло каменисто, не широко и наполнено неглубокой, быстро текущей водой. У мѣста соединенія устья *Чутей* съ долиной р. *Бугдугунъ* расположено восемь чистенькихъ, новенькихъ лѣтнихъ юртъ, и по долину бродить масса скота. Не вдалекѣ отъ этихъ рѣкъ, на берегу р. *Бугдугунъ*, въ чащѣ тальника, стоятъ еще двѣ юрты монголовъ. Дальше отъ этихъ юртъ къ югу, внизъ по теченію рѣки, кусты тальника перемеживаются съ верболозомъ, становятся все гуще и гуще и шире захватываютъ прибрежья р. *Бугдугунъ*. Мы вошли въ эту густолиственную тальниковую чащу, перебрали на лѣвый берегъ рѣки, менѣе заросшій и продолжали путь по каменистой, твердой дорогѣ.

Изголовья горъ праваго берега р. *Бугдугунъ* покрыты листвяничнымъ лѣсомъ, горы же лѣваго берега скалисты и совершенно обнажены, даже травы не видно на ихъ вершинахъ. По причинѣ большой извилистости рѣки, дорога идетъ не долиной ея, а косогоромъ.

Начиная отъ амана р. *Усутей*, рѣка *Бугдугунъ* дѣлается многоводнѣе и съ болѣе широкимъ русломъ; но все-таки глубина воды ея не достигаетъ двухъ аршинъ. Въ рѣкѣ видно много рыбы, — преимущественно хайрузовъ (хадаранъ) и ленковъ (зибе).

Косогоръ лѣваго берега рѣки, по которому мы дѣлали переходъ, прорѣзывается глубокимъ сухимъ ущельемъ, щеки котораго почти отвѣсны, такъ что спускъ въ дно этого ущелья чрезвычайно затруднителенъ: того и глядишь, что конь оборвется. За подъемомъ на противоположный бокъ ущелья, дорога опять тянется косогоромъ. За устьемъ ущелья кусты тальника еще гуще поросли; листвягъ, растущій по склонамъ горъ праваго берега р. *Бугдугунъ*, небольшими рощами началъ показы-

ваться и въ долину р. Вскорѣ мы оставили косогоръ, спустились въ долину, перебрали на правый ея берегъ и все-таки вновь поднялись на косогоръ. Сдѣлали это мы потому, что вся долина р. Бугдугена густо заросла тальниковой чащей, между кустами которой было-бы трудно пробираться.

Невдалекѣ отъ брода, слѣва по теченію рѣки, т. е. съ востока, вышло устье распадка и текущей по нему рѣки *Угыйнъ-Бомъ*. Р. Угыйнъ-Бомъ течетъ широкимъ каменистымъ русломъ; горные бока его широкаго распадка пологи, на площадкахъ выступовъ виднѣются зимніе хашаны. Въ верховьяхъ распадка виднѣется сопка, на верхушкѣ которой, точно нарочно посаженные, растутъ въ рядъ три лиственничныхъ дерева. Сопку эту монголы почитаютъ священной и поставили на ней обо. Дѣйствительно сопка Бомъ обращаетъ на себя вниманіе: горныя вершины, окружающія ее, совершенно оголены и только лишь на ней одной «какимъ-то чудомъ» торчатъ три дерева.

Дальше отъ р. Угыйнъ-Бомъ долина р. Бугдугенъ дѣлается все уже и уже, пока, наконецъ, не переходитъ въ ущелье. Лѣсъ на склонахъ горъ праваго берега рѣки прекращается и только лишь зеленой полосой вдоль теченія р. Бугдугуна продолжаютъ тянуться густые кусты тальника; дорога камениста и трудна для ѣзды. Ущелье это не длинное.

На разстояніи двухчасоваго перехода отъ мѣста нашего отдыха, что было близъ устья р. Уту-Будукъ, въ р. Бугдугенъ справа изливается р. *Буинъ*. Р. Буинъ течетъ дномъ глубокаго тѣснаго распадка; побережья устья его сплошь усѣяны остатками китайскихъ городищъ, среди которыхъ я насчиталъ до десяти громадныхъ кучъ. На лѣвомъ берегу р. Буинъ (добродѣтель) стоитъ «Мани». Дальнѣйшая дорога идетъ бродомъ чрезъ устье р. Буинъ, которое, прибивъ рѣку Бугдугунъ къ подошвѣ лѣвыхъ горъ, расширяетъ долину; слѣдующій же распадокъ *Уланг-Саръ* своимъ устьемъ, еще больше

расширилъ прибрежья р. Бугдугунъ, такъ что дорога съ косо-гора переходитъ уже въ долину рѣки.

У амана р. Уланъ-Саръ также многочисленныя остатки китайскихъ городищъ.

Въ описываемомъ нами мѣстѣ долина р. Бугдугуна богато заросла травой и цвѣтущими злаками и менѣе камениста сравнительно съ другими верховьями рѣки. Въ этой то долинѣ мы и остановились на ночлегъ.

Раньше мы отмѣтили, что сегодняшій день единственный по теплотѣ и ясности погоды; но и этотъ «первый лѣтній день» не кончился, какъ замѣтилъ мой спутникъ, «полюдски». Къ вечеру подулъ съ запада сильный, порывистый и холодный вѣтеръ; надъ горизонтомъ нависли тучи и послѣ заката солнца, по обычаю, пошелъ маленькій дождикъ. Часовъ же въ десять, съ верховьевъ Бугдугуна, пронесся ураганъ и чуть не уничтожилъ нашу палатку; послѣ урагана было тихо, но дождь не переставалъ идти.

Подъ впечатлѣнiемъ случая вчерашней ночи и разказа китайцевъ о воровскихъ наклонностяхъ кочевниковъ Батаръ-Гунскаго хашуна намъ плохо спалось; боязнь лишиться лошадей отогнала сонъ.

27 июля. Переездъ въ долину р. Эдиръ.

Ночь прошла благополучно. Положимъ, почти до глубокой ночи, мимо нашей палатки то и дѣло проѣзжали монголы, но видимо безъ воровскихъ цѣлей.

Благодаря ли тому, что, не перемежаясь, шелъ дождь, или по другой причинѣ, но ночь была не по обычаю теплая. Утромъ, предъ восходомъ солнца, подулъ сѣверо-западный вѣтеръ, тучи все болѣе и болѣе сгущались надъ горизонтомъ и дождикъ, хотя и небольшой, не переставалъ идти; было тепло такъ, что мы сидѣли безъ шубъ.

Отдохнувши не много послѣ безъ сна проведенной ночи, мы, хоть и подъ дождикомъ, отправились дальше. Мнѣ хотѣлось поскорѣе добраться до береговъ р. Эдира; къ тому же я боялся, чтобы съ нами не повторилась такая же исторія, какъ въ долину Наятъ-Модоу. Берега же Эдира, по рассказамъ монголовъ, были близко, на разстояніи всего лишь нѣсколькихъ часовъ ѣзды отъ мѣста нашей стоянки. Дорога продолжаетъ идти вдоль праваго берега р. Бугдугунъ. Съ нами съѣхался большой торговый караванъ богача китаецца Дашина, имѣющаго лавки въ Улясутаѣ. Караванъ состоялъ изъ пятидесяти верблюдовъ; шелъ онъ изъ Урги въ Улясутай подъ наблюдениемъ четырехъ китаецевъ и восьми монголовъ. Разминувшись съ караваномъ, мы перешли на лѣвый берегъ р. Бугдугунъ и отошли отъ береговъ рѣки. Отклонившись отъ р. Бугдугунъ, дорога выходитъ на косогоръ. У начала подъема дорогу пересѣкаетъ сухое устье распадка Олонъ-Толоми-Саганъ-Бургасанъ (ол. много, тол. голова, саг. бѣлый, бур. пруть). Распадокъ этотъ, вѣроятно, такъ названъ потому, что вершина его состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ сопокъ, возвышающихся одна надъ другой. Подъемъ на косогоръ пологъ и менѣе каменистъ, чѣмъ долина рѣки Бугдугунъ; растительность на косогорѣ выжжена солнцемъ. Противъ верхняго пункта подъема на косогоръ, съ юго-запада вышель аманъ р. Хухули; на берегу амана стоятъ три лѣтнихъ юрты. Вершина Хухули покрыта листовичнымъ лѣсомъ, у устья же видны остатки китайскихъ городищъ, описаннаго нами раньше типа.

Спускъ съ косогора оканчивается переходомъ чрезъ сухое устье распадка *Гундугенъ*. Распадокъ Гундугенъ довольно широкъ, въ вершинахъ его есть зимніе хашаны; долина же устья, до прошлаго года, распахивалась подъ посѣвы ячменя. По словамъ монголовъ, посѣвы давали хорошей сборъ, именно самъ 15—20; но въ этомъ году номады бросили свои пашни

и, какъ кажется, надолго отложили намѣреніе вновь распаковать и обсѣмнять ихъ. Причиной этому—религіозные предразсудки, выдуманые досужимъ и сытымъ духовенствомъ. Оно вычитало въ какихъ то своихъ книгахъ, что всѣ бѣдствія, какія въ послѣднее время постигаютъ монголовъ, какъ то: неурожай, безкормица, засухи, падежъ скота и пр. все это, между прочимъ, происходитъ будто-бы и отъ того, что номады «роютъ землю», что какимъ то богомъ строго запрещено. Для спеціализированія грѣха, какой по увѣрѣнію ламъ происходитъ отъ того, что человѣчество пашетъ землю, они придумали особенное названіе, именно: *Зудъ - Турунха*. Точнаго значенія этого—Зудъ - Турунха я не могъ добиться; газараса малтасанъ болбаехе Зудъ-Турунаха! «т. е. если копается земля (кто копаетъ землю), большой Зудъ-Турунха»; вотъ все объясненіе, какое я могъ добиться, даже отъ ламъ—выдумщиковъ этого дикаго «*Зудъ-Турунха*».

Не будь сытыхъ и глупыхъ толкователей высококонраваственнаго ученія Будды, не забрасывай грязью своихъ бредней это высокое философское ученіе, не пригни все къ исполненію пустой и ненужной религіозной обрядности, не придумывай ламы разныхъ «Зудъ-турунха»,—этихъ глупыхъ измышленій празднои фантазіи духовенства, убившаго въ исполненіи религіозной обрядности свой разсудокъ,—быть можетъ монголы были бы теперь уже культурнымъ народомъ; были бы землѣдѣльцами, по крайней мѣрѣ настолько умѣлыми, что въ этомъ умѣніи—обрабатывать землю и пользоваться ея производительной силой—не уступали бы сибирякамъ. Довольно и этого для того, чтобы то, что есть теперь Монголія въ своемъ соціальномъ и экономическомъ отношеніи, въ данное время было-бы преданіемъ старины глубокой—*хушинъ тужи монголей ябадалъ*, какъ сказала бы монголь, т. е. старая исторія монголовъ..... Но благодаря высшему монголь-

скому духовенству, — этому слугѣ кптайскаго правительства, этимъ іудамъ своего народа, именемъ религіи властвующимъ надъ умами номадовъ, обратившимъ высокое ученіе Будды въ ремесло; именемъ религіи за подачку преслѣдующимъ цѣли чуждаго народу правительства; благодаря, отуманивающему своимъ вліяніемъ умъ народа, духовенству, благодаря ему, номады Монголіи, по складу жизни, по соціально-экономическому своему состоянію, едва, едва рознятся отъ первобытныхъ народовъ. Первобытный человѣкъ — хоть молился на своемъ языкѣ, монголь же и этого лишенъ. Китайскому правительству нужно было принять мѣры задерживающія развитіе народа; нужно было лишить народъ возможности развиться подъ вліяніемъ высокаго ученія Будды и оно запретило монголамъ изучать свою религію на родномъ своемъ языкѣ; орудіемъ же для выполненія этой воли китайскаго правительства явилось тоже продажное, любящее подачки, духовенство; оно рьяно начало проповѣдывать, что богу молитва угодна и пріятна лишь только тогда, когда она возносится на тибетскомъ языкѣ.... Сознавало и сознаетъ китайское правительство могучую культурную силу земледѣлія. Желая же держать духъ номадовъ въ тискахъ невѣжества, ревниво лишая ихъ возможности пробудиться отъ умственной и соціальной летаргіи, — это правительство всеми мѣрами старается (Іоакимѣ) не допускать номадовъ, между прочимъ, и до сознанія выгодъ земледѣлія; опять является ревностнымъ слугою и продаетъ свой народъ, придумывая заплещившимъ своимъ умомъ, что пахать-де землю — грѣхъ, иначе: *Зудъ-Туруха*. Позволяемъ себѣ сказать, что находящееся теперь въ зародышѣ на сѣверныхъ окраинахъ Монголіи земледѣліе, какъ и вообще культурное развитіе, до тѣхъ поръ не выйдетъ изъ своего младенческаго состоянія, до тѣхъ поръ не разовьется до желательныхъ размѣровъ; необходимость и польза его до тѣхъ поръ не будетъ признана

народомъ, пока номады не освободятся отъ вліянія духовенства, пока не поймутъ нелѣпость его выдумокъ и всякихъ бредней. Монгольское же духовенство въ своихъ схоластическихъ толкованіяхъ сути религіи дошло теперь до невозможныхъ абсурдовъ, въ которые, къ сожалѣнію, покуда еще слѣпо вѣрять народъ.

Дальше отъ заброшенныхъ пашень дорога вновь пошла на косогоръ, извѣстный подъ именемъ *хуху толгой* (синяя голова). У подошвы косогора, близъ берега р. Бугдугунъ, расположено въ одной кучкѣ восемь лѣтнихъ юртъ; одна изъ — нихъ урто. Съ вершины косогора Хуху толгой, мы поворотили прямо на востокъ и оставили рѣку Бугдугунъ, которая ушла на югъ. Отмѣченныя нами восемь юртъ, во главѣ со станціей, служатъ послѣдними кочевьями Баторъ-гунскаго хашуна, такъ какъ р. Бугдугунъ, начиная отъ косогора хуху толгой, входитъ въ тѣсное каменистое ущелье и по дну его течетъ до самой долины р. Эдиръ. Жилья по этому ущелью, равно какъ и дороги, нѣтъ; лишь только воры и то, по разсказамъ монголовъ, съ безопасностію жизни прогоняютъ этимъ ущельемъ наворованный скотъ и лошадей, чтобы сбыть ихъ въ Далай-Ванъ-гунскомъ хашунѣ. Опасность же дороги представляютъ изъ себя: а) быстрота теченія рѣки, б) розсыпи крупныхъ камней и в) спуски съ выступовъ ущелья.

Кстати замѣтимъ, что между ворами Баторъ-гунскаго хашуна и Далай-Ванъ-гунскаго есть солидарность отношеній. Воры этихъ хашуновъ обмѣниваются своей добычей и, не смотря ни на какія опасности преслѣдованій, не выдаютъ другъ друга, такъ, что найти слѣдъ украденнаго, добиться возврата похищенной скотины, равно и преслѣдовать воровъ почти нѣтъ никакой возможности. Точно такая же солидарность касательно воровства существуетъ и у нашихъ кудинскихъ и верхоленскихъ бурятъ, дѣлящихъ добычу пополамъ и всѣмъ обществомъ скрывающихъ воровъ.

Кромѣ ущелья, по которому течетъ р. Бугдугунь, у воровъ есть еще другая, спеціально воровская дорога (хулунши хуни харгуй), идущая горнымъ *ономомъ* (ономъ — ущелье). Въ верховьяхъ упомянутого нами выше распадка Хухули, есть тѣсная, узкая горная щель, дорогу къ которой, незнающему человѣку, трудно найти. Даже не все хашунцы ее знаютъ, она хорошо извѣстна только лишь ворами. Въ этой Хахули ономъ, какъ въ укромномъ мѣстечкѣ, для совѣщаній съѣзжаются воры, какъ съ Баторь-гунскаго хашуна, такъ равно и изъ Далай-Вань-гунскаго: вполне обезпеченные неприступностію мѣста, воры обдумываютъ планы грабежа, условливаются, гдѣ, кому и въ какомъ мѣстѣ можно и удобно отбить скоть; рѣшаютъ, кому и куда сбыть воровской скоть, тутъ-же обмѣниваются наворованнымъ скотомъ; Баторь-гунцы сдаютъ свой скоть Далай-Вань-гунцамъ и наоборотъ.

Вообще, судя по разсказамъ, между ворами этихъ хашуновъ существуетъ самая правильная организація и они систематически правильно ведутъ свое дѣло. Къ счастью же проезжающихъ, воры эти не занимаются грабежомъ и не практикуютъ насильственнаго, такъ сказать, съ бою увода скота и лошадей и съ этой стороны дѣла воровство хашунцевъ не имѣетъ ничего общаго съ обычаемъ баранты, какая существуетъ у нашихъ киргизъ и калмыковъ.⁸ Баранту не преслѣдуется обычное право этихъ народцевъ; за воровство же хашунцевъ, тоже обычное право у монголовъ караетъ отнятіемъ рукъ и ногъ, подвергаетъ также и пыткамъ; слѣдовательно воровство это не есть народный обычай, а простое браконьерство.

Такъ какъ отмѣченнымъ нами входомъ р. Бугдугуна въ ущелье оканчиваются кочевья Баторь-гунскаго хашуна, къ тому же и дорога наша подъемомъ на косогоръ Хуху тологой совѣмъ отклонилась отъ долины этой рѣки, то мы вѣсколько прервемъ дальнѣйшее описаніе мѣстности, и выскажемъ кой-

какія свои замѣчанія о Баторь-гунскомъ хашунѣ, равно и о р. Бугдугунь.

Раіонъ, занимаемый Баторь - гунскимъ хашуномъ—не великъ. Лѣтнія кочевья его тянутся только лишь по обѣимъ берегамъ рѣки Бугдугена, отъ верховьевъ ея и до отмѣченнаго нами ущелья; зимніе же хашаны всѣ расположены по распадкамъ перечисленныхъ нами притоковъ становой рѣки. Основываясь на свѣдѣніяхъ, обязательно сообщенныхъ мнѣ Залань-ноиномъ этого хашуна, мы съ достовѣрностію можемъ сказать, что въ Баторь-гунскомъ хашунѣ числится семьдесятъ пять юртъ отдѣльныхъ хозяевъ; на cadaго номада хозяина юрты приходится общимъ челомъ по восьмидесяти штукъ скота, считая въ томъ числѣ и овецъ; слѣдовательно весь Баторь-гунскій хашунъ имѣетъ 6,000 головъ скота. Эта цифра ясно говоритъ объ экономическомъ благосостояніи Баторь-гунскихъ скотоводовъ.

Въ административномъ отношеніи хашунъ раздѣляется на два бака (округа) и управляется, какъ и другіе хашуны, Гуномъ. Гунъ еще молодой человѣкъ,—всего восемнадцати лѣтъ; при ставкѣ его есть Богдо-Жасанъ, въ которомъ засѣдаютъ ноены въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ другихъ хашунахъ. Отъ китайскаго правительства Гунъ получаетъ сто пятьдесятъ ланъ серебра въ годъ, отъ общества же по одной овцѣ въ день. Кочевники Баторь-гунскаго хашуна платятъ такія же подати и по такому же разсчету, какъ и номады другихъ хашуновъ. Во всемъ хашунѣ есть одинъ только лишь описанный нами курень, который и управляется Сорджи-ламой. Мѣстное преданіе говоритъ, что въ *Хушинъ Сакта* (въ старину) основатель хашуна Гунъ (князь), Баторь (богатырь) имѣлъ подъ властію своею всѣ кочевья, расположенныя по долинамъ: а) Делгирь-Мурина, б) Буксол, в) верховьямъ р. Тесъ и д) побережьямъ д. Сангинъ Далагой. Прибылъ одинъ изъ могущественныхъ князей всей Монголіи. Передъ смертію

своею этотъ князь раздѣлилъ ханство свое на три удѣла между тремя своими сыновьями; причемъ старшему сыну далъ въ удѣлъ Ми-гунскій хашунъ, среднему До-гунскій, а младшему кочевья по долинѣ р. Бугдугенъ, которыя именемъ гуна отца и получили свое названіе: Баторъ-гунскій хашунъ.

Номады Баторъ-гунскаго хашуна все богаты: имѣютъ, какъ мы уже замѣтили, много скота и «тарбагани оловъ» между ними нѣтъ. Мы проѣхали почти вдоль всего хашуна и нигдѣ не встрѣтили русановъ, напротивъ, все юрты кажутся будто новенькія, чисты и довольно обширны; возле юртъ много бродитъ лошадей, скота, верблюдовъ и овецъ. Встрѣчающіяся по дорогѣ монголы были одѣты въ порядочные дегылы (халаты), а не въ тряпье, такъ то нерѣдко встрѣтить въ Дархатахъ и сплошь въ Урняхаяхъ, почти у каждаго монгола было прикрѣплено къ поясу серебряное хыте (огниво), хотого (ножикъ), хун (ножны) котораго украшены серебряной же насѣчкой; лица (нюри) монголовъ сытыя, довольныя, веселыя; кони у нихъ—не клячи дархатца, а незаѣжженныя, видимо недавно взятые изъ табуна, бойкіе, красивыя; сѣдла, въ большинствѣ, изукрашены серебряной и костяной инкрустаціей. Баторъ-гунцы не исключительно скотоводы; такъ, будучи жилищнымъ народомъ, они занимаются и торговлей, ведутъ дѣла съ Кяхтой, Ургой и Улясутаемъ, занимаются сбытомъ скота и продажей какъ русскихъ, такъ еще больше китайскихъ мануфактурныхъ товаровъ; торговые эти обороты увеличиваютъ экономическое благосостояніе хашунцевъ. Замѣчательно, что князь Баторъ-гунскаго хашуна самый бѣдный среди своихъ подданныхъ. Изъ получаемыхъ имъ 365 овецъ у него не остается экономіи, такъ какъ традиція власти и сана заставляетъ князя колоть каждый день по овцѣ; что же касается ста пятидесяти ланъ серебра, получаемыхъ имъ отъ китайскаго правительства, то князь только лишь расписывается въ полу-

ченіи ихъ, серебро же остается въ рукахъ улятуйскихъ савновниковъ*). Князь Баторъ-гунскаго хашуна просто нищій сравнительно, положимъ съ княземъ До-гунскаго хашуна, имѣющимъ до семи тысячъ головъ разнаго скота.

Долина рѣки Бугдугена, какъ замѣтилъ читатель изъ нашего описанія дороги, вся почти сплошь заселена лѣтними кочевьями. По густотѣ населенія это единственная, встрѣчаемая нами, долина. Нужно замѣтить, что въ отдаленнѣйшую эпоху исторіи она еще гуще была заселена, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ многочисленныя остатки китайскихъ городищъ, встрѣчающіяся чуть ли не на каждомъ шагу, начиная отъ истоковъ рѣки и до самаго ея входа въ ущелье.

О теченіи рѣки Бугдугунъ, кромѣ высказанныхъ раньше нами замѣчаній, остается сказать, что оно очень извилисто, проходитъ узкой долиной, стѣсненной скалистыми горами; рѣка не глубока, съ узкимъ русломъ, быстра и составляетъ одинъ изъ главныхъ лѣвыхъ притоковъ рѣки Эдира.

Перейдемъ теперь къ описанію дальнѣйшей дороги къ берегамъ рѣки Эдира.

*) Среди монголовъ ноеновъ (чиновниковъ) ходитъ разсказъ, что будто бы тѣ подарки, какіе китайское правительство предназначаетъ для раздачи хашуннымъ князьямъ, не доходятъ до рукъ этихъ послѣднихъ, а остаются въ собственность амбанямъ и другимъ важнымъ савновникамъ. Не безынтересенъ тотъ способъ, который придумали эти савновники для, такъ сказать, легальнаго права удерживанія въ свою пользу чужихъ подарковъ. Извѣстно, что Гуны, управляющіе хашуны, каждый годъ ѣздятъ въ Улясутай для сдачи податей и въ тоже время для полученія жалованья. Улясутайскіе управители устраиваютъ для этихъ князей ииръ, потомъ принимаютъ отъ нихъ подати, послѣ пріема податей, посылаютъ въ ихъ ставку подарки: серебряное блюдо, дамбо (кувшинъ) и пр., на серебряное блюдо кладутъ зажаренную заднюю часть барана. Всѣ эти подарки тогда лишь остаются въ пользу князя, когда онъ сможетъ за одинъ присѣсть съѣсть мясо, положенное на серебряномъ блюдѣ; въ противномъ же случаѣ, онъ теряетъ право на подарки. Чиновники, принесшіе эти подарки, наблюдаютъ за Гуномъ и увозятъ серебро обратно, такъ какъ рѣдкій изъ князей обладаетъ такою расширяемостію желудка, чтобы сразу вмѣстить въ него полбарана.

Мы уже знаемъ, что площадь косогора *Хуху толгой* служить, между прочимъ, границей Баторь-гунскаго хашуна и дальше къ югу идутъ уже кочевья *Ульдзы-Джазасакскаго хашуна**).

Пустыннымъ каменистымъ плоскогорьемъ *Хуху толгой*, мы ѣхали около получаса и затѣмъ пологимъ южнымъ склономъ его спустились въ распадокъ *Маранай дурильджи* (переваль солонцовъ). Распадокъ этотъ не широкъ, но глубокий, съ сухимъ каменистымъ русломъ. Линія горъ, окаймляющихъ *Маранай Дурильджи*, справа отъ дороги высока; по склонамъ ея кой-гдѣ одиноко торчатъ лиственничныя деревья и виднѣются солонцы, на которыя иногда и заходятъ изюбри и косули; линія этихъ горъ называется *Онгосо Пренъ* и тянется съ востока на западъ. А такъ какъ послѣ спуска съ *Хуху толгой* въ распадокъ *Маранай Дурильджи* нѣтъ подъема, то мы должны были пройти нѣсколько вдоль распадка, — косогоромъ лѣваго его бока. Выходъ въ верховья распадка не крутъ, но весь изрытъ болѣе или менѣе глубокими каменистыми рытвинами и сплошь будто-бы залитъ каменной массой; дорога широка и удобна для телѣжной ѣзды. На срединѣ подъема насъ догналъ монгольскій ноень, мчавшійся на почтовыхъ лошадяхъ во весь карьеръ. Кортѣжъ ноена состоялъ изъ двухъ верховыхъ, ѣдущихъ въ авангардѣ. Это были адъютанты, обязанность которыхъ вездѣ давать знать о проѣздѣ особы и на станціяхъ заготовлять пищу; за ними еще два адъютанта; каждый изъ нихъ держалъ прикрѣпленную къ сѣдлу, точно казачья пика, бага сулдукъ (маленькое знамя). Не вдалекѣ отъ этихъ знаменосцевъ ѣхала сама «особа» ноена, окруженная шестью монголами; четыре изъ этихъ монголовъ вели за поводъ легко навьюченныхъ лошадей, остальные же два, видимо принадлежащіе къ старшей свитѣ ноена, держались близъ бо-

*) Баторь-гунскій хашунъ вовсе не показанъ на картѣ г. Рафаилова.

ковъ ноена. Сзади ноена арьергардъ, тоже изъ друхъ адьютантовъ, — обязанность ихъ осматривать дорогу и слѣдить, не обронила ли чего особа ноена. Вслѣдъ за чиновникомъ, и изъ уваженія къ нему на приличной дистанціи, ѣхала толпа монголовъ-ротозѣевъ, суетливая и счастливая, какъ бываетъ въ этихъ случаяхъ, даровымъ зрѣлищемъ и возможностью хѣть слѣдомъ — да ѣхать за «особой» и таращить глаза въ спину ея.

Впослѣдствіи мы узнали, что особа эта — чиновникъ Даноинскаго хашуна, ѣздилъ онъ по дѣламъ своего князя въ Улясутай и теперь возвращался обратно домой.

Въ верховьяхъ подъема дорога по кособору спускается на дно распадка Маранай Дурильджи и идетъ глубокимъ тѣснымъ рвомъ; стѣны рва имѣютъ болѣе сажени вышины; по бокамъ его мы въ первый разъ увидѣли кусты желтой акаціи (алтаргана). Акація уже отцвѣла и была ясно покрыта сѣмянными стручками.

Подъемъ на самую вершину распадка Маранай Дурильджи оканчивается крутымъ вземомъ на каменистый гребень, на узкой вершинѣ котораго стоитъ обо; куча его камней неприкрыта хворостомъ. Обо, очевидно, не особенно почитаемъ и находится какъ бы въ пренебреженіи.

Отъ Обо сейчасъ же спускъ (на востокъ) въ распадокъ Хапшикъ (щипцы) и затѣмъ вновь подъемъ на вершину этого распадка. Дно Хапшика корытомъ и болѣе широко, чѣмъ Маранай Дурильджи; къ тому же и дорога не такъ камениста. Правый склонъ распадка Хапшикъ заросъ листовичнымъ лѣсомъ, лѣвый же обнаженъ и пересѣкается ущельемъ *Борой Утукъ*. Дно Борой Утука безъ русла, зато богато покрыто кормовыми травами и пестрѣетъ самой разнообразной флорой.

Дорога въ верховья распадка Хапшикъ идетъ дномъ его, покрытымъ сорными травами: полынью, лебедой, крапивой, не хворощью и пр... Въ верховьяхъ Хапшика, какъ и Маранай

Дурильджи проходъ идетъ тѣснымъ рвомъ устланымъ плитами камня; по срединѣ рва тонкой лентой струится ручеекъ. Дорога, какъ по этому, такъ равно и по предыдущему рву подъема, хотя и затруднительна для прохода телѣгами, но все-таки возможна, и ею ѣздятъ, какъ видно изъ слѣдовъ, оставленныхъ колесами телѣгъ.

Спускъ съ Хапшика въ началѣ идетъ широкимъ склономъ горы, поросшимъ густымъ листвяничнымъ лѣсомъ. Послѣ незначительнаго перехода, дорога входитъ въ тѣсное, узкое ущелье, правая сторона верховьевъ котораго покрыта листвягомъ. Въ ущельѣ мы встрѣтились съ толпою богомольцевъ; богомольцы эти были въ Ургѣ на поклоненіи тамошнимъ святынямъ и теперь уже возвращались домой. Въ толпѣ сузуковъ между мужчинами не мало было женщинъ и дѣтей; женщины по преимуществу были съ бритыми головами, что указывало на ихъ принадлежность къ монашескому женскому ордену (шабаланца). Толпа пилигримовъ, какъ и у насъ на св. Руси, пѣшая съ котомочками за спиной и посошками въ рукахъ... однимъ словомъ сузуки эти вѣрная, даже въ деталяхъ, копія картины пѣшеходовъ по «кіевскому тракту». Поровнявшись съ нами, этотъ празднующійся народъ назоливо, въ одинъ голосъ запросилъ милостыню: «Би Богдон хуре мургульджи ирхеп; юма идигенъ намда угухтуй!» — заголосила эта толпа, т. е. мы идемъ съ Богдо куреня, гдѣ были на поклоненіи; дайте намъ чего-нибудь поѣсть!». Клянчанье это рѣзало уши и, быть можетъ, вслѣдствіе разныхъ воспоминаній, производило непріятное впечатлѣніе, заставившее ускорить алюръ лошадей, чтобы поскорѣе миновать толпу этихъ ханжей.

Со середины спуска ущелье дѣлается шире, правая (отъ дороги) щека положе и вдоль дороги начинаютъ встрѣчаться кусты *Яргая* (Яргай—это родъ кизиля). На разстояніи часоваго перехода по ущелью дорога пересѣкается двумя аманами

распадково, вышедшихъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ: съ сѣвера а) *Тарятей* (хлѣбная) и съ востока б) *Тарятей узуръ* (конецъ хлѣбной пади). Отъ мѣста соединенія этихъ амановъ дорога сворачиваетъ съ восточнаго направленія и подъемъ на верховья праваго бока ущелья идетъ на юго-востокъ. Подъемъ въ началѣ крутъ, каменистъ. Вершина подъема называется *Зосотей*. Съ вершины *Зосотей* открывается видъ на хребетъ *Темени-Хузу* (шея верблюда). *Темени-Хузу* тянется вдоль праваго берега рѣки *Эдиръ* и разъединяетъ долину ея отъ долины р. *Чилоту*. Хребетъ этотъ тянется съ сѣверо-запада на юго-востокъ высокой, правильной грядой; вершины его округлены и покрыты листвяничнымъ лѣсомъ.

Спускъ съ *Зосотей* пологъ и идетъ ровномъ сухаго русла рѣки. Русло наполнено глубоко залегшимъ бурымъ зернистымъ пескомъ. Р. *Зосотей* наполняется водой только въ ненастья.

Послѣ получасоваго прохода русломъ р. *Зосотей*, мы оставили его вправо. Рѣка сдѣлала извилину, чтобы обогнуть мысъ горнаго отнога, мы же, придерживаясь прямой линіи, поднялись на вершину отнога и вновь спустились въ русло р. *Зосотей*. Начиная отъ мѣста нашего спуска, сухое русло рѣки густо поросло древовидными кустами тальника и тополями; устье же его сплошь усыяно многочисленными остатками китайскихъ городищъ. Осматривая эти *Кергесе-чило*, я нашель три камушка: два изъ нихъ имѣютъ форму долота, а третій изображаетъ изъ себя фигуру какого-то животнаго. Камни эти представлены въ В. С. От. П. Р. Географическаго Общества.

Миновавъ городища, мы вошли собственно въ долину р. *Эдиръ*, перешли бродомъ одинъ изъ рукавовъ рѣки и на острову, богато поросшимъ кормовой травой, разбили свою палатку.

Весь сегодняшній день былъ, что называется, сѣренькимъ: солнце почти не показывалось изъ-за тучъ. Вечеръ былъ теплый и тихій.

Переходъ нашъ равняется пятнадцати съ небольшимъ верстамъ.

ГЛАВА XVI.

ДОЛИНА Р. ЭДИРЪ И ЕГО ТЕЧЕНІЕ. (28—29 іюля).

Въ мѣстѣ нашего вѣзда въ долину рѣки Эдиръ, послѣдняя, т. е. долина, не была широка — не болѣе двухъ верстъ и р. Эдиръ правымъ своимъ берегомъ прибилась къ подошвѣ хребта Темени Хузу. Площадь долины густо заселена лѣтними кочевьями монголовъ и растительность ея вся вытравлена массой табуновъ; почва песчано-каменистая. Рѣка Эдиръ, быть можетъ, вслѣдствіе того, что теченіе ея разбилось на три рукава, неглубока; дно рѣки песчано-каменистое, ровное; берега высоки, обрывисты. Въ р. Эдиръ мы видѣли мириады маленькой, недавно народившейся рыбы. Развѣтвившееся русло р. Эдиръ образуетъ много острововъ, покрытыхъ кустами тальника и тополемъ; на островахъ, скрытыхъ густой зеленью, стоятъ лѣтнія юрты.

Справа, какъ мы уже сказали, теченіе р. Эдиръ сопровождаетъ горный хребетъ Темени Хузу. Горный кряжъ этотъ выдѣлился изъ хребта Хангай и раздѣляетъ теченіе р. Эдира отъ р. Чилоту.

Отъ *Судыртъ хархяна*, отлога хребта Темени - Хузу, рѣка Эдиръ течетъ тремя руслами. По прибрежьямъ острововъ видны слѣды пашень, заросшіе теперь густой травой. Пашни эти, по рассказамъ монголовъ, не воздѣлываются уже три года сряду, причиной этому служитъ тоже глупое суевѣріе, что и Баторъ-гунцевъ, т. е. боязнь наказанія за «ковыряніе» земли. По берегамъ острововъ есть заросли камыша, а на самихъ островахъ растутъ черная и красная смородина. Рѣка Эдиръ въ своихъ рукавахъ до того мелка, что намъ не представлялось никакого затрудненія переѣзжать съ берега на берегъ. Удобствомъ бродовъ я воспользовался и съѣздилъ къ берегамъ р. Чилоту (каменистая). Рѣка эта, какъ замѣчено

было выше, отдѣляется отъ р. Эдиръ хребтомъ Темени-Хузу. Хребетъ Темени-Хузу, начиная отъ своего отлога—Судыръ-Харзянъ, дальше внизъ по теченію рѣки становится все положе и положе, пока, наконецъ, не сравнивается съ уровнемъ долины рѣкъ. Долина же оканчивается острымъ угломъ, подъ которымъ и соединяются р. Эдиръ съ р. Чилоту, вливаясь одна въ другую незамѣтно, какъ будто бы два рукава одной и той-же рѣки. Соединившись вмѣстѣ, рѣки эти текутъ однимъ русломъ, причемъ Чилоту теряетъ свое названіе и дальнѣйшее продолженіе теченія называется уже *Эдиръ-голь*. Начиная отъ мѣста соединенія р. Эдиръ глубока, такъ что переѣздъ чрезъ нее бродомъ невозможенъ. Долина р. Эдиръ-голь широка, мѣстами до восьми верстъ; причемъ почти вся заросла тальникомъ, топодемъ и ивой. Горы, окаймляющія правую сторону долины, густо поросли листвяничнымъ лѣсомъ; возвышенности же лѣваго берега обнажены, если не брать во вниманіе одиноко, тамъ сямъ торчащія захудалыя деревья. Спускаясь къ устью р. Эдира, мы держались лѣваго берега рѣки. Собственно дороги не было и намъ пришлось—гдѣ перебродить чрезъ мелкіе ручейки, гдѣ идти по песку, гдѣ топкой грязью, гдѣ густой чащей тальника и вербы; вездѣ, исключая залежей песку и болотъ, росла высокая, роскошная, пестрѣющая массой цвѣтовъ луговая трава; болота же заросли верболозомъ и камышемъ. Послѣ получасоваго перехода вдоль лѣваго берега р. Эдиръ, эта послѣдняя прибилась къ подошвѣ скалы *Намтай Улыинъ-Байса* (Намтай—имѣющая, ая—листья, ула—гора, байса—скота). Берегъ глубокъ, такъ что пришлось подыматься на вершину Намтай-Улыинъ-Байсы. Западный склонъ этой скалы слишкомъ крутъ и подъемъ по нему невысшимъ, по этому мы вошли въ устье распадка *Урунъ-Сарь* и продолжили путь въ верхъ по нему.

Распадокъ Урунъ-Сарь вышелъ съ сѣвера, имѣетъ сухое, покрытое бурымъ зернистымъ пескомъ русло. Берега русла,

какъ и все дно распадка, покрыты кустами тальника въ перемежку съ желтой акаціей (алтаргана), крыжевникомъ (шаргай) и кизилемъ (яргай). Подъемъ по Ургунъ-Сарь вначалѣ пологъ и мягокъ, въ концѣ песокъ, покрывающій ложе русла, замѣняется галькой, отчего и дорога дѣлается тверже, въ свою очередь и подъемъ становится круче. Не доходя вершины, Ургунъ-Сарь перекрещивается устьемъ распадка *Сагань-Сарь*. Распадокъ этотъ вышелъ съ запада и вершина его называется *Баинь-дзурхе* (богатое сердце). Сагань-Сарь, какъ и Ургунъ-Сарь, съ каменистымъ сухимъ русломъ, поросшимъ даже въ вершинѣ кустами тальника, крыжовника и кизила, послѣдніе были ясно усѣяны еще не созрѣвшими ягодами. Съ вершины Ургунъ-Саря открывается видъ на оставленную нами долину рѣки Эдиръ. Картина довольно оригинальна. Глядя съ высоты подъема, она кажется вся сплошь заросшей кустами, надъ которыми одиноко возвышаются, точно гиганты, деревья тополя; стоящія тамъ-сямъ бѣлыя войлочные юрты кажутся песочными пятнами на зеленомъ фонѣ; дымъ же, столбомъ вылетающій изъ юртъ,—точно дымокъ, разложенный на этихъ пятнахъ; теченіе рѣки скрыто густой зеленью кустовъ, а если гдѣ и виднѣется блестящая, отражающая игру солнечныхъ лучей вода, то она вовсе не кажется текущей, а будто стоячее маленькое озеро, берега котораго, точно вѣнкомъ, окаймлены зеленью кустовъ. Въ общемъ видъ прекрасный, ласкающій глазъ, утомленный скучнымъ однообразнымъ видомъ береговъ р. Бугдугуна, гдѣ горы справа, горы слѣва, камень подъ ногами и больше ничего.

На вершинѣ Ургунъ-Сарь есть небольшое обо, расположенное у начала входа въ распадокъ *Сахюрійнь-Сарь* (Сахюръ—кремень Сарь—сухое русло). Распадокъ этотъ идетъ на юго-востокъ и устьемъ своимъ соединяется съ долиной рѣки Эдиръ. Спускъ пологъ и вначалѣ только каменистъ. На сре-

динѣ спуска распадокъ Сахиурійнѣ-Сарь пересѣкаетъ русло распадка же *Татуриійнѣ-Сарь*, по этому послѣднему мы и вошли въ долину р. Эдирь. Въ мѣстѣ нашего входа въ долину, она узка, не болѣе полу-версты ширины и р. Эдирь правымъ своимъ берегомъ плотно прижимается къ подошвѣ горъ, подошедшихъ съ юго-запада. Горы эти называются *Ганасха*. Склоны Ганасха круты и обнажены и только лишь изголовья ихъ покрыты листвяничнымъ лѣсомъ, въ которомъ, по словамъ монголовъ, много водится изюбрей, мѣдвѣдей и дикихъ кабановъ. Лѣвый же берегъ долины окаймляютъ горы, носящія одно общее названіе *Ширгата*; ихъ также называютъ *Буксойнѣ-Нуру*, послѣднее названіе происходитъ отъ того, что подошву противоположнаго склона ихъ омываетъ р. Буксой. Вдоль же долины, на востокъ виднѣются горы лѣваго берега р. Делгирь-Мурина, извѣстныя подъ именемъ Хара-Нгодынѣ-Домбо (хара — черный, нгодынѣ — глазъ, домбо — кувшинъ). По лѣвому берегу рѣки Эдира широкой полосой залегла розсыпь галешника, въ уровень съ которой и течетъ рѣка. Р. Эдирь отъ берега очень не глубока, такъ что я болѣе шести саженьей брелъ по ней и вода не превышала уровня колѣнъ, затѣмъ чѣмъ дальше, тѣмъ все глубже и глубже, приближаясь же къ правому берегу, вода достигаетъ громадной глубины — саженьей до двухъ. Ложе рѣки покрыто мелкимъ круглымъ галешникомъ. Рыбы въ рѣкѣ, по словамъ монголовъ, масса; водится преимущественно таймень, линокъ, хайрюзъ, есть и налимы. Въ долинѣ лѣваго берега рѣки, гдѣ послѣдняя, отбившись отъ подошвы скалы Намтай-Улуйнѣ Байса, ушла къ подошвѣ хр. Ганасха, расположено недалеко другъ отъ друга до тринадцати юртъ, среди группы которыхъ мы и разбили свою палатку.

Не успѣли мы окончить убирки своихъ вещей, какъ сосѣди наши монголы цѣлой толпой собрались вокругъ нашей

палатки; приче́мъ, кто принесъ вязанку дровъ, кто туюе́ съ молокомъ, кто лонхо (китайская глиняная фляга) тарасуну, кто урме (сливки молочныя)... Однимъ словомъ, никто не пришелъ съ пустыми руками и палатка наша вскорѣ наполнилась какъ яствами, такъ и питіями, но еще больше монголами разныхъ половъ и возрастовъ. Все, бывшее въ данное время налицо населеніе маленькой колоніи собралось къ намъ со своими женами и ребятишками. День былъ жаркій и номады пришли «въ чемъ попало». Брюкъ и рубахъ ни на комъ не было и тѣло едва прикрывалось рваными дегылами; ребятишки же со всѣмъ были голые. Наготы своей ни мужчины, ни женщины не стыдились; видно было, что такой «нарядъ» — обычное явленіе между ними. Неприятно только лишь было смотрѣть какъ матери, выющихся возлѣ нихъ дѣтей, заставляли то и дѣло прикладывать руки къ дѣтороднымъ частямъ; если бы это вызывалось чувствомъ стыдливости, тогда дѣло другое, а то просто дѣлалось это въ видѣ забавы; сами матери не только что мяти эти части, но брали ихъ въ ротъ, нюхали и предлагали и другимъ тоже самое дѣлать..... Вообще, нужно замѣтить, что гости наши не имѣли врожденнаго намъ чувства стыдливости. Разговаривая со мной по этому поводу, они, между прочимъ, пренаивно спрашивали меня: «почему безъ стыда можно смотрѣть на лице человѣка, держать его открытымъ и въ тоже время стыдно смотрѣть на другія части тѣла»? По логикѣ моихъ собесѣдниковъ выходило: «если можно при постороннихъ чесать спину или голову, то почему же нельзя открыто чесать и другихъ частей тѣла, когда есть въ томъ нужда»!... Что-же касается дѣтей, то ихъ вовсе нѣтъ никакой нужды одѣвать во что нибудь. Дѣвушки также были чужды понятія цивилизованныхъ людей и вмѣстѣ съ парнями рѣшительно не понимали — какъ это можно смотрѣть другъ на друга «не сытымъ окомъ».... Простота нашихъ гостей, ихъ

естественность, радушіе, привѣтствіе къ намъ, хлѣбосољство удивило меня. Ничего подобнаго я не встрѣчалъ въ доселѣ пройденныхъ мною мѣстахъ. Положимъ, праздность и присущее монголамъ любопытство вездѣ, гдѣ только лишь мы останавливались, сгоняло номадовъ въ нашу палатку; но именно радушіе, безхитростная привѣтливость, хлѣбосољство, желаніе угодить чужестранцамъ мы въ первые замѣтили у жителей береговъ рѣки Эдира. Въ Монголіи есть освященный древностию обычай, возведенный даже въ законъ, по которому номады всякаго путника, хотя бы и чужестранца, обязаны приютить, накормить и содѣйствовать ему всѣми средствами для продолженія дальнѣйшаго его путешествія; обычное право номадовъ гласить, что если путникъ будетъ ограбленъ, убитъ, умретъ съ голоду и пр., то вина за это падаетъ на все населеніе, близъ котораго случится такое происшествіе. Исполненіе этого лучшаго изъ обычаевъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ торговани постоянно «толкуются», потеряло уже обязательную свою силу и монголы, прилегающіе своими кочевьями къ нашей границѣ, не только не гостепримны, напротивъ, при случаѣ готовы и ограбить, не боясь кары за свой проступокъ; они уже достаточно цивилизовались для того, чтобы не руководствоваться во всѣхъ случаяхъ жизни завѣтомъ своихъ отцевъ. Зная это, я особенно былъ удивленъ, встрѣтивъ на берегахъ Эдира, патриархально радушное отношеніе къ намъ монголовъ. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ номадами для меня выяснились причины братскаго отношенія къ намъ нашихъ сосѣдей по палаткѣ. Я узналъ, что въ этомъ укромномъ уголкѣ, насколько помнятъ кочевники, еще никогда не бывало ни русскихъ, ни вообще какихъ бы то ни было торговцевъ, такъ что нравы номадовъ уцѣлѣли, не было еще повода измѣнить завѣту отцевъ; номады колоніи, близъ которой мы остановились, не знаютъ еще, что за хлѣбосољство, простоту и безхитростность тор-

гаши, пользуясь ею, платятъ гнилымъ товаромъ и выманиваніемъ у простяка его имущества; они еще не знаютъ житейской практикой выработанной истины «береженаго и богъ бережетъ», не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ». Встрѣтить такую простоту среди номадовъ были пріятно, тѣмъ болѣе, что мы не замѣтили, чтобы добродушные наши собесѣдники были глупѣе и диче, чѣмъ ихъ собраты, путемъ столкновенія съ разными «націями» пріобрѣвшіе извѣстную плутоватость и склонность стянуть что-нибудь тайкомъ или же нищенски выклянчить. Патріархальность нашихъ сосѣдей ручалась намъ за то, что какъ кони, такъ и вещи наши будутъ цѣлы и ночью намъ не будетъ нужды караулить лошадей.

Не смотря на то, что гости наши были чуть ли не нагнемъ, они народъ далеко не бѣдный. Вся колонія (мѣстность, къ которой мы остановились, *Джаргалантей-Булукъ*) состоитъ изъ новенькихъ, чистенькихъ юртъ; русановъ нѣтъ; номады имѣютъ достаточное количество скота, лошадей и овецъ, именно на каждую семью приходится по десяти лошадей, по одиннадцати штукъ рогатаго скота, и по тридцати восьми овецъ. Кроме того, кочевники Джаргалантей-Булука—народъ промышленный, добываютъ дикихъ кабановъ, изюбрей и особенно много косуль; почти каждый хозяинъ юрты занимается кузнечнымъ ремесломъ; среди ихъ есть даже довольно искусные мастера, хорошо выдѣлывающіе ножевую сталь и «хитрыми» рисунками украшающіе луки сѣдла. Номады этой колоніи сами для себя готовятъ *дари* (порохъ); но порохъ этотъ плохаго достоинства, —слишкомъ крупень и не моментально воспламеняется. Желѣзо и все что нужно по домашности номады добываютъ у китайцевъ, имѣющихъ лавки близъ устья р. Буксой; нѣкоторые же изъ нихъ бывали даже и въ Кяхтѣ. Между прочимъ, вотъ перечень урочищъ, чрезъ которыя съ Эдира выѣзжаютъ въ Кяхту; Эдиръ, Джаргалантей-Булукъ

(м. н. остановки), Буксойн-Ама, Телейнъ-Ама, Долонъ-Даба, Хушигынъ-Булукъ, Баинъ-Голей-Ама, Саганъ-Ирги, Дельберинъ-Тала, Хаиръ - Саральджи, Одосо, Зулгыть - Шибиртей, Номнонъ, Буриктейнъ-Хурилъ-Тала, Теле-Олонъ-Нуръ, Игу, Буксой-Хантей-Нуру, Урбунъ-Бисылыкъ-Саганъ-Тологой, Бахейнъ-Ингыть, Харасайнъ-Сарлыкъ, Шара-Монхотей, Хулусатей, Селенга, Кяхта. Изъ Кяхты вывозятъ мѣдную посуду, желѣзо, юфть, миткаль, бязь и цвѣтныя сукна. Всѣ эти товары получаютъ въ обмѣнъ на скоть и драгоценныя мѣха. Какъ и до сихъ поръ торговцы не заглядываютъ въ счастливый уголокъ—намъ рѣшительно непонятно; а пожива была-бы: кочевники Джаргалантей-Булука просто надоѣли намъ своими неотступными просьбами продать имъ пороху и желѣза, какъ матеріала для обработки. Благодаря гостепрѣимству номадовъ, мы, какъ выразился Степанъ, «отъѣдались» и «отпивались». День былъ жаркій, безоблачный при тихой погодѣ, только лишь къ вечеру подулъ маленькій вѣтерокъ, прошли тучи и вспрыснули насъ маленькимъ дождикомъ. До вечера я успѣлъ побывать во всѣхъ юртахъ и записать нѣсколько сказокъ и пѣсенъ, которыя и будутъ приложены въ концѣ этого дневника.

30—31 Июля. Внизъ по р. Эдиръ. Распростившись съ радушными монголами, которые всею своею колоніею вышли насъ провожать, мы, при тихой солнечной погодѣ, выѣхали изъ Джаргалантей-Булука, придерживаясь лѣваго берега р. Эдира.

Чѣмъ дальше внизъ по теченію рѣки, тѣмъ долина становится уже и уже. Сама рѣка Эдиръ, отойдя отъ подошвы скалы Ганасха, косою линіей перерѣзываетъ долину и лѣвымъ своимъ берегомъ вновь прибавается къ подошвѣ скалы же *Уланъ-Хада*, чѣмъ и загораживаетъ свободный приходъ по долинѣ этого берега рѣки. Уланъ-Хада (красная гора) есть отлогъ хребта Ширгатей (Буксайнъ-Нуру тожь). Въ болѣе или

менѣе отдаленную эпоху р. Эдиръ, отбившись отъ скалы Ганасха почти подъ острымъ угломъ, поворачивала къ сѣверу, прорѣзывала поперегъ долину и прибивалась къ подошвѣ горъ Ширгатай и затѣмъ уже шла на востокъ вдоль подошвы этихъ горъ. Это видно изъ того, что вся площадь лѣваго берега рѣки представляетъ изъ себя какъ бы высохшее русло рѣки и покрыта мелкимъ, круглымъ рѣчнымъ галешникомъ, покрытымъ теперь тонкимъ слоемъ песку и ила; замѣтны даже слѣды, какъ рѣка постепенно отодвигалась къ югу отъ г. Ширгатай. Лѣвый берегъ р. Эдиръ идетъ въ уровень съ теченіемъ, правый же, какъ было замѣчено, состоитъ изъ скалы; но прежде чѣмъ теченіе прибилося къ подошвѣ скалы, видно, что вода размывала черноземъ и перегной, такъ какъ правый берегъ рѣки обрывистъ, около сажени выше уровня теченія рѣки и надъ водой нависли подмытые пласты земли, каждую минуту готовые упасть; а это, между прочимъ, свидѣтельствуется и о томъ, что русло рѣки еще окончательно не установилось, оно правымъ своимъ берегомъ постепенно будетъ отходить къ югу, размывать черноземъ, пока не упрется въ подошву хребта Ганасха и тогда теченіе р. Эдира несомнѣнно отойдетъ отъ скалы Уланъ-Хада, подошву которой она омываетъ теперь лѣвымъ своимъ берегомъ. Часть долины этого берега, какъ сказано выше, покрыта галешникомъ, а поверхъ его пескомъ и иломъ, на которомъ и растетъ камышъ; правый же берегъ, начиная отъ скалы Ганасха и дальше внизъ по теченію, густо заросъ тальникомъ и тополями, между кустами тальника есть береза, черемха, яблонь и смородина; кромѣ этого, собственно прибрежья покрыты богатой флорой, между которой мы замѣтили саранку и піоны, которыхъ, по свидѣтельству Г. Н. Потанина, нѣтъ въ верховьяхъ р. Эдира. Кочевьевъ по правому берегу рѣки нѣтъ. На лѣвомъ же берегу р. Эдиръ послѣднимъ обитаемымъ мѣстомъ была выше

описанная нами колонія въ мѣстности Джаргалантей-Бурукъ, что близъ скалы Намтей-Улуйнъ-Байса. Рѣка Эдиръ широка, до сорока саженьей, отъ лѣваго берега неглубока; но чѣмъ дальше къ правому берегу, тѣмъ все глубже и глубже; теченіе тихо, ровно, русло мѣстами покрыто галешникомъ, мѣстами же крупнымъ зернистымъ пескомъ.

Невозможность бродомъ перейти чрезъ рѣку Эдиръ, равно и пройти вдоль лѣваго его берега, такъ какъ онъ, какъ было упомянуто, уперся въ скалу Уланъ-Хада, заставила насъ обойдти скалу и сдѣлать переваль чрезъ гриву, связывающую скалу съ хребтомъ Ширгатаей.

Скала Уланъ-Хада состоитъ изъ чистаго краснаго гранита и возвышается надъ уровнемъ р. Эдиръ болѣе чѣмъ на двадцать саженьей. Горы противоположнаго берега, т. е. праваго, тоже измѣнили свой пологій характеръ, какой они имѣли въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи отъ скалы Ганасха и обратились въ отвѣсныя гранитныя скалы, изголовья которыхъ удержали древесную растительность и покрыты тощимъ, корявымъ листвякомъ. Скалы эти теряютъ названіе Ганасха и замѣняютъ его новымъ именемъ *Уланъ-Хиса* (Уланъ—красный, Хиса—утесъ). Уланъ-Хиса оканчиваются глубокимъ распадкомъ *Хуху-Амани-Хада*, вышедшимъ съ юго-запада; за этимъ распадкомъ горы вновь называются прежнимъ своимъ именемъ—Ганасха.

Объѣздъ скалы Уланъ-Хада мы сдѣлали подъемомъ вверхъ по сухому руслу *Уртыйнъ-Саръ*. Подъемъ не крутъ и не длиненъ; оканчивается онъ восходомъ на широкую горную площадь, называемую *Шильбыкъ*; на этой площади расположено пять зимнихъ хашановъ. Почва площади камениста и поросла больше сорными травами, чѣмъ годными для корма, къ тому же она совершенно безлѣсна. Между прочимъ, на площади видны, въ числѣ трехъ кучъ, остатки китайскихъ городищъ

съ четырехугольной оградой и башнями по угламъ ея. Одной изъ этихъ кучъ монголы воспользовались и обратили ее въ обо. Нишью своей обо глядитъ на востокъ. Съ площади видъ на долину р. Эдира закрытъ возвышающимся надъ уровнемъ ея гребнемъ скалы Уланъ-Хада. Миновавъ площадь, мы начали спускаться въ долину рѣки, которая, не будемъ забывать, и послѣ соединенія съ Чилоту продолжаетъ называться Эдиромъ, а не Селенгой, какъ-то отмѣтилъ Гр. Н. Потанинъ.

Спускъ съ Шильбыта въ долину р. Эдиръ идетъ по сухому руслу распадка Шаргатай-Саръ; пологъ и покрытъ кустами крыжевника, кизила, смородины и тальника. Со середины спуска открывается видъ на долину р. Эдиръ, виднѣются также и берега р. Делгиръ-Муринь. Долина рѣки Эдира, начиная отъ подошвы горъ лѣваго берега и до противоположнаго склона горъ вся сплошь заросла зарослями тополей; заросли эти скрываютъ теченіе рѣки и только лишь пунктъ соединенія Эдира съ Делгиръ-Муриномъ кажется громаднымъ стоячимъ озеромъ. Густой тополиной чащей я проѣхалъ до мѣста впаденія р. Эдира въ р. Делгиръ-Муринь. Въ устьѣ р. Эдиръ шириной своей доходитъ до пятидесяти сажень и глубокъ, такъ что бродомъ нѣтъ возможности пройти чрезъ него; лѣвый берегъ пологъ и каменистъ; а правый идетъ близъ подошвы гранитныхъ скалъ; теченіе рѣки тихо, едва замѣтно, что происходитъ отъ того, что напоръ водъ р. Эдира сдерживается *быстрымъ и сильнымъ теченіемъ р. Делгиръ-Муринь*. Последнее замѣчаніе я нарочно подчеркиваю, такъ какъ оно нужно будетъ намъ для доказательствъ, что *не р. Эдиръ* есть начало р. Селенги, а р. *Делгиръ-Муринь*, такъ какъ послѣдній принимаетъ въ себя воды р. Эдира послѣ соединенія этой послѣдней съ рѣкою Чилоты.

Чтобы возможно полнѣе изучить характеръ амановъ*) обѣихъ рѣкъ, т. е. р. Делгиръ-Мурина и р. Эдира, я рѣшилъ

*) Такъ называются устья рѣкъ, распадковъ и ущелій.

оставить берега р. Эдира, пройти къ устью р. Буксой и подняться нѣсколько вверхъ по теченію р. Делгирь-Муринъ, затѣмъ перейти на правый берегъ послѣдней рѣки и вновь прійти къ устью р. Эдира. Прежде чѣмъ изложить результаты своихъ изслѣдованій, укажемъ топографическое положеніе мѣстности и укажемъ на характеръ теченія какъ р. Делгирь-Муринъ, такъ равно и р. Эдира.

Начиная отъ устья р. Эдиръ, долина праваго берега р. Делгирь-Муринъ постепенно расширяется къ сѣверо-западу; почва долины песчано-каменистая и покрыта зарослями тополей только у самихъ береговъ рѣки. Судить о богатствѣ травяной растительности нельзя, такъ какъ масса скота, принадлежащаго монголамъ, кочующимъ по долинѣ, вытравива подножный кормъ. Чѣмъ дальше вверхъ по р. Делгирь-Муринъ, тѣмъ долина становится все шире и шире, близъ устья же р. Буксой она достигаетъ трехъ верстъ ширины и совершенно открыта, безъ древесныхъ зарослей; характеръ почвы ея одинаково песчано-каменистый. Горы, окаймляющія долину, даже въ изголовьяхъ, обнажены отъ древесной растительности; оконечности этихъ горъ имѣютъ заостренную коническую форму. И стоящія на лѣвомъ берегу р. Делгирь-Муринъ называются *Хара-Нюдынъ-Домбо* (устье р. Буксой и прибиваетъ теченіе р. Дел.-М. къ подошвѣ этихъ горъ. По всей долинѣ нѣтъ остатковъ китайскихъ городищ); расположенныя же на правомъ берегу и отдѣляющія теченіе Делгирь-Мурина отъ р. Буксой, называются *Домбо-Ханчу* (узкій кувшинъ). *Домбо-Ханчу* есть собственно оконечность хребта Эрчи-Нуру, идущаго съ сѣверо-запада во всю длину теченія р. Делгирь-Мурина. Оконечность эта представляетъ изъ себя острый уголь; обнажена, скалиста и только сѣверный склонъ покрытъ одиноко стоящими деревьями.

Теченіе р. Буксой быстрое, неглубокое (не болѣе полуторыхъ аршинъ), проходитъ по устланному острорезными камнями

руслу и по выходѣ изъ горъ въ долину р. Делгирь-Муринь, берега рѣки сравниваются съ уровнемъ долины.

Рѣка Делгирь-Муринь, стѣсненная справа конечностію хребта Эрчи-Нуру, а слѣва хребтомъ Хара-Нгодынь-Домбо, протекаетъ узкимъ распадкомъ между, почти отвѣсныхъ, горныхъ щекъ, и только лишь, не доходя нѣскольکو до береговъ р. Буксой, долина праваго берега р. Делгирь-Мурина сразу расширяется; это происходитъ отъ того, что хребетъ Эрчи-Нуру, извѣстный въ своей оконечности подъ именемъ Домбо-Хапчу, не входитъ въ долину р. Делгирь-Муринь, а отвѣсно оканчивается у начала ея. Лѣвый же берегъ р. Делгирь-Муринь и послѣ принятія въ себя р. Буксой, продолжаетъ, прибавившись къ Хара-Нгодынь-Домбо, омыватъ подошву этого хребта, такъ почти *до впаденія въ Делгирь-Муринь р. Буксой.*

Г. Рафаиловъ устье рѣки Буксой, какъ притока р. Делгирь-Муринь, помѣстилъ гораздо сѣвернѣе, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Судя по масштабу, устье р. Буксой, отъ того мѣста, съ котораго р. Делгирь-Муринь называется Селенгой, отстоитъ въ семидесяти верстахъ; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности разстояніе это равняется менѣе чѣмъ одной верстѣ. Ошибка не маловажная; а такъ какъ, по словамъ Г. Никол. Потанина, г. Рафаиловъ готовитъ новое изданіе карты сѣверо-западной Монголіи, то ошибку эту нужно принять во вниманіе.

Саженьяхъ въ ста отъ устья р. Буксой хребетъ лѣваго берега р. Делгирь-Муринь Хара-Нюдынь-Домбо дѣлаетъ подтупымъ угломъ поворотъ на востокъ, теряетъ прежнее свое названіе и называется уже *Сокто* (пьяный); р. Делгирь-Муринь отбивается отъ подошвы горъ и течетъ нѣкоторое пространство на юго-востокъ, а потомъ, вслѣдъ за хребтомъ Сокто, поворачиваетъ прямо на востокъ. Такъ течетъ она около полуверсты и на этомъ пространствѣ отдѣляетъ отъ

себя маленькій рукавъ, который и образуетъ островъ, густо заросшій тополями. Пунктъ развѣтвленія р. Делгирь-Муринъ какъ разъ приходится противъ тупаго угла хребта Сокто. Отдѣливши отъ себя рукавъ, главное русло р. Делгирь-Муринъ имѣетъ все-таки болѣе ста саженой ширины. Начиная отъ хр. Сокто, р. Делгирь-Муринъ течетъ чрезъ бордень, какъ называютъ монголы рѣчной перекать; чрезъ бордень этотъ, если рѣка не въ прибыли, можно совершенно свободно переѣзжать въ бродъ. Въ данное время прибыли не было и мы безъ затрудненія переѣхали на лѣвый берегъ р. Делгирь-Муринъ. Ложе рѣки покрыто мелкой галькой; глубина брода по брюхо лошади; берега песчаные, обрывисты и не болѣе полусажени возвышаются надъ уровнемъ воды въ рѣкѣ. Лѣвый берегъ, какъ и правый, густо заросъ толстыми тополями. Держась праваго берега рѣки, мы доѣхали до устья р. Эдиръ. Выше было замѣчено, что р. Делгирь-Муринъ незамѣтно дѣлаетъ поворотъ къ востоку; между тѣмъ какъ Эдиръ течетъ на сѣверо-востокъ, такъ что, еслибы не теченіе р. Делгирь-Муринъ, то р. Эдиръ ушла бы прямо на сѣверъ и затѣмъ, подмывши подошву хребта Хара-Нюдынъ-Домбо, должна была бы прибиться лѣвымъ своимъ берегомъ къ подошвѣ этого хребта и потомъ уже сдѣлать поворотъ на востокъ, какъ сторону покатости площади, но русло р. Делгирь-Муринъ, какъ болѣе сильное по теченію, къ тому же сравнительно многоводное, преградило продолженіе теченія р. Эдиръ на сѣверъ и приняло въ себя эту рѣку, какъ правый притокъ. Принявши въ себя Эдиръ, р. Делгирь-Муринъ крутой дугой поворачиваетъ на востокъ, теряетъ свое прежнее имя и въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи называется уже р. *Селенгой*. Рѣка Селенга, въ пятидесяти саженьяхъ отъ своего притока, т. е. р. Эдара, развѣтвляется на два рукава и тѣмъ самымъ образуетъ узкій не широкій островъ, сплошь заросшій тальни-

комъ и вербой. Длина острова, а значить и рукава Селенги, не болѣе полуторыхъ сотъ саженой; затѣмъ русла сходятся, именно лѣвый рукавъ (по теченію) вливается чрезъ перекасть въ правый, такъ что этотъ послѣдній и есть главное русло рѣки, принадлежащее Делгирь-Мурину (названному здѣсь р. Селенгой), а не р. Эдиру, который какъ бы въ другой разъ вливается въ р. Делгирь-Муринъ или что тожь р. Селенгу; это, между прочимъ, также свидѣтельствуется о томъ, что р. Эдиръ есть *побочная, а не становая рѣка*. За островомъ р. Селенга течетъ ровнымъ, широкимъ русломъ, правый берегъ котораго прибился къ скалистой подошвѣ хребта Ганасха, тоже сдѣлавшаго подъ тупымъ угломъ поворотъ на востокъ. Если-бы рѣка Эдиръ, омывающая скалы Уланъ-Хиса, что не далѣе двухъ верстъ отъ устья, не была притокомъ р. Делгирь-Мурина, а самостоятельно уходила бы на востокъ подъ именемъ р. Селенги, то она должна была бы велѣдъ за поворотомъ хребта Ганасха (продолженіе скалъ Уланъ-Хиса) и въ свою очередь, не отходя отъ хребта, сдѣлать загибъ русла на востокъ же, а не течь въ упоръ р. Делгирь-Муринъ. Резюмируемъ всѣ данныя, говорящія за то, что начало р. Селенги есть р. Делгирь-Муринъ, а не р. Эдиръ—какъ-то: а) большая многоводность р. Делгирь-Мурина сравнительно съ р. Эдиръ и въ связи съ этимъ ширина русла и глубина его; б) не замѣтный загибъ р. Делгирь-Мурина на востокъ, тогда какъ р. Эдиръ продолжаетъ течь прямо на сѣверо-востокъ въ упоръ р. Делгирь-Муринъ и не поворачиваетъ на востокъ вмѣстѣ съ хребтомъ Ганасха, сопровождающимъ правый берегъ этой рѣки, напротивъ отходить отъ него; с) задержка русломъ р. Делгирь-Муринъ стремленія р. Эдира уйдти на сѣверо-востокъ, такъ какъ, если-бы не сила теченія р. Делгирь-Муринъ, то р. Эдиръ прошла бы до хребта Хара-Нюдунъ-Домбо и вмѣстѣ съ нимъ сдѣлала бы поворотъ къ востоку, принявъ въ себя

р. Делгирь-Муринь; d) тогда р. Делгирь-Муринь своимъ устьемъ упиралась бы въ Эдирь; наконецъ g) вслѣдствіе того, что Эдирь все-таки имѣетъ сильный напоръ воды, то онъ, столкнувшись съ р. Делгирь-Муринь, отдѣлилъ отъ себя маленькій рукавъ, отчего и образовался упомянутый нами островъ; но рукавъ этотъ сравнительно съ русломъ р. Делгирь-Муринь имѣетъ слабое, незначительное теченіе, узокъ и маловоденъ. Разюмируя всѣ эти данныя, мы вправѣ заключить, что Селенга есть продолженіе теченія р. *Делгирь-Мурина*, а не р. *Эдира*, какъ то значится на картѣ г. Рафаилова и какъ утверждаетъ Гр. Ник. Потанинъ. Отсюда ясно слѣдуетъ и то, что за начало, истокъ р. Селенги нужно признать верховья р. Делгирь-Мурина и разъ навсегда рѣшить, что р. Селенга и Делгирь-Муринь есть одна и таже рѣка, а р. Эдирь есть одинъ изъ «значительнѣйшихъ притоковъ» р. Селенги.

Воротившись нѣсколько назадъ къ описанію системы р. Делгирь-Мурина, мы узнаемъ, что рѣка эта беретъ начало съ вершины хребта Улань-Тайга, откуда и выходитъ тремя руслами, текущими на юго-востокъ подь острымъ угломъ; первый и главный ручей называется Терисъ, средній Мерисъ, а третій Гушинь-Жорго-Булукъ; устья этихъ трехъ горныхъ ручейковъ сходятся вмѣстѣ и, слившись, текутъ уже однимъ большимъ русломъ, которое и называется Делгирь-Муринь. Вершина же р. Эдира лежитъ, какъ мы тоже уже знаемъ, въ верховьяхъ хребта Хангай, именно въ той части его, которая называется *Бодо-Отхонъ-Тенгери* и выходитъ изъ этой вершины четырьмя руслами: 1) Тенынь (глупый), 2) Туна, 3) Текши (ровный) и 4) Буинтей (добродѣтельный); отъ мѣста соединенія всѣхъ этихъ ручьевъ русло рѣки получаетъ названіе «Эдирь».

Въ своемъ трудѣ: «Очер. С. З. Монголіи В. I» Григ. Ник. Потанинъ упоминаетъ о системѣ р. Эдира на слѣдую-

щихъ страницахъ: 245, 246, 250, 251. Позволяемъ себѣ обратиться къ замѣчаніямъ путешественника и показать, что свѣдѣнія, сообщенныя Гр. Н. Потанину относительно системы рѣки Эдира, невѣрны; они, помимо пропусковъ, грѣшатъ еще и противъ точности географическаго положенія той или другой рѣки, гипотетичны и сбивчиво редактированы. Очевидно, что монголы, сообщавшіе эти свѣдѣнія, мало были знакомы съ топографіей теченія рр. Эдиръ и Чилоту, благодаря чему путешественникъ, принявъ эти свѣдѣнія за исходную точку своихъ географическихъ выводовъ, неизбежно долженъ былъ впасть въ погрѣшности. Такъ, напримѣръ, дѣлая заключеніе описанія системы р. Чилоту и Эдира, Григорій Ник. Потанинъ на стр. 245, между прочимъ, пишетъ: «Рѣка Аръ (средній) Бурукъ течетъ на востокъ и принадлежитъ къ системѣ р. Селенги; соединяясь съ Убуръ Бурукомъ (т. е. переднимъ Бурукомъ) она составляетъ Хойту-Терхъ (сѣверный Терхъ), а этотъ по соединеніи съ Урту-Терхъ (т. е. южнымъ) впадаетъ въ озеро Цаганъ-Норъ, изъ котораго и вытекаетъ глубокая и большая р. Чилоту; соединеніемъ Чилоту и Эдира образуется, наконецъ, Селенга». Мы уже знаемъ, что не «соединеніемъ Чилоту и Эдира» образуется Селенга, а, напротивъ, Чилоту, соединившись съ Эдиромъ, теряетъ свое названіе; Эдиръ же, послѣ пятиверстнаго прохода, широкимъ русломъ входитъ, какъ правый притокъ, въ р. Делгиръ-Муринъ. Мѣстные жители, давъ Делгиръ-Мурину названіе Селенги, не говорятъ, что р. Селенга образовалась изъ сліянія Эдира съ Делгиръ-Муриномъ, а на вопросъ: «куда вошелъ Аманъ-Эдира?»—отвѣчаютъ: Делгиръ-Муринго унасанъ байна», т. е. Эдиръ впадаетъ въ р. Делгиръ-Муринъ. Вслѣдъ за этимъ Гр. Н. Потанинъ вновь дѣлаетъ неправильное географическое показаніе, говоря, что Чилоту, по разсказамъ монголовъ, многоводнѣе Эдира, такъ что *ее слѣдуетъ признать за настоящее начало рѣки Селенги* (наше

курсивъ). Если продолженіе теченія р. Эдира, послѣ сліянія его съ Чилоту, есть не что иное, какъ только лишь притокъ р. Делгиръ-Мурина, а не Селенги, то естественно—Чилоту никоимъ образомъ не можетъ служить началомъ р. Селенги. Невѣрны также и показанія монголовъ, что будто-бы Чилоту многоводнѣе Эдира. Монголы, кочующіе зимой въ верховьяхъ рѣки Чилоту и дѣломъ спускающіеся къ устью ея, единогласно утверждали мнѣ, что Чилоту мельче и уже въ верховьяхъ своего теченія, чѣмъ къ устью; у устья же рѣка эта нигдѣ, какъ я самъ убѣдился, не имѣетъ болѣе тридцати пяти саженой ширины, тогда какъ ширина р. Эдира доходитъ до сорока слишкомъ саженой; къ тому же Чилоту значительно маловоднѣе Эдира; не забудемъ и то, что Чилоту теряетъ свое названіе. Что же касается примѣчанія Г. Н. Потанина, въ которомъ онъ говоритъ, что «по другому показанію рѣки Этеръ и Чилоту по соединеніи составляютъ рѣку Сумыйнъ-голь», то это лишено всякаго основанія. Сумыйнъ-голь дѣйствительно есть, но рѣка эта, недалеко отъ устья Чилоту, впадаетъ въ нее правымъ притокомъ. По многоводности своей р. Сумыйнъ-голь не менѣе Чилоту, берега ея круты, обрывисты, каменисты и заросли тальникомъ.

Перейдемъ теперь къ описанію притоковъ рр. Эдира и Чилоту. Г. Н. Потанинъ на 251 стр. своего труда пишетъ: «гдѣ лежатъ вершины рѣки (Эдира), не удалось собрать точныхъ свѣдѣній; первый ручей, который даетъ начало рѣкѣ, по словамъ одного монгола, называется Тинонъ-голь. «Слова монгола» вѣрны; Тенынъ-голь есть дѣйствительно одинъ изъ ручейковъ, дающихъ начало рѣкѣ Эдиръ, но, кромѣ этого, ручья есть еще три, перечисленные нами, изъ которыхъ и составляется р. Эдиръ. Далѣе Гр. Ник. Пот. продолжаетъ: «справа въ Эдиръ вливаются рѣки: Номту, Тхонъ, Текшь, Кондзгангъ, Хаджауль и Цартъ». Помимо того, что редакція

этихъ словъ не вѣрна до неузнаваемости, и сами свѣдѣнія далеко не отличаются полнотой и точностію, — въ послѣднемъ путешественникъ, разумѣется, не виноватъ, — но на невѣрность редакціи собственныхъ именъ мы позволяемъ себѣ обратить особенное вниманіе потому, что въ существѣ дѣла, та или другая редакція географическихъ названій очень важна. Напримѣръ, ни одинъ изъ монголовъ не понялъ меня, когда я перечислялъ предъ ними притоки р. Эдира по той записи, какая сдѣлана Гр. Н. Пот. «Кондзангъ», «Хаджауль», «Тхонъ»: всѣ эти слова или названія казались монголамъ какой-то тарабарщиной. И дѣйствительно, какъ догадаться монголу, даже если-бы онъ былъ и филологомъ, что «Кондзангъ» есть его родное слово, какимъ то чудомъ выдѣланное изъ «Гунзунъ» — (Гунзунъ въ переводѣ значитъ: «на столько-то длинный — нѣе»); или же какъ догадаться номаду, что «Хаджауль», есть ничто иное, какъ Хунжуль (одѣяло, покрывало). Повторяемъ еще разъ, что правильная редакція монгольскихъ словъ имѣетъ очень важное значеніе, такъ какъ въ противномъ случаѣ нѣтъ никакой возможности наводить справки о существованіи или же положеніи той или другой рѣки, мѣстности, горы и пр. и будущему путешественнику, вмѣсто того, чтобы руководствоваться указаніями своего предшественника, придется строить догадки: по какой такой мѣстности проходилъ N N, гдѣ протекаютъ записанныя имъ рѣки и пр.; придется комментировать и на основаніи аналогіи и разныхъ другихъ догадокъ доказывать, что такой-то дѣйствительно прошелъ такою-то мѣстностію и былъ на берегахъ рѣки «Гунзунгъ», извращенной въ «Кондзангъ». А что это такъ, доказываетъ и самъ Гр. Н. Потанинъ, строя предположенія и чуть ли не на трехъ страницахъ доказывая, что «ученый китаецъ Чанъ-Чунъ изъ Улясутая въ Ургу «прошелъ именно такою-то дорогой, «обогнувъ Отхонъ-Хаиръ-Ханъ перевалилъ чрезъ.....» и проч.

Доказательства свои онъ основываетъ на названіи географическихъ пунктовъ, неправильно будто-бы записанныхъ китайцемъ Чанъ-Чунь; причемъ оспариваетъ предположенія о. Палладія, утверждающаго, что китаецъ шелъ совсѣмъ другой дорогой, по другому направленію. Доказательства о. Палладія также основаны на филологическомъ разборѣ собственныхъ именъ мѣстностей, на томъ искаженіи, какое терпитъ монгольское слово въ записяхъ китайца, неспособнаго уловить, по свойству своего языка, нѣкоторые звуки монгольской рѣчи и проч.... Ни съ доказательствами о. Палладія, ни съ опроверженіями Г. Н. Потанина нельзя согласиться, намъ-же и до сихъ поръ не извѣстно какой именно мѣстностию проходилъ «ученый китаецъ Чанъ-Чунь?..... Все это неизбежно, если путешественникъ допускаетъ неправильную записъ собственныхъ географическихъ именъ, такъ какъ недостатокъ этотъ лишаетъ возможности наводить справки даже на мѣстѣ. Мозги монголовъ до того не поворотливы, не гибки, до того, такъ сказать, лишены филологическихъ способностей и смекалки, что стоитъ изменить хотя одинъ слогъ въ его родномъ словѣ и номадъ ни за что не догадается, о чемъ вы говорите, и на вашъ вопросъ — положимъ: «гдѣ протекаетъ Кангдзангъ?» непременно отвѣтити: има голъ манай газари байхауве», т. е. «такэй рѣки въ нашей мѣстности нѣтъ», хотя-бы эта рѣка и протекала близъ самой его юрты.

Дополнимъ же свѣдѣнія о системѣ р. Эдира и вмѣстѣ съ тѣмъ исправимъ редакцію географическихъ собственныхъ именъ этой системы, не правильно записанныхъ Гр. Н. Потанинымъ.

Притоки р. Эдира справа: 1) *Гунзунъ Урбунъ Ире*. Названіе этого описательное и въ переводѣ значитъ: «склонъ горы длиннѣе противоположнаго, въ трехъ мѣстахъ покрытый

кучками лѣсомъ* *). Такимъ образомъ, это названіе притока даетъ точное описаніе мѣстности, изъ которой онъ вытекаетъ. Гунзунгъ Урбуиъ Ире, вѣроятно, имѣлъ въ виду Гр. Ник. Потанинъ, назвавъ его *Кондзингъ*. Въ мѣстѣ своего перехода черезъ эту рѣку путешественникъ описываетъ ее такъ: «Рѣка не глубокая, вода по щетку лошади; ширина двѣ три сажени; дно каменистое; берега песчаные, плоскіе, безлѣсные, сопровождаются съ обѣихъ сторонъ болѣе или менѣе крутыми скалами террасы. Въ вершинахъ рѣчки видно лѣсистое ущелье, изъ котораго она вытекаетъ (251 ст. Оч. С. З. М. В. Г.). Изъ замѣчаній путешественника: «за переваломъ черезъ Кецыкъ(?) опять появляются кочевники и юрты, которыхъ мы не видали съ Кондзапта», видно, что долина р. Гунзунгъ Урбуиъ Ире заселена кочевьями монголовъ; это подтверждаютъ и рассказы монголовъ.

2) *Зарта Хазалта*. Этотъ притокъ р. Эдира имѣетъ свою исторію. Пр. Зарта Хазалта служитъ, между прочимъ, пограничною линіей между Далай-Ванъ-Гунскимъ хашуномъ и Сысынъ-Ванъ-Гунскимъ. Послѣ смерти одного изъ князей, подъ вѣдѣніемъ котораго находились оба эти хашуна, два его сына, раздѣляя наслѣдіе отца, заспорили между собой—кому должна принадлежать долина рѣки Зарта Хазалта. Споръ перешелъ въ кровавую распрю, окончившуюся побѣдой старшаго сына надъ младшимъ и долина рѣки перешла во владѣніе Далай-Ванъ-Гунскаго хашуна, княземъ котораго и былъ старшій братъ. Въ воспоминаніе же этой кровавой распри между братьями, современники, пролившіе въ борьбѣ не мало крови, и называли эту рѣку «*Кусливой тяжбой*»; Зартей въ переводѣ значитъ: тяжущійся спорящійся—ая, а «Хазалта, отъ глагола «Хазалху» значитъ: кусать, причинять боль».

*) Гунзугуй—длинный—нѣе, урбуиъ—три, ире—лѣсъ, растущій по склонамъ горъ, не сплошной массой, а отдѣльными кучками, *пестрыми* гору; отсюда хада ире—значитъ пестрая гора.

Притокъ Зарта Хазалта небольшой, съ узкимъ, каменистымъ русломъ, берега котораго заросли листвякомъ. Въ вершинахъ притока расположены зимніе хашаны, а въ низовьяхъ лѣтнія кочевья монголовъ.

3) *Той Хунжуль*. Въ переводѣ значитъ одѣяло колѣна (Той—колѣно, тожь и четверть, Хунжуль одѣяло). Рѣка эта многоводна, широка и глубока; мѣстами ширина ея доходитъ до двадцати сажень, ложе каменисто, берега пологи и заросли листвяничнымъ лѣсомъ. Ширина долины рѣки въ низовьяхъ ея доходитъ до одной версты. Въ такихъ широкихъ мѣстахъ, покрытыхъ богатымъ кормомъ, расположены лѣтнія кочевья; въ верховьяхъ же по площадкамъ горъ, сопровождающихъ теченіе рѣки, устроены зимніе хашаны. Въ долинѣ р. Той Хунжуль есть два, незначительныхъ по населенію, куреня, принадлежащіе Далай-Ванъ-Гунскаго хашуна—Тосхойнъ Тонъ Баку (округу). Вершина Зарта Хазулта, такъ-же какъ и р. Эдиръ, беретъ свое начало изъ хребта Хангай.

4) *Хацага Салбартей*. Названіе этой рѣки въ переводѣ значитъ: «имѣющій родственникомъ ястреба». Рѣка небольшая, глубиной не болѣе полуаршина; дно ея каменистое, берега низкіе, песчано-каменистые и заросли тополемъ, ивнякомъ и листвяною. По долинѣ рѣки есть лѣтнія и зимнія кочевья, принадлежація Бангинъ-Баку Далай-Ванъ-Гунскаго хашуна. Близъ вершины рѣки есть аршіянь, т. е. горячія минеральныя воды. У устья рѣки расположенъ Хомбо Гыгыней курень. Курень этотъ одинъ изъ значительныхъ; вокругъ него болѣе сотни деревянныхъ построекъ, служащихъ жилищами ламъ.

5) *Урбунъ Яргайтей*. Притокъ этотъ беретъ начало тремя руслами, по берегамъ которыхъ растутъ кусты Яргай (кизиль), именемъ котораго и названа рѣка. Теченіе рѣки неглубокое, долина ея широкая, по ней кочуютъ какъ лѣтомъ,

такъ и зимой. Все теченіе рѣки принадлежитъ Баку Зунъ Сомо (сто десятковъ зунъ—сто, сомо—десятковъ въ смыслѣ общинной единицы народонаселенія).

6) *Хор-голь*. Рѣка эта получила свое названіе отъ того, что русло ея наполнено мелкимъ щебнемъ: «Хоръ»—значитъ щебень, а «голь»—рѣка. Хоръ-Голь незначителенъ, скорѣе ручей, чѣмъ рѣка. Долина рѣки широка, склоны ея горъ заросли листвяничнымъ лѣсомъ; по самой долинѣ исключительно расположены одни лишь зимнія кочевья Зунъ Сомойскаго бака*).

7) *Ширингиты-Тель*. Названіе притока описательное и характеризуетъ топографическое положеніе рѣки. *Ширингиты-Тель* тропинка между чащей (лѣсной). Дѣйствительно верховья рѣки густо заросли листвякомъ и кустами тальника, такъ что русла рѣки совсѣмъ невидны. Рѣка небольшая, съ малымъ русломъ, проходящимъ тѣсной долиной; берега ея окаймлены высокими горами, склоны которыхъ покрыты листвяничнымъ лѣсомъ. Приближаясь къ устью, р. Ширинги-Тель течетъ болѣе широкой долиной, по которой и расположены лѣтнія кочевья монголовъ Зунъ Сомойскаго бака; въ верховьяхъ же рѣки устроены зимніе хашаны.

7) *Саганъ-Соготей*—въ переводѣ значить: «имѣющей—ая бѣлыхъ матокъ изюбря». Рѣка эта небольшая, маловодная, съ узкимъ, каменистымъ русломъ. Склоны горъ, сопровождающихъ теченіе рѣки, равно какъ и изголовья ихъ, покрыты густымъ листвяничнымъ лѣсомъ; въ долинѣ рѣки есть залежи Гуджира (солонцы), на которые и собираются изюбри, что и послужило мотивомъ къ названію рѣки. По побережьямъ р. Саганъ-Соготей расположены лѣтнія кочевья только лишь до средняго теченія рѣки, въ верховьяхъ же есть зимніе хашаны.

*) Все эти и послѣдующія баки, какъ и весь правый берегъ рѣки Эдиръ принадлежатъ кочевьямъ Далай-Ванъ-Гунскаго хашуна.

8) *Гурте-Сарь*. Такъ называется сухое русло праваго притока р. Эдирь. Гурте-Сарь наполняется водой только лишь въ дождливое время года и весной—при таянїи снѣга. Русло Гуртейнъ-Саря проходитъ тѣснымъ ущельемъ, бока котораго высоки, отвѣсны и скалисты, такъ что переѣхать поперегъ этого ущелья нельзя, а въ случаѣ нужды необходимо дѣлать объѣздъ и переваливать чрезъ вершину его. Такое положеніе русла послужило причиной названія рѣки—именно Гурте-Сарь въ переводѣ значитъ: «русло, загораживающее дорогу» (Гурте—загородъ вдоль чего нибудь). Само собой понятно, что вдоль Гурте-Саря, какъ проходящаго тѣснымъ ущельемъ, нѣтъ ни лѣтнихъ, ни зимнихъ кочевьевъ.

9) *Денжинъ-Сарь*. Прежде чѣмъ войти въ долину этой рѣки, нужно сдѣлать подъемъ на гору Гужиртей-булунъ (колѣно солонцевъ). Необходимость подъема на дабанъ для входа въ долину дала названіе рѣкѣ: Денжинъ—значитъ маленькій подъемъ.

Какъ видно изъ пояснительнаго придатка къ собственному имени рѣки—Денжинъ: »Сарь» (сухое русло), рѣка въ текущемъ состоянїи бываетъ только лишь въ ненастья и весной. По побережьямъ р. Денжитъ-Сарь нѣтъ лѣтнихъ кочевьевъ, на площадкахъ же боковыхъ распадка расположены зимніе хашаны. Перевала чрезъ вершину рѣки нѣтъ.

10) *Тоглотъ*. Рѣка эта небольшая, скорѣе горный ручей съ пересыхающей, во время лѣтняго зноя водой. По гривамъ горъ, окаймляющихъ распадокъ, по которому течетъ Тоглотъ, растетъ листвяничный лѣсъ, склоны же этихъ горъ обнажены. Узкая долина р. Тоглотъ богато покрыта травой. Въ верховьяхъ рѣки устроены зимніе хашаны; лѣтнихъ же юртъ, по причинѣ маловодности рѣки, нѣтъ. Берега р. Тоглота принадлежатъ Зунъ-Самойскому баку.

11) *Чилоту*. Для знакомства съ этой рѣкой воспользуемся свѣдѣніями о ней, собранными Гр. Ник. Потанинымъ. Въ своемъ трудѣ «Оч. С. З. Мон.» путешественникъ совершенно вѣрно сообщаетъ, что Чилоту беретъ начало изъ о. Цаганъ-Норъ (бѣлое озеро). Что рѣка эта есть притокъ р. Эдира, а не начало Селенги, мы уже знаемъ; остается только лишь сказать о характерѣ ея теченія. Чилоту многоводна и течетъ ровнымъ, широкимъ русломъ, сохраняя равномерность глубины и ширины русла. Глубина ея, по среднему выводу, равняется двумъ аршинамъ; ширина же отъ истока до средняго теченія, доходитъ приблизительно до тридцати сажень, и отъ средняго теченія, къ устью отъ тридцати до тридцати пяти. Берега р. Чилоту обрывисты, не высоки, каменисты; долина рѣки широка; въ верховьяхъ рѣки покрыта зарослями тальника и лиственни, въ низовьяхъ же исключительно топодемъ. Правый берегъ рѣки принадлежитъ Сысынъ-Ванъ Гунскому хашуну, а лѣвый Далай-Ванъ-Гунскому. Близъ устья рѣки расположенъ большой курень.

Рѣка Чилоту принимаетъ въ себя справа: 1) Будунъ-Гечегенъ (толстая трава); 2) Наринъ-Гечегенъ (тонкая трава); 3) Урбунъ-Яргатей. Три эти притока маловодны, имѣютъ крутые каменистые берега, склоны горъ, сопровождающихъ ихъ теченіе, покрыты лиственничнымъ лѣсомъ; долины не широки, по нимъ расположены лѣтнія и зимнія кочевья, принадлежащія *Тусалакчей-баку*.

4) *Ульдыынъ*—въ переводѣ: проголодавшійся-ая. Рѣка небольшая съ болотистыми берегами, что причиной тому, что по долинѣ ея нѣтъ лѣтнихъ кочевьевъ, а одни только лишь зимніе хашаны. Вершина, изъ которой рѣка беретъ начало, называется *Билень*.

5) *Ажаракъ*. Слово это тибетское и употребляется, какъ для обозначенія мѣстности, такъ равно и для имени чело-

вѣка. Рѣка Ажаракъ небольшая, маловодная и принадлежитъ Меринъ-баку.

6) *Буху*. Названіе рѣки въ переводѣ значитъ: порозъ, некастрированный быкъ. Притокъ этотъ небольшой, маловодный, съ песчанокаменистыми берегами. У устья рѣки расположенъ курень Мыргынъ Джазасакскаго быка, которому и принадлежитъ все теченіе рѣки.

Лѣвые притоки р. Чилоту: 1) *Улясутей* — покрытый-ая тополями. Рѣка многоводная, широкая долина ея принадлежитъ Ирдымъ-Джазасакскому баку.

2) *Хартагана*. (Желтая акація). Рѣка небольшая; долина ея отъ устья и до верховьевъ покрыта листвяничнымъ лѣсомъ; на горныхъ площадкахъ боковъ ея есть зимніе хашаны.

3) *Гуртыйнъ-Голь*. Рѣка эта имѣетъ свою легенду. По разсказамъ монголовъ, въ верховьяхъ ея когда то спасался великій подвижникъ лама, ученостію своею превосходившій всѣхъ людей и никто изъ толкователей закона и обрядовъ религіи не могъ состязаться съ нимъ въ знаніи религіозныхъ истинъ.

4) *Галинтай* (со стрѣлами). Теченіе рѣки небольшое, съ крутыми, обрывистыми, каменисто-песчаными берегами. Долина рѣки не широка и только лишь при устьѣ ея есть лѣтнія кочевья, въ верховьяхъ же расположены зимніе хашаны; прибрежья рѣки поросли топодемъ, тальникомъ и ивой, по склонамъ же горъ есть лиственъ. Рѣка принадлежитъ Тусу-лукчей-баку.

5) *Нилиней-Голь* (направленная рѣка). Рѣка эта, по глубинѣ и ширинѣ русла, небольшая и прорѣзываетъ средину значительной, до трехъ верстъ, долины. Долина эта болотиста, почему въ ней расположены только лишь зимніе хашаны монголовъ, числящихся въ Барунъ-Баксѣ. Склоны горъ, окаймляющихъ долину Нилиней-гола, изрѣдка покрыты листвяничнымъ

лѣсомъ. Рѣка получила свое названіе: «направленная» отъ того, что течетъ русломъ, неизмѣняющимъ извилинъ.

6) *Сумыйн-голъ*. Объ этой рѣкѣ мы уже упоминали выше. Гр. Н. Потанинъ указываетъ еще на р. Галоту, какъ притокъ р. Чилоту, но объ этой рѣкѣ мнѣ не удалось собрать болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній.

Въ числѣ правыхъ притоковъ р. Эдиръ Г. Н. Потанинъ упоминаетъ еще о рр. Номту, Тхонъ, Текшъ и тѣмъ впадаетъ въ ошибку. Дѣло въ томъ, что Номту и Тхонъ вовсе не рѣки, а горы, — именно: изъ вершины горы Тхонъ беретъ начало *Текшъ* лѣвый притокъ р. Эдира, а не правый, какъ-то отмѣтилъ путешественникъ. Гора же «Номту» расположена близъ устья р. Эдира и мы о ней уже упоминали. Что же касается рр. «Ходжауль» и «Цартъ», то это, вѣроятно, искаженные названія притоковъ: Той-Хунжула и Зарта-Хузулта.

Укажемъ теперь на лѣвые притоки р. Эдира.

Гр. Ник. Потанинъ перечисляетъ слѣдующія лѣвыя притоки р. Эдира: «Цзагистай, берущій начало съ сѣвернаго склона той же горы, съ южнаго склона которой выпалъ Цзагистай системы Улясутая; Тумурты, Ангирты, Шурыхъ, Шумултей, Харганай, Хопхтей».

Перечисливъ указанные Гр. Н. Потанинымъ притоки Эдира, обратимся и къ собраннымъ нами.

Лѣвые притоки Эдира: 1) Цзагусутей (рыбная). Притокъ этотъ небольшой; течетъ узкой долиной, находящейся въ районѣ Джазасакъ-Гыгени-хашуна. По бережьямъ рѣки есть лѣтнія и зимнія кочевья. Склоны горъ, составляющихъ бока долины, покрыты рѣдкимъ, не густымъ листвяничнымъ лѣсомъ. Цзагусутей есть именно та рѣка, которая у Гр. Ник. Потанина отмѣчена подъ именемъ «Цзагистай». Чрезъ верховья этой рѣки есть переваль на дорогу, ведущую въ городъ Улясутай.

2) *Тумуртей* (имѣющій—ая желѣзо). Рѣка эта протекаетъ по району того же хашуна, что и р. Загусутей; русло ея небольшое, съ каменистыми, пологими берегами; идетъ оно вдоль не широкаго распадка, склоны горъ котораго покрыты лиственничнымъ лѣсомъ; по распадку есть лѣтнія и зимнія кочевья.

3) *Галутей* (Гусиная). Не эту ли рѣку имѣлъ въ виду Г. Н. Потанинъ, ошибочно причисливъ ее къ притокамъ р. Чилоту подъ именемъ р. Галоту.

3) *Ангиртей* (турпанья). Рѣка небольшая, съ широкимъ каменистымъ русломъ, которое проходитъ по срединѣ тѣснаго, съ скалистыми боками распадка. Верховья рѣки не обитаемы, начиная же отъ средняго теченія и до устья расположены лѣтнія кочевья.

4) *Текшь*. Воспользуемся точнымъ описаніемъ этого притока р. Эдира, какъ сдѣлалъ Гр. Н. Потанинъ.

«Недалеко отъ спуска, пишетъ путешественникъ, съ вершины перевала Бурукъ, бока долины Текша покрыты густымъ лѣсомъ лиственницъ, но лѣсъ не подымается до самихъ вершинъ, которыя голы и усыпаны розсыпями; также и внизу лѣсъ не спускается ниже подошвы горныхъ скатовъ; дно долины и берега рѣки безлѣсны» (237 ст.). «Текшь принимаетъ въ себя слѣва Яматы. Послѣ принятія въ себя рѣки Ямать, берега Текшь безлѣсны, дно каменистое.... Ниже стоянки по Текшу видѣнъ какой-то лѣсъ. Горы, которыя видны отсюда въ вершинахъ Текша, покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ; напротивъ скалистыя красныя горы, которыя видны внизъ по Текшу и которыя мѣстные жители называли намъ *Гурбань-Ханцыгырзъ*, были совершенно безлѣсны. При входѣ на долину Текша мы пересѣкли глубокопробитую телѣжную колею. Это была дорога изъ Улясутая въ Ургу.... На Пекшѣ мы опять встрѣтили аулы монголовъ... (249 ст.).

Течение р. Текшъ принадлежитъ Джазасакъ Гыгени хашуну. Отъ вершины и до устья этой рѣки есть кочевья монголовъ. Русло рѣки мѣстами глубоко и изобилуетъ рыбой; берега по преимуществу круты и каменисты.

5) *Урбунъ Шурухаха* (у Гр. Н. Пот. «Шурыхъ») есть собственно не рѣка, а три небольшихъ горныхъ ключа, протекающихъ между расщелинами скалъ; устье этихъ ключей не достигаетъ долины р. Эдира. Названіе «Урбунъ Шурухаха», собственно говоря, не относится къ ключамъ, а такъ называются три горныхъ выступа, расположенныхъ не вдалекѣ другъ отъ друга. Выступы эти представляютъ изъ себя стѣны какъ бы нарочито сдѣланныя изъ краснаго гранита; стѣны стоятъ рядомъ, на разстояніи полувереты одна отъ другой и монголы очень мѣтко назвали ихъ — «Шурухаха»; слово это въ переводѣ значитъ: «пролазить подъ чѣмъ нибудь». Дѣйствительно, такъ какъ бока стѣнь выступовъ съ обѣихъ сторонъ совершенно отвѣсны и высоки, то перелѣзть чрезъ нихъ нѣтъ никакой возможности, развѣ только лишь «пролѣзть» подъ ихъ основаніемъ, разумѣется, еслибы къ тому была какая либо возможность, точно также какъ нѣтъ никакой возможности и сдѣлать переваль чрезъ изъ скалистыя верховья. Горные эти выступы совершенно обнажены; вершины же хребта, выдѣлившаго Шурухаха, покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Ключи, текущіе между стѣнь Шурухаха, нѣтъ основанія считать въ числѣ притоковъ р. Эдира; такъ какъ, хотя они и тянутся до окраинъ долины р. Эдира, но русла ихъ почти всегда сухи и имѣютъ воду только лишь въ мѣстахъ, гдѣ бьютъ изъ подъ земли самыя ключи.

6) *Урбунъ-Шумултей* (три — имѣющіе — я гигантскихъ комаровъ). Рѣка такъ названа потому, что въ долинѣ ея водится масса мошекъ и комаровъ; течетъ она въ началѣ тремя рукавами. Чрезъ эту рѣку, близъ ея устья, прошелъ

25 августа 1877 года путешественникъ Г. Н. Потанинъ. Р. Шумултей, сравнительно съ другими притоками, гораздо многоводнѣе, отличается шириною долины; берега ея плоски, песчаны. На берегу р. Шумултей есть большой курень, при которомъ, по словамъ монголовъ, считается до трехсотъ ламъ. Очевидецъ куреня, Гр. Н. Потанинъ, очень интересно описалъ этотъ курень. Въ виду живаго разказа и глубокихъ замѣчаній о значеніи вообще монгольскихъ монастырей, какія высказалъ путешественникъ, мы позволяемъ себѣ сдѣлать выписку изъ его труда. «Хуре, пишетъ Гр. Н. Пот., содержитъ въ себѣ до тридцати деревянныхъ домовъ, окруженныхъ деревянными дворами; нѣсколько большихъ каниць красивой архитектуры выдаются своими крышами надъ остальнымъ селеніемъ; ярко выбѣленные стѣны ихъ и выкрашенные подоконники и крыши показываютъ, что монастырь содержится въ чистотѣ. Въ монастырѣ есть три китайскія лавки. Князья соревнуютъ въ постройкѣ щеголеватыхъ монастырей и жители хашуновъ гордятся ими; но, къ сожалѣнію, эти монастыри нельзя считать прочными зародышами будущихъ монгольскихъ городовъ; въ нихъ живутъ только холостые и бездѣтные ламы и потому они легко по какому нибудь глупому капризу князя или гыгена и переносятся на другое мѣсто, не оставляя на старомъ никакого населенія (251 — 252 ст.). По словамъ Г. Н. Потанина, по долину восточной Шумултей поднимаются на переваль Себесль-Сюндуль, а западная Шумултей приводитъ къ перевалу въ долину р. Цаганъ-Соготей, потомъ спускаются въ мѣстность Шибирь-Турго, которая лежитъ въ вершинахъ р. Теса; отсюда чрезъ небольшой переваль спускаются къ западному берегу оз. Сангинъ-Дабай, а затѣмъ есть проходъ въ долину р. Буксой.

7) Мухуръ-Хартагана (акація безъ верхушекъ).

8) Хадата-Хартагана (акація, растущая на розсыпяхъ).

26 и 27 августа 1877 года чрезъ оба эти притока прошелъ Гр. Ник. Потанинъ и сдѣлалъ подробное описаніе ихъ, которымъ мы, для лучшаго знакомства съ системой р. Эдира и позволяеть себѣ воспользоваться. «Спустившася въ долину Хараганы, пишетъ въ своемъ дневникѣ Гр. Н. Потанинъ, шли вверхъ по ней сначала по правому берегу, потомъ по лѣвому; поднявшись по долинѣ, свернули вправо на высокій, но плоскій перевалъ, за которымъ спустились въ широкую долину; въ этой послѣдней лежатъ вершины сѣверной Хартаганы *). Обѣ Хартаганы текутъ въ Этеръ; въ обѣихъ долинахъ много разсѣяно было монгольскихъ юртъ хашуна Джа-дзасыка. Обѣ долины имѣютъ одинаковый характеръ: горы плоскія, часто съ пологими скатами, которые незамѣтно переходятъ въ дно долины; террасы нѣтъ, рѣка течетъ въ плоскихъ берегахъ, по широкой, корыто-образной впадинѣ, поверхность которой покрыта густой травой изъ злаковъ (до пяти видовъ *Stipa Agrostis* и пр.); почва черная, цвѣтомъ напоминающая черноземъ; берега рѣкъ безлѣсные, дно каменистое, ширина обѣихъ рѣчекъ отъ сажени до двухъ аршинъ. Лѣсъ только на горныхъ скатахъ и нейдетъ далѣе подошвы..... Пологий подъемъ отдѣляетъ долину Хартагана отъ долины Куюхту» (Хуихтей?).

9) *Хуихтей* (ячменный). Рѣка течетъ въ районѣ Джазасакъ-Гыгени хашуна, маловодна, съ каменистыми плоскими берегами; вершины горъ, окаймляющихъ побережья рѣки, покрыты густымъ лиственничнымъ лѣсомъ. Лѣсъ этотъ не сползаетъ къ подошвамъ. По долинѣ теченія рѣки есть какъ лѣтнія, такъ и зимнія кочевья.

10) *Халзанъ-даба* (лысый подъемъ). Притокъ этотъ небольшой; русло его узкое, берега низки, почти плоски и койгдѣ заросли кустами тальника. По долинѣ рѣки есть лѣтнія и зимнія кочевья; склоны горъ, сопровождающихъ теченіе р.

*) Вершины эти называются Хейренъ-дзасакъ.

Халзанъ-даба, покрыты рѣдкимъ лиственничнымъ лѣсомъ. Рѣка названа «лысымъ подъемомъ» потому, что дорога съ верховьевъ рѣки внизъ по теченію идетъ широкимъ распадкомъ, совершенно обнаженнымъ, тогда какъ оба склона распадка густо поросли листвягомъ, спустившимся до подошвъ и дно распадка, по отношенію къ этому лѣсу, дѣйствительно представляетъ изъ себя какъ бы «лысину». Переваль чрезъ верховья Халзанъ-даба ведетъ въ кочевья Баторъ-Гунскаго хашу, что по долинь рѣки Бугдугуна.

11) Зунъ Хонго (правое стегно).

12) Барунъ Хонго (лѣвое стегно).

Обѣ эти рѣки маловодны, проходятъ широкой бѣлюю, склоны горъ которой круты, покрыты розсыпями и на изголовьяхъ ихъ лѣсъ торчитъ одиноко стоящими кучками. Близъ устья Барунъ Хонго расположенъ небольшой курень; по долинамъ же рѣкъ есть лѣтнія кочевья и зимніе хашаны.

13) Гуджиртей (солонечныя залежи). Рѣка названа такъ потому, что по кочковатымъ ея прибрежьямъ есть много солонечныхъ залежей; русло ея не широкое, маловодное, покрытое мелкимъ галешникомъ; прибрежья также нешироки и бѣдны подножнымъ кормомъ; изголовья же горъ, составляющихъ бока долины теченія рѣки, покрыты лиственничнымъ лѣсомъ, не спускающимся на склоны. По долинь есть лѣтнія и зимнія кочевья. Чрезъ верховья р. Гуджиртей есть переваль въ долину р. Бугдугуна, который идетъ спускомъ по р. Тала-Булукъ, правому притоку р. Бугдугунъ.

14) *Саганъ Бургасанъ* (бѣлые кусты). Рѣка получила такое свое названіе оттого, что неширокое ея русло, по обрывистымъ своимъ берегамъ поросло кустами тальника. Распадкомъ, по которому протекаетъ р. Саганъ-Бургасанъ, не широкъ, съ крутыми скатами боковыхъ своихъ горъ; скаты, какъ и изголовья ихъ, покрыты лиственничнымъ лѣсомъ. Въ распадкѣ

есть лѣтнія и зимнія кочевья монголовъ, числящихся въ Далай-Ванъ-Гунскомъ хашунѣ. Переваломъ чрезъ правый склонъ распадка идетъ дорога въ кочевья долины р. Гуджиртей. Противъ устья р. Саганъ-Бургасанъ, на правой сторонѣ р. Эдиръ, есть подъемъ на вершину «Милень» спускъ съ которой, по рѣкѣ Хартагана, ведетъ въ долину р. Чилоту. Р. Хартагана описана нами подъ № 2 въ числѣ лѣвыхъ притоковъ р. Чилоту.

15) Сагларъ Хапшу (узкія развилины). Какъ видно изъ самаго названія—рѣка течетъ нѣсколькими узкими, руслами, развилиста; берега ея плоски, идутъ почти въ уровень съ долиной рѣки, долина же узка, корытообразна; горы ея боковъ круты, съ большимъ числомъ выступовъ, на треугольныхъ площадкахъ которыхъ расположены зимніе хашаны; лѣтнихъ же юртъ въ долинѣ рѣки вовсе нѣтъ; изголовья горъ покрыты листвяничнымъ лѣсомъ, склоны же обнажены. Течение р. Сагларъ Хапшу принадлежитъ Далай-Ванъ-гунскому хашуну. Чрезъ верховья рѣки есть переваль сначала въ ущелье Хухули, а затѣмъ внизъ по распадку того же имени въ долину р. Бугдугунъ.

16) Цаганъ Соготей 2-й (бѣлая матка изюбря). Течение рѣки принадлежитъ Далай-Ванъ-Гунскому хашуну; не глубока, маловодна, съ пологими, каменистыми берегами. Распадокъ, равно какъ и склоны ея горъ, непокрыты древесной растительностію, только лишь изголовья изрѣдка заросли листвяничнымъ лѣсомъ. Въ неширокомъ распадкѣ р. Цаганъ-Соготей есть зимнія и лѣтнія кочевья монголовъ. Противъ устья этой рѣки, на правомъ берегу р. Эдира, есть распадокъ Билень, послѣ подъема на вершину котораго, спускаются внизъ по р. Улясутей въ долину р. Чилоту. Р. Улясутай описана нами въ числѣ лѣвыхъ притоковъ р. Чилоту. Нужно замѣтить, что «Милень» (противъ р. Саганъ-Бургасанъ) и «Билень» не слѣ-

дуетъ смѣшивать. Оба эти слова заключаютъ въ себѣ описаніе мѣстности. Подъ понятіемъ «Милень» разумѣются горы, вершины которыхъ обнажены отъ древесной растительности, такъ сказать, чисты; «Билень» же въ буквальномъ переводѣ значить «теплый», мѣсто защищенное отъ завываній вѣтра, затишье.

17) Бугдугунь. Теченіе этой рѣки нами уже подробно описано.

Кромѣ этихъ, перечисленныхъ нами притоковъ, болѣе или менѣе многоводныхъ, въ долину рѣки Эдиръ не мало вышло амановъ сарей, русла которыхъ, исключая дождливаго времени, всегда сухи. Вотъ, между прочимъ, нѣкоторыя изъ этихъ сарей, устьями своими вышедшія въ долину Эдира слѣва: а) *Зосотей* (по этому сухому руслу мы пришли къ берегамъ р. Эдиръ); б) *Тарятей*; в) *Хануть*; д) *Ургунь-Сарь*; е) *Сагань-Сарь*; ф) *Сахюрійнь-Сарь*; и) *Татурійнь-Сарь*; г) *Ур-тыйнь-Сарь* і) *Шаргайтей Сарь* и пр. По этимъ послѣднимъ двумъ сарямъ мы спустились къ устью р. Эдиръ. Но русла этихъ сарей не слѣдуетъ считать притоками р. Эдира, такъ какъ они безводны. Всѣ эти сари берутъ начало въ верховьяхъ горнаго хребта, сопровождающаго справа теченіе р. Буксой; хребетъ этотъ, какъ мы уже знаемъ, называется Буксойнь-нуру. Склонъ его, обращенный лицевой своей стороной къ р. Эдиръ, скалистъ и обнаженъ отъ древесной растительности, имѣетъ много выступовъ и террасъ; вершины его конусообразны.

Въ заключеніи о водной системѣ р. Эдира, позволимъ себѣ спросить Гр. Н. Потанина о р. Бомботу. Путешественникъ -- въ одномъ мѣстѣ говоритъ объ этой рѣкѣ, какъ о притокѣ р. Эдиръ, въ другомъ мѣстѣ (243 ст.) упоминаетъ о р. Бомботу, какъ о притокѣ «Баиштугола», на 246 стр. какъ о притокѣ Хойту-Терхъ. Быть можетъ р. Бомботу и существуетъ какъ притокъ рр. Баишту-Гола и Хойту-Терхъ, на какъ притока р. Эдиръ ее нѣтъ.

И такъ рѣка Эдиръ, на протяженіи своего теченія, принимаетъ въ себѣ: слѣва 17 притоковъ; справа-же одиннадцать; тогда какъ Чилоту съ обѣихъ боковъ своихъ приняла только лишь тринадцать притоковъ. Это большее число притоковъ р. Эдира свидѣтельствуется и о большей его многоводности сравнительно съ рѣкою Чилоту, доказывая тѣмъ самымъ, что р. Эдиръ есть главлая рѣка и заключеніе Гр. Никол. Потанина, сдѣланное имъ на 251 стр. своего труда, что «Эдиръ вливается въ Чилоту», — невѣрно; точно также, какъ невѣрно и предположеніе, что будто-бы «слиянiе Эдира съ Чилоту есть начало Селенги». Противъ этого показанія путешественника нами уже представлены болѣе или менѣе основательные доводы.

Скажемъ теперь о заселеніи береговъ р. Делгиръ-Мурина и его продолженія—р. Селенги.

Начиная отъ устья рѣки Буксой и до устья р. Эдира, долина праваго берега р. Делгиръ-Мурина заселена лѣтними кочевьями До-гунскаго хашуна; въ разныхъ мѣстахъ ея я насчиталъ двадцать двѣ юрты, русановъ нигдѣ не было замѣтно; по долинѣ бродила масса скота. Недалеко отъ устья р. Буксой расположена китайская фанза, при которой есть и лавка. Устройство фанзы такое же самое, какъ и въ Мурино-Хажу; одна только лишь китайская юрта отличается своею оригинальностью. По структурѣ своей она похожа на монгольскую, также кругла, но несравненно больше и не войлочная, а сбитая изъ глины, перемѣшанной съ мелко изрубленной травой; вмѣсто урхе (дымоваго отверстія монгольской юрты), китайцы въ своей юртѣ сдѣлали куполь, съ южной стороны котораго вставлены, привезенныя изъ Кяхты, стекляныя рамы, которыя, въ случаѣ нужды, приподымаются. По срединѣ юрты, вмѣсто очага, устроенъ каминъ: труба камина выведена не чрезъ крышу, а разстилается горизонтально по полу, затѣмъ чрезъ восточную стѣну круга юрты выходитъ уже въ видѣ высо-

каго глинянаго столба, напоминая собою трубу нашихъ старинныхъ винокуренныхъ заводовъ. Всѣ постройки китайцевъ обнесены высокимъ частоколомъ; у главныхъ же воротъ, по обѣимъ сторонамъ, привязаны на короткой желѣзной цѣпи двѣ злющія собаки, съ остервененіемъ бросившіяся на меня при моемъ входѣ во внутренность двора фанзы.

Здѣшніе китайцы ведутъ такую же и также торговлю, какъ и ихъ собраты, живущіе въ долинѣ Мурино-Хажу и точно также нравственно растлѣвающе вліяютъ на окружающихъ ихъ монголовъ. Какъ на характеристику способа торговли, укажу, что китаецъ при мнѣ продалъ одному монголу косякъ краснаго шелку за овцу съ ягненкомъ; за пачку дряннаго табаку онъ просилъ съ меня три рубля, тогда какъ такая-же пачка, китайцами, торгующими въ Иркутскѣ, продается за 60 коп.; за четыре же мѣдныхъ небольшихъ пуговицы я заплатилъ рубль.....

Вскорѣ послѣ того, какъ мы разбили свою палатку на берегу р. Делгирь-Мурина, къ намъ «на огонекъ», какъ выразился Степанъ, собралась толпа монголовъ - мужчинъ и ребятшекъ; каждый изъ пришедшихъ не былъ съ пустыми руками и въ видѣ привѣтствія принесъ намъ -- кто молока, кто водки, кто чаю и пр.; между прочимъ, одинъ изъ монголовъ принесъ большой пучекъ мондино (чеснокъ). Суевѣріе монголовъ запрещаетъ имъ копать землю, поэтому монголъ принесъ одни только лишь стебелки чесноку, безъ корней. Стебли были въ цвѣту, затвердѣлыя и въ пищу не годились, почему я, не смотря на усердную просьбу монгола, отказался ихъ ѣсть. Нежеланію моему «лакомиться» чеснокомъ номадъ сильно удивился и началъ намъ горячо доказывать, что мы ничего не смыслимъ касательно вкуса и пріятностей чеснока; причемъ особенно номадъ расхваливалъ ароматичность запаха мондино; нюхалъ стебелки и предлагалъ намъ дѣлать тоже самое. Мон-

голь, если и не убѣдилъ насъ въ дѣйствительности того, что чеснокъ ароматиченъ, зато номадъ горячими доводами своими въ пользу мандягана, заставилъ насъ дать ему пятнадцать коп. за пучекъ никуда негодныхъ вонючихъ стеблей чеснока. Случай этотъ я рассказалъ потому, что онъ до нѣкоторой степени характеризуетъ относительность понятій людей даже о такомъ простомъ чувствѣ, какъ обоняніе. Съ понятіемъ о лукѣ, а тѣмъ болѣе о чеснокѣ, у европейца является представленіе о воннѣ, — представленіе діаметрально противоположное понятію объ ароматическомъ запахѣ и многіе изъ европейцевъ не ѣдятъ чесноку единственно потому лишь, что «изъ рта будетъ вонять»: «поѣвши его неприлично де быть въ обществѣ». Я не говорю уже объ «аристократахъ», которые, если не знакомы съ ботаникой, то едвали знаютъ — что такое чеснокъ и считаютъ его мерзостію, недостойной ихъ аристократическихъ желудковъ. Между тѣмъ, номадъ мало того, что любитъ ѣсть чеснокъ (какъ и русскій «мужикъ») и удобряетъ имъ вкусъ молока, онъ еще и запахъ этого растенія считаетъ ароматичнымъ (уныху-сысыи), съ удовольствіемъ нюхаетъ листья и цвѣтъ чеснока, для усиленія запаха растираетъ стебельки и, наслаждаясь этой «вонью», точно европеецъ нѣжнымъ запахомъ розы, приговариваетъ: «Сайханъ-уныртей-убусу, — Ханчуханъ!» т. е. съ хорошимъ запахомъ трава, — ароматична и искренно удивляется нашему непониманію прелестей запаха чеснока. Въ библіи сказано, что евреи, по выходѣ изъ Египта, странствуя въ пустынѣ, терпѣли большія лишенія и, голодуя, должны были питаться горькими травами. Намъ кажется, что ѣсть горькія травы — не было лишеніемъ для евреевъ, они, какъ и монголы, любили ихъ, считали вкусными и пріятными для чувства обонянія. Доказательствомъ чему служатъ, между прочимъ и то, что евреи и теперь, какъ и монголы, въ массѣ истребляютъ «горькія травы», т. е. лукъ и чеснокъ и растенія эти считаютъ наилучшей пряной приправой къ пищѣ.

У одного изъ монголовъ, посѣтителей нашей палатки, были замѣчательно красивыя густыя, черныя, блестящія брови. Мнѣ казалось, что черносизый цвѣтъ бровей не естествененъ и франтъ номадъ подкрасилъ ихъ чѣмъ нибудь. Чтобы убѣдиться въ основательности своихъ предположеній, я подошелъ къ монголу, протянулъ руку и хотѣлъ дотронуться до бровей. Монголъ, точно ужаленный, соскочилъ съ мѣста и отпрыгнулъ отъ меня; я сразу не понялъ въ чемъ дѣло и опять подошелъ къ номаду съ протянутой же рукой. Монголъ снова отскочилъ отъ меня.... Оказалось, что бѣдный номадъ, какъ и его соотчичи, привычный, точно вьючное животное (чувствую, что сравненіе оскорбительное, зато вѣрное), къ ударамъ, думалъ, что и я, протягивая руку, хочу его ударить, къ тому-же обо мнѣ раньше онъ слышалъ, что, будто-бы, я ноень, слѣдовательно человекъ, имѣющій власть раздавать оплеухи каждому встрѣчному и поперечному..... Впослѣдствіи монголъ повѣрилъ мнѣ, что я вовсе не ноень и не имѣлъ никакого желанія «шлепнуть» его по рожѣ; убѣдившись въ этомъ, онъ позволилъ мнѣ удовлетворить своему любопытству. Брови оказались неподкрашенными; при бритой же головѣ номада, его строго очерченному контуру лица, — вздернутыя брови и длинныя усы придавали номаду какую-то дикую и вмѣстѣ съ тѣмъ комичную серьезность.

И этотъ фактъ я заносу въ свой дневникъ не потому, что брови номада въ существѣ дѣла представляютъ изъ себя какой-либо интересъ, а потому, что желаніе мое — дотронуться до этихъ бровей — вызвало комичную и вмѣстѣ съ тѣмъ непріятную для меня сцену — испуга монгола, характеризуя въ тоже время деликатность обращенія монгольскихъ ноеновъ съ простымъ людомъ. Стоитъ только занести руку, даже нечаянно, безъ намѣренія ударить и номаду кажется, если это дѣлаетъ старшее лице, что поднятая рука непременно должна опуститься

ударомъ по его лицу. Опасаясь чужаго ноена, номадь отско-
чилъ, но едвали онъ позволить себѣ сдѣлать тоже самое и
увильнуть отъ поднятой руки своего ноена. Говорить ли о томъ,
что монгольское чиновничество страшно угнетаетъ народъ и
звѣрски, деспотически обращается съ номадами; фактъ этотъ
уже извѣстенъ; но къ чести этого-же нужно сказать, что оно,
въ исполненіи своихъ обязанностей, даже съ бѣдняками, обра-
щается какъ равный съ равнымъ, требуя только при встрѣчѣ
исполненія унизительнаго этикета, — именно номадь, завидѣвъ
ноена, долженъ пасть ницъ. Случалось мнѣ видѣть, что
чиновникъ, приговоривъ номада къ пятидесяти ударамъ плетей,
послѣ исполненія приговора дружески, какъ ни въ чемъ не
бывало, бесѣдовалъ съ наказаннымъ и обмѣнивался трубкой.

Угостивъ чаемъ своихъ посѣтителей, я съ однимъ изъ
номадовъ, по его приглашенію, пошелъ въ юрту монгола Чойжи.
Чойжи принялъ меня радушно, угостилъ молокомъ, пригото-
вленнымъ въ разныхъ видахъ и усердно подчивалъ тарасу-
номъ и, по моей просьбѣ, рассказалъ двѣ сказки: а) жизнь
богатаго купца (баинъ фанзейнъ ябадалъ) и б) Агуйнъ Да-
янчи Лала (подвиги аскета ламы). Къ сожалѣнію, конца послѣд-
ней сказки мнѣ не удалось дослушать. Словоохотливый номадь
Чойжи свой рассказъ часто сопровождалъ выпивкой крѣпкаго
тарасуна, — вскорѣ охмелѣлъ и началъ до того безсвязно гово-
рить, что я никакъ не могъ уловить смысла въ его рассказѣ;
къ тому-же передачу сказки очень часто прерывалъ, ни къ
чему ненужными вопросами, въ родѣ того: «сколько мнѣ лѣтъ,
гдѣ и когда я думаю жениться...» и проч., а затѣмъ, раз-
горячившись виномъ и вовсе бросилъ рассказъ сказки, а на-
чалъ пѣть пѣсни; но въ пѣніи его ни мотива, ни смысла
не было. И безъ того мелодія монгольскихъ пѣсенъ мало чѣмъ
отличается отъ заунывнаго скрипа колесъ немазанной телѣги;
когда же поетъ пьяный номадь, то трудно и подыскать сравне-
ніе — кому онъ подражаетъ въ своемъ пѣніи.....

Возвращаясь изъ юрты Чойжи, что было уже почти на закатѣ солнца, я встрѣтилъ толпу ребятишекъ, веселой гурьбой тоже возвращающихся въ свои юрты. У каждого изъ нихъ была небольшая «аракъ» т. е. плетеная корзина, наполненная аргаломъ. Мнѣ показалось страннымъ, что монголы, не смотря на то, что лѣсъ растеть у самихъ ихъ юртъ, отапливаютъ свои юрты аргаломъ и предпочитаютъ его дровамъ. Чтобы объяснить себѣ причину этого предпочтенія, я спросилъ монгола, сопровождавшаго меня, «почему они собираютъ аргаль и не рубятъ дровъ, которыми несравненно лучше топить, чѣмъ аргаломъ?».

Въ своемъ объясненіи причинъ предпочтенія аргала дровамъ, номады указалъ на неимѣніе топоровъ, негодность для топки, сыраго лѣса, на трудъ рубить дрова и т. д. Причины эти отчасти основательны. Топора номаду негдѣ взять; китайскіе дѣлаются изъ чугуна и мало удобны для употребленія; русскіе же продаютъ свои топоры очень дорого, — именно по двѣ овцы за штуку; лѣтъ же пять шесть тому назадъ простой русскій топоръ обмѣнивался на дойную корову и не всякому монголу было по силамъ пріобрѣсть такую дорогую вещь. Помимо основательности доводовъ монгола въ пользу преимуществъ отопленія аргаломъ, мы съ своей стороны скажемъ, что, по нашему наблюденію, въ этомъ предпочтеніи сказывается и лѣнь, присущая номадамъ, «робкая боязнь къ труду», какъ выразился г. Тимковскій. Дрова рубить нужно самому номаду, или же его женѣ, но на ребятишекъ, какъ безсильныхъ, нельзя свалить этой работы. Между тѣмъ, аргаль могутъ собирать всѣ — отъ мала и до велика, такъ что лѣнивому эджину (хозяину) можно сидѣть въ юртѣ, сложа руки и спокойно попивать тарасунъ. Если же этого лѣниваго эджина нужда и заставить почему-либо собирать аргаль, то все же дѣлать это гораздо легче, чѣмъ рубить дрова, такъ какъ для послѣдней

работы требуется гораздо большей затраты физических силъ, чѣмъ нахожденіе по долинкамъ и собираніе аргала. Напряженія же физическихъ силъ, какъ и вообще какого бы то ни было труда, поназдѣ избѣгаетъ точно чумы.

ГЛАВА XVII.

ВНИЗЪ ПО Р. СЕЛЕНГѢ (1 августа).

Ознакомившись достаточно съ замѣчательнымъ въ своемъ родѣ водосливомъ, какой представляетъ изъ себя соединеніе трехъ значительныхъ по глубинѣ теченія рѣкъ, именно: рр. Буксоа, Эдира и Делгирь-Мурина, я переѣхалъ на лѣвый берегъ р. Делгирь-Мурина и внизъ по теченію его, называемому уже р. Селенгой, продолжилъ свою экспедицію.

Начиная отъ самаго караула Мойгу и до береговъ р. Эдирь, мы проходили мѣстностию, одна на другую похожею. Рѣки, ихъ долины, озера, горы, равнины,—все это въ Дархатахъ такое же, какъ и по Хиту, Шобутей, Билтысу, Муринго-хажу и пр. Равнины, долины, прибрежья озеръ одинаково бѣдно покрыты травой, не пестряющей разнообразіемъ флоры; по склонамъ горъ и ихъ изголовьямъ—лиственянь, да листвянь, каменные розсыпн, остроконечныя вершины горъ, скалы, ущелья, обрывы.... Однимъ словомъ, ничто не разнообразитъ мѣстности. Показался на одномъ изъ притоковъ р. Буксоа кустикъ березы, но и тотъ какъ будто попалъ туда случайно... опять листвянь, тальникъ;... листвянь, тальникъ.... листвянь,.. здѣсь—тамъ листвянь.... Однообразіе это мучило насъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца, который мы провели въ переѣздѣ до береговъ р. Селенги.... Но вотъ въ долинкахъ р. Бугдугунъ начинаетъ показываться верба, древовидный тальникъ, берега рѣки скрыты густой кудреватой зеленью,... Рельефы горъ не такъ суровы.... у береговъ Эдира начинается

показываться тополь... видны кусты черемхи, береза, яблонь... древесная растительность, смѣшиваясь между собой, разнообразится, пріятно пестрѣя для глазъ путника, утомленнаго скучнымъ однообразіемъ ландшафта, фонъ котораго камни, горы, да карявая листовьянь... На ряду съ разнообразіемъ древесной растительности, у береговъ р. Эдира начинаютъ показываться кусты смородины, крыжовника; вѣтви кустовъ покрыты плодами... видѣнь, точно караллами, унизанный красными ягодами яргай ... Въ свою очередь и флора богаче; ее пестритъ краса забайкальскихъ степей *Lilia Daurica*; по берегамъ рѣки растетъ высокій камышъ. Отъ устья р. Эдиръ, внизъ по Делгиръ-Мурину, а въ особенности по р. Селенгѣ, растительное царство еще богаче и разнообразнѣе. Тальникъ смѣняется ивой, черемхой, тополемъ, береза достигаетъ естественной своей величины; по склонамъ горъ, кромѣ черной смородины, яргая и крыжовника, растутъ кусты дикаго миндаля, есть бузина; тополь достигаетъ гигантскихъ размѣровъ и зарослями своими покрываетъ сплошь всю долину р. Селенги; р. Селенга теряетъ всякое подобіе горной рѣки и покойно течетъ ровнымъ, широкимъ русломъ. Рельефы горъ смягчаются, постепенно теряютъ свой скалистый видъ; заостренныя пикуобразныя ихъ вершины замѣняются округленными широкими покатостями; склоны ихъ пологи, обрывы, стремнины, ущелья, террасы исчезаютъ..... Однимъ словомъ, мѣстность, начиная отъ р. Селенги, пріобрѣтаетъ совершенно другой видъ, менѣе дикій и какъ будто даже культурный. Такъ и кажется, что вотъ, вотъ встрѣтишь гдѣ-нибудь раскинутую на берегу роскошной рѣки деревушку, далеко протянувшуюся внизъ по рѣкѣ, по которой снуютъ лодки; но это идиллія, осуществленія которой нужно еще ждать въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ..... Замѣчательно, что почти вѣтъ постепенности перехода отъ суровыхъ контуровъ ландшафта до р. Се-

лени къ мягкимъ пріятнымъ очертаніямъ окружающей природы прибрежій этой рѣки. По долину р. Бугдугуна хоть и растеть болѣе роскошный тальникъ, чѣмъ въ другихъ, раньше пройденныхъ нами мѣстахъ, и растительность долины этой рѣки богаче; но горы, сопровождающія ея теченіе, все-таки высоки, скалисты, обрывисты, дики; также какъ и вездѣ только лишь въ изголовьяхъ покрыты захудалой листвяною, недоразвившеюся до своей естественной величины, благодаря суровости климата; долина рѣки стѣснена, почва ея камениста; склоны горъ, будучи скалисты, совершенно обнажены, одна лишь рѣка весело шумить между кудрявыми кустами тальника; кругомъ же куда не взглянешь, вездѣ глазъ упрется либо въ скалу, либо въ обрывъ, щель, косогоръ, розсыпь нѣтъ простора. Даже сама долина р. Эдира, по крайней мѣрѣ та часть ея, въ которую мы вошли по распадку Зосотей, мало чѣмъ отличается отъ Мурино-Хажу, Буксоя, Жаргаланты, Бани-гола и другихъ рѣчныхъ долинъ: также горы береговъ (хр. Темени-Хузу) высоки, голы, обрывисты, долина сжата.... Единственное, что разнообразить картину долины р. Эдира, какъ мы уже отмѣтили, — это между зарослями ивы и тальника возвышающіяся кудреватая вершины тополя, да разные плодовые кустарники, но мягкости общаго очертанія контуровъ — нѣтъ. Весь фонъ картины портитъ канва долины, т. е. боковыя горы ея рѣки, съузившія долину и скалистымъ, обнаженнымъ, зубчатымъ своимъ видомъ, бросающія суровую тѣнь на сравнительно красивый видъ долины... Но вотъ Делгирь-Мурино поворотилъ на востокъ и назвался р. Селенгой. Одинъ изъ горъ, своими скалистыми боками, точно стѣной, ограждавшія рѣку во все протяженіе ея теченія, пресѣклись у начала Селенги; другія раздвинулись по бокамъ, давъ ширь и просторъ долину р. Селенги; третьи, поворотивъ вмѣстѣ съ Делгирь-Мурино, хотѣли стѣснить теченіе р. Селенги, но

силою непонятнаго мнѣ закона круто отброшены на сѣверъ и югъ и однѣ изъ нихъ кончились обрывами (на сѣверѣ); другія же (южные) незамѣтно, исподоволь, понизились до уровня долины... наконецъ, сама р. Селенга какъ бы стремится все больше и больше забрать простора... она будто недовольна, что горы, точно хмурья брови, сурово отѣняють лице ея широкой долины... она сердито, съ шумомъ бросается то въ ту, то въ другую сторону долины, бьется о подошвы остатковъ скаль; хочетъ стереть, разбить своими валами эти крѣпостныя твердыни, отстаивающія право горъ, право сжимать своею грудью теченіе рѣки. Въ этой борьбѣ рѣка только лишь пѣнится, реветъ, разбивается на тысячи алмазныхъ искръ; горныя же твердыни жертвуютъ осколками, которые вода отрываетъ отъ ихъ груди... Осколки эти заваливаютъ, точно баррикадой, берегъ, но сильный напоръ воды неунимается... десятками, сотнями, тысячами лѣтъ она разбиваетъ грудь твердынь и онѣ, точно побѣжденные гиганты, потерявъ устойчивость и какъ бы напрягая послѣднія усилія, всею своею массою обрушиваются въ русло рѣки, точно хотятъ задавить ее... но рѣка не останавливается... размываетъ эту массу, начинаетъ новую борьбу со скалой, съ верховьевъ ея прибываютъ все новыя и новыя силы, ослабѣвшія же въ борьбѣ съ гранитной скалой — рѣка съ шумомъ, точно недовольная, уноситъ отъ скалы свои воды, идетъ, какъ бы отдыхая, ровнымъ тихимъ, покойнымъ теченіемъ, перерѣзываетъ вкось свою долину и какъ бы вновь, почувствовавъ мочь, съ шумомъ дѣлаетъ натискъ, на одиноко стоящую въ ея долинѣ скалу и, если сразу сдвинуть ее съ мѣста и не въ силахъ, то подмывъ, обращаетъ скалу въ мелкій щебень, засориваетъ свои песчаные берега, — зато навѣрно уничтожить эту земную морщину. Въ своемъ стремленіи расширить долину, рѣка Селенга то и дѣло уходитъ изъ стороны въ сторону, пересѣкаетъ свою долину,

прибивается къ подошвамъ горъ, отбивается отъ нихъ, промываетъ новое русло, бросаетъ его, идетъ новымъ ложемъ... такъ что вся широкая долина береговъ Селенги изрѣзана, брошенными рѣкой руслами.

Расширенная долина рѣки Селенги, не омрачаясь суровымъ очертаніемъ горъ, отъ самаго начала своего богато покрыта древесной растительностію и разнообразно нестрѣбующими злаками. Отдѣльно стоящія тополиныя рощи у береговъ р. *Делгиръ-Мурина*, по берегамъ р. *Селенги* обращаются въ густой, чистый, ровный лѣсъ; каменистая почва замѣняется песчаной, сильно покатые склоны горы густо покрыты кустами миндаля, крыжовника и смородины, яркая—зелень которыхъ привлекаетъ взоръ путника; лиственъ, не пчезая, перемеживается съ осиною и березой; въ перспективѣ хоть и видѣются горные, какъ будто обнаженные, хребты, но они—или вдали отъ р. Селенги, или же пологими мысами оканчиваются у окраинъ долины и только лишь отдѣльными выступами входятъ въ самую долину, о подошву которыхъ и бьется р. Селенга.....

Таковъ видъ долины р. Селенги, когда смотришь вдоль ея теченія... Ступивши на берегъ Селенги, невольно говоришь себѣ: «ну—теперь прощай непривѣтливья, суровья, дикія, однообразныя мѣста разныхъ Шобутей, Елатъ, Саганъ-Бургановъ, Жинши и пр. съ ихъ крутыми подъемами, спусками, ущельями, обрывами,... прощай скучная, монотонная картина..... «теперь просторъ и приволье».....

Отмѣтимъ еще одинъ замѣчательный фактъ: природа какъ-то круто измѣнила свой дикій, суровый видъ, начиная отъ Селенги сдѣлалась какъ-бы привѣтливѣе, ласковѣе; вслѣдъ за природой и сыны ея—номады тоже сразу рѣзко замѣтно отличаются болѣе мягкими нравами, сравнительно со своими собратами, кочующими въ верховьяхъ *Делгиръ-Мурина*..... но

мы не будемъ касаться вопроса о вліянніи климата на складъ жизни человѣка... вопросъ этотъ давно уже всесторонне рѣшенъ.

Перебравшись на лѣвый берегъ рѣки *Делмиръ-Муриръ*, мы пошли вдоль лѣваго же берега р. Селенги. Берега рѣки обрывисты, песчаны, возвышаются надъ уровнемъ воды не болѣе сажени, ложе р. устлано мелкой галькой; почва широкой долины — супесокъ. Мы уже говорили, что долина поросла густымъ тополинымъ лѣсомъ, но лѣсъ этотъ не доходитъ до подошвы склона лѣвыхъ горъ, у которой и расположено до десяти лѣтнихъ юртъ монголовъ, причисляющихся къ Ми-гунскому хашуну. Долина широка только на лѣвомъ берегу рѣки и широка потому, что горы *Хара-Нгодынь-Домбо*, сопровождающія теченіе р. *Делгиръ-Мурина*, дѣлаютъ вмѣстѣ съ послѣдней загибъ на востокъ и, вмѣстѣ съ рѣкою, теряютъ свое имя, замѣнивъ его названіемъ *Сокто* (пьяный); сейчасъ-же послѣ загиба хребетъ *Сокто* отодвигается къ сѣверу Чили и увеличиваетъ ширь долины р. Селенги. Хребетъ *Сокто* недалеко тянется вдоль долины рѣки: чѣмъ дальше идетъ къ востоку, тѣмъ становится все ниже и ниже и послѣ пятиверстнаго прохода, наконецъ, устья р. *Убур-Шель* сравнивается съ дномъ долины. Постепенно переходя въ равнину, хр. *Сокто* въ тоже время сглаживаетъ свой профиль. Часть его, известная подъ именемъ *Хара-Нгодынь-Домбо* высока, съ крутой, скалистой покатостію къ берегу рѣки, съ остроконечными, обнаженными изголовьями, изборождена щелями, безъ признаковъ перекатовъ, по которымъ можно было бы сдѣлать переваль на противоположную ихъ сторону; этотъ же хребетъ, поворачивъ подъ именемъ *Сокто* на востокъ, измѣняетъ свой характеръ; начиная отъ угла поворота, онъ дѣлается сразу значительно ниже, вершины его, вмѣсто заостренныхъ окончностей, пріобрѣтаютъ округленную покатую форму; скать горъ, изъ скалистаго, крутаго и обнаженнаго, обращается въ сильно

пологий и богато поросший плодовыми кустами. Въ общемъ видъ хребта Сокто вовсе не похожъ на свои верховья, называемыя Хара-Нюдынъ-Домбо, какъ не похожъ и видъ долины р. Селенги на долину р. Делгиръ-Муринъ.

Ширинъ долины лѣваго берега р. Селенги способствуетъ и то, что рѣка правымъ своимъ берегомъ прибивается къ подошвѣ хребта Ганасха. Какъ помнитъ читатель, р. Делгиръ-Муринъ, принявъ въ себя р. Эдиръ и получивъ имя Селенги, дальше течетъ двумя рукавами, отъ мѣста же соединенія этихъ рукавовъ, прибивается къ подошвѣ хребта Ганасха, которая нѣкоторое время и служитъ берегомъ рѣки. Хребетъ Ганасха, какъ и Хара-Нюдынъ-Домбо, сдѣлавъ загибъ къ востоку, сначала идетъ вдоль берега рѣки Селенги, затѣмъ отодвигается на югъ, теряетъ прежнее свое названіе «Ганасха» и называется уже *Хуху-Хутуль* (синій переваль); такое свое названіе хребетъ получилъ отъ того, что высокій, скалистый, обрывистый у береговъ р. Эдира, онъ какъ и хр. Сокто, послѣ загиба къ востоку, дѣлается низкимъ, пологимъ, покатымъ и удобнымъ для переваловъ чрезъ него; чѣмъ дальше же идетъ на востокъ, тѣмъ становится все ниже и ниже, пока, наконецъ, чрезъ двѣ версты отъ загиба, совершенно сравнивается съ долиной въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ Ара-Тель.

Рѣка Селенга, послѣ ста саженой прохода вдоль подошвы Хуху-хутуль, крутымъ поворотомъ отбивается отъ этихъ горъ, косою линіей, на сѣверо-востокъ, прорѣзываетъ свою долину и вновь прибивается къ подошвѣ выступа хребта Сокто, благодаря чему дорога идетъ бродомъ чрезъ русло рѣки, на правый ея берегъ. Разстояніе отъ р. Делгиръ-Муринъ до угла лѣваго берега рѣки Селенги, прижавшейся къ подошвѣ Сокто, равняется четыремъ верстамъ; ширина же долины, на всемъ этомъ протяженіи, не менѣе двухъ верстъ; площадь лѣваго берега р. Селенги имѣетъ форму треугольника, основаніемъ

котораго служить линія между хребтами: Хара-нюдынъ-домбо и Ганасха; острый же уголь составляет упоръ рѣки въ подошву отлога Сокто; загибы же къ востоку хребтовъ Хара-Нюдынъ-Домбо и Ганасха представляются какъ-бы гигантскими воротами, чрезъ которыя свободно проходить на востокъ громадный скопъ воды, сжатый въ верхнемъ своемъ теченіи отовсюду столпившимися горами.

Переѣхавъ на правый берегъ р. Селенги, мы близъ него разбили свою палатку и остановились на ночлегъ.

Все эти три дня, т. е. 30, 31 іюля и 1 августа были съ постоянной тихой погодой, безоблачны, только вечеромъ 1-го августа пронесся вихрь, взбрызнулъ теплый дождь; но не болѣе какъ чрезъ четверть часа небо вновь прояснилось. Закатъ солнца сопровождался тихимъ, теплымъ чисто лѣтнимъ вечеромъ, какого еще не было во все продолженіе нашей экспедиціи. Одно только лишь испытывали мы неудобство, не только портившее впечатлѣніе вечера, но просто мучившее насъ, — это масса мошки. Каждый изъ насъ болѣе или менѣе знакомъ съ пріятностію быть въ сосѣдствѣ съ роемъ комаровъ, но не каждый знаетъ и испытывалъ тѣ страданія и нестерпимую боль, какую причиняетъ людямъ и скоту маленькое, чуть не микроскопическое насѣкомое — мошка; она пролазитъ вездѣ, забирается подъ одежду, лѣзетъ въ глаза, уши, ротъ, покрываетъ своей массой лице и тычетъ тѣло, точно тонкими иглами; боль нестерпимая; тѣло опухаетъ, дѣлаются кровавые подтеки... и единственное спасеніе отъ этого назойливаго насѣкомаго, — это — или сѣтка, или же, какъ дѣлаютъ сибиряки — обмазать открытыя части тѣла дегтемъ. Сѣтки у насъ не было, пришлось защищаться дымокурромъ; и мы, спасаясь отъ мошки, вынуждены были сидѣть въ облакахъ ѣдкаго, воючаго дыма... Что же касается нашей палатки, то она не только не была защитой отъ мошки, напротивъ — служила мѣстомъ

скота для нея. Мошка мучила насъ все время до поздняго заката солнца, когда вечерняя прохлада заставила ее опуститься на землю.

Какъ растительность и люди береговъ р. Селенги измѣнились: первая сдѣлалась разнообразнѣе, а вторые мягче нравами, такъ и первая причина всего этого — климатъ, сдѣлался несравненно теплѣе, чѣмъ въ верховьяхъ р. Делгирь-Мурина и другихъ пройденныхъ нами мѣстахъ. Въ Дархатахъ 28 и 29 іюня насъ чуть не завалилъ снѣгъ, съ двадцатыхъ чиселъ іюля насъ привѣтствовалъ тоже снѣгъ въ долинѣ р. Буксой и въ іюль мѣсяцѣ мы видѣли монголовъ, одѣтыхъ въ зимнія дохи. Вездѣ — стоитъ только горизонту покрыться облаками и скрыть лучи солнца, стоитъ только подуть хоть небольшому вѣтру, какъ сравнительно теплая погода сейчасъ же дѣлается холодной и тогда въ пору хоть шубу надѣвать; о вечерахъ же, ночахъ, утрахъ и говорить нечего. Читатель помнитъ, что нами отмѣчены и такіе деньки, что даже и въ шубѣ мы мерзли.... Да что — вотъ фактъ: въ прошломъ году, замѣтите, въ августѣ мѣсяцѣ въ долинѣ рѣки Билотей замерзъ монголь!.. Монголь этотъ поѣхалъ ночью искать скотъ и утромъ нашли этого номада замерзшимъ. Фактъ кажется невѣроятнымъ, но что онъ дѣйствителенъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; лично же я, за все проведенное мною время въ Монголіи въ теченіе этого лѣта только и могъ до сихъ поръ отмѣтить два теплыхъ вечера.... Между тѣмъ, въ долинѣ р. Селенги я уже живу три дня и неговоря уже о томъ, что дни стоятъ жаркіе и теперь августъ, а не іюль мѣсяцъ, — даже ночи до того теплы, что, попросту сказать, можно сидѣть въ одной рубахѣ и шубой укрываться нѣтъ никакой нужды.... Вѣтра дуютъ теплые, о влажности же воздуха говорить обиліе мошки.

2-го Августа. Внизъ по р. Селенги. Утро, какъ и всѣ раньше проведенныя на берегахъ р. Селенги, теплое, — день

обѣщаль быть жаркимъ. Чтобы избѣжать зноя, затрудняющаго ѣзду, мы съ наступленіемъ зари снялись съ мѣста и въ четыре часа утра тронулись въ путь.

Мы уже знаемъ, что послѣ того, какъ р. Селенга отбилась отъ подошвы хр. Хуху-Хутуль, долину рѣки составляетъ только лишь ея правый берегъ, вдоль котораго мы и поѣхали. Но прежде чѣмъ войти на ровную долину, намъ пришлось переѣзжать старое русло р. Селенги. Въ мѣстѣ нашего брода это русло широко и дно его покрыто водой; переѣзжая чрезъ него, мы встрѣтили, такъ сказать, «слѣды заботы объ улучшеніи удобствъ дороги». Мы уже упоминали, что долина Мурино-Хажу вся искрещена колесами слѣдовъ телѣжной ѣзды; начиная же отъ этой долины къ берегамъ р. Селенги идетъ уже правильная колесная дорога. Дорога эта, — въ вершинахъ р. Акта-Саганъ-Бургасана именно въ той части его, которая проходитъ ущельемъ, представляетъ, какъ помнитъ читатель, нѣкоторое затрудненіе, но къ устраненію этихъ затрудненій номады не прилагаютъ труда, не заботятся объ этомъ и китайцы, торгующіе въ кочевьяхъ Мурино-Хажу; тогда какъ въ описываемомъ нами мѣстѣ, при гораздо меньшихъ затрудненіяхъ для переѣзда чрезъ старое русло р. Селенги, номады позаботились улучшить дорогу. Дѣло въ томъ, что ложе русла покрыто болѣе или менѣе крупнымъ булыжникомъ, впрочемъ, не настолько крупнымъ, какъ то у пресловутыхъ Зангясановъ (отъ Шинковъ до Турана); такъ вотъ номады, чтобы арба «не перескакивала съ камушка на камушекъ», убрали крупный булыжникъ и въ видѣ стѣны сложили его поперекъ русла.

Миновавъ русло, мы пошли ровной долиной праваго берега р. Селенги имѣя восточное направленіе. Долина заросла преимущественно травой Хякъ (волосецъ); почва — сунесокъ. Берега рѣки высоки и обрывисты, теченіе рѣки широко и

покойно. Отъ р. *Сагань-Сарь*, устье котораго вышло изъ распадка хребта Сокто, рѣка Селенга уходитъ къ сѣверу отъ дороги и лѣвымъ своимъ берегомъ прибивается къ подошвѣ отлоговъ хр. Сокто; дорога же, широкимъ укатанымъ полотномъ, продолжаетъ идти прямо на востокъ. Обѣ стороны полотна дороги окаймлены густымъ тополинымъ лѣсомъ. Послѣ полуверстнаго перехода вдоль трактовой Ургинской дороги, тополинные заросли прекращаются; сама дорога отходитъ къ юго-востоку и дальше уже тянется чуть-ли не у самой подошвы хребта *Хуху-Хутуль*. Хребетъ Хуху-Хутуль въ этомъ мѣстѣ уже очень низокъ и пологъ; чрезъ его не высокую вершину видѣется грива хребта *Хиса-Дабань*, густо заросшая листвяничнымъ лѣсомъ. Хиса-дабань тянется параллельно съ хребта Хуху-Хутуль (Хутуль собственно значить горный переваль и Гр. Н. Потанинъ неправильно употребляетъ это слово, редактируя его какъ «готель»). Отъ опушки лѣса, расположеннаго по обѣ стороны трактовой дороги, сусесокъ замѣняется каменистымъ грунтомъ; площадь долины изъ ровной—переходитъ въ бугристую; бугры высоки; на нихъ кой-гдѣ одиноко торчатъ тополиныя деревья. Трактовой ургинской дорогой мы ѣхали только лишь до мѣста окончательнаго перехода хребта Хуху-Хутуль въ уровень съ площадью долины. Отъ этого мѣста, дальше въ Ургу дорога окончательно отходитъ на юго-востокъ отъ береговъ р. Селенги и идетъ вверхъ ровной широкой долины праваго притока р. Селенги, извѣстнаго подъ именемъ *Ара-Тель*. Долина рѣки Селенги есть важный торговый пунктъ, въ кочевья ея китайцы не только что временно ввозятъ свой товаръ, но имѣютъ и постоянныя лавки, даже какъ-бы нѣкоторую осѣдлость; сами же номады, эксплуатируя свои лѣсныя богатства, вывозятъ въ степныя кочевья Гоби разныя деревянныя подѣлки: остовы юртъ, ящики, кадушечки, бурханы шире и пр., миндальные орѣхи, такъ что этотъ,

такъ называемый ургинскій трактъ довольно оживленъ; мы то и дѣло встрѣчали многочисленныя обозы, идущіе изъ Урги въ Улясутай и обратно. Въ виду этого, для большаго знакомства съ трактомъ мы считаемъ необходимымъ подробно перечислить тѣ урочища, чрезъ которыя проходитъ транзитная эта дорога изъ Улясутая въ Ургу; вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ также необходимымъ сличить нашъ перечень этихъ урочищъ съ тѣми свѣдѣніями, какія сообщили объ этой дорогѣ путешественникъ Гр. Н. Потанинъ, причемъ удержимъ его редакцію названій урочищъ; въ своемъ же перечнѣ исправимъ ихъ; а такъ какъ нумерація у насъ большая, то исправленные названія напишемъ курсивомъ:

Свѣдѣнія Г. Н. Потанина
(255 ст.) Отъ г. Улясутая:

- 1) Богдынъ-Голь, 2) Шырыкъ, 3) Хара - Чилоту, 4) Баян-Туголь, 5) Аръ-Бурукъ, 6) р. Тэкшъ, 7) Яматы, 8) р. Текшъ, 9) Кондзангъ, 10) Этеръ или Эдринъ-Голь, 11) Хурэ-Джа-дзасакъ, 12) долина Хараганы, 13) переходъ на сѣверную Харагану, 14)

Мною собранныя свѣдѣнія отъ г. Улясутая: 1) Подъемъ вверхъ по р. Вомботу, 2) Спускъ по долинь р. Тумуртей, 3) р. Ангиртей, 4) Переваль чрезъ невысокій хребетъ Мыргынъ-Хутуль, 5) Степь Хурунъ-Тала, 6) Распадкомъ р. Галутей, 7) Распадкомъ (сухимъ) Илтей, 8) Распадокъ Сапеуль, 9) Переваль чрезъ Дабанъ-Сапсуль, 10) Сангинъ-Далайнъ *Дурильджи*, 11) *Бургутъ-Голь*, 12) *Буксой*, 13) *Делмиръ-Муринъ*, 14) Селенга, 15) *Ара-Тель*, 16) Тулейнъ-Тологой, 17) Дуре-Норъ) 18) *Асхатей*) Голь**)*, 19,

*) Асхатей внала въ р. Аса, а эта послѣдняя въ р. Селенгу. Переводъ названій нѣкоторыхъ урочищъ: 1) Тополинный, 2) Желѣзный, 3) Турпаній, 4) Переваль мѣткого стрѣлка... 6) Гусиный, 7) Ястребиный, 11) Орлиная рѣка, 12) Задняя часть тѣла, 13) Солонго—хорекъ, 16) Голова тайменя, 17) Полное озеро, 18) рѣка усѣянная розсыпями..., 23) Свадебная стѣна ручикъ(?), 24) узкій горный проходъ, 25) куполообразная покрывка котла, 26) травяное озеро... 35) три змѣи, 36) красивая голова, холмъ, 37) перекалъ золотой тучи, 38) рѣка, въ которой царствуетъ таймень рыба, 39) масляная дорога, 40) обиталище изюбрей, 41) семь колодцевъ... 43) новый хангай (духъ-фетишь) 44) горный колодець... 46) Бѣлая сѣдельная подируга... 48) на югѣ теплое мѣсто, 49) на сѣверѣ теплое мѣсто, 50) желтая стена, 51) бѣлый горный переваль, 52) ключъ, заросшій лукомъ, 53) Богдо—титуль вутухты, Урго-дворецъ,—Да-военный.

***) Есть еще спускъ въ долину р. Даганъ-Голь...

Сендуль, 15) переходъ къ Гинь - Далай. Дорогой этой прошелъ самъ Гр. Н. Потанинъ и она не есть прямая, а гораздо длиннѣе указанной нами. Далѣе отъ Сангинъ-Далая Гр. Н. Потанинъ перечисляетъ: 1) Сангинъ-Далай-Дюрильджи, 2) *Бурюленъ-Голь*, 3) *Буксайнъ-Голь*, 4) *Тэлыиръ - Мурэнъ*, 5) *Аръ Тель*, 6) Дуре-Норъ, 7) *Асхытенъ-Голь*, 8) *Кобуръ-Усу*, 9) *Шары-Чигэнъ-Голь*, 10) *Хонинъ-Голь*, 11) Того-Бухеръ, 12) Бильэръ(?) 13) Ачутенъ-Голь, 14) Орхонъ-Голь, 15) Сайхынъ - Тологой, 16) Долонъ-Худукъ, 17) Уланъ-Худукъ, 18) Цаганъ-Джильымъ, 19) *Шара-Кубъ*, 20) *Бодынъ-Хурэ*.

переваль чрезъ пологую вершину Шамурутейн-Даба, 20) *Корби* (стень). 21) *Хануи-Голь* (притокъ р. Селенга), 22) Сайханъ-Хольджи, 23) переходъ чрезъ небольшую долину р. Хоромтей-Тала-Бурукъ, 24) переваль чрезъ *Ханшу-Дабанъ* 25), Стенью Берхеръ-Того, (стень) эта иначе называется Хара-Того, 25) переходъ близъ оз. Хакъ-нуръ, 27) тоже близъ оз. *Шарга-цыгенъ-нуръ*, 28) распадокъ Уланъ-Хада, 29) Сужимъ-Худукъ, 30) Переваль чрезъ Суруней-Дабанъ. 31) Переходъ чрезъ сухое русло р. Ангархай-Голь, 32) Серенъ-Голь, 33) Унтой-Хуре, 34) Орхонъ-Голь, 35) Урбунъ - Могой, 36) Сайханъ-Тологой, 37) Алтый-Уленъ-Дюрильджи, 38) Тулайнъ-Голь-Ородо, 39) Тосойнъ - Замаръ, 40). Бугунъ-Зо, 41) Долонъ-Худукъ, 42) Итатей-хундой, 43) Совинъ - Хангай, 44) Улайнъ-Хадыйнъ-Худукъ, 45) Бараль-Зайнъ - Хундой, 46) *Цаганъ-Джиргемъ*, 47) Гобжинъ-Уха, 48) Убуръ-Дуланъ, 49) Ара-Дуланъ, 50) *Шараса - Кубъ* (тожь Шарахундой), 51) Саганъ-Хутуль, 52) Сангиной-Бурукъ, 53) *Бодо-Курень* (тожь Урга или Да-курень).

Какъ видитъ читатель, у Гр. Н. Потанина помимо того, что неполный перечень, — это не его вина, — неправильно записаны названія урочищъ и ненадлежащее отведено имъ топографическое мѣсто; одни изъ нихъ поставлены сзади другихъ, а другіе впереди, напр., оз. Шарга-цыгенъ-нуръ обозначено гораздо ближе къ г. Улясутаю, а р. Хануй дальше и пр.

Все протяженіе прохода отъ Улясутая въ Ургу монголы проходятъ приблизительно въ двадцать дней.

Такъ какъ цѣлью нашей экспедиціи было изслѣдованіе побережьевъ р. Селенги, то мы должны были оставить Ургинско-Улясутайскій трактъ и уйдти къ берегу р. Селенги.

Верстахъ въ шести отъ р. *Делмиръ-Муринъ* р. Селенга отходитъ на юго-востокъ отъ подошвы хребта Сокто, наискось перерѣзываетъ свою долину и правымъ берегомъ прибываетъ къ подошвѣ, одиноко стоящей клинообразной скалы. Скала эта, повидимому, была когда-то въ общей связи съ хребтомъ Хуху-Хутуль, но теперь совершенно разобщена съ нимъ; между хребтомъ и скалой теперь есть только широкій дурильджи (перекать). Скала носитъ названіе *Хулусутей*, самый высокій ея пунктъ лицевой стороной обращенъ на сѣверъ къ берегу р. Селенги и имѣетъ до тридцати саженой вышины, совершенно отвѣсень. Къ подошвѣ этой-то скалы и прибилась правымъ своимъ берегомъ р. Селенга. Противъ ск. Хулусутей, на лѣвомъ берегу р. Селенги, у устья р. Убуръ-Тель, оканчивается хребетъ Сокто; вверхъ же по р. Убуръ-Тель видны остроконечныя безлѣсныя вершины хребта, изъ котораго Убуръ-Тель взялъ свое начало. Точно также и хребетъ праваго берега р. Селенги—Хуху-Хутуль, не вдалекѣ же отъ скалы Хулусутей сливается съ долиной лѣваго берега р. Ара-Тель. Идущій же параллельно съ хр. Хуху-Хутуль хребетъ Хиса-Дабанъ, сдѣлавъ загибъ къ югу, продолжаетъ тянуться вдоль лѣваго берега р. Ара-Тель. Изъ описываемой нами долины р. Селенги, чрезъ Хиса-Дабанъ, есть переваль въ распадокъ Бухо, по которому протекаетъ правый притокъ р. Чилоту—р. Бухо же, а внизъ по р. Бухо выходятъ на долину р. Сумунъ-голь.

Мы обошли скалу Хулусутей южной ея стороны и спустились въ старое, теперь брошенное русло р. Селенги. Рѣка же Селенга, омывъ подошву скалы Хулусутей, отбивается отъ

ней и вновь уходитъ на сѣверо-востокъ и лѣвымъ своимъ берегомъ опять же прибивается къ подошвѣ, тоже одиноко стоящей скалы *Убуръ-Хулусутей*. Убуръ-Хулусутей, въ свою очередь, была когда-то въ одной общей связи съ хребтомъ Сокто.

Я сказалъ, что «мы спустились въ старое; брошенное русло р. Селенги». Дѣйствительно, р. Селенга, омывъ подошву скалы Хулусутей, въ болѣе или менѣе отдаленную геологическую эпоху, не отходила на сѣверо-востокъ, а по прямой линіи отъ Хулусутая шла на востокъ и на своемъ пути встрѣчала новую скалу: *Додо-Хулусутей*. Въ полу-верстѣ отъ ск. *Хулусутей* на востокѣ стоитъ такой же горный клинъ—Додо-Хулусутей и р. Селенга омывала подошву этого скалистаго гранитнаго клина и затѣмъ уже уходила на сѣверо-востокъ. Объ этомъ теперь ясно свидѣтельствуетъ высохшее русло р. Селенги, покрытое по обѣимъ сторонамъ своими, растянувшимися въ линію зарослями тополя, видно также, что р. Селенга не сразу отодвинулась лѣвымъ своимъ берегомъ къ подошвѣ скалы Ара-Хулусутей, а дѣлала это постепенно, такъ какъ на пространствѣ между Додо-Хулусутей и Ара-Хулусутей есть остатки трехъ русель рѣки, берега которыхъ вдоль поросли тополными деревьями, что придаетъ долину очень красивый видъ, по ней будто-бы нарочито проведено нѣсколько дугообразныхъ аллей, окаймленныхъ тополями. Во время прибыли воды въ р. Селенгѣ, всѣ старыя ея русла наполняются водой, тѣмъ самымъ богато, точно чрезъ проведенные каналы, орошая широкую долину.

Отъ Додо-Хулусутей, на юго-востокъ, въ отдаленной перспективѣ виденъ рельефъ конусообразной сопки, значительно возвышающейся надъ поверхностію окружающихъ горъ; сопка эта называется *Уланъ-Ханъ* (красный царь). Съ вершины Уланъ-Хана беретъ начало р. Ара-Тель. Вправо отъ Уланъ-Хана, по діагонали, видны высокія вершины хребта, извѣст-

наго подь именовъ *Тулыйнъ-Тологой*, переваломъ чрезъ этотъ хребетъ идетъ дорога въ Ургу. Вершины хр. Тулуйнъ-Тологой и сѣверный склонъ его покрытъ, какъ говорятъ монголы, листвяничнымъ лѣсомъ, южный же обнаженъ.

Подъ скалой Деде-Хулусутей старое русло р. Селенги наполнено, въ видѣ круглаго озера, водой; озеро это кругомъ заросло камышемъ; этотъ же камышъ растетъ и у подошвы другихъ двухъ «Хулусутей»; именовъ этого то камыша и названы скалы (камышъ, по-монгольски—хулусу). По обѣимъ сторонамъ скалы Дидо-Хулусутей разбросаны лѣтнія юрты монголовъ—Мыргынъ-Джа-засакскаго хашуна (хашунъ этотъ также называется Ульдзынъ-Джа-засакъ). Отбившись отъ подошвы скалы Убуръ-Хулусутей, рѣка Селенга развѣтвляется на два рукава, вслѣдствіе чего образовывается длинный узкій островъ, густо заросшій тальникомъ и березой. Островъ этотъ выпукль и края его не возвышаются надъ уровнемъ воды; правый же берегъ р. Селенги обрывистъ, хотя и невысокій, песчанистъ; теченіе рѣки быстро, дно глубоко; дорога идетъ возлѣ самаго берега; къ берегу же рѣки примыкаютъ и юрты. Миновавъ юрты, р. Селенга, а съ нею и дорога дѣлаетъ крутой, дугообразный поворотъ, причемъ выпуклость дуги глядитъ на югъ, а концы ея на сѣверъ. Долина обѣихъ береговъ р. очень широка, — до десяти верстъ изъ края въ край. По массѣ наносныхъ деревьевъ, засорившихъ побережья р. Селенги, видно, что рѣка въ ненастья сильно прибываетъ. На широкой, песчаной долинѣ праваго берега р. Селенги, богато поросшей кормовыми травами, въ разныхъ мѣстахъ ея разбросано болѣе двадцати лѣтнихъ юртъ монголовъ. Юрты все чистенькія, новенькія, что въ извѣстной степени свидѣтельствуетъ о благосостояніи номадовъ; къ тому же по долинѣ виднѣются многочисленные табуны лошадей, рогатый скотъ и стады овецъ, бродятъ также и верблюды, — эти некрасивыя, но полезнѣй-

шія животныя. Между стадами рогатаго скота хоть и видѣются сарлыки (якъ), но число ихъ, какъ-то въ Дархатахъ, непреобладающее. Это тоже въ свою очередь говоритъ, что номады береговъ р. Селенги еще не эксплуатируются торгошами, а значить, и не оголены. По берегу рѣки, подъ тѣнью тополиныхъ деревьевъ, видны «мастерскія». Мастерскія эти самаго примитивнаго устройства и принаровлены исключительно къ распаркѣ дерева, для удобства гнуть его. Вотъ ихъ устройство: цилиндрическія земляныя печи, съ выведенной надъ поверхностію земли трубой. Накаливъ поверхность печи, кладутъ на нее приготовленное для подѣлки дерево и засыпаютъ его пескомъ; подъ вліаніемъ жара печи, дерево распаряется. Распаренное это дерево гнуть или въ коленчатая трубы, нужныя для гонки тарасуна, или же въ круги для остова юрты, ободья для колесъ и проч... Для послѣднихъ цѣлей устроены станки. Мастерскія эти придають берегамъ р. Селенги, если можно такъ выразиться, культурно-патріархальный видъ. Близъ мастерскихъ лежатъ опрокинутыя вверхъ дномъ лодки и деревянный матеріаль для обработки.

Въ тѣни густой листвы кудреватыхъ тополей, мы, проѣздомъ по берегу р. Селенги, видѣли въ своемъ родѣ рѣдкія и дорогія картины. Представьте себѣ берегъ величественной рѣки, какова есть въ дѣйствительности р. Селенга, тихо и плавно катящая свои полыя воды; на берегу рѣки кучка высокихъ тополей съ роскошной на верхушкахъ зеленью своей листвы, дымящаяся печь, сдѣланная въ глуби песка, близъ печи колоды и разной величины обрубки дерева, тутъ-же, подъ тѣнью деревьевъ, совершенно голый монголъ сидитъ на обрывкѣ войлока; въ рукахъ у него большой ножъ, либо маленькій китайскій топоръ, которымъ онъ обдѣлываетъ кусокъ тополинаго дерева. Патріархъ этотъ вышелъ изъ своей душевой и дымной юрты къ своей мастерской, устроенной на берегу

рѣки, приютился подъ густой тѣнью деревьевъ, тѣнью—умѣряющей лѣтній зной и, вмѣстѣ со свѣжей струей, вѣющей съ береговъ рѣки, дающей желанную прохладу.... Номадъ трудится, и въ тѣни ему жарко.... онъ обнажилъ свое тѣло: сбросилъ съ себя дегыль, положилъ его у ногъ своихъ и нагой, обвѣваемый прохладой, монотонно, не торопясь, первобытнымъ инструментомъ, стружить—либо палку для остава юрты, либо дѣлаетъ ложку, либо выдалбливаетъ кадучку, либо складываетъ, дѣтскія по размѣру, шкафы и ящики; вокругъ монгола стружки, разбросанъ матеріаль, приготовленный для обработки.... подъ руками, справа стоитъ домбо съ кумысомъ и чашка, слѣва трубка, кисеть, шапка, тлѣется огонекъ для раскурки трубки.... Точь въ точь такая-же картина подъ другой, третьей... пятой кучкой деревьевъ. Я любовался такой картиной... такъ трудящимся номадомъ, и въ этомъ, такъ сказать, зачаткѣ будущаго широкаго развитія ремесла, я видѣлъ прочный залогъ культуры, основаніе осѣдлости, попытку къ эксплуатаціи богатствъ края и силъ рѣки, въ связи же со всѣмъ этимъ и извѣстное экономическое благосостояніе прибрежныхъ жителей р. Селенги, которое, между прочимъ, замѣчается и теперь. Кажется недалеко то время, когда номады береговъ р. Селенги замѣнятъ скотоводство—земледѣліемъ, безцѣльное шлянне по юртамъ, отхожими промыслами, развозомъ произведеній своего ремесла и богатствъ рѣки въ отдаленные, обездоленные суровой природой, уголки родной своей Монголіи. Я видѣлъ, а впоследствии и убѣдился, ясные признаки того, что номады селенгинской долины, въ своемъ культурномъ развитіи, опередаютъ своихъ собратьевъ, живущихъ въ болѣе суровыхъ по климату мѣстностяхъ. Подъ могучимъ вліяніемъ благотворнаго климата, при малѣйшемъ культурномъ воздѣйствіи изъ внѣ, при разнообразіи и обиліи деревьевъ мягкихъ, годныхъ для обдѣлки, легко поддающихся даже тупому ножу и для экс-

плуатаціи себя не требующихъ напряженія силъ, при всемъ этомъ кочевники Селенги не въ далекомъ будущемъ поймутъ выгоду ремеслъ, разовьютъ свои, привитыя мѣстными условіями, склонности къ столярному искусству; сдѣлавшись же настоящими ремесленниками, бросятъ свои юрты, и берега р. Селенги заселятся не кочевымъ, а осѣдлымъ, трудящимся, мастеровымъ народомъ. Что номады эти на пути къ осѣдлости и разумной эксплуатаціи даровъ природы, объ этомъ, кромѣ мастерскихъ, пашень, говоритъ, между прочимъ, и то, что зимніе хашаны номадовъ береговъ р. Селенги стоятъ рядомъ съ лѣтними юртами и одна только лишь традиція, да неумѣніе *чисто жить на одномъ мѣстѣ* заставляють номадовъ убирать свои юрты съ зимнихъ хашановъ и лѣтомъ ставить ихъ на *чистое мѣсто*. На вопросъ мой, съ которымъ я обратился къ одному изъ номадовъ: «что заставляють ихъ убирать изъ зимнихъ хашановъ юрты, затрачивать трудъ на переноску вещей и юрты и послѣднюю ставить тутъ же близъ самаго хашана», — монголь очень толково и основательно мнѣ отвѣтилъ: «такъ отцы наши дѣлали и такъвъ нашъ обычай. Хашаны за зиму засориваются, дворъ покрывается навозомъ, отчего лѣтомъ въ дожди, бываетъ грязь; къ тому же въ навозѣ ползають змѣи, черви, всякій гнусъ; то вотъ на лѣто мы и оставляемъ *грязные* свои хашаны и ставимъ лѣтомъ юрту въ степи на чистомъ мѣстѣ; зимой же, когда все замерзаетъ, змѣи и черви скроются, навозъ покрывается снѣгомъ, мы снова кочуемъ въ свои хашаны, такъ какъ тамъ сдѣланы у насъ постоянныя загороды для скота». Нельзя не согласиться, что доводъ этотъ въ пользу кочевки въ устахъ номада основателенъ; онъ незнакомъ еще съ другой формой быта и не умѣетъ устроиться на одномъ мѣстѣ такъ, чтобы сносно жилось и змѣи не заползали бы въ его дырявую юрту. Если номадъ во главѣ причинъ необходимости кочевки и поставилъ

традицію обычая, то это только лишь изъ уваженія къ ней; на самомъ же дѣлѣ существенныя причины, выгоняющія номада изъ зимняго хашана, находятся въ зависимости совсѣмъ отъ другихъ условій, неизмѣняющихъ ничего общаго съ традиціей; грязь, какая накапливается за зиму въ хашанахъ, гонитъ номада лѣтомъ на чистое мѣсто. Перенести же юрту, въ сущности небольшой трудъ и вполне необходимый при условіяхъ жизни номада. Будь деревянные постройки, вмѣсто войлочныхъ юртъ, тогда дѣло другое»; и какъ только номадъ дойдетъ до сознанія необходимости и удобствъ постоянного жилища, онъ броситъ свою примитивную войлочную юрту и съумѣетъ ориентироваться со своимъ хозяйствомъ и на одномъ постоянномъ мѣстѣ. Кочевники описываемой нами долины р. Селенги уже на пути къ этому. Тогда какъ у номада береговъ р. Буксой, Эдира, Шишкита, Мусу-Туруна, Билтыса и проч. близъ зимнихъ хашановъ только лишь и есть построекъ, что кое-какъ кругло огороженное мѣсто для загона скота, огородъ же эта вовсе не имѣетъ цѣли защищать скоть отъ зимней непогоды, бурь и жестокихъ морозовъ, и все ее значеніе состоитъ въ томъ, чтобы было куда загнать табуны и лишить его возможности разбродиться. Устраивая хашанъ, монголь заботится не объ удобствахъ для скота, а вѣрнѣе будетъ, если мы скажемъ, что онъ потворствуетъ собственной своей лѣни, если-бы не было загороди, скоть разошелся бы, нища подножнаго корма—во все стороны и номаду-лежебоку пришлось бы ѣздить по степи и разыскивать табуны; такъ вотъ, чтобы избавить себя отъ этого труда, номадъ загоняетъ въ хашанъ скоть и моритъ его голодомъ въ продолженіи длинной зимней ночи; утромъ же выпускаетъ свои табуны бродить по глубокому снѣгу и добывать себѣ жалкіе, высохшіе остатки прошлогодней травы. Близъ же хашановъ—ни тепловыхъ загородей, ни повѣтушекъ для овецъ, ни стоекъ, ни амбарчи-

ковъ—ничего подобнаго нѣтъ, о запасахъ же топлива на зиму и говорить нечего. Нужно номаду дрова—онъ съѣздитъ въ лѣсъ, срубить бревно, привяжетъ его къ сѣдлу, притащитъ домой и экономно, — по щепочкамъ, — отапливаетъ свою дырявую юрточку и отапливаетъ не для «тепла», а разводитъ огонь для того, чтобы сварить себѣ пищу; самъ же номадъ вмѣстѣ съ семьей своей мерзнетъ и дрожитъ отъ холода, прикрывшись рваной, дырявой одеженкой.

Совсѣмъ не то мы видимъ у кочевниковъ береговъ р. Селенги. Возлѣ зимнихъ хашановъ видны загороди для табуновъ, амбары, тепловыя помѣщенія для овецъ и телятъ, скотскіе дворы и другія пристройки; стѣны всѣхъ пристроекъ обмазаны пометомъ, есть запасы дровъ и аргала; видно, что номадъ заботится о скотѣ и о себѣ; не дрожитъ зимой отъ холода и гонимый имъ, не бѣжитъ въ лѣсъ за бревномъ...

Мнѣ кажется, что заботливость номада объ лучшемъ, болѣе удобномъ устройствѣ своихъ зимнихъ хашановъ, забота о приютѣ для скота, предусмотрительная заботливость объ обезпеченіи себя топливомъ, обмазанные сарайчики, амбары, — все это вмѣстѣ взятое убѣдительно говоритъ о томъ, что номадъ, — *въ центрѣ этихъ наружныхъ построекъ*, — скоро поставитъ избушку и броситъ свою юрту. Какъ и у тункинскихъ бурятъ избушка эта не первыхъ порахъ, разумѣется, будетъ неуклюжа, мала, тѣсна; но и она привяжетъ номада къ мѣсту, какъ то случилось съ нашими бурятами, живущими въ иркутской губерніи. Повторяемъ, что номады побережьевъ р. Селенги близки уже къ сознанію необходимости и удобствъ осѣдлой жизни и ожидаютъ только толчка, инициатора въ дѣлѣ замѣны юрты избой. При этомъ не нужно забывать, что селенгинцы занимаются земледѣліемъ; а этотъ факторъ культуры, всеильный ея двигатель несомнѣнно подвинетъ впередъ развитіе народа, прямо или косвенно повліяетъ на развитіе

ремесль, сдѣлаеть номадовъ осѣдлыми, культурными. Устройство зимнихъ хашановъ, занятіе деревянными издѣліями, развозъ ихъ въ степныя безлѣсныя мѣста, лодки, стоящія у береговъ рѣки, обиліе домашней утвари, земледѣліе, — все это убѣдительно говоритъ, что селенгинцы прочно уже ступили на путь развитія и осѣдлости; только, къ сожалѣнію, предоставленные самимъ себѣ, безъ помощи цивилизаціи, номады слишкомъ медленно идутъ по этому пути и этимъ медленнымъ и труднымъ путемъ будутъ еще долго идти; номады предоставлены самимъ себѣ, и имъ трудно достичь развитія и примѣненія своихъ силъ, трудно достичь возможности болѣе или менѣе культурно обставить свою жизнь, пользоваться благами цивилизаціи и зажить дѣятельною, человѣческою жизнью. Не имѣя средствъ помочь, остается только лишь пожелать, чтобы этотъ симпатичный и глубоко честный народъ, каковъ есть въ дѣйствительности кочевникъ Селенги, поскорѣй прошелъ мучительно медленную стадію переживанія дѣдовскихъ традицій, избавился отъ оковъ религіи и сдѣлался бы интеллигентнымъ собратомъ европейца.

Чтобы поближе ознакомиться съ бытовой стороной обитателей береговъ рѣки Селенги я, не смотря на незначительный сегодняшній переходъ (шли всего два часа), остановился близъ одной изъ юртъ. Интересный этотъ народъ, даже по наружнымъ признакамъ рѣзко отличающійся своею жизнью отъ остальныхъ, встрѣчаемыхъ нами монголовъ, привлекъ мое вниманіе и побудилъ поосновательнѣе заглянуть въ домашній его бытъ.

Только что успѣли мы разбить свою палатку, какъ вскорѣ собралась уже къ намъ толпа монголовъ и у насъ явился сваренный чай, тарасунъ, вареное мясо, молоко и прочія роскоши номадовъ, почти каждый алычханъ (гость), идучи къ намъ, несъ что-нибудь съ собою. Со всѣми изъ своихъ гостей я вскорѣ познакомился, обмѣнялся привѣтственными хадаками

и удовлетворилъ ихъ любопытству, а затѣмъ отъ одного изъ монголовъ получилъ приглашеніе побывать и у него въ гостяхъ...

Такъ какъ я готовлю отдѣльный очеркъ бытовой стороны номадовъ побережья р. Селенги, то въ этомъ дневникѣ позволяю себѣ ограничиться только лишь общимъ обзоромъ дѣятельности радушно принявшихъ меня кочевниковъ описываемой нами мѣстности.

Вся колонія, по соседству съ которой мы остановились, въ сущности говоря и теперь уже земледѣльческая и промышленная, о чемъ мы уже и замѣтили раньше. Номады ея производятъ массу деревянныхъ остововъ юртъ, красятъ ихъ охрой, дѣлаютъ бадьи, ночевки (тытис), ложки для винтовокъ, шкафы, сундуки, бурхани шире, ведра, тасы (буракъ по рус.), тыпширь (покрышки для котловъ), домбо, корзинки для собиранія аргала; матеріаломъ для этихъ работъ служитъ по преимуществу тополь; изъ корня же яблони выдѣлываютъ чашки, трубки, дѣтскія игрушки, привѣски къ ножнамъ и пр., иногда же просто готовятъ деревянные пластинки и продаютъ ихъ въ безформенномъ видѣ. Всѣ эти деревянные издѣлія, нагрузивъ ими арбы, вывозятъ въ степныя безлѣсныя мѣста Монголіи и обмѣниваютъ ихъ на соль, масло, чай и скоть. Промыселъ, по словамъ самихъ монголовъ, доставляетъ очень много выгоды, чѣмъ и объясняется то отрадное явленіе, что номады береговъ р. Селенги, сравнительно съ другими своими соотчичами, имѣютъ извѣстнаго рода достатокъ, живутъ въ просторныхъ юртахъ, русановъ не замѣтно нигдѣ, не терпятъ нужды; къ тому же номады, какъ народъ бывалый, «хожалый» отличаются смышленностію, сравнительно развиты, находятся подъ меньшимъ религіознымъ гнетомъ ламъ, не ханжи и не вѣрятъ, по крайней мѣрѣ, касательно земледѣлія, въ возможность «Зудъ Турунга». О вліяніи отхожихъ промысловъ на развитіе народа много уже и подробно было разсужденій и вопросовъ

этотъ кажется уже вполне исчерпанъ, такъ что намъ касаться его излишне, почему мы только лишь отмѣчаемъ фактъ, что и селенгинцы не мало таки развились, благодаря своимъ странствованіямъ по самымъ отдаленнымъ уголкамъ родной своей Монголіи.

Кромѣ занятія производствомъ деревянныхъ издѣлій, монголы селенгинцы еще и хлѣбопашцы; сѣютъ они преимущественно ячмень и просо, рѣдко пшеницу. Кромѣ другихъ неблагоприятныхъ условій для земледѣлія (примитивность орудій, неумѣніе, отчасти лѣнь и пр.), номады земледѣльцы въ этомъ году много пострадали отъ массы борошобунъ (барбилохой по-бурятски, воробей по-русски) напавшей на ихъ пашни и чуть не до-гла выклевывавшей зерна посѣвовъ. Пашни расположены по обѣимъ берегамъ р. Селенги, вверхъ по долинѣ *Ара-Тель* и *Убуръ-Тель*.

Кромѣ земледѣлія и ремесль у номадовъ селенгинцевъ, есть еще одинъ промыселъ, — это сборъ миндальныхъ орѣхъ, въ массѣ растущихъ по склону хребта Сокто. Орѣхи эти, положимъ, нейдутъ въ продажу, а употребляются въ домашнемъ обиходѣ и служатъ не малымъ экономическимъ подспорьемъ. Собранный въ концѣ августа миндаль очищаютъ отъ скорлупы, толкутъ зерна, обращая ихъ въ мягкую массу. Массу эту разводятъ водой и въ такомъ видѣ пьютъ вмѣсто молока, прибавляя иногда арцы. Изъ этихъ же орѣховъ готовится и масло — для чего въ истолченную массу миндаля наливаютъ воды и кипятятъ ее до тѣхъ поръ, покуда поверхность не покроется слоемъ масла. Масло это употребляютъ какъ приправу къ чаю; жечь же его предъ бурханами почитается особенно угоднымъ богу дѣломъ. По толкованію ламъ, одна чашка миндального масла, зажженная предъ бурханами, имѣетъ въ глазахъ послѣднихъ цѣну ста чашекъ обыкновеннаго жиру....

Желая имѣть образцы издѣлій, я попросилъ двухъ номадовъ селенгинцевъ сдѣлать мнѣ модели: а) лодки (унгасу), б) телѣги (тыргыць), в) сѣдла (элгелъ); вещи эти къ утру слѣдующаго дня были уже готовы. Теперь модели эти хранятся въ В. С. Отдѣлѣ Географическаго Общества. Положимъ все подѣлки номадовъ грубы, аляповаты, неуклюжи, хуже чѣмъ топорной работы; не имѣютъ ни фасона, ни чистоты отдѣлки, но при оцѣнкѣ ихъ нужно имѣть въ виду тѣ инструменты, какими работаютъ номады. Инструменты же эти: хотего (простой ножъ), хуху (чугунный китайскій топоръ), цуцу (долото); буравъ же замѣняетъ желѣзный пруть, раскаливъ который, прожигаютъ нужныя дыры. Вотъ и все инструменты; естественно, что, владея ими, номады и не могутъ производить лучшихъ подѣлокъ.

На берега Селенги описываемаго нами уголка изъ русскихъ торгашей никто еще не проникалъ; сами же номады бывають въ Кяхтѣ, Ургѣ, Улясутаѣ. Хуху норѣ и даже въ Пекинѣ, откуда и вывозятъ мѣдь, желѣзо, свинець, порохъ, дабы, шись и сукна.

Въ бесѣдѣ съ номадами незамѣтно прошелъ день. На завтра предполагался праздникъ Майдара въ Хилгантыйскомъ куренѣ. Курень этотъ расположенъ на правомъ берегу р. Селенги, слѣдовательно близъ нашей дороги, поэтому я и условился съ пріятелями своими монголами ѣхать вмѣстѣ на торжество Майдара.

ГЛАВА XVIII.

ОТЪ АРА-ТЕЛЬ ВНИЗЪ ПО БЕРЕГУ Р. СЕЛЕНГИ. ХИЛ-
ГАНТЫЙСКІЙ КУРЕНЬ (3 августа).

Утромъ рано подъѣхали къ нашей палаткѣ монголы, собравшіеся ѣхать на праздникъ Майдара и мы, вмѣстѣ съ ними, согласно вчерашнему уговору, тронулись въ путь, держась праваго берега р. Селенги.

Не дальше какъ съ версту разстоянія отъ нашей стоянки, а слѣдовательно и отъ лѣтнихъ юртъ монголовъ, виднѣется высокій горный хребетъ, идущій съ юга на сѣверъ, перегораживающій долину праваго берега р. Селенги и оканчивающійся скалистымъ упоромъ въ рѣку. Хребетъ этотъ называется *Гасана*; онъ высокъ, съ крутыми склонами; верховья его округлены и поросли листвяничнымъ лѣсомъ, склоны же обнажены и только лишь у оконечности его, что близъ р. Селенги, поросли миндалемъ, крыжовникомъ, бузиной, бояркой, яблонью и кустами смородины; плоты этихъ кустовъ были еще зелены. Вдоль подошвы хребта *Гасана* идетъ сухое русло р. *Ара-Тель*; рѣку *Ара-Тель* нельзя назвать притокомъ р. Селенги, хотя его къ числу таковыхъ и причислилъ Гр. Ник. Потанинъ. Нельзя считать притокомъ потому, что русло р. *Ара-Тель* только въ верховьяхъ своихъ имѣетъ воду, начиная съ средняго своего теченія—оно совершенно безводно и даже заросло травой.

На западномъ склонѣ хребта *Гасана* видны въ рядъ стоящія нѣсколько конусовъ; конусы эти называются *Хуше-Тологой* (крѣпкія, сильныя головы); они совершенно обнажены и видомъ своимъ напоминаютъ нарочито насыпанныя высокіе курганы. Не доходя двухсотъ сажень до скалы *Гасана*, русла рѣки Селенги смыкаются, упомянутый выше островъ оканчивается и р. Селенга дѣлаетъ поворотъ на юго-востокъ, вслѣд-

ствіе чего долина лѣваго берега рѣки сильно расширяется. Вскорѣ мы подъѣхали и къ самой скалѣ Гасана. Перегородивъ дорогу и долину рѣки съ юга на Сѣверъ, хребетъ Гасана, какъ замѣчено выше, оканчивается у праваго берега р. Селенги отвѣсной, высокой, гранитной скалой къ подошвѣ этой скалы и прибивается р. Селенга. Подъѣзжая къ скалѣ, одинъ изъ монголовъ указалъ на пещеру, виднѣющуюся какъ разъ по срединѣ отвѣса скалы. Заинтересовавшись пещерой, я попросилъ монголовъ нѣсколько остановиться и подождать пока моя будетъ осмотрѣна пещера, на что и согласились мои спутники.

Скала съ самаго основанія своего начинается отвѣсомъ и я долженъ былъ идти вверхъ по руслу Ара-Тель, чтобы выбрать выступъ, возможный для подъема. Такой выступъ съ шестью ступенями, недалеко расположенными другъ отъ друга, мною вскорѣ былъ найденъ. Вверхъ по выступу удобно было карабкаться, потому что щели его поросли кустами яргая и миндаля; хватаясь за эти кусты, можно было—безъ опасности оборваться—взойти на площадку. Отъ этой же площадки, дальше вверхъ, можно было сравнительно легко пробираться между грудями камня, расположенными террасой; поднимаясь же къ самой пещерѣ, я уже не испытывалъ никакихъ затрудненій, потому что отъ отверстія пещеры идетъ какъ бы русло, наполненное камнями; русло узкое и бока его густо поросли кустами яргая и миндаля, благодаря чему, если обломки гранита и скользили подъ ногами, осовываясь внизъ, за то хватаясь за кусты, можно было безъ опасности всходить и не осовываться внизъ вмѣстѣ съ розсыпью гранита. Не доходя трехъ сажень до отверстія пещеры, входъ въ нее густо поросъ жгучей крапивой (халуцъ-убусу), покрывающей собой толстый слой птичьяго помета. Нога грузла въ этомъ пометѣ, скользила и, чтобы войти въ пещеру, нужно было

по необходимости хвататься руками за крапиву..... но такъ или иначе, я все-таки добрался до пещеры. Входъ въ сіе отверстіе высокій узкій, имѣеть видъ растянутого параллелограмма, стѣны входа около аршина толщиною, внутреннее же расположеніе пещеры имѣеть видъ амфитеатра, поперечникъ площади котораго равняется четыремъ сажениамъ, потолокъ куполообразенъ; стѣны пещеры—красный гранитъ и точно отполированы; вся площадь ея покрыта глубокими залежами птичьяго помета, но гнѣздъ не видно. Какъ впоследствии я узналъ, въ пещеру собирается на ночь масса гусей. При моемъ входѣ въ пещеру изъ нея вылетѣла, испугнутая мной, цѣлая масса ласточекъ. Обезпокоенные неожиданнымъ и небывалымъ вторженіемъ человѣка въ ихъ владѣнія, птички эти, какъ бы защищая входъ, вились вокругъ него, болѣе дерзкія врывались въ самую пещеру, точно съ намѣреніемъ выгнать врага, пищали, проявляя самую лихорадочную суетливость.

Въ пещерѣ я ничего примѣчательнаго не нашель. Сувѣрные же монголы не преминули воспользоваться пещерой и, пополняя свою мифологию, поселили въ нее тенгерина, имя котораго и держать въ секретѣ, такъ что мнѣ, не смотря на всѣ мои старанія, не удалось узнать названіе тенгерина, одни только лишь номады сообщили мнѣ, что тенгеринъ этотъ злой и въ случаѣ непочитанія его, онъ вредить скоту и людямъ, посылая на нихъ разныя болѣзни.

Осмотрѣвъ пещеру, мы продолжили дальнѣйшій путь. Дорога пошла подъ скалой и такъ плотно прижалась къ ней, что, мѣстами, едва-едва можно, не спускаясь въ русло рѣки, проѣхать вдоль ея; малѣйшая же прибыль рѣки и вода «запираетъ дорогу», лишая возможности проѣзда, такъ что монголы, во время прибыли р. Селенги, въ случаѣ необходимости, дѣлають переваль черезъ вершину скалы по узкой ея тропинкѣ, идущей надъ обрывомъ. Человѣкъ съ непривычки, или же со

слабыми нервами не рѣшится, даже въ крайней нуждѣ, ѣхать этой тропинкой. Тропинка до того узка, что малѣйшая неосторожность, невѣрный шагъ коня — и бѣда: непременно ѣздокъ скатится со ста саженой высоты. Нужно быть увѣреннымъ въ себѣ, имѣть навыкъ и неустрашимость, въ данномъ случаѣ, монгола и его желѣзные нервы, чтобы возможно было рѣшиться дѣлать переваль черезъ скалу Гасана по узкой, едва ступить коню, полоскѣ террасы. Если на то мѣсто, гдѣ должна пролегать тропинка, глядѣть съ низу, то тропки этой вовсе незамѣтно и просто не вѣрится, чтобы была какая-либо физическая возможность пройти, да еще конемъ, по склону отвѣсной скалы. Воображая себѣ монгола, пробирающагося поперекъ скалы, невольно приходитъ на мысль, чѣмъ застрахованъ путникъ оттого, что вотъ — вотъ оборвется изъ подъ копыта коня камень, оборвавшись, стремительно скатится внизъ, а за нимъ туда же конь и его сѣдокъ!.... Счастливые тѣмъ, что намъ не пришлось испытывать крѣпость своихъ нервъ и взбираться по отвѣсу скалы въ ея верховья, такъ какъ уровень воды въ р. Селенгѣ былъ нормальный, мы, отъ устья Аръ-Тель, пошли вдоль тропинки, идущей между берегомъ р. Селенги и скалой Гасана.

Прижавшись къ скалѣ, р. Селенга, пѣнясь, съ ревомъ и оглушительнымъ шумомъ стремительно катитъ воды свои, какъ бы съ трудомъ пробиваясь между глыбами гранита. Скатывающійся съ вершинъ Гасана гранитъ — засорилъ русло р. Селенги и во всю ширину его образовалъ пороги. Эти то пороги и мѣшаютъ рѣкѣ плавно нести воды свои и она съ бѣшенствомъ, покрытая клубами пѣны, рвется изъ стѣсняющихъ и задерживающихъ ея теченіе гранитныхъ глыбъ. Замѣчательно, что на такомъ узкомъ и сплошь каменистомъ пространствѣ, какое есть въ дѣйствительности между водой р. Селенги и отвѣсомъ скалы, умудрилась какъ то расти ива

и притомъ не какая-нибудь корявая, а съ толстыми стволами, высокая и увѣнчанная кудреватыми, роскошно-зеленѣющими верхушками. Эти деревья, окаймляя тропинку со стороны скалы, дѣлають проходъ подъ нею очень оригинальнымъ. Неприласканные суровымъ гранитомъ, стволы ивы отшатнулись отъ скалы, тѣсно прижавшись къ ней только основаніемъ своимъ; густо листовенныя свои верхушки они дугой нагнули къ рѣкѣ, приманивавшей ихъ своей влагой и освѣжающей прохладой. Нагнутые верхушки ивы, переплетаясь между собою, точно нарочито сдѣланнымъ сводомъ, покрываютъ собой проходъ тропинкой. Зеленый сводъ этотъ, нѣжно лаская взоръ, скрываетъ отъ него высокую гранитную твердыню, къ стѣнѣ которой рука зодчаго не всѣ камни приложила плотно и не сокрушимо; иные изъ нихъ, глядя издали, такъ и кажется, что вотъ, вотъ отдѣлятся отъ скалы, сорвутся, ничѣмъ не задерживаемые, скатятся и массой своей раздавятъ пигмеевчеловѣка, какъ какую-нибудь муху. Вѣдь завалили же обломки гранита русло рѣки, — что же имъ мѣшаетъ и во всякую данную минуту, секунду... именно тогда, когда кто-нибудь проходить подъ скалой, -- отдѣлиться отъ нея и всею своею тяжестью, при стремительной силѣ ската, обрушиться на беззащитнаго человѣка.... Но зеленый сводъ, скрывая эти страшннща, отбрасываетъ мысль путника объ опасности. Небыдо-бъ этого свода, не скрывай онъ сурово высящейся скалы и мысль объ опасности гнала бы путника, заставляла бы его торопиться, какъ можно поскорѣй миновать твердыню, — твердыню, подавляющую своею величественною неприступностію, тяжело дающую чувствовать путнику свое ничтожество и беззащитность.... А то нѣтъ! Съ одной стороны влопочущая ревущая рѣка, съ другой толстые стволы, подпирающіе скалу, съ одного боку опасность, борьба стихійная, съ другого защита, сверху непроглядная, живая зеленая весело шуршащая крыша,

скрывающая опасность со стороны скалы, заставляет путника любоваться оригинальностью діаметрально противоположных сочетаній природы. Мысль объ опасности далека и путникъ, подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ дико величественнаго и грандіознаго, не ускоряетъ шага, а напротивъ замедляетъ его, чтобы вполнѣ насладиться рѣдко встрѣчаемой картиной, создать которую во всѣхъ ея деталяхъ бессильно творчество художника, а тѣмъ болѣе искусство человѣка... Только лишь творящая сила природы и способно реально сочетать величественное и подавляющее рядомъ съ умиротворяющимъ духъ, способна заставить предаться послѣднему и забыть о первомъ.

Отбившись отъ скалы р. Селенга, точно утомленная борьбой съ преградами, течетъ ровно, тихо, покойно; теченіе ея почти незамѣтно между чисто песчаными, плоскими берегами. Глубина рѣки въ этомъ мѣстѣ должно быть очень значительна, о чемъ можно предполагать потому, что сразу, съ берега, не смотря на то, что цвѣтъ воды довольно прозраченъ, дна рѣки не видно.

Отъ скалы Гасана р. Селенга уходитъ на сѣверо востокъ; въ эту же сторону, вслѣдъ за теченіемъ рѣки, ѣ мы сдѣлали поворотъ. Послѣ незначительнаго подъема на предгорье скалы Гасана, дорога въ Хилгантыйскій курень пролегаетъ между песчаными буграми; этими буграми, болѣе или менѣе высокими, заромождена вся долина праваго берега р. Селенги. Почва долины песчана, по прежнему, т. е. какъ и до скалы Гасана, широка, поката къ сѣверу, свободна отъ зарослей лѣса и только лишь кой-гдѣ по буграмъ, въ одиночку, торчатъ ивовыя деревья; злаками же она богато поросла.

Долину праваго берега р. Селенги окаймляетъ невысокій горный хребетъ *Сурнакта*, на обращенномъ къ рѣкѣ покатомъ склонѣ котораго видно много рытвинъ, ямъ, торчащихъ каменныхъ глыбъ. Вершины Сурнакта частію округлены, но

больше остроконечны, покрыты вывѣтрившимися породами камней и обнажены отъ какой бы то ни было растительности. Въ лощинахъ склона хребта растутъ отдѣльными кучками листовяничный лѣсъ. Хребетъ Сурнакта есть продолженіе горнаго кряжа, идущаго съ юго-запада на сѣверъ и отмѣченнаго нами подъ именемъ *Гасана*. Поворотивъ отъ скалы на юго-востокъ, хребетъ этотъ теряетъ прежнее свое названіе и въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи извѣстенъ уже подъ именемъ *Сурнакта*.

Долину лѣваго берега рѣки Селенги также сопровождаютъ горы, извѣстныя подъ именемъ *Буй-Лусутей-Уръ*. Горы эти имѣютъ болѣе мягкое очертаніе, чѣмъ г. Сурнакта; остроконечныхъ вершинъ нѣтъ, рытвинъ и ямъ также незамѣтно; есть же только впадины и выступы. Склоны Буй-Лусутей-Ура, равно какъ и вершины ихъ совершенно обнажены отъ древесной растительности, мѣстами же и вовсе оголены; обнаженія эти имѣютъ красный цвѣтъ. Прибрежья долины лѣваго берега р. Селенги заросли топодемъ и ивой. Рѣка Селенга, какъ было уже упомянуто, уходитъ отъ скалы Гасана на сѣверо-востокъ, вновь ударяется о подошву противоположно стоящей скалы и затѣмъ уже въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи идетъ близъ подошвы г. Буй-Лусутей-Уръ, почему и долина этого берега рѣки гораздо уже, чѣмъ на правомъ. Послѣ полуверстнаго прохода близъ подошвы горы, р. Селенга поворачиваетъ на юго-востокъ и прорѣзываетъ, точно канавой, средину своей долины. Кочевья нѣтъ по обѣимъ берегамъ рѣки.

Слѣдуетъ еще отмѣтить тотъ, въ своемъ родѣ замѣчательный, фактъ, что начиная съ самаго того мѣста, откуда р. *Демиръ-Муринъ* стала называться *Селенгой* и до описываемаго нами мѣста, нигдѣ не видно остатковъ китайскихъ городищъ. Характерная особенность въ выборѣ мѣста для расположенія этихъ городищъ, та, что всѣ онѣ разбросаны

непремѣнно у устья какой-нибудь рѣки, распадка ущелья, вышедшихъ аманомъ своимъ въ долину большой какой-либо рѣки. Идучи же по долинѣ р. Селенги мы уже миновали три устья, именно: Ар-Тель, Убурь-Тель и Сагань-Бургасань (последній вышелъ съ сѣвера противъ скалы Гасана), а китайскихъ городищъ все нѣтъ. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ?...

По рассказамъ монголовъ, три года тому назадъ р. Селенга не отходила отъ подошвы Буй-Лусутей-Урь и шла ближе нее еще двѣ версты дальше отъ настоящаго отворота отъ этихъ горъ; но сами номады, помимо своего желанія, дали рѣкѣ Селенгѣ возможность пробить себѣ новое русло и идти имъ по срединѣ своей долины. Случилось же это вотъ почему. Долина р. Селенги, какъ разъ на срединѣ своей, была разработана номадами подъ пахати; для орошенія же пахатей проведенъ былъ центральный (по отношенію къ пашнямъ) каналъ, который и наполнялся водой изъ р. Селенги. Впослѣдствіи р. Селенга воспользовалась этимъ каналомъ, оставила прежнее свое ложе и водопроводный каналъ размыла и обратила въ глубокое, узкое русло, которымъ и течетъ теперь; а такъ какъ каналъ двумя своими противоположными концами упирался въ берегъ рѣки, то и р. Селенга, послѣ полуверстнаго теченія этимъ каналомъ, придерживаясь его направленія, дѣлаетъ подъ дугой поворотъ къ сѣверо-востоку, снова входитъ въ старое свое русло и въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи продолжаетъ идти близъ подошвы хребта Буй-Лусутей-Урь. Часть пашень, бывшая на правомъ берегу канала, уцѣлѣла и теперь воздѣлывается. Полоса этихъ пашень узка, засѣяна преимущественно ячменемъ и тянется вдоль дороги по обѣея стороны, на протяженіи двухъ верстъ. Лента пашень мѣстами расширяется до трехъ саженой въ поперечникѣ, мѣстами же обращается въ квадратики, треугольнички, ромбы, и всякія другія геометрическія фигуры, но съ однимъ непремѣннымъ

условіемъ, именно—канавкой для стока воды; канавка эта всегда приходитъ чрезъ центръ посева. Вдоль полосы, на болѣе или менѣе близкомъ разстояніи другъ отъ друга, поставлены чучела, сдѣланные изъ березовой коры и войлока. Цѣль постановки чучель та, чтобы птицы, испугавшись этихъ страшилищъ, не садились на пахати и не уничтожали зеренъ. Въ дѣйствительности же чучела эти вовсе не исполняютъ своего *провиденціальною* назначенія и не предохраняютъ колосья отъ хищничества пернатыхъ; напротивъ, онѣ скорѣе служатъ мѣстами отдыха для птицъ, гнѣздящихся на нихъ послѣ сытной пищи, какую представляютъ изъ себя молодые зерна ячменя. Объ этомъ ясно говоритъ то, что чучела обильно покрыты птичьимъ пометомъ.... Пашни расположены также и вдоль лѣваго берега р. Селенги, но непродольной полосой, а, какъ видно, отдѣльными участками или, вѣрнѣе клочками; самый болѣе изъ этихъ клочковъ имѣетъ около десяти сажень въ ширину и до пятнадцати - двадцати въ длину. Землю занятую подъ пахати, даже и не въ строгомъ смыслѣ, нельзя назвать распаханной, она просто напросто кое-какъ расковыряна; по дѣвственное плодородіе почвы, не смотря на то, что номады почти никакого труда не приложили къ воздѣлыванію ея, не облили ее своимъ потомъ, какъ то дѣлаетъ нашъ земледѣлецъ,—не смотря на это—плодородіе почвы все-таки дало хорошіе результаты отъ зеренъ брошенныхъ номадомъ въ изрытое доно ея,—стебель ячменя до аршина вышиной, колось крупный, зернистый. Однимъ словомъ, всходъ посева могъ бы служить украшеніемъ нивы и нашего земледѣльца.

Такъ какъ по долину р. Селенги тянутся пахати, то и понятно почему вездѣ вокругъ не видно ни юртъ, ни табуновъ скота.

Чѣмъ дальше мы шли вдоль берега р. Селенги, тѣмъ рельефъ хребта Сурнакта все болѣе и болѣе смягчался; остро-

конечныя вершины его сглаживаются, и сплошь покрываются листвяничнымъ лѣсомъ; рытвины склоновъ замѣняются неглубокими ложбинами, самый хребетъ становится все ниже и ниже и склоны его положе. Горы же лѣваго берега р. Селенги сохраняютъ свой первоначальный характеръ; изъ группы ихъ вершинъ выдѣляются своею конусообразной формой нѣсколько сопокъ; номады отличилъ эти сопки, сосчиталъ и число ихъ обратилъ въ собственное имя, назвавъ ихъ «Долонъ-Уда» (семь горъ).

Долина р. Селенги становится замѣтно шире; правый ея берегъ совершенно очищается отъ песчаныхъ бугорковъ; лѣвый же продолжаетъ быть заросшимъ тополями и ивой; почва изъ песчаной — переходитъ въ каменистую, отъ чего дорога дѣлается твердою.

Послѣ двухъ часоваго перехода долиной (считая отъ скалы Гасана) близъ опушки лѣса, отгѣняемая зеленью, показалась бѣлая лѣтняя юрта... за нею въ рядъ другая... третья... пятая... однанадцатая... наконецъ, открылся видъ и на хилгантыйскій курень. Курень, видимо, маленькій; надъ немногочисленными постройками ламъ возвышается одинъ только лишь дугунъ, построенный въ китайскомъ вкусѣ... Глухой гулъ бубна, рѣзкій звукъ трубъ далеко эхомъ раздающійся по долинѣ, далъ намъ знать, что въ дугунѣ идетъ служба и «ламы», какъ выразился мой спутникъ, «наканунѣ праздника Майдара настраиваютъ себя на торжественный ладъ».

Не доходя дацана, мы свернули въ сторону отъ дороги и направились къ берегу р. Селенги, выбрали «любое» мѣстечко и разбили свою палатку, порѣшивъ отпраздновать вмѣстѣ съ монголами день Майдара.

У мѣста нашей остановки, что противъ куреня, р. Селенга течетъ неширокимъ — саженой въ двадцать — каменистымъ русломъ; правый берегъ рѣки обрывистъ, крутъ. Какъ видно

изъ береговаго обрыва, песокъ залегъ толстымъ, болѣе сажени, слоемъ. Лѣвый берегъ рѣки совершенно плоскій и на далекое пространство покрытъ розсыпями мелкаго галешника...

Вотъ уже вечеръ.... солнце зашло... заря потухла.... темнота.... половина десятаго... а гуль бубна, вой трубъ, бряцаніе цама, хриплый рѣзкій, дребезжащій голосъ раковинъ... не умолкается: раздается изъ дугуна; усердные ламы, не пропускавая песнямовъ своихъ, возносятъ молитвы къ буддійскому мессіи Майдару, который, какъ вѣрятъ буддисты, въ лицѣ великаго будды, долженъ вторично прійти въ міръ, предъ кончиной его произвести судъ надъ тварями, отдѣлить праведниковъ отъ грѣшныхъ, отдать послѣднихъ во власть Эрлыкъ-хана, который и отведетъ ихъ въ тама (адъ), а вмѣстѣ съ праведниками войдти въ Нирвану,—эту конечную цѣль бытія всего живущаго.

5 и 6 августа. Дневка. *Хилантыйскій дацанъ* (курень тожъ), близъ котораго мы остановились, небольшой. Все его населеніе состоитъ не болѣе, какъ изъ двадцати жилищъ ламъ, въ центрѣ которыхъ расположено три дугуна (церкви). Обиліе лѣса и умѣніе имъ пользоваться замѣтны на каждомъ шагу. Такъ—постройки ламъ отличаются своею обширностію, чистою отдѣлки; стѣны ихъ рубленныя и крыши сдѣланы изъ теса; внутри жилища раздѣлены перегородкой на двѣ половины и отапливаются не желѣзной печью, а каминами, какъ помнитъ читатель, мы ни о чемъ подобномъ не упоминали, говоря о Баторъ-гунскомъ и До-гунскомъ дацанахъ. Дугуны же построены на каменныхъ фундаментахъ и, какъ нигдѣ въ другихъ куреняхъ, обнесены рѣшетчатой, деревянной оградой. Что же касается внутренности дугуновъ, ихъ убранства, обстановки, то обо всемъ этомъ сравнивая съ дархатскими дугунами, можно сказать, что бѣдность и отсутствіе религіозной заботливости объ украшеніи храмовъ видны съ перваго же

раза. Въ одномъ изъ дугуновъ, я встрѣтилъ рѣдкую картину страшнаго суда—такую же самую картину я приобрѣлъ отъ одного ламы и описаніе ея будетъ мною помѣщено въ приложеніи къ настоящему труду. Кромѣ этой картины, ничего замѣчательнаго я не встрѣтилъ въ этихъ дугунахъ.

Близь куреня, на восточной его сторонѣ, расположена китайская фанза и при ней лавка. Въ фанзѣ живутъ два китайца. Торгаши эти горько жаловались намъ на свою судьбу. Сегодня праздникъ, большое стеченіе народа, а лавка ихъ пуста. Товаръ весь распроданъ, а подвоза нѣтъ. Засухи и голодъ въ собственномъ Китаѣ, именно въ той части ея, которая примыкаетъ къ сѣверо-восточной Монголіи, было причиной того, что не было возможности транспортировать товаръ въ Монголію.

ГЛАВА XIX.

ВНИЗЪ ПО СЕЛЕНГѢ ДО Р. САРАЛЬДЖИ (6 августа).

Распростившись съ ламами, съ которыми удалось познакомиться во время празднованія Майдара, мы продолжили путь внизъ по р. Селенгѣ.

Часть долины, на которой расположенъ Хилгантыйскій курень, имѣетъ полукруглое очертаніе. Горный хребетъ Сурнакта, окаймляющій эту долину съ юга, вдается выпуклой стороной своей на юго-востокъ, обгибаетъ площадь куреня, загибается на сѣверъ и пологимъ не скалистымъ концомъ своимъ упирается въ правый берегъ р. Селенги. Дугу хребта Сурнакта въ двухъ мѣстахъ съ юга прорѣзываютъ распадки: а) *Зунь-Голь* и б) *Хонхо*; распадки эти имѣютъ русла съ текущей въ верховьяхъ водой; не только что вода, даже и очертанія русель не доходятъ до береговъ р. Селенги и теря-

ются въ равнинѣ. Распадки, какъ видно, тѣсны, корытообразны, съ пологими склонами боковъ своихъ; склоны эти, какъ и верховья хребта Сурнукта, покрыты листвяничнымъ лѣсомъ.

Хребетъ Сурнукта, послѣ упора въ берегъ рѣки Селенги, дѣлаетъ загибъ къ востоку и отсюда, въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи, называется уже *Озоръ-Гарь*. Озоръ-Гарь, какъ и Сурнукта въ свою очередь округляетъ долину рѣки Селенги и противоположнымъ своимъ концемъ, сдѣлавъ загибъ къ сѣверу, снова упирается въ правый берегъ р. Селенги и замыкаетъ долину ея. Загибъ скалистый, высокъ и называется не *Озоръ-Гарь*, а *Оботь-Булуиъ*. Такимъ образомъ, площадь куреня Хилгантыйскаго, равно и слѣдующая за нею между *Озоръ-Горомъ* и *Оботь-Булономъ*, имѣетъ видъ полукруга. На площади куреня, кромѣ постоянныхъ построекъ ламъ, разбросаны еще и лѣтнія юрты монголовъ; у подошвы же Сурнакта виднѣются зимніе хашаны. Почва этой части долины песчано-каменистая; изъ кормовыхъ травъ растеть преимущественно волосецъ. Что касается хребта Сурнакта, то мы уже знаемъ, что вершины его имѣютъ округленное очертаніе и точно также какъ и пологія склоны въ лощинахъ своихъ, покрыты листвяничнымъ лѣсомъ. Продолженіе же хребта Сурнакта, извѣстное подъ именемъ Озоръ-Гара, наоборотъ — имѣетъ скалистый видъ, заостренныя вершины, крутые склоны; верховья, какъ и склоны, обнажены отъ древесной растительности. Чрезъ Озоръ-Гара есть одинъ только переваль, ведущій на югъ въ широкую котловину *Аръ-Худукъ*; въ котловинѣ этой есть до пяти лѣтнихъ юртъ монголовъ.

Мы уже знаемъ, что скалистую подошву Оботь-Булуна (продолженіе хребта Озоръ-Гарь) омываетъ р. Селенга; остается только лишь сказать, что подъ этой скалой нѣтъ проѣзда, даже такого, какъ вдоль скалы Гасана. Вслѣдствіе этого мы должны были оставить правый берегъ рѣки Селенги и бродомъ перейти на долину лѣваго берега.

Отъ куреня и до самаго брода, что равняется по пространству одной верстѣ, вдоль берега рѣки, подъ тѣнью ивъ и тополей, расположены лѣтнія юрты. День былъ жаркій, тихій... Мы было ѣхали нѣсколько въ сторонѣ отъ теченія рѣки, но доносившійся до насъ шумный говоръ, сопровождаемый веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ, плескъ воды, визгъ десятковъ голосовъ, привлекъ наше вниманіе. Крутизна береговъ у Селенги, очевидно, скрывала отъ насъ веселящуюся толпу монголовъ. Чтобы узнать, чѣмъ забавляются номады, что ихъ такъ веселить, мы подѣхали къ самому берегу р. Селенги. И что же? пришлось увидѣть то, чего я ни какъ не ожидалъ: *купающихся монголовъ!* Человѣкъ около двадцати мужчинъ и женщинъ, скучившись вмѣстѣ, шумно плескались въ водѣ, нѣкоторые же изъ нихъ плавали по срединѣ рѣки, другіе были уже на томъ берегу, а болѣе боязливые и неумѣющіе плавать выше груди не заходили въ воду. Мужчины, женщины, ламы, шабаганцы (монахини)... все это перемѣшано... рядомъ съ косою женщины торчала бритая голова ламы... аскетизмъ не мѣшалъ принимать участіе въ общемъ «омовеніи тѣль».

Монголы оказываются искусными пловцами; манера ихъ плаванія—держаться на спинѣ. Глядя на эту живую первобытно-патріархальную картину, мнѣ невольно вспомнилось далеко несправедливое замѣчаніе г. Пржевальскаго, что будто-бы монголы имѣютъ «органическое отвращеніе къ водѣ, подъ вліяніемъ котораго, номады не только что не умываются, но будто-бы даже избѣгаютъ ставить свои юрты близъ рѣкъ, ручейковъ, ключей и болотъ. Замѣчаніе это со стороны путешественника, чтобы не сказать болѣе, опрометчиво и лишено правдивости. Отъ самой Ханги, что у сѣвернаго конца оз. Кубсгула и до береговъ р. Селенги, всѣ лѣтнія юрты монголовъ расположены на берегу рѣкъ, ключей и озеръ; въ Мусу-

турунѣ же и по лѣвому берегу р. Буксея юрты эти стоятъ даже въ центрѣ болотъ, на болѣе или менѣе возвышенныхъ бугоркахъ, площадь которыхъ настолько велика, что двѣ юрты едва помѣщаются; по долинѣ же р. Эдиръ и р. Селенги лѣтнія юрты расположены исключительно на берегу рѣкъ, что далеко не говоритъ объ «органическомъ отвращеніи монголовъ отъ воды»; картина же купающихся номадовъ исключаетъ всякую мысль отъ этомъ. Къ слову сказать, картина эта *дика* для непривычнаго глаза европейца; она, пожалуй, была бы и безнравственна, если-бы монголь, подобно европейцу, считалъ непривычнымъ быть предъ посторонними, положимъ, «*въ нижнемъ бѣльѣ*»; лѣтомъ монголь всегда голъ, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не прикрываетъ верхней части своего тѣла, что дѣлаютъ и женщины; откуда же номадъ можетъ выработать взглядъ, что де «купаться вмѣстѣ неприлично, стыдно, наконецъ, безнравственно». Чужая нагота его «не соблазнить», воображеніе его, не какъ у европейца, не испорчено, и еслибы кто-нибудь вздумалъ *пристыдить* монгола, то послѣдній непонялъ бы въ чемъ дѣло; глядя на картину купающихся, я никакихъ признаковъ ловеластничества, такъ присущаго европейцу, не замѣтилъ.....

Оставивъ шумную толпу купающихся, которая, къ слову сказать, вовсе не стѣснялась нашего присутствія, мы, вдоль берега р. Селенги, направились прямо къ броду чрезъ нее. У мѣста брода р. Селенга течетъ чрезъ перекать, шиверу, какъ говорятъ сибиряки; шивера эта залегла попередъ всего русла рѣки. Вода надъ поверхностію дна шиверы все-таки глубока, до брюха лошади, такъ что края выюка пришлось подмочить; дно, судя по шагу лошади, устлано крупнымъ камнемъ. Бродъ этотъ, при малѣйшей прибыли, дѣлается невозможнымъ и тогда нужно переправляться уже на ботахъ.

Перебравшись на лѣвый берегъ р. Селенги, мы поѣхали чистой зеленой площадью лѣса, состоящаго исключительно изъ тополя. Лѣсъ этотъ хотя и не густой, но верхушки деревьевъ настолько кудреваты и обильны зеленой листвою, что не пропускаютъ сквозь себя знойныхъ лучей солнца и мы съ удовольствіемъ дышали лѣсной прохладой, полной грудью вдыхая пріятный аромат зелени... Чѣмъ дальше мы уклонялись отъ берега рѣки Селенги, тѣмъ рѣже и рѣже становился лѣсъ, покуда, наконецъ, не перешелъ въ разрозненные, вдали другъ отъ друга одиноко стоящія деревья; причемъ тополь замѣнился ивой. Кочевьевъ близъ брода и дальше нѣтъ. Почва долины, какъ въ лѣсу, такъ и на открытомъ мѣстѣ песчана, заросла преимущественно полынью, близъ подошвы же горъ растетъ хорошая кормовая трава. Площадь долины во многихъ мѣстахъ изрыта старыми руслами р. Селенги; русла эти, повидимому, теперь рѣдко наполняются водой; ложе ихъ покрыто наносомъ земли и заросло густой травой.

Горы, сопровождающія долину лѣваго берега р. Селенги, и извѣстныя подъ именемъ Буй-Лесете-Урь, продолжаютъ удерживать свой, описанный выше, характеръ, т. е. не высоки, пологи и обнажены; чѣмъ дальше тянутся эти горы внизъ по р. Селенгѣ, тѣмъ все больше и больше отодвигаются на сѣверъ, сильно тѣмъ самымъ расширяя долину, такъ что ширина ея и плюсъ ширина праваго берега равняется, по словамъ монголовъ, болѣе чѣмъ двадцати верстамъ. Наконецъ, хребетъ Буй-Лусете-Урь дѣлаетъ подъ угломъ поворотъ къ сѣверу и теряетъ свое прежнее имя и отъ поворота называется уже *Тушикъ*. Отъ начала поворота и дальше склоны хребта Тушикъ, переимѣнивъ названіе, измѣняютъ и свой видъ; колѣно изгиба уже покрыто кустарниками, которыя, густо разросшись у подошвы, запалзываютъ далѣе, чѣмъ до середины горнаго склона, затѣмъ—чѣмъ дальше внизъ, тѣмъ все выше и выше

подымаются кустарники, пока, наконецъ, не покрываютъ собою и изголовья хребта *Тушикъ*. Хребетъ *Тушикъ* невысокъ, но видъ вершинъ его довольно своеобразенъ и оригиналенъ; изголовья его какъ будто-бы состоятъ изъ отдѣльныхъ, не связанныхъ между собою, остроконечныхъ конусовъ, толпой, безпорядочно, безъ всякой симметріи разставленныхъ на поверхности громаднаго, широкаго вала; основанія этихъ конусовъ, какъ сказано, не соединены между собою, а наоборотъ разобъщены болѣе или менѣе широкими горными площадками съ незначительною покатостію къ сторонѣ долины. Горныя площадки и безпорядочно толпящіяся на нихъ конусы, разнообразясь въ ширинѣ и вышинѣ, именно и дѣлаютъ видъ на хребетъ *Тушикъ* оригинальнымъ. Цѣпь конусовъ оканчивается распадкомъ *Тушикъ-Булукъ*; распадокъ узкій, склоны боковъ его пологи, направленіе текущаго по нему русла обозначается каймой тальниковыхъ кустовъ; вода ручья теряется при входѣ въ долину и далеко не достаетъ береговъ р. Селенги; по обѣимъ сторонамъ амана видны зимніе хашаны и близъ нихъ остатки китайскихъ городищъ. Остатки эти есть первые, встрѣченные нами въ селенгинской долинѣ. Въ дождливое время года, вода ручейка должно быть сильно прибываетъ, что видно изъ того, что часть долины, примыкающая къ устью распадка, на довольно широкое пространство занесена иломъ и покрыта, какъ будто нарочито, толстымъ своимъ навозомъ; появленіе этого навоза объясняется тѣмъ, что вода ручья размываетъ площади хашановъ и сноситъ въ долину Селенги накопившійся на нихъ скотскій пометъ. На удобренныхъ навозомъ мѣстахъ растутъ кусты конопли. Всмотриваясь въ верховья распадка, замѣчаешь, что склоны его боковъ идутъ правильной грядой съ множествомъ выступовъ, впадинъ и рытвинъ; склоны не покрыты древесной растительностію, а остроконечныя ихъ вершины и вовсе обнажены.

Противъ амана Тушикъ-Булука, ближе къ берегу р. Селенги, подъ тѣнью сноповидныхъ вербъ, расположено до семи лѣтнихъ юртъ монголовъ, числящихся въ Ми-гунскомъ хашунѣ. По долинѣ рѣки, кучками бродить масса журавлей (тухурикъ), а по рѣкѣ цѣлыми стадами плаваютъ со своими выводками, утки, гуси и ангирь. Приволье здѣсь этой птицѣ! Никѣмъ никогда не тревожимыя, стаи ея насъ не испугались и только лишь, удивленно гогоча, отплыли подальше отъ берега. Монголы здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не стрѣляютъ птицъ.

Совершенно ровная у начала брода чрезъ р. Селенгу — долина, чѣмъ дальше мы шли вдоль ея, тѣмъ становилась все волнистѣе и волнистѣе, причемъ богато поросла кормовыми травами. Перерѣзавъ одинъ изъ старыхъ русель р. Селенги, мы догнали торговый транспортъ китайцевъ, состоящій изъ двѣнадцати нагруженныхъ телѣгъ; въ каждую телѣгу былъ впряженъ одинъ быкъ; кромѣ этого, были еще завьючены два верблюда. Китаецъ-хозяинъ каравана сбылъ свой товаръ въ верховьяхъ р. Эдира и теперь транспортируетъ богатства Монголіи: кожи, драгоценныя мѣха, масло и проч., доставляя все это въ свой голодный Китай. Транспортъ сопровождали три барлука (работника) изъ монголовъ. Послѣ незначительнаго перехода вмѣстѣ съ нами, караванъ этотъ, выбравъ удобное мѣстечко, остановился для просушки подмоченныхъ вещей. Дѣло въ томъ, что во время брода чрезъ рѣку Селенгу товаръ подмочился и китаецъ, замѣтивъ это, вынужденъ былъ остановиться, чтобы просушить его.

Оставивъ китайцевъ, мы пошли вдоль берега р. Селенги, которая, невдалекѣ отъ Амана Туштукъ-булука, разбивается на два рукава и образуетъ громадный по ширинѣ островъ, поросшій замѣчательно густой и высокой травой. Берега острова круты, высоки, обрывисты; длина его до полуторыхъ

версть, ширина же до одной версты. После соединенія обѣихъ русель р. Селенги продолжаетъ течь правымъ своимъ берегомъ близъ подошвы горъ *Оборъ-булукъ*; долина рѣки совершенно очищается отъ древесной растительности, дѣлается ровной, песчано-каменистой. Прямо впереди дороги, на востокѣ, мы увидѣли отличающійся своею зубчатою, гребне-видною вершиною хребетъ *Елесетей*. Хребетъ этотъ идетъ съ юга на сѣверъ и оканчивается у берега р. Селенги скалой; ѣхавшій съ нами монголъ скалу эту называлъ *Шабага*. Сильная жара не позволила намъ доѣхать до скалы Шабага. Мошки гибель, комаровъ тоже; насѣкомыя эти мучили насъ и лошадей, такъ что мы сочли за лучшее остановиться на берегу р. Селенги и переждать пока сдѣлается жаръ и затѣмъ уже «по холодку» ѣхать дальше; но послѣднее не пришлось исполнить, такъ какъ вскорѣ послѣ нашей остановки, къ палаткѣ подѣхалъ одинъ монголъ, за нимъ другой и третій. Номады оказались хорошими сказочниками и я, воспользовавшись случаемъ, успѣлъ записать двѣ сказки, которыя и будутъ приложены мною къ концу этого дневника.

7 августа. Внизъ по р. Селенгѣ. Отъ мѣста ночевки мы не пошли вдоль самаго берега р. Селенги, потому что тогда, слѣдуя направленію теченія рѣки, пришлось бы огибать большую дугу и все-таки отойти отъ берега рѣки, такъ какъ отъ ногъ хребта Тушить отвѣсной конечностію своею упирается въ лѣвый берегъ р. Селенги и тѣмъ лишаетъ возможности прохода, тогда какъ между хребтомъ Тушить и началомъ отгона есть Дурильджи (горный перекалъ). По направленію къ среднему пункту Дурильджи мы и пошли.

Какъ и вчера, дорога идетъ широкой равниной; грунтъ ея песчаный и покрытъ густорастущимъ волосцемъ и пиреемъ. Мѣстами же есть болѣе или менѣе значительныя россыпи мелкаго галешника. Рѣка Селенга продолжаетъ правымъ своимъ

берегомъ жаться къ подошвѣ горъ; покатыя площади этихъ горъ обнажены отъ древесной растительности и, какъ видно по этимъ обнаженіямъ, покрыты залежами бѣлаго песку.

Послѣ получасоваго перехода отъ мѣста ночевки, между горъ праваго берега р. Селенги мы увидѣли распадокъ, называющійся *Ухтоль*. Распадокъ *Ухтоль* вышелъ съ сѣверо-запада, широкъ, склоны его боковъ покрыты лиственничнымъ лѣсомъ; изъ вершины его вытекаетъ довольно значительный ручей, но теченіе его не достигаетъ и середины селенгинской долины и теряется въ песчаной почвѣ. Въ свою очередь съ горъ сопровождающихъ слѣва долину р. Селенги, не доходя *Дурильджи*, вышло устье распадка. Вверхъ по этому распадку хотя и есть русло, но оно даже въ верховьяхъ своихъ безводно. По обѣимъ сторонамъ амана распадка есть остатки китайскихъ городищъ такого-же типа, какъ и въ долинѣ р. *Билтысь*, т. е. съ круглой оградой и безъ слѣдовъ башенъ. Часть этихъ городищъ расположена у самой подошвы горъ, а другая часть кучъ, меньшихъ по объему на покатыхъ плоскостяхъ горнаго склона. Одною изъ этихъ кучъ монголы воспользовались и устроили на ней «Мани»: изъ камней кучи, на верхушки ея сдѣлали нишу, въ середину ниши поставили четырехугольную каменную плиту, на которой и вырѣзали тибетскимъ начертаніемъ шесть священныхъ звуковъ: «ом-ма-ни-бад-ме-хомъ». Кстати сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу этихъ таинственныхъ шести священныхъ звуковъ. Каждый монголъ, будь-то: мужчина или женщина, считаетъ своею свящею, спасительною обязанностію постоянно, не умолкая, мысленно или въ слухъ произносить *Зурганъ эрдени бишикъ*, т. е. упомянутые нами выше шесть священныхъ звуковъ. Что такое значать въ переводѣ эти *Зурганъ - Эрдени - бишинъ*, нашимъ ученымъ и до сихъ поръ не удалось открыть. Одни изъ исследователей звуки эти считаютъ тибетскими (*Хрисанфъ*),

другіе индійскими (Васильевъ, Ковалевскій); тѣ и другіе пытаются ихъ перевести и уяснить точное значеніе ихъ. Не вдаваясь въ разсужденія о томъ, насколько удачно достигнуты попытки объясненій значенія слова ом-ма-ни-бад-ме-хомъ, мы со своей стороны склонны думать, что дѣйствительное значеніе этихъ звуковъ буквально соотвѣтствуетъ нашему: Господи помилуй. Забайкальскіе ламы (селенгинцы и хоринцы), знакомые съ русскимъ языкомъ звуки «Мани» и ихъ символическое значеніе сравниваютъ: «Господи помилуй» и видятъ въ томъ и другомъ одинаковый смыслъ; мало этого, разлагаютъ нашу молитву на составные звуки, которыхъ также шесть: гос-по-ди-по-ми-луй и вѣрятъ въ одинаковую ихъ чудодѣйственную силу; произносятъ ихъ съ такимъ же благоговѣніемъ и рядомъ со своимъ «мани» пишутъ на скалахъ и деревьяхъ. Что же касается попытки Ар. Нила придать звукамъ «мани» значеніе указанія на шесть классовъ существъ, т. е. тенгериновъ, асуриновъ, людей, безсловесныхъ тварей, биритовъ и обитателей преисподняго міра*), то это въ полномъ смыслѣ «labor impobus», какъ выразился самъ Ар. Ниль, говоря о трудѣ оріенталистовъ уяснить таинственный смыслъ «мани». Сравненіе Ар. Нила «тибетскихъ реченій» съ монгольскими названіями шести категорій существъ, обитающихъ во всемъ мірѣ, не имѣетъ основаній. Для ясности дѣла приведемъ это сравненіе:

Ом или умъ соотвѣтствуетъ монгольскому, пишетъ изслѣдователь, Тенгери

ма	-	-	-	-	-	ассури
ни	-	-	-	-	-	кумун
бад	-	-	-	-	-	адагус
ме	-	-	-	-	-	бирит
хомъ	-	-	-	-	-	тамо (а)

*) Буддизмъ разсм. въ отнош. къ посл. его, обит. въ Сибири Соч. Нила Ар. Яр. ст. 170. Тамъ-же стр. 169.

Ни одинъ изъ ученыхъ ламъ (зурухайчи), съ которыми мнѣ удавалось говорить по поводу значенія «мани» не соглашался съ сопоставленіемъ звуковъ его, какое сдѣлалъ Ар. Ниль, напротивъ всѣ единогласно утверждаютъ что «ом-мани-бад-ме-хомъ» есть молитва, произносимая которую, человѣкъ вызываетъ къ верховному существу (Буддѣ) и проситъ у него вниманія къ своимъ духовнымъ нуждамъ.

Близъ китайскихъ городищъ расположены зимніе хашаны монголовъ числомъ до семи. По долину бродитъ масса скота, преимущественно лошадей; лошади, въ большинствѣ, гнѣдой масти, чего мы не встрѣчали до береговъ р. Селенги, такъ какъ въ Дархатской долину, въ Мурино-Хажу, Бугдугунѣ Буксоѣ и т. преобладающая окраска шерсти лошадей преимущественно бѣлая, что отмѣчено и Гр. Н. Потанинымъ.

На вершинѣ Дурильджи есть двѣ кучи китайскихъ городищъ в «мани», столбъ котораго высокъ и выложенъ изъ гранитныхъ плитъ. Сходъ съ Дурильджи идетъ каменной твердой для ѣзды рытвиной. Розсыпи камня, обратившіяся въ крупный песокъ (съ горошину), съ Дурильджи далеко осунулись въ долину р. Селенги и на значительное разстояніе засорили площадь, примыкающую къ перекату. За Дурильджи, съ сѣвера устьемъ своимъ вышла большая широкая долина р. *Буинту-голь* (Буинъ—добродѣтель, голь—рѣка). По разсказамъ монголовъ, р. Буинту-голь многоводна, съ быстрымъ глубокимъ теченіемъ, но теченіе этой рѣки не доходитъ до долины р. Селенги и теряется въ широкой песчаной равнинѣ. Въ верхъ по р. Буинту-гольъ есть дороги въ Хатхульскій, Хухойскій и Дархинтуйскій харулы; дорога эта проходитъ чрезъ слѣдующія урочища: 1) вершина Буинту-гола; 2) Хитыйн-Гавсха-модонъ; 3) Шара-долонъ; 4) спускъ въ долину р. Саганъ-Бургасаъ—правый притокъ р. Иги; 5) бродъ чрезъ Игу; 6) Алаксара (Хухойскій харуль) и дальше Дархинтуйскій

харуль. Отъ Алаксары же, по распадку Шибутей, дорога ведетъ въ Хатхульскій харуль и къ южному концу оз. Кубсгула.

Противъ р. Байнту-голь, справа р. Селенги, вышло устье распадка Елесетей (песочная). Рѣка *Елесетей* въ вершинахъ своихъ обильна водой, но, точно также какъ и Байнту-голь, не доноситъ своихъ водъ до долины р. Селенги. Распадокъ *Елесетей* очень широкъ, правую сторону его составляетъ высокій горный хребетъ того же имени (Елесетей), остроконечныя, зубчатая гребнемъ вершины котораго мы видѣли вчера, склоны хребта, ровно какъ и дно распадка покрыты залежами бѣлаго песку, отъ чего хребетъ и распадокъ и получили свое названіе.

Въ нѣсколько десятковъ саженой разстоянія отъ Дурильджи, по направленію верховьевъ р. Байнту-голь разбросана масса остатковъ китайскихъ городищъ. Кургесе-чило огорожены, какъ видно, не четырехугольной оградой, а круглой. Судя по обваламъ, городища были построены изъ плитъ краснаго гранита; плиты эти разбросаны теперь на болѣе или менѣе широкое пространство и сильно засорили площадь долины. Матеріаль для построекъ доставляли горы, сопровождающія лѣвый берегъ долины р. Буинту-голь.

Вообще, касательно горъ, служащихъ боками распадка Буинту-голь, нужно замѣтить, что они невысоки, вершины ихъ округлены, съ покатыми склонами, обнажены и только лишь въ отдаленнѣйшей перспективѣ своихъ верховьевъ, покрыты, какъ замѣтно, лѣсомъ. Конечности этихъ горъ у входа въ долину р. Селенги скалисты, подошвы этихъ скалъ засорены горными обвалами. Хребетъ Елесетей, напротивъ, высокъ и остроконеченъ и по изголовьямъ своимъ покрытъ лѣсомъ; противъ устья распадка есть лѣтнія юрты монголовъ. Сама долина р. Селенги, обѣихъ ея береговъ удерживаетъ видъ

полукруга, поперечникъ котораго равняется болѣе чѣмъ двадцати верстамъ. Сторону этого полукруга представляетъ съ востока хребетъ Елесетей, идущій подъ дугой съ юга на сѣверъ и у берега р. Селенги подъ тупымъ угломъ загибающійся на востокъ; уголь загиба его и есть именно та скала, которую мы видѣли вчера и которую монголь называлъ намъ «*Шабага*». Отъ колѣна Шабага дальнѣйшее продолженіе хребта Елесетей называется уже *Шара-Шадакта*. Правая сторона долины р. Селенги заросла тополями и ивой; долина же лѣваго берега рѣки чиста и только лишь прибрежья узкой полосой окаймлены, точно живой изгородью, тополями и ивой. Нужно отмѣтить, что долина лѣваго берега р. Селенги, начиная отъ Дурильджи, теряетъ песчаной характеръ своей почвы и поверхность ея покрыта песчановидными розсыпями краснаго гранита; растительностию бѣдна и не представляетъ изъ себя выгодныхъ условій для пастьбы табуновъ. Берега р. Селенги справа пологи, слѣва-же круты, высоки и обрывисты. Кстати здѣсь отмѣтить общее характеристическое свойство береговъ описываемой нами рѣки, —именно, что тотъ берегъ ея, который примыкаетъ ближе къ подошвамъ горъ всегда пологъ, песчанъ и близъ скалъ покрытъ розсыпями галешника; берега же, обращенные къ равнинѣ, круты, высоки, обрывисты и неудобны для спусковъ съ нихъ къ ложу рѣки. Такое очертаніе береговъ своихъ р. Селенга имѣетъ отъ самаго своего начала. Дальше отъ Дурильджи теченіе р. Селенги тихо, глубоко и шириной болѣе сорока саженьей, мѣстами же, послѣ отбоя отъ скалъ, гораздо шире.

Миновавъ устье долины Буинту-голъ, мы вскорѣ прошли мимо амана другого распадка, именно *Баинту-сарь*. Распадокъ Буинту-сарь очень широкъ; чрезъ вершину его, которая недалеко отстоитъ отъ устья, виднѣнъ высокій лѣсистый хребетъ, идущій правильной грядой съ запада на востокъ; какъ

впоследствии мы узнали, хребетъ этотъ сопровождаетъ правый берегъ р. Иги. Близъ устья Буинту-саря, расположено до шести монгольскихъ лѣтнихъ юртъ; юрты все новенькія, чистенькія, русановъ не видно. Что касается послѣднихъ, то нужно замѣтить, что начиная отъ береговъ р. Эдира и до настоящаго пункта, мы нигдѣ не встрѣчали русановъ, —этой жалкой пародіи на жилище человѣка.

Противъ Буинту-саря, на той сторонѣ р. Селенги, вышелъ аманъ распадка *Халтыней*, а рядомъ съ нимъ *Хуху-Хатлу*. Все эти три распадки широки и хоть имѣютъ русла, но онѣ всегда сухи. Подъемомъ вверхъ по Хуху-Хатлу есть дорога къ берегамъ р. Иги. Горы, идущія вдоль лѣваго берега Хуху-Хатлу, перегораживаютъ долину р. Селенги и оканчиваются отвѣсной высокою скалою у берега ея.

Послѣ пятичасоваго перехода отъ мѣста ночевки, мы рѣшили остановиться на ночлегъ у подошвы горы Хуху-Хатлу и расположились таборомъ близъ пяти монгольскихъ юртъ. Все пять юртъ новенькія, довольно обширныя; хозяева ихъ видимо зажиточны; близъ юрты есть загороди, ставки; на берегу рѣки видны лодки, а вокругъ кочевьевъ бродить не мало разнаго скота. Покуда мы занимались уборкой вещей и постановкой палатки, къ намъ, по обычаю, собрались монголы. Перезнакомившись со своими гостями-сосѣдями, я, въ свою очередь, пошелъ въ ихъ юрты. Номады этой кочевой колоніи, сравнительно съ номадами Джаргаланты, что близъ устья р. Эдира, уже не такъ патріархальны, наивно-просты, но далеко плутоватѣе. Близость Урги и Кяхты, куда они часто ѣздятъ, видимо имѣетъ свое вліяніе. Счета на «шарацай» и «цынъ», тутъ уже не слышно: его въ разговорѣ съ русскими замѣняетъ «цилковы», т. е. нашъ рубль, «мунгу» (сереб. деньги), «зигъ» (мѣдныя); при каждомъ удобномъ случаѣ, номады эти стараются щегольнуть своею бивалостію и всезнайствомъ, а также

и знакомствомъ съ ороссами (русскими) и ихъ обычаями. Къ слову сказать, знакомство номадовъ съ русскою жизнію чисто внѣшнее, крайне узкое и нейдетъ дальше свѣдѣній, что «у русскихъ избы большія, въ нихъ сильно жарко и много *«хат-пагай»* (клоповъ); ѣдятъ русскіе печеный хлѣбъ и *тылысу съ травой* (вѣроятно, щи съ капустой), сильно пьютъ архи (водку), отъ которой сильно болитъ голова; послѣднее номады хорошо знаютъ изъ собственнаго опыта; церкви въ Кяхтѣ—точно горы, много лавокъ, еще больше воровъ и т. д. въ родѣ этого. Какъ народъ бывалый и «сайн тянял оросейн замъ» (хорошо знающіе русскій обычай), номады описываемой нами степной колоніи свободны были въ обращеніи съ нами и не приходили въ удивленіе отъ всякой мелочи, блестящей вещи, не разсматривали нашего костюма и багажа; часы имъ знакомы, свѣчи и спички тоже, даже вертящаяся стрѣлка компаса не приводила ихъ въ удивленіе. Помню я какъ одинъ изъ монголовъ береговъ Эдира, будучи вечеромъ въ моей палаткѣ, счелъ фонарь съ горящей въ немъ свѣчей, ярко отражающей въ рефлекторѣ свѣтъ, за бурхана и, приложивъ руки ко лбу, сдѣлалъ предъ нимъ молитвенный поклонъ. Ничего подобнаго нельзя ожидать отъ номадовъ—сосѣдей нашихъ въ данную минуту. Званіе же русскихъ кяхтинскихъ обычаевъ, между прочимъ, отразилось и на томъ, что монголы не хотѣли намъ продать годовой овцы дешевле пяти рублей и мы вынуждены были заплатить имъ эту неслыханную раньше цѣну; обыкновенно овца не обходилась намъ дороже трехъ рублей, бывали же случаи, что такую же овцу покупали и за рубль.

Въ этой колоніи мнѣ, между прочимъ, удалось побывать на одномъ изъ семейныхъ праздниковъ номадовъ, называемомъ *усуней сарь* (праздникъ волосъ). Суть этого праздника вотъ въ чемъ: когда дитяти исполнится *три года отъ дня рож-*

денія*), въ извѣстный день собираются въ юрту родителей дитяти родственники и сосѣди и исполняютъ обрядъ «*первой стрижки волосъ*». Стричь голову начинаетъ лама, прочитавъ предварительно положенныя на то молитвы, затѣмъ отецъ, мать, а потомъ, по старшинству и близости родства все собравшіеся гости; но при этомъ строго соблюдается требованіе обычая, чтобы каждому участнику обряда досталось возможность отрѣзать хоть маленькій клочекъ волосъ отъ головы дитяти; строго соблюдается также и другое требованіе обычая, по которому волосы на вискахъ дитяти должны быть не тронутыми. Законность требованія исполненія послѣдняго обычая, т. е. неприкосновенность висковъ, одинъ лама объяснилъ мнѣ такъ: «у трехлѣтняго дитяти, говорилъ лама, неясны еще наклонности, по которымъ можно было бы опредѣлить будущее общественное положеніе его», т. е. въ этотъ періодъ возраста неосмысленнаго дитяти трудно угадать и сравнительно точно опредѣлить, захочетъ ли дитя посвятить свою жизнь богу и сдѣлаться ламой, если то мальчикъ, или шабагандой (дѣвственницей), если то дѣвочка; или же предпочтетъ быть хара хуномъ, т. е. простымъ смертнымъ. Послѣ же пятилѣтняго возраста, когда дитя само пожелаетъ идти въ курень учиться или же родители замѣтятъ склонность дитяти къ религіознымъ занятіямъ (задумчивость, ухаживаніе за бурхани имре, смышленность, скорое заучиваніе молитвъ) и на основаніи этого рѣшаютъ, что «*быть ему ламой*», тогда устраивается новый праздникъ и дитяти обрѣзываютъ виски и брѣютъ всю голулу. Если же послѣ пятилѣтняго возраста не замѣчается у дитяти расположенности къ ламамъ, напротивъ боязнь къ нимъ, то родители опре-

*) Фразу „отъ дня рожденія“ мы нарочито подчеркнули, потому что у монголовъ, равно какъ и у бурятъ счетъ возраста челоѣка ведется не отъ дня рожденія, а отъ времени оплодотворенія женщины, такимъ образомъ, дитя только что родившійся на свѣтъ, считается прожившимъ уже одинъ годъ, но не девять мѣсяцевъ, какъ бы то слѣдовало считать, если бы взять былъ во вниманіе періодъ беременности женщины.

дѣлаютъ, что чадо ихъ должно быть хара хуномъ; тогда отращиваютъ на макушкѣ дитяти пучекъ волосъ, остальную же часть волосъ обрѣзываютъ; когда этотъ пучъ волосъ настолько выростетъ, что его можно заплестъ хоть въ маленькую косичку, то, уже безъ всякаго обряда, обрѣзываютъ волосы на вискахъ и дитя ходитъ съ косичкой. Обрѣзать же всѣ волосы на головѣ сразу нельзя, потому что въ противномъ случаѣ, сами родители, такъ сказать, безъ воли дитяти, безъ его согласія, опредѣлили бы участь его. Обрѣзываніе волосъ на всей головѣ строго воспрещается, и разъ дитяти если-бы не оставили на вискахъ волосъ, то тѣмъ самымъ родители обязаны были бы готовить дитя къ ламскому званію, хотя бы, въ послѣдствіи, это же дитя и противилось своему причисленію въ духовное званіе, обнаженная отъ волосъ голова есть священный знакъ ламскаго служенія. Арх. Нилъ въ своемъ трудѣ «Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири» несправедливо замѣчаетъ, что будто-бы «ламы, усвоивъ себѣ таинственныя знанія.... по неложному указанію кабалистики своей, что и кому служить къ счастью и что готовить неминуемую бѣду..... Подобной мистификаціи подвергаются и лица. Чтобъ отвратить случившееся или грядущее несчастье, ламы обрекаютъ дѣтей, по своему усмотрѣнію, въ духовное званіе. Дѣлаютъ это и при самомъ рожденіи, увѣряя родителей, что жизнь и счастье новорожденного и даже цѣлаго семейства зависитъ отъ исполненія таковой воли боговъ» (258—259 стр.).

Изъ приведеннаго нами выше объясненія обряда «стрижки волосъ» читатель ясно видитъ неосновательность соображеній Ар. Нила относительно вербовки ламъ. Раньше пяти—шестилѣтняго возраста, какъ періода по убѣжденію монголовъ, осмысленнаго отношенія дитяти къ окружающему, родители никакъ не рѣшаются опредѣлять будущее положеніе или, точнѣе,

общественное состояніе своего дитяти; родители *могутъ желать*, чтобы дитя ихъ было ламой и съ этой стороны возможна «мистификація» ламъ; эти же родители, *желая*, могутъ и внушать дитяти желаніе быть ламой, могутъ готовить его къ этому званію, вообще могутъ такъ или иначе воздействовать на принятіе духовнаго званія, но отнюдь не вправѣ предназначать дѣтей своихъ къ духовному служенію отъ дня ихъ рожденія и до пяти-лѣтняго возраста; это запрещаетъ, какъ монгольское уложеніе (токтомъ), такъ равно и практика обычаевъ, освященныхъ древностію.

Исполняя обрядъ Усудей саря, родственники, какъ и вообще все гости, дарятъ дитяти — кто овцу, кто корову, быка, лошадь, одежду и разныя вещи въ подаркахъ: каждый руководствуется своимъ состояніемъ и близостію родства. Обрядъ стрижки волосъ оканчивается, по обычаю всехъ въ мірѣ праздниковъ, веселой пирушкой. Повторяемъ, что въ обрядѣ усудей сарь нельзя не видѣть гуманности, если можно такъ выразиться, отношенія родителей къ дѣтямъ и отсутствія насилій со стороны родителей, не рѣшающихся брать на себя инициативы опредѣленія будущей участи дитяти.

Обряда стрижки волосъ и соединеннаго съ нимъ семейнаго празднества, я не встрѣчалъ у бурятъ тункинскаго вѣдомства, не знаю его и у бурятъ, кочующихъ въ балаганскомъ округѣ, хотя среди тѣхъ и другихъ я прожилъ болѣе восьми лѣтъ и былъ съ ними въ самыхъ, такъ сказать, непосредственныхъ отношеніяхъ; на основаніи чего съ увѣренностію могу утверждать, что обряда «усудей сарь» упомянутыхъ нами выше бурятъ, нѣтъ. Зато обычай, аналогичный усудей сарю, я знаю въ Малороссіи и именно въ полтавской губерніи, гдѣ въ годовой день рожденія дитяти, точно также въ домъ родителей собираются родственники, гости и непременно кумъ и кума. По требованію обычая, дитя садятъ

непремѣнно на вывороченный на изнанку кожухъ (овчинный тулупъ); кумъ же, въ присутствіи собравшихся гостей, долженъ наголо остричь голову своего крестника; гости и кума, равно какъ и родители не участвуютъ въ стрижкѣ дитяти. Послѣ исполненія обряда, кумъ, родители, родственники—кто чѣмъ можетъ, *«обдѣляютъ подарунками дытыну»*. Обрядъ этотъ въ Малороссіи находится на стадіи выживанія, и, насколько мнѣ помнится, объясненіе значенія его невѣдомо, онъ свелся на значеніе пустаго формальнаго исполненія *«завычая дідіва»* старіе люди такъ робылы, тай намъ завіть дали».

У монголовъ же, какъ мы видѣли, обрядъ усуней саря осмысленъ. Помимо высказанныхъ уже нами объясненій этого обряда, онъ еще имѣетъ и другой глубокой смыслъ. Дѣтей, недостигшихъ трехлѣтняго, со дня рожденія, возраста, номады не считаютъ еще жильцами этого міра; по ихъ, впрочемъ, совершенно вѣрному убѣжденію, жизнь дѣтей этого періода возраста подвержена массѣ всякаго рода случайностей, имѣющихъ своимъ послѣдствіемъ смерть. Номады говорятъ, что въ этотъ періодъ, т. е. до трехъ лѣтъ, организмъ дитяти еще не окрѣпъ и оно *«твердой ногой не ступило еще на землю»*. Дѣйствительно, маломальски серьезная болѣзнь дитяти, при условіяхъ жизни номадовъ, отсутствіи ухода за дѣтьми, неумѣніи и венмѣніи чѣмъ помочь во время болѣзни, эта послѣдняя въ громадномъ большинствѣ случаевъ оканчивается смертію дитяти. Послѣ же трехлѣтняго возраста организмъ дитяти *«крѣпнетъ»* (бук. выраженіе), болѣзни рѣже постигаютъ и у родителей является увѣренность, что дитя будетъ расти, будетъ *«жильцемъ этого міра»*—газараца дере гуль тябясанъ байна», т. е. (дитя) поставило ногу на землю, какъ говорятъ монголы про дитя, достигшее трехлѣтняго возраста. Такъ вотъ обрядомъ стрижки головы, по объясненію того же ламы, номады празднуютъ *«явленіе человѣка въ міръ»*, хотятъ тор-

жественно констатировать тотъ фактъ, что дитя миновало всѣ опасности, а потому причисляется къ обществу живущихъ въ этомъ мірѣ людей; а такъ какъ дитя, какъ и всѣ жильцы этого міра, имѣетъ нужду въ матеріальномъ обезпеченіи, необходимомъ для поддержанія и продолженія своего существованія въ этомъ мірѣ, и при входѣ въ него, кромѣ души, ничего не приноситъ съ собой, то родители и родственники, по обычаю монголовъ, обязаны дать дитяти матеріальныя средства къ жизни, что и исполняютъ они приношеніемъ подарковъ». Какъ при отходѣ души въ горній міръ, родственники должны снабдить ее всѣмъ необходимымъ, такъ и при новомъ появленіи въ міръ обязаны дать средства къ существованію», закончилъ свои объясненія лама, толковавшій мнѣ значеніе «усуней саря».

Какъ видите, обрядъ «усуней сарь» имѣетъ глубокое символическое значеніе, и я, желая поближе познакомиться съ этимъ обрядомъ, пробылъ въ юртѣ до конца обряда и пирушки...

Съ самаго утра сегодня день былъ жаркій, тихій, солнечный; съ двухъ же пополудни часовъ подулъ съ запада вѣтеръ, показались тучи; тучи эти вскорѣ заволокли горизонтъ, а затѣмъ пошелъ сильный дождь, освѣжившій накалившійся отъ дневнаго жара воздухъ. Въ четыре часа дождь стихъ, горизонтъ очистился и солнце закатилось при тихой прекрасной погодѣ.

8 августа. Внизъ по р. Селенгѣ. Хотя мы подъ вчерашнимъ числомъ и отмѣтили, что солнце зашло при ясной, безоблачной погодѣ, но ночью опять шелъ сильный дождь... шелъ утромъ до восьми часовъ и ничто не говорило противъ того, что будетъ онъ идти и днемъ, такъ какъ надъ горизонтомъ толстымъ слоемъ нависли грязныя, глинистыя тучи; послѣ же восьми часовъ дождь пересталъ только лишь *лечь*, но не *моросить*. Не смотря на такое «мокрое» состояніе по-

годы, мы все-таки рѣшились сняться съ мѣста и продолжить путь. Состояніе сегодняшней погоды напоминаетъ мнѣ ненастья, которыя были во время пребыванія нашего на берегахъ р. Буксой, Шобутей, Наять, Модонъ, Мусу-Турунъ и проч., гдѣ насъ по цѣлымъ днямъ мочилъ дождь. Но въ только что указанномъ нами мѣстахъ стоило только солнышку скрыться за тучи, подуть вѣтру, взбрызнуть дождику и —хоть шубу надѣвай! Сейчасъ же обдавало сильнымъ холодомъ и отгоняло всякую мысль, что это июль мѣсяць, середина лѣта, пора жаровъ и зноя; напротивъ такъ и казалось, что это глубокая, скверная осень, съ ея холодами и ненастьями. О ночахъ же и говорить нечего, даже шубы, чтобы согрѣться, иногда было недостаточно (*sic*); ненастную погоду утромъ всегда сопровождали иней, а въ долину р. Буксой 24 июля шелъ даже снѣгъ и былъ настоящей морозъ. Между тѣмъ, какъ въ долину рѣки Селенги совсемъ другой «климатъ», не только что въ ясные дни, даже въ ненастья вовсе не холодно, облачный лѣтній день и дождь всегда сопровождаются теплой погодой; ненастье и дождь освѣжаетъ, а не заставляетъ дрожать отъ холода; объ инеяхъ, морозѣхъ и снѣгѣхъ въ лѣтнюю пору кочевники Селенги не имѣютъ и понятія; иней и морозы, по рассказамъ номадовъ, начинаются только лишь съ сентября мѣсяца. Дѣлая переходъ до береговъ р. Селенги, мы каждое утро были рады появленію обогрѣвающего насъ солнышка; ступивши же на берега р. Селенги --наоборотъ, послѣ знойнаго дня мы каждый вечеръ задавали себѣ вопросъ: ну что будетъ ли завтра мучительная жара, или же солнышко, скрывшись за облака, не лишитъ насъ прохлады и облачное утро мы всегда привѣтствовали, а не бранили, какъ то было до береговъ р. Селенги. Такъ что и сегодня, хотя въ перспективѣ и грозила бѣда: быть вымоченными, зато мы были увѣрены, что намъ не придется дрожать отъ холода.

И такъ не смотря на ненастье, мы все-таки снялись съ мѣста и продолжили проходъ вдоль лѣваго берега р. Селенги.

Берегъ Селенги обрывистъ, высокъ, песчанъ, теченіе быстро; мѣстами русло развѣтвляется на два рукава и правымъ берегомъ идетъ ближе къ горамъ, которыя, какъ мы уже знаемъ, называются *Шара-Шадакта*. Долина праваго берега рѣки состоитъ изъ пологато, плоскаго склона горъ, который, судя по обнаженіямъ, имѣетъ глубокія залежи песку. Съ хребта Шара-Шадакта, съ юга, недалеко другъ отъ друга вышли устья двухъ широкихъ распадковъ: а) *Берхе-Булукъ* и б) *Нарманъ*. Склоны горныхъ боковъ обѣихъ распадковъ пологи, въ изголовьяхъ покрыты листвяничнымъ лѣсомъ; русла ручейковъ водны только въ верховьяхъ своихъ; близъ устьевъ ихъ расположено до шести монгольскихъ лѣтнихъ юртъ.

Горы лѣваго берега долины р. Селенги, начиная отъ распадка Хуху-Хашу, въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи къ востоку, называются *Шараскай*; изъ этихъ горъ вышелъ въ долину широкій аманъ распадка *Дересхе*; русло распадка безводно; по склонамъ его видны зимніе хашаны. Вершина распадка недалеко; ее ясно видно съ долины р. Селенги и похожа она своими очертаніями на громадную площадь параллелограмма; изголовья вершины покрыты лѣсомъ, бока же распадка круты и обнажены какъ въ основаніяхъ своихъ, такъ и въ вершинахъ. У устья распадка есть большое круглое озеро; берега озера болотисты, кочковаты и заросли камышемъ.

Долина рѣки Селенги широка, мѣстами болотиста и сыра, въ мѣстахъ же, примыкающихъ къ берегу р. Селенги, есть залежи галешника. Луговая часть долины покрыта роскошной кормовой травой—преимущественно пиреемъ, ростъ котораго выше брюха коня. Вообще нужно замѣтить, что долина р. Селенги въ такомъ изобиліи поросла кормовыми травами, что не смотря на то, что по ней бродитъ масса разнаго скота

и вытраиваютъ кормъ, трава все-таки густа, высока и въ дали отъ кочевьевъ вполнѣ годна для косьбы; но номады здѣшнихъ мѣстъ кажется и понятія не имѣютъ о томъ, что есть нужда въ косьбѣ сѣна и заготовкѣ его на зиму.

Во время проѣзда мимо одной изъ юртъ, къ намъ примкнулъ одинъ молодой монголь. Номадъ этотъ, повидимому, былъ что называется «забубенная голова, ухарь». Коса его, съ вплетеннымъ въ нее чернымъ шелкомъ, украшена серебряными русскими монетами, толста, длинна и оканчивается шелковой же кистью; малахай (шанка) украшенъ двумя ярко-красными лентами; лицо ухаля смѣющееся, глаза плутоватые; самъ онъ то и дѣло вертѣлся на сѣдлѣ, обращаясь то ко мнѣ, то къ спутнику моему съ бѣглыми безсвязными вопросами. Между прочимъ, онъ повѣдалъ намъ, что изъ хашуна Ганжуръ ему удалось украсть (хулунши аба) дѣвушку, расхваливалъ ея красоту, ея толстыя, жирныя щеки, дородность и прочія прелести; приглашалъ насъ захватить къ нему въ юрту, что будто-бы было по дорогѣ и посмотреть на похищенную имъ «Елену прекрасную», потомъ вдругъ неожиданно спросилъ меня: какъ я думаю—тушумуть, нойтъ ташурла-гу, увелу?, т. е. «начальство чиновничество вздуютъ или нѣтъ плетми?»... Вопросъ этотъ очевидно показалъ мнѣ что подвиги парисовъ и въ Монголіи не оканчиваются безнаказанно, однимъ только лишь «взаимнымъ благополучіемъ».

Все время, покуда мы ѣхали съ этимъ довжуаномъ монгольскихъ степей, онъ рассказывалъ намъ про свои подвиги на поприщѣ похищенія разныхъ Еленъ и сообщалъ подробный перечень, сколько красавицъ платили взаимностию его пылкому сердцу.....

Съ этимъ номадомъ, интересы котораго исключительно сосредоточены были на женщинахъ, мы разстались у начала подъема на пологій дабанъ Хуху-Хашу. Дабанъ этотъ есть

отного хребта Шарасхай, перегородившей собою долину р. Селенги съ сѣвера на югъ. Хуху-Ханшу оканчивается отвѣсной скалой у лѣваго берега р. Селенги и проѣздъ подъ скалою невозможенъ; вслѣдствіе чего мы должны были оставить берегъ Селенги и идти, сначала на сѣверъ вдоль хр. Хуху-Ханшу, а потомъ, выбравъ удобный подъемъ, сдѣлать переваль чрезъ него. Избранный нами подъемъ пологъ, каменистъ, идетъ неглубокой рытвиной и вполне удобенъ для телѣжной ѣзды; также пологъ и удобенъ и спускъ. За переваломъ чрезъ Хуху-Ханшу вся долина р. Селенги находится на лѣвомъ берегу, такъ какъ правый берегъ, плотно прижавшись, идетъ вдоль подошвы хребта, вновь получившаго названіе *Гасана* и потерявшаго свое прежнее названіе — «*Шара-Шадакта*». «Гасана» въ переводѣ значить «подпорка»; такое названіе хребта, какъ помнитъ читатель, часто встрѣчается и именно хребетъ, сопровождающій правый берегъ рѣки Селенги, получаетъ названіе *Гасана* тамъ, гдѣ подошвой своей упирается въ берегъ рѣки, отходя же отъ нее, получаетъ другое собственное имя, напримѣръ, *Шарнакта*, *Шарасгай*, *Шара-Шадакта* и проч. Съ высоты дабана Хуху-Ханшу долина лѣваго берега р. Селенги кажется вся заросшей то густымъ сплошнымъ лѣсомъ, то отдѣльными, но близко расположенными другъ отъ друга, кучками тополей и вербы; очертанія окаймляющихъ ее горъ мягки, вершины ихъ пологи, покрыты лѣсомъ.

Спустившись съ подъема, мы поѣхали вдоль лѣваго берега р. Селенги и нѣкоторое пространство держались подошвы горъ и не приближались къ р. Селенгѣ. Трава въ долину богатая, какой мы еще нигдѣ не встрѣчали; почва — суглинокъ, есть небольшія поросшія камышемъ озера; близъ одного изъ такихъ озеръ расположено три лѣтнихъ юрты. Съ сѣвера долину окаймляютъ рядъ горныхъ обваловъ; близъ обваловъ расположены зимніе хашаны. Долина праваго берега оканчивается

у скалы Гасана и дальше къ востоку идутъ близъ самой подошвы горъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Алама*; лѣваго же берега долина очень широка и по ней вездѣ разбросаны лѣтнія кочевья. Съ сѣвера въ долину вышелъ распадокъ Таряйнъ-Саганъ-Ирья, на площадкахъ этого распадка расположены пашни селенгинцевъ, подошва же хребта Шарасхай болотиста. Эта часть долины рѣки, какъ и въ прежде пройденныхъ нами мѣстахъ, на востокѣ запирается отъ одного хребта, называющимся *Гунзугей-Тологой*. Кстати замѣтимъ, что отличительный характеръ теченія р. Селенги тотъ, что она не проходитъ, такъ сказать, продольной долиной, а течетъ между болѣе или менѣе широкихъ котловинъ, замыкающихся то съ юга, то съ сѣвера подошедшими къ берегамъ ея отъюгами горъ.

Мы сдѣлали переваль черезъ отъюгъ Пунзугей-Тологой и вновь спустились въ долину Селенги. Эта часть долины называется *Дельбирь-Турунъ-Тала*. Горы, окаймляющіе съ сѣвера Дельбирь-Хурунъ-Тала, называются уже не «Шарасхай», а *Хонторо*. После получасоваго перехода, считая отъ подъема на Гунзугей-Тологой, мы пришли къ берегу р. Саральджи, первому водному притоку р. Селенги.

Переходъ сегодняшній небольшой, шли мы около четырехъ часовъ и все подъ дождемъ. Дождь къ вечеру усилился, а ночью и слѣдующее утро (9 августа) просто ливня лилъ. Къ десяти часамъ ливень пересталъ было, такъ что мы собрались было въ путь, но не успѣли сложить и палатки, какъ вновь пошелъ дождь... Горизонтъ кругомъ заволокся низко нависшими тучами и мы, не желая и сегодня мокнуть подъ дождемъ, рѣшились передневать на берегу р. Селенги (мы остановились у устья р. Саральджи). Тѣмъ болѣе, что это былъ послѣдній день нашего прохода вдоль Селенги. Причины, которыя мы высказали въ своемъ маршрутѣ, заставили насъ попроситься съ Селенгой и не позволили продолжить экспедиціи; а жаль: мы

были на разстояніи шести дней ѣзды до Кяхты, мнѣ же сильно хотѣлось побывать въ ней и прослѣдить топографическое положеніе р. Селенги до нашей границы, что и входило въ первоначальный планъ экспедиціи... но что дѣлать?... Злость на неимѣніе средствъ, въ связи съ мерзкой погодой — не мало бѣсили меня.....

Г Л А В Л X X.

ВВЕРХЪ ПО Р. САРАЛЬДЖИ ДО БЕРЕГОВЪ РѢКИ ДЖАРГАЛАНТЕЙ (10 августа).

Невольно, помимо всякаго желанія, распростившись съ рѣкой Селенгой, мы направились къ сѣверу вверхъ по р. *Саральджи* къ горному перевалу, извѣстному, какъ и рѣка, подъ именемъ *Саральджи*. Подъемъ до того пологъ, что почти незамѣтенъ. Дорога идетъ сначала по песчано - каменистому грунту, а затѣмъ, чѣмъ ближе приближается къ верховьямъ р. *Саральджи*, тѣмъ становится все каменистѣе и каменистѣе. Вершины хребта обнажены отъ древесной растительности; склоны же горныхъ боковъ, сопровождающихъ теченіе рѣки, густо покрыты лиственничнымъ лѣсомъ. На вершинѣ подъема *Саральджи*, по обычаю, стоитъ обо и мани. Спускъ съ дабана нѣсколько крутъ, каменистъ и идетъ рытвиной, по которой мы и вѣхали въ долину рѣки *Эхе-Саральджи*.

Рѣка *Эхе-Саральджи* не глубока, течетъ съ сѣверо-запада по корыто-образному распадку, русло ея узко, такъ что теченіе воды почти совершенно скрыто густой, зеленою луговой травой. Склоны горъ, окаймляющихъ распадокъ съ обѣихъ его сторонъ, пологи, не покрыты древесной растительностію, имѣютъ сильно закругленное очертаніе своихъ вершинъ и только лишь въ верховьяхъ горъ виднѣется лѣсъ, точно также и близъ устья склоны правыхъ горъ въ своихъ изголовьяхъ покрыты лѣсомъ.

Эхе-Саральджи есть второй лѣвый притокъ р. Селенги; близъ устья рѣки расположены послѣднія кочевья Мигунскаго хашуна. Нужно замѣтить, что рѣка Саральджи отъ верховьевъ своихъ и до устья служитъ пограничною линіей Мигунскаго хашуна, за лѣвымъ берегомъ рѣки начинаются уже кочевья Ганжур-гунскаго хашуна, который, къ слову сказать, изстари дѣтъ отличается своими воровскими наклонностями. Князья и прочее начальство этого хашуна находится въ стачкѣ съ ворами, прикрываетъ лошадей и прочій уварованный скотъ, за что и берутъ, конечно, въ свою пользу львиную долю. Прикрываемые же и защищаемые, въ случаѣ нужды, воры очень дерзки; они знаютъ, что преслѣдованіе ихъ, благодаря такому порядку вещей, невозможно, равно какъ невозможно, если не поможетъ счастливый случай, и разыскать пропажу. Жители береговъ р. Саральджи и Селенги много терпятъ отъ своихъ сосѣдей ганжуръ-гунцевъ, и иногда, чуть ли не съ оружіемъ въ рукахъ, отстаиваютъ свою собственность. Точно такое же положеніе дѣла существуетъ между нашими инородцами идинскаго и верхоленскаго вѣдомствъ; послѣдніе, подъ прикрытіемъ властей, днємъ, цѣлыми шайками, съ оружіемъ въ рукахъ, врываются въ кочевья идинцевъ и угоняютъ скотъ. Верхоленскій тайша (главный родоначальникъ) Орхоковъ особенно прославился на этомъ поприщѣ.

Съ береговъ р. Эхе Саральджи есть три выхода: 1) къ устью р. Иги и затѣмъ Богдо-курень (Ургу). Дорога эта пролегаетъ слѣдующими урочищами: а) Ганжур-гунскій хашунъ; б) бродъ чрезъ р. Номно—лѣвый притокъ р. Селенги; в) долина р. *Одосо* (притокъ Селенги), бродъ чрезъ нее; г) долиной рѣки *Шаратель* (тоже) и бродъ чрезъ нее; е) переваль чрезъ дабанъ *Гушинъ-гурута**); ф) долиной р. Урбунъ-Хаментей; г) пере-

*) Гушинъ-гурута въ переводѣ значитъ: „тридцать косуль“. Преданіе говоритъ, что „Хушинъ-сакта“ (въ старину) по гривѣ этого дабана всегда кучкой въ 30 экземпляровъ бродили косули. Если охотникъ и убивалъ какую либо изъ числа тридцати, то убыль ея сейчасъ же восполнялась.

валь чрезъ дабанъ *Хуху* и спускъ по берегу р. того же имени (*Хуху*); g) переходъ степью *Хатхаша* и выходъ устью р. *Или*.

2) На востокъ, чрезъ переваль *Шобутей* въ курень *Ганжуръ-гунскаго хашуна*.

3) Въ *Дархинтуйскій харуль*. По этой послѣдней дорогѣ мы и намѣрены идти, но не сегодня, такъ какъ пошелъ сильный дождь и заставилъ насъ остановиться на берегу рѣки *Эхе-Саральджи*. Разбили мы свою палатку близъ табора монгола *Ми-гунскаго хашуна*. Монголь, хозяинъ табора, ѣхалъ по назначенію гуна къ *Кяхтѣ*—отбывать пограничную караульную службу, куда и кочевалъ со всѣмъ своимъ семействомъ, скарбомъ, юртой и скотомъ. При отправкѣ въ путь къ мѣсту служенія, общество хашуна дало этому сагдану въ видѣ пособія только лишь десять овецъ. Изъ разказовъ сагдана нельзя заключить, чтобы онъ неохотно ѣхалъ на службу въ харуль. Избавленіе отъ податной повинности, которая слишкомъ тяжела въ Монголіи, было приманкой для него; а извѣстно, что сагданы освобождены отъ взноса податей и другихъ повинностей, отбываютъ же только караульную службу и почтовую гоньбу.

Состояніе погоды не позволило намъ двинуться дальше въ путь; проливной дождь шелъ до вечера, шелъ и ночью; палатка наша промокла и съ нами случилось то, что было во время стоянки въ долинѣ *Наянъ-Модона*.

11 августа. Ненастые и сегодня не прекратилось. Дождь кажется и не думаетъ переставать идти. .. горизонтъ кругомъ покрытъ тучами.... намъ по неволѣ пришлось сдѣлать дневку и, такъ какъ вблизи не было нигдѣ жилья, непроизводительно затратить время... Ни за что взяться нельзя—все мокро... Хорошо еще, что тепло, а то, измокнувъ, пришлось бы дрожать отъ холода и мерзнуть. Скуку нашу раздѣлялъ сагданъ, съ нимъ мы дѣлили время, бесѣдуя о его родинѣ—долинѣ р. *Селенги* и о самой рѣкѣ, съ которой онъ простился теперь на

всю жизнь. Между прочимъ, сагданъ разсказалъ мнѣ преданіе о р. Селенгѣ. Хушинъ-Сакта, когда земля еще окончательно не была устроена, рѣка Селенга, въ противность воли бурхановъ, хотѣла быть моремъ (далай). Въ тоже отдаленное время всякая рѣка могла обратиться тогда лишь въ море, когда принимала въ продолженіи своего теченія тысячу притоковъ; такова была воля бурхановъ! Добиваясь чести быть моремъ, р. Селенга, на протяженіи своего теченія, успѣла уже собрать девятьсотъ девяносто девять притоковъ, раздвинула горы, образовала широкія круглыя долины и выбирала уже мѣсто гдѣ бы остановиться, въ это избранное мѣсто влить все свои воды и сдѣлаться моремъ—меньшимъ братомъ Байкала. Селенга вполне увѣрена была, что не смотря на нежеланіе бурхана, она будетъ имѣть все тысячу притоковъ и обратится въ море. Но не такъ случилось: бурханъ не позволилъ этого и не допустилъ рѣку Ури излить свои воды въ Селенгу; заворотилъ устье Ури къ юго-западу и сдѣлалъ ее притокомъ р. Иги. Селенга же, между прочимъ, сильно надѣялась на р. Ури. Когда случилось такъ, озлобленная Селенга затѣяла споръ съ любимой тентеринами рѣкою *Орхонъ*, старалась унижить ее и показать, что Орхонъ въ сравненіи съ нею есть ничтожная рѣчечка; но и этого не удалось сдѣлать р. Селенгѣ. Во время спора этихъ рѣкъ, вели между собою войну два племени: олюты и мон-гу. Олюты уже было побѣждали монговъ, хотѣли перейти на правый берегъ рѣки и окончательно уничтожить послѣднихъ. Р. Селенга помогла имъ, осушила часть своего дна, какъ-то сдѣлало Чермное море при выходѣ израильтянъ изъ Египта, такъ что олюты свободно всею своей массой перешли на правый берегъ; но въ это время случилось другое чудо. Орхонъ, защищая племя «мон-гу», двинулъ все свои воды, затопилъ долину рѣки Селенги, наполнилъ водою и ложе ея, такъ что олютамъ нельзя было отступить назадъ

и всё они утонули въ бурливыхъ сердитыхъ волнахъ Орхона. Съ тѣхъ поръ р. Селенга, лишенная раньше возможности быть моремъ, потеряла всякое право считаться старшей рѣкой, была унижена; Орхонъ же прославленъ и разъ навсегда признанъ старше р. Селенги. Въ воспоминаніе победы надъ олютами, теперешніе монголы, какъ бы въ благодарность за помощь, приносятъ р. Орхону жертвы; для чего во главѣ ламъ, весною, отправляются къ ея верховьямъ служить гурими и въ русло бросаютъ обязательно тридцать ланъ серебра.

Говоря о направленіи теченія разныхъ рѣкъ, мой собеседникъ Сагданъ отличался способностію ориентироваться въ опредѣленіи странъ свѣта. За правильностію его указаній той или другой рѣки я слѣдилъ по картѣ. Способность монголовъ «ориентироваться по странамъ свѣта» подмѣчена и г. Пржевальскимъ; только способность эту, возведенную путешественникомъ въ «обычай», онъ неправильно истолковалъ. На 44—45 стр. своего труда «Мон. и страна Тан.» г. Пржевальскій пишетъ: «Изъ обычаевъ монголовъ путешественнику рѣзко бросается въ глаза ихъ обыкновеніе всегда ориентироваться по странамъ свѣта, *никогда не употребляя словъ «право или лѣво»*, — словно эти понятія и не существуютъ для монголовъ. Даже въ юртѣ монголъ никогда не скажетъ: «съ правой или лѣвой руки», а всегда на востокъ или западъ лежитъ у него какая либо вещь. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что лицевою стороною у номадовъ считается югъ, а не сѣверъ, какъ у европейцевъ, такъ что востокъ приходится лѣвою, а не правою стороною горизонта». Во всѣхъ этихъ правдивыхъ замѣчаніяхъ г. Пржевальскій ошибается только лишь въ томъ, что монголы будто бы «никогда не употребляютъ словъ право или лѣво, — словно эти понятія и не существуютъ для монголовъ»... *Зунъ-тейши, барунъ-тейши*, т. е. на лѣво, на право и *Зунъ-гаръ, барунъ-гаръ*, т. е. по лѣвую, по правую руку, самыя употре-

бительнѣйшія выраженія у монголовъ для опредѣленія направленія предмета, положенія мѣстности и пр. Что же касается частей свѣта, то номады: 1) востокъ называютъ *Зунъ-тейши*, т. е. часть свѣта, лежащая по лѣвую сторону; 2) западъ — *Барунъ-зукту*, *Барувъ-тейши*, *Барунъ-хойши*, т. е. по правую руку, съ правой стороны; 3) сѣверъ называется *Арай-зунъ-хойшо*, т. е. сзади лѣвой руки; 4) югъ же *Барунъ-уракши*, т. е. впереди правой руки. Что же касается того, что у номадовъ лицевой стороной служитъ югъ, а не сѣверъ, какъ у европейцевъ, то относительно этого замѣчаніе г. Пржевальскаго совершенно вѣрно. Но нѣтъ ничего удивительнаго, что номады, сидя въ юртѣ, «опредѣляютъ положеніе предметовъ и вещей по странамъ свѣта», ему это гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ говорить: «справа, слѣва». Наши дома строятся дверью всегда или по произволу архитектора, или по произволу хозяина, или же сообразуясь съ общимъ планомъ фасада другихъ построекъ; монголы же юрту свою всегда ставятъ входнымъ отверстіемъ на югъ. Далѣе, внутри домовъ европейца, вещи разставляются по личному вкусу хозяина; одна только лишь божница, если есть таковая, всегда ставится въ уголь, слѣва при входѣ въ домъ; у номадовъ же не такъ. Извѣстной вещи предназначается и извѣстное неизмѣнное мѣсто, или сторона юрты; такъ на правой ея сторонѣ т. е. на западной складывается одежда, запасъ провизіи, вообще вещи, ненужныя для повседневнаго употребленія; на восточной сторонѣ лежитъ все, въ чемъ хозяева юрты нуждаются, такъ сказать, ежеминутно, т. е. чашки, уполовники, арца, молоко; тутъ же стоятъ и ящики со всякимъ скарбомъ: обрѣзками кожи, нужными для починки одежды, арканами, обувью; *бромъ* (постель) же хозяевъ всегда на восточной сторонѣ юрты, какъ божница всегда на сѣверной. Переложить вещи съ одной стороны юрты на другую считается, въ силу обычая, неприличнымъ и нару-

шеніе этого обычая строго взыскивается съ хозяйки юрты. На сѣверной сторонѣ юрты, у подножія бурхани-шире, разосланы дибитхе (прошитые потники), у богатыхъ же либо китайскіе и русскіе ковры, либо тѣ же потники, но только обшиты, желтымъ, краснымъ или зеленымъ сукномъ. Эта часть юрты есть, такъ сказать, парадная пріемная, въ которой номады принимаютъ своихъ почетныхъ гостей. Такъ вотъ, благодаря неизмѣнной постановкѣ юртъ лицевой ихъ стороной на югъ, благодаря неизмѣнному распорядку вещей, по которому извѣстная вещь всегда пріурочена къ извѣстному мѣсту и сторонѣ юрты и не можетъ быть перенесена, положимъ съ восточной стороны на сѣверную; номаду, сидящему лицомъ къ выходу изъ юрты легко распознавать гдѣ востокъ, гдѣ западъ и рѣшительно все равно, указывая на вещь, сказать: «лежитъ она на западной сторонѣ» или же: «на лѣво, слѣва»; тогда какъ европейцу расположеніе дома котораго не сообразуется съ требованіемъ религіи и обычая, въ каждой своей комнатѣ трудно «оріентироваться по странамъ свѣта» и невозможно употреблять: «востокъ и западъ» для обозначенія положенія въ домѣ той или другой вещи; въ церкви же своей европеецъ также прекрасно оріентируется по странамъ свѣта, какъ и монголъ въ юртѣ. Все-таки, не смотря на это, монголъ и въ юртѣ употребляетъ термины, обозначающіе, что такая-то вещь лежитъ «по правую руку» (барунъ гаръ), а такая-то «по лѣву» (зунъ гаръ). Также не совсемъ вѣрно толкуетъ слова: «Хойту», «Убуръ», «Аръ» — и Григ. Н. Потанинъ. Терминъ «Хойту» Г. Н. П. переводитъ: «сѣверный» (26 стр. О. С. З. М.) названіе же «Убуръ и Аръ», по словамъ путешественника, — «передній и задній» — дается одноименнымъ, смежнымъ урочищамъ всегда такимъ образомъ, что слово «передній» прилагается къ урочищу, которое лежитъ южнѣе, задній тому, который лежитъ сѣвернѣе; сѣверная сторона хребта у монгола

будетъ и западная сторона, южная—передняя. Такое толкованіе словъ не совсѣмъ вѣрно, «Хойту» въ собственномъ смыслѣ буквально значитъ «задній», «сзади» и сказанное само по себѣ, безъ опредѣлительнаго: «зунъ», вовсе не обозначаетъ сѣвера; а просто—и будетъ значитъ «сзади, позади» будь то на востокъ или югъ, все равно. Толкованіе же словъ: «Аръ, Убуръ» и совсѣмъ произвольно. Аръ буквально значитъ «сѣверный» и только лишь для обозначенія этой части свѣта и употребляется; «Убуръ» же—склонъ горы, обращенный на югъ, «солонепекъ», какъ выражаются сибиряки. Причемъ обозначенія: «Аръ» и «Убуръ» никогда не даются *«одноименнымъ смежнымъ урочищамъ»*; этими прилагательными къ собственному имени мѣстности или рѣки, обозначаются *одноименныя урочища, расположенныя другъ противъ друга, какъ-то: склоны горъ и устья рѣкъ*. Напримеръ, устье рѣки лицевой своей стороной глядитъ на сѣверъ—ему и даютъ прилагательное мѣста «Арай», т. е. глядящій на сѣверъ, въ отличіе отъ противоположнаго устья вышедшей съ сѣвера рѣки и устьемъ своимъ глядящей на югъ «Убуръ». Отсюда и получаютъ названія рѣкъ: «Ара-тель, Убуръ-тель и пр.»....

12 августа. Благодаря ненастью, мы вчера провели день самымъ несноснѣйшимъ образомъ и сегодня съ радостію двинулись въ путь на сѣверъ вверхъ по берегу р. Эхе-Саральджи. Утро было холодное; солнце періодически показывалось; его отъ норы до времени закрывали тучи, неразсѣявшіяся послѣ вчерашняго ненастья; тучи эти, гонимыя вѣтромъ, носились еще по небосклону болѣе или менѣе значительными обрывками; холодный рѣзкій вѣтеръ дулъ съ запада и быстро мчалъ клочки тучъ.

Наша дорога къ берегамъ р. Ури шла на сѣверъ по широкому дну распадка Саральджи, правымъ берегомъ р. Эхе-Саральджи. Не смотря на вчерашнюю цѣлодневную непогоду,

нельзя сказать, чтобы было грязно; это вследствие того, что почва долины—чистый супесокъ; который, впитавъ въ свои поры влагу, послѣ дождя сдѣлался только лишь болѣе твердымъ, но далеко не грязнымъ. Берега р. Саральджи богато поросли кормовыми травами. На окраскѣ злаковъ сказывается уже начало осенней поры; они изъ ярко-зеленыхъ, полныхъ жизни и красы, какими мы ихъ видѣли на берегахъ рѣки Селенги, здѣсь подернулись отливомъ желтизны, и цвѣтовъ почти не видно.

Недалеко отъѣхавъ отъ мѣста стоянки, мы прошли между аманами двухъ противоположныхъ распадокъ. Справа отъ дороги устье распадка, какъ и самый распадокъ, называется *Хундулунъ-Булукъ*, а слѣва *Саральджинъ-дурильджи*. Хундулунъ-Булукъ очень извилистъ и боковъ его вовсе не видно; Саральджинъ-Дурильджи же вѣрнѣе—не распадокъ, а горный широкій перекалъ—пологъ и въ изголовьяхъ покрытъ рѣдкимъ листовяничнымъ лѣсомъ. У амановъ этихъ распадокъ расположено три лѣтнихъ юрты. Я и Степанъ не знали дороги, по которой можно было-бы выѣхать къ берегамъ рѣки Иги и ея лѣваго притока р. Ури, поэтому рѣшено было, чтобы, не «плутаясь», доѣхать къ этимъ рѣкамъ, нанять вожака. Съ этой цѣлью мы приворотили къ одной изъ юртъ и съ хозяиномъ ея повели рѣчь—незнаетъ ли онъ кого-либо, кто-бы согласился за условную плату быть проводникомъ». Хитрый номадъ понялъ нашу нужду, началъ приводить разные доводы противъ удобствъ избраннаго нами пути, какъ-то: каменность дороги, неудобства и трудности переваловъ чрезъ будто-бы высокіе и грязные дабаны и т. д. Для меня ясно было, что это пустыя и лживыя застрачиванія, цѣль которыхъ воспользоваться нашею неопытною, невѣднѣемъ, наконецъ, нуждою и содрать возможно дороже—что, въ силу нашей крайней нужды, номаду и удалось достигъ: волей не-

волей намъ пришлось одному молодому монголу, согласившемуся быть проводникомъ, заплатить полтора рубля въ день. Обезпечивъ себя такимъ дорогимъ жожакомъ, мы продолжали путь въ верховья р. Эхе-Саральджи.

Долина рѣки начала замѣтно возвышаться, въ тоже время и суживаться; съ береговъ рѣки дорога перешла на склонъ праваго бока распадка и залегла косогоромъ, на площадкахъ котораго встрѣчались зимніе хашаны. Верстахъ въ двухъ отъ Амана Саральджійнъ-Дурильджи, мы проѣхали мимо двѣнадцати лѣтнихъ юртъ монголовъ Ми-Гунскаго хашуна; юрты эти кучкой расположены на широкой площадкѣ склона горъ праваго берега рѣки. Всѣ юрты старенькія, законченныя и далеко таки не говорятъ о зажиточности ихъ хозяевъ. Бѣдность номадовъ, между прочимъ, подтверждаетъ и то, что въ долині р. Саральджи скота почти нигдѣ не видно, небольшими кучками бродятъ одни лишь овцы да яманы (козы). Дальше за юртами, теченіе рѣки становится едва замѣтнымъ, почва изъ песчаной переходитъ въ каменистую и болѣе бѣдна, чѣмъ въ низовьяхъ, поросшую злаками. Недалеко отъ юртъ, справа отъ дороги, вышелъ Аманъ распадка *Сахюртей* (кремнистый). Распадокъ широкъ и склоны его горныхъ боковъ густо поросли листовичнымъ лѣсомъ. Противъ Сахюрійнъ-Амана, съ лѣва отъ дороги вышло устье другаго распадка — Хуху-Бильчиръ (синее распутье). Распадокъ этотъ, впрочемъ, болѣе извѣстенъ подъ именемъ «*Байсзъ*» (стой!) и номады имѣютъ исторію этого названія. Въ старину долина р. Эхе-Саральджи не была занята кочевьями. Два промышленника (Ангуши-хунъ), гонясь за звѣрями, спустились съ верховьевъ рѣки Селенги, вошли въ долину Саральджи, поднялись въ ея верховья и въ распадкѣ Хуху-Бильчира увидѣли много изюбрей. Звѣрей этихъ было такое изобиліе, что промышленники успѣли убить въ теченіе дня до десяти штукъ изюбрей. Вечеромъ, послѣ такого

счастливаго промысла, звѣроловы сказали другъ другу: «байсъ-стой» — мѣсто хорошее, а что ежели мы здѣсь поселимся? «Звѣря довольно, — бѣдствовать мы не будемъ».... Посовѣтовавшись другъ съ другомъ, счастливые звѣроловы рѣшили завтра же воротиться домой и потомъ со всѣмъ своимъ хозяйствомъ и семьей скочевать въ долину р. Саральджи, обильную звѣрями и кормомъ для скота. Сказано сдѣлано. Двѣ семьи скочевали и съ тѣхъ поръ долина р. Саральджи сдѣлалась обитаемой, а распадокъ, въ которомъ убиты были первые десять изюбрей, отъ восклицанія звѣролововъ «Байсъ», получилъ свое названіе.

Распадокъ Байсъ не имѣетъ ручья; широкъ; покрытъ гуджиромъ; склоны горъ его пологи и только лишь въ изголовьяхъ своихъ покрыты листвяничнымъ лѣсомъ. За Аманомъ Байса, подъемъ становится все круче и круче, русло рѣки Саральджи совсѣмъ теряется, сглаживается, а теченія воды въ немъ нѣтъ. Съ потерей ручья и мѣстность получаетъ другое названіе: верховья Саральджи называются уже *Талайнъ-усу-даба*, чрезъ вершину котораго намъ и предстоялъ переваль.

Правый склонъ Талайнъ-усу-даба только въ вершинахъ своихъ покрытъ листвяничнымъ лѣсомъ; лѣвый же, наоборотъ, отъ подошвы и до изголовьевъ густо поросъ листвягомъ; опушку этого лѣса составляетъ молодой густой березникъ. У входа въ Талайнъ-усу-даба съ запада вышелъ Аманъ распадка *Хуеты*. Распадокъ Хуеты глубокъ, тѣсенъ, каменистъ и съ крутыми скалистыми склонами боковъ своихъ.

Передъ началомъ подъема на самую вершину Талайнъ-усу-дабана, этотъ послѣдній развѣтвляется: одинъ рукавъ его идетъ съ сѣвера, а другой — съ сѣверо-востока, по этому послѣднему мы и поднялись. Подъемъ нѣсколько крутоватъ, каменистъ, но все-таки сухъ, широкъ и вполне удобенъ для телѣжной ѣзды. Съ вершины подъема мы въ послѣдній разъ взглянули на роскошную долину р. Селенги....

Спускъ съ вершины Талайнъ усудаба идетъ по пологому склону горы, густо покрытой лиственничнымъ лѣсомъ въ перемежку съ березой и осиною. Въ лѣсу много разныхъ грибовъ: маслянокъ, груздей, рыжиковъ, но плодовыхъ кустовъ, какъ-то: голубицы, черники, малины и др. не видно.

Окончивъ довольно длинный и пологій спускъ, мы вошли въ громадную, круглую горную котловину, поросшую роскошной кормовой травой. Котловина эта закрыта со всѣхъ сторонъ горами, на площадкахъ выступовъ которыхъ виднѣются зимніе хашаны. Выходъ изъ этой котловины есть только одинъ именно на сѣверъ въ долину рѣки *Наринъ-Голь*, притокъ рѣки *Хилытъ*, а эта послѣдняя, слѣва, упала въ рѣку Селенгу. Выходъ изъ котловины называется *Хурійнъ Хада*; у начала его стоитъ три лѣтнихъ юрты и *русанъ*, въ первый разъ встрѣченный нами послѣ береговъ р. Делгиръ-Муришь; да и юрты не лучше русана: старыя, полусгнившія; по всему видно, что хозяева ихъ бѣдны.

По выходѣ изъ котловины, мы спустились въ широкую долину р. Наринъ-Голь. Долина сплошь покрыта грязнымъ, топкимъ, кочковатымъ болотомъ, переходъ чрезъ которое довольно таки затруднителенъ. Болото, чрезъ центръ котораго проходитъ рѣка, окаймляется съ сѣвера и юга высокими, непокрытыми древесной растительностію склонами горъ, подошвы которыхъ сухи.

Подъемомъ въ верховья р. Наринъ-голь идетъ дорога въ кочевья *Зунъ Модонъ-Зунай-голь*, а затѣмъ въ *Харуль-Хухой*; спускомъ внизъ выходятъ въ *Ганжуръ-гунскій хашунъ*; наша же дорога, къ берегамъ р. Иги и Ури идетъ на сѣверо-востокъ, поперегъ болота, переѣхавъ которое, мы остановились близъ юртъ, чтобы дать роздыхъ конямъ послѣ трех-часовой, безъ остановокъ, ѣзды.

Вся лѣвая сторона р. Наринъ-голь занята лѣтными кочевьями монголовъ, юрты которымъ ютятся у подошвы горъ. Номады, повидимому, всѣ бѣдны и что всего грустнѣе, всѣ они безъ исключенія поражены сифилисомъ. Сколько не приходило ихъ въ нашу палатку, ни одинъ номадъ не былъ съ цѣлымъ носомъ; лицо и тѣло было покрыто гноевыми отвратительными язвами

Жалко, грустно и въ тоже время гадливо было смотрѣть на этихъ несчастныхъ.... И гнѣтъ, заживо гнѣтъ бѣдный номадъ, распространяя заразу своихъ язвъ на далекое пространство. Тибетская медицина безсильна помочь горю, сами знатоки этой медийины—ламы, на-ряду съ простымъ несвѣдующимъ народомъ, поражены ядомъ сифилиса... Видъ этихъ несчастныхъ заживо гнѣющихъ людей, боязнь заразиться—не только что не позволила побывать въ ихъ юртахъ, но заставила поскорѣй сняться съ мѣста, ускорить отъѣздъ и оставить эту долину страданій и гнили человѣчества, обреченнаго злой судьбой на вымираніе.... Плохи гигиеническія условія нашихъ обывателей, о забытыхъ же судьбой номадахъ Монголіи и говорить нечего—соціальныя ихъ условія таковы, что жизнь человѣка какъ члена общества государства и въ грошъ не цѣнится, китайскому правительству нуженъ только лишь скоть номада: до хозяина же его—ему нѣтъ дѣла. Умретъ номадъ—чтожъ? правительству нѣтъ убытка, а слѣдовательно и нѣтъ нужды поддерживать жизнь и такъ или иначе заботиться о своемъ подданномъ, все равно скоть его перейдетъ въ руки другихъ и извѣстный съ него процентъ будетъ взиматься и со смертію хозяина не пропадетъ;—другое дѣло если зараза унеситъ скоть—это прямой ущербъ государственнымъ интересамъ. Китайское правительство, имѣя сравнительно точныя свѣдѣнія о числѣ табуновъ, бродящихъ по обширнымъ пространствамъ Монголіи, рѣшительно не знаетъ сколько жи-

телей на этомъ же пространствѣ, да и имѣть свѣдѣнія объ этомъ не заботится и не интересуется ими. Статистики для опредѣленія обитателей Монголіи нѣтъ и въ зародышѣ. Положимъ мѣстное монгольское начальство, князья знаютъ сколько въ ихъ хашунахъ юртъ, но имъ и въ голову не приходило и не приходитъ поинтересоваться и узнать сколь подъ вѣдѣніемъ ихъ находится жителей. Пропажа, убыль и прибыль номадовъ никому не нужна. Умеръ человекъ, убитъ, сбѣжалъ, родился—все это ничьему вѣдѣнію не подлежитъ, даже и разговоры объ этомъ нѣтъ: «Ухусунъ-байна, хосоро» т. е. «пропалъ, псдохъ» да и дѣлу конецъ.

Оставивъ болотистые берега р. Наринъ-Гола, мы пошли на сѣверо-востокъ вверхъ по руслу распадка *Саганъ-даба*.

Распадокъ Саганъ-даба широкъ, пологъ, склоны горъ его въ изголовьяхъ своихъ покрыты листвяничнымъ лѣсомъ, на опушкѣ котораго видѣются заросли березы. Форма оконечностей горъ сильно округлена. Подъемъ въ верховья распадка длиненъ, не менѣе его и спускъ въ долину *Теле*, по которой есть сухое русло, наполняющееся водой только лишь въ дождливую пору года; тогда р. Теле быстро уноситъ свои воды въ р. *Зулутей*, многоводный лѣвый притокъ р. *Селенги*. Долина р. Теле служитъ сѣверной границей Мигунскаго хашуна и лѣвый ея берегъ принадлежитъ уже Ганжур-Гунскому хашуну. Въ верховьяхъ своихъ рѣка эта, пробиваясь сквозь щели и тѣснины горъ, имѣетъ воду, но не доноситъ ее и до средняго своего течения. Въ долину р. Теле только въ низовьяхъ есть лѣтнія кочевья, середина же и верховья ея не заняты ни лѣтними, ни зимними хашанами. Отсутствие кочевьевъ объясняется тѣмъ, что щель распадка идетъ прямо съ запада т. е. со стороны—откуда постоянно дуетъ вѣтеръ, а слѣдовательно «Газаръ-Хуйтунъ»—холодное мѣсто, какъ говорятъ монголы. Правымъ берегомъ р. Тель оканчивается линія дре-

весной растительности, дальше на сѣверъ мѣстность совершенно безлѣсна; горы не высоки и очертанія ихъ округлены.

Съ долины р. Теле мы поднялись на невысокій дзбанъ, отдѣляющій Теле отъ р. *Джаргаланта*. Подъемъ очень пологъ и не каменистъ; спускъ съ него идетъ въ довольно широкую долину, всю сплошь распаханную и засѣянную пшеницей, просомъ и ячменемъ. Каждый участокъ посѣва окопанъ и орошается чрезъ посредство водопроводныхъ каналовъ, наполняющихся водой изъ р. Джаргаланты. Веходы были прекрасны, колосья полны зеренъ и жатва обѣщаетъ быть обильной.

Близъ пашенъ насъ постигла буря, вслѣдъ за которой пошелъ дождь въ перемежку съ крупнымъ градомъ, такъ что мы должны были расположиться на берегу р. Джаргаланты, разбить свою палатку и ждать на слѣдующее утро хорошей погоды.

Сегодня, предъ входомъ въ распадокъ *Саганъ-Даба*, мы встрѣтили группу нищихъ монголовъ, отдыхающихъ послѣ трудной и голодной ходьбы со выюками. Группа эта состояла изъ одного взрослого мужчины, двухъ мальчиковъ подростковъ, женщины старухи, взрослой дѣвушки и четырехлѣтней, едва отросшей отъ земли, малютки дѣвочки. Всѣ они въ невозможныхъ лохмотьяхъ, клочьями висящихъ на голомъ, покрытомъ струцьями тѣлѣ намадовъ; лохмотья эти буквально потеряли всякое подобіе одежды и носителямъ его не до чувства стыдливости за наготу свою. Жалко, грустно было смотрѣть на эту семью нищихъ, особенно на дѣтей, искливно просящихъ у насъ милостыни, такъ что было-бы безчеловѣчно отказать имъ въ ихъ просьбѣ — помочь чѣмъ нибудь. Даже и безъ просьбы, простое чувство состраданія велѣло подѣлиться съ этими жалкими нищими представителями несчастнаго пролетаріата монгольскихъ степей. Получивъ отъ насъ посильную помощь, нищіе начали *вьючиться*, чтобы идти дальше. Да

именно *выючиться*. Ихъ тряпье, кусочки гнилыхъ войлоковъ, обрывки бросовыхъ кожъ, однимъ словомъ всякая негодная, даже хозяину номаду, дрянъ, которую нашъ нищій ни за что бы не подобралъ, какъ неимѣющую никакой цѣны, — дрянъ эта была связана въ отдѣльные тючки; бѣднякъ-нищій ложился спиной на эти тючки, старуха же эти послѣдніе привязывала обрывками волосянаго аркана чрезъ плечи къ поясу нищаго. Такъ выючились и дѣти, исключая малютки дѣвочки, ношу которой составлялъ маленькій берестяной туясъ. Невидимому, тючки были нетяжелы, но истощенные, обезсиленные голодомъ нищіе съ трудомъ подымали и ихъ, завьюченные же дѣти, безъ помощи старухи, не могли подняться на ноги. Завьючившись, семья нищихъ пошла по направленію къ Богдо-Куреню (Урга), молитвами, какъ сказала мнѣ старуха, просить свою святыню, чтобы эта святыня „невидимой рукой, чудодѣйственной силой подала — небогатство — гдѣ ужъ намъ нищимъ богатство, а просто подала бы хоть средства къ жизни (тыжеху) дневное, хотя бы и скудное, пропитаніе“. На эту младенческо-простодушную вѣру въ силу и покровительство святыни, я невольно сказалъ старухѣ и ея сѣмьѣ „напрасно“! Какая то сила побуждала нельзя ли охладить вѣру этихъ нищихъ, убѣдить въ томъ, что напрасны молитвы, напрасна вѣра, — святыня нѣма и глуха. Святыня сама любитъ, ждетъ и жаждетъ — въ лицѣ своихъ представителей — приношеній. Она не откажется принять ваши лохмотья, если только онѣ хоть къ чему-нибудь понадобятся ей. Представители этой святыни берущей все и недающей ничего въ замѣнъ, кромѣ журавля въ морѣ, тогда лишь, бѣдняки, обратятъ на васъ свое сытое вниманіе, когда сами вы, завѣдомо для нихъ, отдадите послѣдній свой кусокъ хлѣба, послѣдній годный клочокъ своего лохмотья. Принявъ же безъ всякаго стыда этотъ клочокъ, не скажутъ вамъ въ замѣнъ даже ласковаго слова.

По обязанности же — насулятъ истрепавшихся, опошлѣвшихъ благожеланій, скажутъ, что „за все бурханъ заплатитъ“, а затѣмъ съ нескрываемымъ, какъ къ нищимъ, презрѣніемъ отворотятся отъ васъ, чтобы, скорчивъ умильную, рабски угодливую рожу, съ приторно сладкой улыбкой и льстивой рѣчью, обратиться къ какомунибудь Гуни или Баинъ-Хуну (богачъ) и насулить имъ угодливое покровительство бурхановъ, ихъ рѣчь такъ и дышетъ истиной—что бурханы только лишь для того и существуютъ на небѣ, чтобы дѣлать все угодное и пріятное богачамъ и сильнымъ міра сего. Васъ же, бѣдняки, какъ производящихъ дисгармонію своими лохмотьями, непріятно рѣжущими глаза, вытѣснятъ изъ храминъ сытой святыни,—она не для васъ, вы для ней непродуцательны..... Но если вы до того нищи, что ничего не сможете привнести въ обильную сокровищницу вашей святыни, васъ какъ нечистыхъ паріевъ, ничѣмъ не полезныхъ, никуда негодныхъ, не представляющихъ изъ себя даже тощей дойной коровы, дающей хоть съ кровью—молоко, васъ выгонятъ со двора святыни, для вашихъ искреннихъ молитвъ въ ней нѣтъ вамъ уголка..... Богдо-Гыгенъ останется нѣмъ къ вашимъ просьбамъ... сердце у него черствое... мольбы онъ не слышитъ, просьбы его не трогаютъ—нужды онъ не знаетъ.. Напротивъ, въ лицѣ своихъ представителей, онъ еще пуще готовъ заставить васъ страдать, если только изъ вашихъ страданій увидитъ для себя матеріальную пользу... что за бѣда, что вы голодны?—Лишь бы онъ былъ сытъ! И тяжела участь нищихъ номадовъ. Основатель религіи, великій философъ Будда, нищету возвелъ въ принципъ и тѣмъ въ корнѣ убилъ въ своихъ послѣдователяхъ присущее человѣку чувство состраданія и любовь къ ближнему. Непобуждаемый религіей, непросвѣщенный культурой—номадъ не знаетъ цѣны помощи другому, не видитъ никакой нравственной заслуги въ облегченіи

страданій другихъ; номадъ совершенно спокойно до пресыщенія набиваетъ себѣ брюхо въ то время, какъ рядомъ съ нимъ человѣкъ умираетъ съ голоду, — ничто не обязываетъ сытаго дать часть своего излишка голодному. Религія говоритъ номаду, что нищета, бѣдствія страданія, всѣ удары судьбы, какимъ подвергается человѣкъ, есть прямое, неизбежное, не предотвратимое *слѣдствіе его рожденія* (законъ дѣла); превращать и облегчать эти страданія въ нужды, — таковъ рокъ.....

Съ болѣзненнымъ чувствомъ глядѣлъ я вслѣдъ медленно удаляющейся отъ насъ семьи нищихъ... Хорошо теперь лѣто., а зима? Предусмотрительность нищихъ — едва ли спасетъ ихъ отъ лютыхъ зимнихъ морозовъ, обрывки войлѣковъ, которые они, точно вьючныя животныя, таскаютъ на своихъ плечахъ, едва ли могутъ прикрыть, а тѣмъ болѣе согрѣть въ жестокіе морозы. Но какъ же быть? Куда дѣваться?... *Соціальныя условія Монголіи* вслѣдъ нищихъ своихъ обрекаютъ на голодную смерть, а если не эта послѣдняя, то морозъ прекращаетъ ихъ жалкое существованіе. Экономическія же условія страны таковы, что сколько бы ни требовалъ жертвъ голодь и холодъ, жизнь монгольская всегда даетъ ихъ въ изобиліи.

ГЛАВА XXI.

ДО БЕРЕГОВЪ Р. ИГИ.

13 Августа. Сегодня утро очень холодное, солнце не показывается и рѣзкій, холодный сѣверный вѣтеръ заставилъ надѣть шубу. Простившись съ долиной р. Селенги, мы должно быть простилась и съ теплыми днями; по крайней мѣрѣ, монголы ожидаютъ уже снѣга. Холода эти, впрочемъ, неопасны для посѣвовъ, такъ какъ хлѣба начали уже созрѣвать.

Отъ мѣста ночевки мы пошли прямо на сѣверъ въ верховья р. Джаргаланты. Вся долина этой рѣки густо заселена монголами, принадлежащими Гуну Ганжурскому хашуну. Номады, населяющіе ее, больше земледѣльцы, чѣмъ скотоводы и живутъ сравнительно зажиточно. Юрты ихъ опрятныя, чистыя, большія; возлѣ нихъ есть загороди, стоятъ телѣги, сохи и есть запасы дровъ; юрты стоятъ не отдѣльно, а кучками, какъ бы лагеремъ. Намъ кажется, что монголовъ, живущихъ въ долинѣ р. Джаргаланты, нельзя назвать даже и не въ строгомъ смыслѣ кочевыми. Зимники ихъ, тутъ же близъ лѣтниковъ, расположены на площадкахъ подошвы горъ, а лѣтники на берегу рѣки. Въ устройствѣ зимнихъ хашановъ, равно и въ скученности ихъ, видно вліяніе земледѣльческаго культа. Всѣ зимнія кочевья, какія только мы встрѣчали до сихъ поръ, стоятъ въ одиночку, вдали другъ отъ друга: площадку, какъ бы ни была она велика, занимаетъ одинъ монголъ и другой рядомъ съ нимъ не селится, хотя къ тому и была полная возможность; близъ хашановъ мы рѣдко встрѣчали какую нибудь повѣтушку, тепловую загородъ; между тѣмъ, у номадовъ долины р. Джаргаланты во всѣхъ есть есть тепловые дворы для скота, амбары, загороди для склада сжатого хлѣба и соломы, токи для молотбы, видѣли даже одну общественную конную мельницу... Повторяемъ, въ раньше пройденныхъ нами мѣстахъ мы ничего подобнаго не встрѣчали. Эту скученность народонаселенія, заботу объ устройствѣ зимнихъ хашановъ и ихъ чисто хозяйскихъ удобствахъ, наружныя постройки, близость лѣтнихъ кочевьевъ—все это ничѣмъ инымъ нельзя объяснить, какъ только лишь тѣмъ вліяніемъ, какое имѣетъ на бытъ скотовода занятіе земледѣліемъ. Нѣтъ слова, что земледѣльческая культура въ долинѣ р. Джаргаланты, какъ и вообще въ Монголіи, находится теперь на первыхъ стадіяхъ своего развитія. Земля

распахивается плохо, объ удобреніи ея не имѣютъ и понятія, земледѣльческія орудія самыя примитивныя, забота объ увеличеніи распашекъ нѣтъ; хлѣбъ сѣется въ такомъ количествѣ, что его хватаетъ только лишь для домашняго обихода; о сбытѣ на сторону не можетъ быть и рѣчи. Да и въ домашнемъ обиходѣ хлѣбъ употребляется въ самыхъ, такъ сказать, скрупулезныхъ размѣрахъ; печь его помады не умѣютъ, а употребляютъ зерно и муку, какъ приправу къ чаю и молоку, только лишь изрѣдка, и то богачи дѣлаютъ лепешки на маслѣ. При такомъ употребленіи хлѣба семья въ пять душъ расходуетъ въ мѣсяцъ не болѣе нуда муки. Самъ номадъ земледѣлецъ, не зная другого способа обработки земли, кромѣ самаго примитивнаго ковырнянія ея, приходитъ на помощь дѣвственной почвѣ, принявшей въ себя хлѣбныя зерна, только лишь тѣмъ, что проводитъ водныя каналы для орошенія плохо вспаханной и засѣянной земли. Но и когда созрѣетъ посѣвъ, номадъ также не умѣетъ «толкомъ» легко и удобно его убрать; у номада земледѣльца (таряшинъ-Хунъ) нѣтъ ни серпа, ни косы, никакихъ либо другихъ орудій для снмки хлѣба съ корня и онъ рветъ солому руками. Хотя все это и «дѣтская забава, какъ говорятъ русскіе тунчане, порча земли и зеренъ трата», но нельзя не признать, что эта «забава» оказала громадное вліяніе на бытъ номадовъ описываемой нами мѣстности, привязала ихъ къ мѣсту, скучила ихъ жилища, не позволяетъ далеко откочевывать отъ мѣста пахатей, и монголы—эту «забаву»—предпочли охотѣ за бѣлкой, какъ болѣе случайную статью экономического дохода, номады вполнѣ теперь сознаютъ преимущества земледѣлія предъ звѣроловствомъ, хотя же еще скотоводство ставятъ на первый планъ. Но такъ какъ номады понимаютъ и сознаютъ выгоды земледѣлія, то и это предпочтеніе скотоводства должно векорѣ рушиться. Теперь монголь сѣетъ мало, только лишь «про себя».

Будучи же самъ потребителемъ своихъ посѣвовъ, онъ, такъ сказать, невидитъ ощутительной пользы, прибыли отъ земледѣлія, не видитъ приращенія и увеличенія своего благосостоянія. Покуда номадъ земледѣлецъ только лишь скудно питается отъ земли; но какъ только лишь онъ разовьетъ земледѣліе, усилитъ хлѣбное производство и научится извлекать изъ него пользу и тѣ выводы, какія даетъ хлѣбъ при умѣннн его эксплуатировать, какъ только у номада, помимо удовлетворенія собственныхъ своихъ потребностей, будетъ излишекъ, онъ всегда найдетъ возможность сбыть его и при томъ не дорогой цѣнѣ: въ Монголіи есть уже потребность въ хлѣбѣ и тунчане тысячи пудовъ сбываютъ его номадамъ, обмѣнивая пудъ ржаной муки на овцу, что равняется стоимости трехъ рублей; и хлѣбная торговля годъ отъ году все болѣе и болѣе развивается. Но чтобы эта желанная пора, пора замѣны скотоводства земледѣліемъ поскорѣе настала, номадамъ нужна помощь извнѣ, — нужно ознакомить его съ лучшими, чѣмъ онъ практикуетъ, способами обработки земли, съ земледѣльческими орудіями и способами ихъ примѣненія къ дѣлу. Тогда ускорится медленность пути, по которому номадъ, предоставленный самому себѣ, собственному своему разумѣнію, съ трудомъ теперь подвигается впередъ къ замѣнѣ скотоводства земледѣліемъ и къ коренному преобразованію своего быта. Пришла бы извнѣ разумная помощь, номаду легко было бы изъ скотовода обратиться въ земледѣльца; причемъ и скотоводство могло бы не упасть, а развиться, потому что условія страны — обширность ея луговъ и пр. вполне способствуютъ возможности заниматься земледѣліемъ рука объ руку со скотоводствомъ; только разумѣется скотоводство было бы уже побочнымъ занятіемъ. Но при данныхъ условіяхъ номадъ, въ своемъ развитіи предоставленный самому себѣ, земледѣліе не предпочитаетъ скотоводству потому, что при несовершенствѣ земледѣльчес-

кихъ орудій или вѣрнѣе полной ихъ непригодности, обработка земли—непосильный для него трудъ и при томъ мало вознаграждающій. Тогда какъ таже самая земля, будь она, какъ то требуется, обработана, дала бы на затраченный трудъ вдвое большій процентъ сравнительно съ тою пользою, какую она даетъ теперь. Почва долины р. Джаргаланты просто кладъ для земледѣльца—это отличный суглинокъ, обильно орошаемый водой...

Но все-таки, какъ бы тамъ ни было, воздѣлываніе земли подъ пахати, есть въ долинѣ р. Джаргалантей и стоитъ на пути къ дальнѣйшему своему развитію, о чемъ ясно и убѣдительно говорятъ сравнительно большіе участки пахотей, принадлежащихъ одному хозяину, и болѣе тщательно воздѣланные, чѣмъ то мы видѣли на длинныхъ, узкихъ полосахъ пахотей по долинѣ р. Селенги и Делгира-Мурина. Не сомнѣнно также и то, что хитроумное духовенство теперь уже безсильно доказать жителямъ долины р. Джаргаланты, что сѣять хлѣбъ *серте* (грѣхъ) и что отъ распахки земли происходитъ зудъ-турунха и всякія другія бѣдствія. Чувствуя себя сытѣе своего брата чистаго скотовода и звѣролова, житель Джаргаланты не повѣритъ бреднямъ сытаго и празднаго духовенства и не смотря на его выдумки будетъ продолжать занятіе благодарнымъ и ведущимъ къ развитію трудомъ. Номадъ джаралантинецъ и теперь уже далеко не отходитъ отъ своихъ пашень, но вскорѣ и даже очень,—долина р. Джаргаланты будетъ занята осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Тогда, покрайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, въ поселеніи этомъ не будетъ видно русановъ и ихъ обитателей, этихъ нищихъ, лишенныхъ теперь какой бы то ни было возможности производительно примѣнять свои руки, свой трудъ;—при данныхъ условіяхъ мускулы бѣдняковъ никому не нужны и спроса на нихъ нѣтъ. Могущій номадъ сѣетъ теперь

какъ разъ столько, что онъ въ силахъ убрать посѣвъ собственными силами своей семьи; платить же за уборку—ему, помимо того, что нѣтъ нужды, еще и убыточно, «не изъ чего;» такъ что, если обитатель русана и придетъ къ земледѣльцу на помощь къ уборкѣ хлѣба, то помадь земледѣлецъ, даже за дневное пропитаніе, не охотно приметъ чужого человека-помощника, — помощь чужая ему не нужна и прямо убыточна. При развитіи же земледѣлія, естественно не у всякаго монгола домохозяина хватить на обработку земли силъ собственной своей семьи и мало семейный будетъ нуждаться въ содѣйствіи чужаго труда и неизбежно явится отсутствующій теперь спросъ на рабочія руки. Ни въ грошъ не цѣнимый теперь трудъ получитъ свое значеніе и цѣну, а значить и обитатель русана, этотъ пролетарій, обреченный теперешнимъ экономическимъ положеніемъ страны на голодную смерть, будетъ имѣть возможность и случай примѣнять свой трудъ и извлекать изъ затраты его выгоды, броситъ свою собачью конуру и личнымъ трудомъ заработаетъ себѣ не только дневное пропитаніе, но, экономически распорядясь своей заработной платой, сможетъ улучшить свое положеніе и выбиться изъ безвыходной теперь нищеты; и нѣтъ сомнѣнія, что видѣнные нами на пространствѣ всей долины только два русана исчезнутъ; исчезнутъ покрайней мѣрѣ на время, покуда не выступятъ на сцену «коршуны» «пауки» Колунаевы и всякіе другіе міроѣды, клика которыхъ въ современномъ строѣ цивилизованнаго общества безчисленна.....

Долина р. Джаргаланты вполне удобна для земледѣлія. О почвѣ ея мы уже говорили; остается теперь сказать, что долина широка, съ трехъ сторонъ защищена отъ вѣтровъ, склоны горъ пологи и вполне удобны для распашки, вода близко и въ изобиліи; лѣсъ недалеко растетъ—именно въ изголовьяхъ южнаго склона горъ и растетъ не одна только

листвянь, а есть береза и осина; весна по рассказамъ монголовъ, ранняя, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ уже тепло, погода постоянная, такъ что къ концу мая всѣ посѣвы уже оканчиваются.

Культурной долиной р. Джаргаланты мы прошли до самаго ея конца т. е. до границы Ганжурь-Гунскаго хануна съ землей Тушету хана Гурешиновъ. При этомъ нужно замѣтить, что верховья рѣки далеко еще отстоятъ отъ границы; но прежде чѣмъ что нибудь о нихъ сказать, пояснимъ, что долина, равна какъ и рѣка Джаргаланта теряютъ свое имя, и въ дальнѣйшемъ, отъ границы, своемъ продолженіи называются уже *Хобутей*. Границей Ганжурь-Гунскаго хануна между прочимъ оканчиваются кочевья собственно монгольскаго племени, и по Хобутей кочуютъ уже урянхайцы—народы тюрко-татарскаго племени. Часть этого племени, кочующая по долинѣ р. Хобутей и дальше на сѣверо-востокъ, включительно до праваго берега р. Иги, находится въ вѣдѣніи Тушету хана, непосредственно ему подчинено, невѣдается съ китайскими чиновниками, имѣетъ свое, отдѣльное отъ другихъ монголовъ, управленіе и составляетъ особенное вѣдомство *салотни овъ Тушету хана* его подданныхъ, на такомъ же основаніи, какъ Шабаниское вѣдомство составляетъ собственность Ургинскаго кутухты. Во время подчиненія части урянхайцевъ вѣдѣнію Тушету-хану, они были исключительно звѣроловами, вслѣдствіе чего и обложены были платою подати (алба) не со скота, а отдавали известную часть съ улова звѣрей; кромѣ того оброчные эти крестьяне Тушету-хана, по особому заказу послѣдняго должны были доставлять соболей и рысей, что и не шло въ счетъ податей. Будучи же исключительно звѣроловами, часть племени урянхайцевъ, подчиненная хану и получила административное свое названіе: *Тушету Ханай-Гурешингъ* т. е. звѣроловы Тушету-хана. Звѣроловами этими непосредственно завѣдуетъ выборный отъ ихъ

общества Дарга и его помощникъ *Зайсанъ*, главный же начальникъ каждый годъ посылается самимъ Тушету-ханомъ и выбирается ими изъ своихъ приближенныхъ дворянъ (тайджи). Обязанность этого уполномоченнаго:—собрать подати и контролировать дѣйствія Дарги и Зайсана. Проживъ годъ, уполномоченный смѣняется другимъ дворяниномъ, посланнымъ Тушету-ханомъ и т. д. Гурешины подати не большія платятъ. Нужно замѣтить, что бытъ гурешиновъ измѣнился—изъ звѣролововъ они обратились въ скотоводовъ и земледѣльцевъ, звѣринный же промыселъ упалъ, какъ говорятъ монголы и Тушету-хану «нужны шкурки», по этому подданные его платятъ теперь алба со скота. Платежной единицей считается тридцать головъ скота: десять овецъ, десять коровъ и десять лошадей; имѣющій это число—платитъ изъ него либо пять овецъ, либо одну корову, либо одну лошадь; сборщикъ податей въ этомъ случаѣ не стѣсняетъ гурешина; не имѣющій же полнаго состава платежной единицы ничего не платитъ и участвуетъ только лишь въ отнесеніи внутренней повинности, которая также не велика и состоитъ въ расходахъ на кормленіе присланнаго Тушету-ханомъ дворянина и въ извѣстной платѣ Даргѣ и Зайсану. Почтовой гоньбы, равно какъ и солдатчины гурешины не отбываютъ. Всѣхъ гурешиновъ считается до полуторыхъ сотъ семействъ. Всѣ они, благодаря малаго сбора съ нихъ податей, зажиточны и среди ихъ бѣдняковъ, ничего не имѣющихъ, нѣтъ. Кромѣ земледѣлія и скотоводства, у гурешиновъ развитъ особаго рода промыселъ, дающій имъ болѣе чѣмъ достаточныя побочныя средства; промыселъ этотъ состоитъ въ приготовленіи изъ камня—сугусу (жертвенныхъ чашечекъ), бурхановъ и табакерокъ. Издѣлій этихъ они производятъ массу и дорого продаютъ ихъ въ Ургѣ и даже въ Улясутаѣ.

Частию владѣній гурешиновъ—этого трудолюбиваго и зажиточнаго народа, мы, придерживаясь р. *Хобутей*, проѣхали

до самой границы собственно урянхайцевъ; границей же къ сѣверу служатъ верховья р. Хобутей.

Долина р. Хобутей, точно также, какъ и низовья ея, извѣстныя подъ именемъ Джаргалантей, широка, глинисто-песчаная; склоны горъ покаты и густо заросли лиственничнымъ и березовымъ лѣсомъ; чѣмъ дальше вверхъ, тѣмъ почва становится все болѣе и болѣе каменистой, и уже въ верховьяхъ нашень нѣтъ. На всемъ своемъ протяженіи долина р. Хобутей не имѣетъ вида распадка; она значительно широка и горы не стѣсняють ея шири.

Къ сѣверу перевалили мы чрезъ Дабанъ изъ долины Хобутей и вошли въ такую-же долину р. *Байнъ-Голь*. Подъемъ на дабанъ пологъ, не длиненъ, каменистъ, и только лишь въ верховьяхъ своихъ покрытъ жиденькимъ лиственничнымъ лѣсомъ. Зато спускъ съ дабана густо заросъ преимущественно березнякомъ и изрѣдка осиною и лиственною. Почва спуска — перегной; въ лѣсу много грибовъ и плодовыхъ кустарниковъ; спускъ длиненъ и въ дождливое время года грязень; подошва же спуска болотиста, постоянно грязна, точно также и самая долина р. Байнту-Гола; эта послѣдняя, начиная отъ опушки лѣса и почти до подошвы противоположныхъ горъ, покрыта кочками и заросла мелкими, болотными кустами тальника и березы; южный же склонъ горъ, сопровождающихъ долину, совершенно сухъ и только въ изголовьяхъ своихъ покрытъ лиственничнымъ лѣсомъ. Рѣка Байнту-Голь течетъ на сѣверо-востокъ и принадлежитъ уже къ системѣ р. Иги. Внизъ по этой рѣкѣ, держась подошвы горъ, мы и поѣхали.

На дорогѣ, близъ самой верховой тропинки, я примѣтилъ два изображенія человѣческой головы; изображенія эти довольно вѣрно передавали черты лица монгола. Я думалъ, что онѣ сдѣланы изъ камня. Съ радости, что попалась такая дорогая находка, я соскочилъ съ коня и схватилъ изображенія

руками... И что-же?... Къ моему огорченію, а еще болѣе къ удивленію, въ рукахъ моихъ, вмѣсто каменныхъ фигуръ, оказалась грязная, вонючая жижа... Разочарованный въ своей находкѣ, опачканный, я отправился къ лужѣ болота мыть руки...

Въ дальнѣйшемъ продолженіи нашего пути въ низовья р. Банту-Голь, долина ея становится менѣе болотистой, освобождается отъ болотныхъ кустарниковъ и покрывается прекрасными кормовыми травами. Нужно замѣтить, что на всемъ протяженіи долины р. Банту-Голь нѣтъ лѣтнихъ кочевьевъ урянхайцевъ, и только лишь по южному склону горъ, на площадкахъ, изрѣдка встрѣчаются зимніе хашаны.

Ненастье—мелкій осенній дождь, начавшій идти съ девяти часовъ утра, заставилъ насъ остановиться раньше, чѣмъ бы то слѣдовало. Сегодня мы шли только лишь въ теченіе четырехъ часовъ и вынуждены были остановиться потому, что ненастью, казалось, не будетъ конца; на горизонтѣ не было свѣтлаго пятнышка: весь онъ былъ покрытъ низко нависшими, грязными тучами. Въ пять часовъ пополудни сильный сѣверо-западный вѣтеръ нѣсколько разнесъ тучи и очистилъ небосклонъ; къ вечеру вѣтеръ утихъ и солнце закатилось при тихой, ясной погодѣ, обѣщая, по примѣтамъ монгола, «сдѣлать завтрашній день знойнымъ». Примѣта же эта состояла въ томъ, что закатывающійся шаръ солнца былъ блѣденъ.

14 августа. Вчера съ вечера упала иней, а ночью былъ сильный морозъ, такъ что къ утру листья травы обледенѣли и вода въ прогалинахъ болота замерзла; полотно же нашей палатки, смоченное росой и инеемъ, сдѣлалось какъ лубокъ, такъ что нужно было ожидать, пока пригрѣютъ лучи солнца и не растаютъ льда: иначе, безъ опасности изломать обледенѣлое полотно палатки нельзя было снять ее... Утро было прелестное: тихо, нигдѣ ни облачка, на голубомъ небосклонѣ; показавшееся изъ-за верхушекъ горъ солнышко теплыми

яркими лучами вскорѣ избавило растительность отъ оковъ мороза; въ свою очередь и мы, обогрѣтые его теплотой, уложили палатку, снялись съ мѣста и двинулись въ дальнѣйшій путь, внизъ по р. Баннъ-Голь.

Дорога продолжала тянуться вдоль подошвы южнаго склона горъ, по которому все чаще и чаще начали встрѣчаться зимніе хашаны. Дорога по р. Баннъ-Голу, вмѣстѣ съ устьемъ рѣки, окончилась у входа послѣдняго въ долину р. *Эмтей*, взявшей свое начало на юго-западѣ. Оставивъ берега р. Селенги, мы у устья Баннъ-Гола въ первый разъ встрѣтили остатки китайскихъ городищъ; кучи этихъ городищъ не большія и ограда ихъ круглая. Рѣка Эмтей служитъ правымъ притокомъ р. Иги, не глубока, съ узкимъ русломъ; въ верховьяхъ рѣки расположены зимнія кочевья; начиная же отъ входа въ долину ея Амана р. Баннъ-Голь и внизъ до впаденія въ р. Игу по долинѣ ея разбросаны лѣтнія юрты урянхайцевъ. Кочевники долины р. Эмтей-голь, видимо, не бѣдны; вокругъ ихъ юртъ бродитъ масса скота; причемъ харлыковъ не видно, — все чистый, рослый, крупный скотъ; между просторныхъ и чистенькихъ юртъ незамѣтно также и русановъ. Внизъ по теченію р. Эмтей-голь, которое направлено на сѣверо-востокъ, мы и продолжили свой путь. Дорога держится праваго берега рѣки. Послѣ четырехъ верстнаго перехода (считая отъ Амана р. Баннъ-Голь), внизъ по р. Эмтей-голь, долина послѣдней замыкается выступами береговыхъ горъ, такъ что теченіе рѣки, а съ нимъ и дорога проходитъ тѣснымъ, узкимъ ущельемъ. Предъ входомъ въ ущелье, раньше сухая долина р. Эмтей-гола, обращается въ кочковатое болото, залегшее отъ подошвы и до подошвы горъ. Болото это густо поросло мелкими кустами тальника, грязно, топко и затруднительно для проѣзда; точно также грязень и болотистъ проходъ и дномъ ущелья. Бока ущелья круты, скалисты; вершины этихъ скалъ увѣнчаны

лиственничнымъ лѣсомъ въ перемежку съ березнякомъ. Проходъ тѣсною оканчивается переходомъ чрезъ устье рѣки *Чинчи*, вышедшей съ востока. Аманъ р. Чинчи раздвинулъ горы и р. Эмтей-голь потеряла свое названіе, замѣнивъ его именемъ Чинчи, и въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи течетъ широкой долиной, покрытой зарослями лиственничнаго лѣса, березы же нигдѣ не замѣтно. Вскорѣ мы переѣхали еще чрезъ устье одной мнѣ неизвѣстной рѣки, вышедшей съ востока по широкому, густо заросшему еловымъ и лиственничнымъ лѣсомъ. На правомъ берегу этой рѣки стоитъ три лѣтнихъ юрты урянхайцевъ; близъ устья же виднѣются остатки китайскихъ городищъ съ круглой оградой. Начиная отсюда, рѣка Чинчи прибитая лѣвымъ своимъ берегомъ къ подошвѣ горъ, сопровождающихъ ея теченіе, въ дальнѣйшемъ продолженіи не отходить отъ нихъ. На окраинахъ подошвы этихъ горъ, не вдали другъ отъ друга, стоятъ четыре зимнихъ хашана. Долину же рѣки собственно составляетъ лѣвый берегъ. Чѣмъ дальше внизъ по теченію, тѣмъ склоны горъ, сопровождающихъ берега р. Чинчи дѣлаются все круче и круче и вмѣстѣ съ тѣмъ ближе подходятъ къ берегу рѣки, суживая ея долину; лѣсъ сползаетъ съ склоновъ и покрываетъ собою прибрежья р. Чинчи, такъ что рѣка течетъ не открытымъ мѣстомъ, а густо-заросшей чащей ельника, лиственни, березника и тальника. Дорога пролегаетъ мѣстами по косогору, а мѣстами кочковатымъ грязнымъ болотомъ. Косогоры, въ мѣстахъ своего обнаженія отъ древесной растительности, покрыты роскошной и самой разнообразной флорой; въ лѣсу же масса грибовъ, смородины, малины и земляники (уцзудзынь). Болота кочковаты, топки; проходъ ими затруднителенъ особенно тѣмъ, что кочки густо поросли высокой травой, такъ что нѣтъ возможности лавировать и избѣгать непріятности попадать въ жижу болотной грязи, скрытой травой. Передъ входомъ въ долину

р. Иги, горы отступаютъ отъ береговъ р. Чинчи и она вплоть до впаденія своего течетъ широкой, открытой горной надью.

Добравшись до берега р. Иги, мы перешли чрезъ нее бродомъ на лѣвый ея берегъ и расположились на ночлегъ.

Вечеръ былъ тихій, безоблачный; по рѣчкѣ плавала масса молодыхъ выводковъ гусей и утокъ. Я взялъ ружье и хотѣлъ было добыть себѣ жаркое на ужинъ, но тьма надоѣдливой мошки, облѣпивъ лицо и всѣ открытыя части тѣла, заставила воротиться къ дымокуру и не отходить отъ него до тѣхъ поръ, покуда вечерняя прохлада не заставила это назойливое насѣкомое скрыться отъ холода въ гущѣ травяной листвы.

15 августа. Вчерашній бродъ чрезъ р. Игу не глубокъ: не превышалъ брюха лошади; ложе рѣки усѣяно мелкимъ щебнемъ; берега пологи, почти въ уровень съ теченіемъ рѣки; они по обѣ стороны рѣки Иги окаймлены зарослями тальника, березы и черемхи. Въ мѣстѣ нашей остановки долина р. Иги очень широка, почва ея камениста и нельзя сказать, что въ изобиліи поросла злаками; у подошвѣ западныхъ горъ видны громадныя кучи китайскихъ городищъ съ круглой оградой. Мы вѣхали лѣвымъ берегомъ рѣки... Съ утра туманъ такъ былъ густъ, что буквально дальше головы коня ничего не было видно. Туманъ разсѣялся только къ восьми часамъ утра; въ эту пору онъ собственно поднялся съ долины и продолжалъ еще, застилая горизонтъ, густо клубиться по вершинамъ горъ, и горы долго еще, какъ говорятъ монголы, дымилась. Окончательно же разсѣявшійся въ 9 часовъ туманъ *), наконецъ, далъ намъ возможность осмотрѣть мѣстность. Рѣка Ига правымъ своимъ берегомъ ближе идетъ къ подошвѣ горъ, окаймляющихъ ее правильной грядой. Горы эти высоки, съ выступами; вершины ихъ округлены; склоны горъ круты и отъ

*) Туманъ—по монгольски „ману“, отсюда понятенъ смыслъ мало-россійскаго выраженія „пустынь ману“—пустиль ману, т. е. отуманиль, затуманиль.

подшвы и до вершинъ покрыты древесной растительностию. Горы лѣваго берега тянутся полукругомъ, менѣе высоки и рѣдко заросли лѣсомъ; по пологимъ склонамъ ихъ видны обнаженія известняка; конецъ полукруга глядящій на востокъ замыкаетъ долину и р. Ига идетъ тѣснымъ проходомъ на востокъ же. Въ громадной долинѣ р. Иги кочевьевъ нигдѣ не видно.

Послѣ трехъ часоваго прохода берегомъ р. Иги, мы оставили эту рѣку, отклонились на сѣверъ и сдѣлали подъемъ на гору *Нама-Шабартей*. Подъемъ пологъ и идетъ, какъ говорятъ сибиряки, тянигусомъ. У начала подъема стоитъ семь юртъ урянхайцевъ, а нѣсколько выше, въ горной ложбинѣ, еще шесть лѣтнихъ же юртъ. Спускъ съ *Нарма-Шабартей* пологъ и поросъ отличнымъ, строевымъ лиственничнымъ лѣсомъ—высокимъ, ровнымъ и толстымъ. Между гигантскими деревьями лиственни растетъ толстая береза. Съ *Нарма-Шабартей* спустились мы въ распадокъ *Мохитей-Узуръ*. Распадокъ не широкъ, корытомъ; небольшое русло рѣки рвомъ прорѣзываетъ по срединѣ дно распадка; воды въ рѣкѣ мало; берега ея сыры, болотисты. Мы было хотѣли остановиться на берегу р. *Михитей-Узуръ*, но масса змѣй помѣшала намъ исполнить наше желаніе. Перебравшись на правый берегъ (рѣка течетъ съ востока на западъ) рѣки, поднялись на не крутой взъемъ, обнаженный отъ древесной растительности. На вершинѣ этого взъема мы встрѣтили двѣ семьи урянхайцевъ, собирающихъ луковицы саранки (*Lilia Daurica* Pal.). Урянхайцы, какъ и монголы, пудами собираютъ луковичный корень этого растенія, запасають его на зиму и ѣдятъ свареннымъ въ молокѣ. Взъемъ составляетъ предгорья хребта идущаго на востокъ отъ береговъ оз. *Кубсгула*. На вершину этого хребта намъ и предстоялъ подъемъ. Спускъ съ хребта ведетъ въ долину рѣки *Байнъ-Голь*, лѣваго притока р. Иги; онъ пологъ,

грязень, болотистъ. Долина р. Баннъ-Гола очень широка и богато покрыта злаками; на восточномъ концѣ ея видны лѣтнія юрты, а на западномъ, близъ подошвы горъ, расположены зимніе хашаны. Рѣка Баннъ-Голь беретъ начало на сѣверо-западѣ и вмѣстѣ нашего перехода течетъ четырьмя руслами; она маловодна; берега ея низки, почти плоски; ложе усѣяно мелкимъ камнемъ; теченіе быстро.

Не измѣняя сѣвернаго направленія своего пути, мы оставили долину р. Баннъ-Голь и пошли по направленію распадка *Хире*. Часть хребта примыкающаго къ системѣ Кубсгульскихъ горъ извѣстна подъ именемъ *Хире-Дабанъ* (воронья гора). Съ вершинъ этого хребта, параллельно другъ съ другомъ вышли три распадка; средній изъ нихъ, какъ болѣе широкій, сравнительво сухой и малокаменистый мы и избрали. Поднявшись же на незначительную вышину его, остановились на ночлегъ, такъ какъ было уже поздно, солнце закатывалось и чувствовалась усталость.

Послѣ заката солнца, было до того холодно, что безъ шубы нельзя было сидѣть; ночью же былъ настоящій морозъ.

Г Л А В А ХХІІ.

ОТЪ ХИРЕ-ДАБАНА ДО ЗАЙМКИ ГРИГ. ИВ. ПОСЫЛИНА.

16 августа. Утро сегодня было пасмурное, теплое; на зарѣ мы слышали бой перепела. Помнится мнѣ, что г. Сельскій, проѣзжая по круго-байкальскому тракту и бывши на станціи Моты, по поводу слышаннаго пмъ боя перепела, замѣтилъ, что «это рѣдкій гость Гобійской степи»; дѣйствительно, мы во все время нашего путешествія здѣсь только въ первый разъ имѣли удовольствіе слышать пѣніе этого «гостя».

Сухой въ началѣ подъемъ по распадку Хире, чѣмъ выше, тѣмъ все болѣе и болѣе болотистъ и мало удобенъ для проѣзда. Дно распадка, помимо того, что болотисто, еще заросло и чащей, густыя вѣтви которой били по лицу и рвали одежду. Только лишь предъ началомъ послѣдняго взъема на вершину Хире-дабана чаща рѣдѣетъ, болото замѣняется сухой каменистой почвой. Вершина хребта покрыта лиственничнымъ лѣсомъ въ перемежку съ кедровникомъ. Плодовые шишки кедровника были уже созрѣвшими и мы лакомились орѣхами.

Спускъ съ вершины Хире-дабана ведетъ въ долину р. *Бадыръ*, принадлежащую въ системѣ р. *Ури*. Нужно замѣтить, что Хире-дабанъ служитъ водораздѣльной линіей между рр. Игой и Ури. Сама вершина Хире-дабана представляетъ изъ себя довольно широкую, болотистую горную площадь, спускъ съ которой мѣстами также болотистъ, но только въ началѣ; со середины же склона дорога пролегаетъ косогоромъ праваго берега распадка, надъ обрывомъ, внизу котораго струится ручеекъ густо заросшій кустами смородины, малины и низкорослаго тальника. Подошва спуска, служащая началомъ долины р. *Бадыръ*, грязна, болотиста, поросла тальникомъ и ельникомъ, въ чащѣ котораго водится масса болотныхъ куликовъ, надоѣвшихъ намъ своимъ пискомъ.

Миновавъ болотистую подошву горъ, мы вошли въ широкую долину р. *Бадыръ* и внизъ по теченію рѣки, на сѣверо-востокъ, направились берегомъ р. *Ури*. Послѣ того, какъ р. *Батыръ* впадала въ р. *Дархинтей*, вышедшую съ сѣверо-запада, долина значительно расширилась и по ней въ разныхъ мѣстахъ ея разбросаны лѣтнія кочевья урянхайцевъ.

Желая осмотрѣть берега р. *Ури*, мы уклонились отъ прямой дороги къ оз. *Кубсугулу* и поѣхали внизъ по р. *Дархинтей*, до впаденія ея въ р. *Ури*.

Ури, какъ и р. Ига, не особенно глубока, средній уровень ея глубины равняется двумъ аршинамъ, ширина же до пятнадцати саженой; берега плоски, каменисты; ложе рѣки устлано мелкимъ щебнемъ; долина береговъ ея широка и мѣстами болотиста; части ея, примыкающія къ берегамъ, заросли тальникомъ, тополемъ и ивой, мѣстами есть и береза. Рыбы въ рѣкѣ много. Ури, недалеко отъ устья самой р. Иги, впала въ нее лѣвымъ притокомъ. Мы было хотѣли ѣхать вверхъ по рѣкѣ Ури, чтобы потомъ, переваломъ чрезъ Саянскій хребетъ войти въ распадокъ Харбяты и по рѣкѣ Харбяты дойти до долины р. Иркуты, а затѣмъ и въ Тунку; но такое наше намѣреніе отклонили урянхайцы. Изъ ихъ сообщеній я узналъ, что р. Ури отъ верховьевъ своихъ и до средняго теченія проходитъ чрезъ очень грязныя и затруднительныя для ѣзды болота; но особенная трудность должна встрѣтиться при перевалѣ чрезъ Саянскій хребетъ; объ этомъ послѣднемъ затрудненіи я зналъ изъ опыта. Кони же у насъ были изнурены и я послушался совѣтовъ урянхайцевъ, отворотилъ отъ береговъ Ури и рѣшилъ чрезъ Дархинтуйскій харуль идти къ берегамъ о. Кубсгула.

17 Августа. Отъ береговъ р. Ури мы поворотили на сѣверо-западъ, вверхъ по правому притоку ея къ рѣкѣ Дархинтей. Чрезъ пять верстъ дошли до устья р. Арикъ, излившейся въ р. Дархинтей слѣва. Отъ устья р. Арикъ и дальше на сѣверо-востокъ идетъ линія харуловъ. Оставивъ р. Арикъ и Дархинтуй, мы поворотили на сѣверъ и пошли близъ подошвы горъ, окаймляющихъ долину Дархинтуйскаго харула, сдѣлали не большой подъемъ на предгорье Кубсгульскихъ горъ. На вершинѣ этого предгорья дорога расходится: одна идетъ на западъ въ харуль Хумой; другая же—одинокая верховая тропинка ведетъ въ урочище Булунай—къ минеральному источнику; по этой послѣдней дорогѣ мы и поѣхали; спустились въ долину р. Бага-Дархинтей и на берегу ея остановились на ночлегъ.

Вечеръ былъ сильно холодный; палъ большой иней; горизонтъ былъ чистъ и погода тихая. Сегодня мы шли въ продолженіи семи часовъ. Жилья встрѣчались рѣдко, да и тѣ были пусты: номады вмѣстѣ съ семьями своими—въ эту пору года—озабочены сборомъ саранки и, оставляя юрты, отъ мала до велика отправляются въ глубь долины собирать корешки этого растенія.

18 Августа. Утро холодное: иньи, съ туманомъ и сырой холодной погодой.

По правому берегу р. Бага Дархинтей*) мы дошли до самыхъ верховьевъ, которыя лежатъ на сѣверо-западѣ въ вершинахъ Кубегульскихъ горъ. Дорога болотиста, едва возможна для проѣзда. Трава вездѣ уже пожелтѣла и картина мѣстности имѣла уже осенній характеръ; солнце въ открытыхъ мѣстахъ хотя и пригрѣвало, но въ тѣни было холодно и сыро. Подъемъ на вершину горъ, окаймляющихъ восточный берегъ озера Кубегула, грязень, каменистъ и очень крутъ; широкая площадь вершины горъ болотиста, съ ободраной, корявой, поросшей мхомъ древесной растительностію, въ ложбинахъ площади много горной смородины; плоды ее не были зрѣлы и уже испорчены морозомъ; въ лѣсу много голубицы и грибовъ-маслянокъ; все это морозъ также испортилъ. Спускъ съ горной площади нѣсколько положе подъема и сухъ, за то значительно каменистъ. Спустились мы въ долину р. *Булунайюль* и, послѣ одного изъ труднѣйшихъ горныхъ переходовъ, остановились на отдыхъ. На протяженіи всего сегодняшняго перехода мы нигдѣ не встрѣтили никакихъ признаковъ жилья. Болотистая мѣстность до одуренія скучна и едвали когда либо будетъ обитаема: болота, камни, горныя возвышенности не послужатъ приманкой для человѣка поставить въ этой дикой мѣстности свое жилище.

*) Р. Бага Дархинтей устье своея теряется въ Дархинтубской долинѣ, поэтому и не показана нами въ числѣ протоковъ.

19 *Августа.* Рѣка Булунай беретъ начало на сѣверо-востокѣ; течетъ съ начала на югъ, потомъ огибаетъ горный мысъ, поворачиваетъ на западъ и впадаетъ въ оз. Кубегуль. На правомъ берегу этой рѣки, верстахъ въ десяти отъ ея верховьевъ, изъ подъ скалы, бьетъ горячій сѣрный минеральный источникъ. Желая познакомиться съ этимъ источникомъ, мы отворотили отъ прямой (на сѣверъ) своей дороги и пошли внизъ по р. Булунай и у минерального источника остановились на роздыхъ. Дорога была очень затруднительна; розсыпи камней смѣняли болота, подъемы на взгорья, чаща, рытвины и другія неудобства прохода дикой суровой мѣстностию. Въ непривѣтливомъ этомъ мѣстѣ жилья нигдѣ нѣтъ вплоть до самаго минерального источника.

20 *Августа.* Дневка *Осмотръ минеральнаго источника.*

Площадь прибрежьевъ р. Булунай, въ мѣстѣ расположенія сѣрнаго минерального ключа довольно широка. Изъ подъ подошвы невысокой горы минеральная вода бьетъ тремя ключами. Надъ однимъ изъ этихъ ключей, именно надъ центральнымъ поставленъ громадный «обо». Лицевая сторона обращена на востокъ и имѣетъ три ниши: одну главную и двѣ побочныхъ. Въ главной нишѣ устроенъ бурхани шире, на которомъ въ обычномъ порядкѣ разставлено множество изображеній бурхановъ; стѣны увѣшаны хадаками, конскимъ волосомъ, плитами съ литографированными на нихъ молитвами; на выступяхъ бурхани шире разставлены *сунтусу* (чашечки); въ одиѣ изъ нихъ налита вода, въ другія положено жертвенное масло, зерна, мясо, арца сушеное молоко, есть даже наши конфекты и печеный хлѣбъ. Мышей мало и эти звѣрки, не обращая вниманіе на присутствіе челосѣка, съ апетитомъ поѣдаютъ жертвы, предназначенныя для бурхановъ. У подошвы бурхани шире сдѣланъ маленькій, аршинъ въ діаметрѣ, шестиугольный деревянный срубъ для скопа воды родника;

глубина сруба до полуторыхъ аршинъ и дно его устлано каменными плитами; рядомъ къ востоку сдѣлано еще два сруба, уже четырехугольныхъ и гораздо большихъ. Всякій входящій внутрь ниши, прежде всего, кланяется бурханамъ, затѣмъ черпаетъ рукою воду изъ шестиугольнаго сруба и мочитъ ей свое лицо: лобъ, глаза, носъ, ротъ, уши, мочитъ также шею, грудь и мѣста близъ дѣтородныхъ частей; потомъ, зачерпнувъ воды китайской чашкой, пьетъ ею; купаться же въ этомъ срубѣ номады считаютъ оскверненіемъ святыни: онъ убѣжденъ, что въ скопѣ воды сруба погружаются бурханы и разные тенгрии. Въ двухъ же другихъ срубкахъ позволяется принимать ванны. Въ побочныхъ нишахъ нѣтъ бурхани шире, а только стѣны ихъ точно также увѣшаны хадаками и волосомъ и въ глубинѣ ея виситъ нѣсколько изображеній бурхановъ; въ побочныхъ нишахъ устроено по одной ваннѣ. Кромѣ того, вокругъ обо съ внѣшней его стороны сдѣлано пять срубовъ для скопа минеральной воды; поверхность этихъ срубовъ открыта; на южной же сторонѣ обо надъ двумя срубамъ сдѣланы амбарчики вродѣ нашихъ купалень. Склонъ горы, изъ подъ подошвы которой вытекаетъ минеральный родникъ, благочестивыми паціентами весь выложенъ камнями, комбинація которыхъ изображаетъ молитву: «ом-ма-ни-бад-мехомъ». Видъ на этотъ склонъ, испещренный въ разныхъ направленіяхъ изображеніями «мани», очень оригиналенъ и красивъ. Каждый монголь, пріѣзжая пользоваться «оршіяномъ» (минеральной водой), привозитъ съ собой палатку и запасается провизіей. По пріѣздѣ, ставитъ палатку близъ обона и идетъ принести жертву духу-покровителю аршіана. Жертва состоитъ изъ кусочковъ мяса, масла и другой пищи номадовъ, также и изъ возженія фиміама, т. е. вѣтвей вереса, богородской травы и хужи (растительныя ароматическія свѣчи). Послѣ умилоствленія духовъ, номады начинаютъ принимать ванны и купа-

ются въ скопѣ воды срубовъ; причемъ семейные влезаютъ въ срубъ не въ одиночку, а съ женами и дѣтьми. Въ срубахъ считаютъ за арте (грѣхъ) принять какую либо другую позу, кромѣ сидѣнія на корточкахъ, и во все продолженіе пріема ванны, безъ умолку, вполголоса читаютъ молитвы. Чтобы скрыться отъ постороннихъ глазъ, надъ срубомъ ставятъ деревянный, конусообразный треногъ и покрываютъ его собственной своей одежей, раздѣваются при всѣхъ, никого и ничего не стѣсняясь. Гуль, какой производятъ вслѣдствіе чтенія молитвъ, довольно странное производитъ впечатлѣніе, точно шмели гудятъ въ душѣ дерева... По выходѣ изъ ванны, особенно берегутъ уши и тщательно повязываютъ ихъ платкомъ, либо другимъ какимъ либо тряпьемъ. Курсъ леченія состоитъ въ пріемѣ сорока ваннъ и рѣдко больше, а это занимаетъ отъ пятнадцати до двадцати дней. Въ продолженіи этого времени монголы воздерживаются отъ употребленія спиртныхъ напитковъ и стараются какъ можно больше ѣсть мяса. Кстати, откуда выдумали бр. Бутины, «утверждая, что всего замѣчательнѣе то, что лѣтомъ монголы не ѣдятъ никакой говядины, такъ какъ это запрещаетъ законъ; если начальство узнаетъ, что послѣдній былъ не исполненъ, то на виновника налагается большой штрафъ,—это чистѣйшая, безосновательнѣйшая выдумка, сообщенная брат. Бутиными наобумъ: монголы лѣтомъ, *довольствуясь* обильной и разнообразной *молочной пищей, мало употребляютъ* мяса, —это такъ; но никакого запрещенія и, какъ послѣдствія нарушенія его, наказанія *нѣтъ*; больные постоянно ѣдятъ молодую баранину, да и здоровые, особенно богатые люди, часто колятъ овецъ; князья же и богатые *тайджи* (дворяне), просто напросто *обязаны* каждый день колоть для пищи хоть по одной овцѣ*). Во

*) Не проверено также бр. Бутиными сообщеніе ихъ, что будто бы *кырсеи* (часть груди) былъ никуда негоденъ и «надо имѣть монгольскіе зубы, чтобы уничтожить это полусырое полунзжаренное мясо». Напротивъ *кырсеи* состоитъ изъ жировыхъ частицъ и очень мягокъ. И бр. Бутины и авторъ, очевидно не кушали *кырсеи*. *Бр. Бутины, вѣроятно не пересчитываютъ* того, что *пишутъ*.
Ир. редакція.

время же леченія минеральными водами, обычай, а съ нимъ и тибетская медицина, предписываетъ, какъ лекарство, быть возможно больше мяса.

Булунай аршіянь славится и имѣетъ большую извѣстность, чѣмъ другіе минеральные источники. Пользоваться цѣлебными водами его пріѣзжаютъ даже изъ Урги; наши же буряты толпами посѣщаютъ Булунай аршіянь.

Замѣчательно, что мѣстный скотъ, лошади и овцы горячую минеральную воду предпочитаютъ водѣ р. Булунай и въ теченіе круглаго года ходятъ на водопой къ источнику.

21 Августа. Отъ Булунай аршіяна мы снова поѣхали къ верховьямъ рѣки и, не доходя самой вершины ея, своротили на западъ и сдѣлали переваль чрезъ хребетъ при Кубсгульскихъ горахъ. Подъемъ крутъ, каменистъ, болотистъ, затруднителенъ для верховой ѣзды; для телѣжной же и вовсе не возможенъ. Спускаясь съ вершины хребта по каменистому же распадку, мы въ первый разъ увидѣли д. Кубсгуль во всей его красѣ. Среди оцѣпившей со всѣхъ сторонъ толпы бѣлоснѣжныхъ, зубчатыхъ, покрытыхъ прозначной пеленой тумана, горъ, точно въ чащѣ, громадное водовмѣстилище, зеркальная поверхность котораго, игриво, серебристымъ переливомъ, то сямъ, то тамъ отражаетъ блескъ лучей солнца! Таковъ видъ оз. Кубсгула.... Мы спустились къ его берегу и, не отдаляясь, дошли до урочища Галбай, гдѣ и започевали. Вечеръ и ночь были очень холодны—точно въ глубокую осень. Къ утру же поверхность земли, трава, деревья, камни «объиндѣтели», покрылись инеемъ, точно толстымъ слоемъ серебра. Ослѣпительный блескъ лучей восходящаго свѣтила былъ уже безсиленъ согрѣть окоченѣвшіе, въ продолженіе холодной морозной ночи, наши члены и мы должны были корчиться у разведеннаго очага.

22 Августа. Торопясь поскорѣе добраться до гостепріимнаго крова Гр. Ив. Посылина, мы поскорѣе засѣдлали лошадей и отправились въ путь... Весь почти день пришлось ѣхать по песчаному берегу оз. Кубсгула. Зыбучесть песка, утомляя лошадей, замедлила наше движеніе; къ тому же пошелъ дождь и мы вынуждены были еще одну ночь переночевать на берегу оз. Кубсгула.

23 Августа. Ночь сильно холодная... Утромъ пошла сначала «крупя», потомъ снѣгъ.... поднялась буря и мы кое-какъ добрались до Хореть въ уютный и теплый домъ г. Посылина. Снѣгъ, не переставая, шелъ 24, 25 и 26 августа толстымъ слоемъ покрылъ землю и, помимо нашей воли, задержать насъ въ Хоретахъ и заставилъ злоупотребить гостепріимствомъ Григорія Ивановича. Дождавшись хорошей погоды, я распростился съ Посылинымъ и къ концу августа пріѣхалъ въ Иркутскъ.

Яковъ Дуброва.

ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЯ

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ, ДѢЛАННЫЯ НА ПУТИ ОТЪ
Г. ИРКУТСКА ДО СЕЛА ПРЕОБРАЖЕНСКА НА РѢКѢ
НИЖНЕЙ ТУНГУСКѢ.

(Съ таблицею рисунковъ).

Въ 1882 г. я ѣздилъ на р. Нижнюю Тунгуску для устройства на ней метеорологической станціи и производства наблюдений въ теченіе цѣлаго года. Пунктомъ для станціи, по соображеніямъ Главной Физической Обсерваторіи, избрано было село Преображенское, лежащее подъ $60^{\circ} 0' 48''$ сѣвер. широты и $77^{\circ} 39'$ восточной долготы отъ Пулкова ($125^{\circ} 38'$ отъ Ферро). Проѣздъ совершался съ поспѣшностью, такъ какъ для начала наблюдений, возможныхъ, разумѣется, лишь послѣ устройства всѣхъ приспособленій для установки инструментовъ, назначенъ былъ срокъ, причемъ еще нельзя было съ точностью опредѣлить нужное на проѣздъ количество времени, потому что, вмѣстѣ съ отворотомъ отъ р. Лены, оканчивается правильное почтовое сообщеніе, замѣняясь проселочнымъ съ его неизбежными задержками и т. п. Само собою разумѣется, что такое путешествіе, совершавшееся къ тому-же и днемъ и ночью, почти совершенно исключало возможность производить болѣе или менѣе правильныя геологическія изслѣдованія и потому въ настоящей статьѣ, въ этомъ отношеніи, читатель найдетъ нерѣдко болѣе вопросовъ нежели ихъ рѣшеній. Такъ какъ, однако, въ статьѣ затрогиваются нѣкоторые болѣе общіе вопросы, къ тому-же мнѣ удалось собрать какъ палеонтологическую коллекцію, такъ отчасти и зоологическія свѣдѣнія, то въ общемъ получился матеріаль пригодный къ печати.

Якутскій трактъ, на протяженіи отъ Иркутска до р. Лены, слѣдуетъ, какъ извѣстно, въ общемъ сѣверо-восточному

направленію, пролегая по долинь р. Куды и ея лѣваго притока Ордушки; затѣмъ, пересѣкая рѣчки: Каменку и Мольку, образующія собою лѣвый же притокъ Куды, извѣстный подъ названіемъ Мурина, подымается по Баендайскому ключику (лѣвый притокъ Мольки) на плоскій, узкій и низкій, ангарско-ленскій водораздѣлъ, носящій незаслуженное названіе хребта (Березовый или Поворотъ). Отсюда дорога спускается въ долину р. Куданцы и воспринимающей ее съ лѣвой стороны. Манзурки, которая изливается уже въ Лену. Здѣсь-же слѣдуетъ замѣтить, что долины рр. Куды съ Муриномъ и Куданцы съ Манзуркою располагаются почти на продолженіи одной и той-же линіи, параллельной Байкалу (Олотскому хребту) и настолько близкой къ его прибрежнымъ горамъ, что образуютъ собою какъ бы границу между ними и лежащею къ сѣверу, плоскою возвышенностью, часть которой уцѣлѣла въ видѣ упомянутаго выше хребта Березоваго. Вся мѣстность эта вошла уже въ предѣлы имѣющихся у насъ геогностическихъ картъ: она изслѣдована Эрманомъ, Меглицкимъ, а затѣмъ Чекановскимъ, къ картѣ котораго я отсылаю читателя; по тракту этому, въ 1879 г., проѣхалъ и я, спустившись на него по р. Ленѣ съ озера Байкала (см. мою геологическую карту, приложенную къ отчету объ изслѣдованіи названнаго озера за 1880 г.). На основаніи всѣхъ этихъ изслѣдованій мы знаемъ, что на пути этомъ, кромѣ наносныхъ образованій, развиты только: вообще желтые, угленосные песчаники, причисленные г. Чекановскимъ, а затѣмъ и Овальдомъ Геэромъ, къ юрскій формации, а далѣе известнякъ и залегающая на немъ красноцвѣтная толща (песчаникъ обыкновенно вскипающій отъ кислоты, рухляковый и глинистый сланцы и сланцеватая глина) породы, которыя я отнесъ къ силурійскому возрасту.

Юра сопровождаетъ путешественника отъ самаго Иркутска на протяженіи немногимъ болѣе ста верстъ, до восточ-

ныхъ окрестностей станціи Ользоновской, гдѣ она оканчивается образуя лѣвый берегъ долины р. Каменки, вверхъ по которой формація отступаетъ на ЗСЗ къ р. Ангарѣ,—къ лѣвому берегу рч. Иды (балаганскаго округа), уступая мѣста отчасти известняку, а главнымъ образомъ красноцвѣтнымъ породамъ. Положеніе пластовъ при большинствѣ случаевъ почти горизонтальное; изслѣдованіями Чекановскаго обнаруженъ слабый, синклинальный наклонъ спаевъ между широтами станцій: Жердовки (Капсальскія горы) и Усть-Ординской (гора Булень). Широкая долина рч. Каменки, общая и для впадающей въ нее съ лѣвой стороны Мольки, обнажаетъ на днѣ своемъ известнякъ, пласты котораго, судя по даннымъ, собраннымъ Чекановскимъ, должны лежать горизонтально или вообще согласно съ юрскими, образующими, какъ сказано выше, правый берегъ долины; между тѣмъ, высоты и склонъ лѣваго берега долины образуются уже членами красноцвѣтной толщи, достигающей той-же гипсометрической высоты, какъ и юра и напластованной согласно на томъ-же известнякѣ, на которомъ съ противоположной стороны долины залегаютъ юрскіе осадки. Такія стратиграфическія отношенія названныхъ трехъ породъ ввели, какъ извѣстно, г. Чекановскаго въ заблужденіе, заставляя его причислить какъ юру, такъ и смѣняющую ее красноцвѣтную толщу, къ одному и тому-же (юрскому) возрасту, до тѣхъ поръ, пока въ 1875 г. мнѣ не удалось объяснить описанное явленіе тѣмъ, что юра выполняетъ собою бассейнъ, размытый въ красноцвѣтныхъ породахъ и углубленный до ихъ подпочвы, т. е. до известняка, обнаженнаго на днѣ долины Каменки, причемъ къ описаннымъ уже мною мѣстамъ залеганія юры на красныхъ песчаникахъ, считаю не лишнимъ прибавить здѣсь еще слѣдующіе, не обнародованные до сихъ поръ, факты.

Во-первыхъ, мое наблюденіе на крайней восточной вершинѣ такъ называемыхъ Хашегайскихъ горъ, отдѣляющихъ

р. Заларию отъ р. Унги, лѣваго притока Ангары около г. Балаганска. Достигая, повидимому, 400' надъ уровнемъ долины Залари, вершина эта, до высоты болѣе 300' обнажаетъ красноцвѣтныя породы, на которыхъ, какъ видно по обнаженіямъ западнаго склона горы, залегаетъ желтый, глинистый песчаникъ, отличающійся болѣе крупнымъ зерномъ и отсутствіемъ или весьма незначительнымъ содержаніемъ углекислой извести въ цементѣ; мощность обнаженныхъ, вообще тонкихъ слоевъ породы достигаетъ 14', а около плоскости залеганія замѣчается прослойка краснаго цвѣта до 4 дюймовъ толщины. Цвѣтъ этихъ пластовъ, лежащихъ, прибавлю горизонтально и согласно съ красноцвѣтными (силурійскими), охристо-желтыя прослойки, появленіе бурога желѣзняка и пропластковъ болѣе богатыхъ глиною и слюдою, сближаетъ ихъ только съ юрскимъ песчаникомъ и то съ его нижнимъ ярусомъ, и потому въ настоящее время я не могу сомнѣваться въ томъ, что ближайшее знакомство съ никѣмъ не посѣщенными еще высшими точками Хишегайскихъ горъ свяжетъ этотъ, уединенный нынѣ островокъ юры съ главною областью распространенія этой формации, границы которой означены на картѣ Чекановскаго въ разстояніи всего лишь 14-ти верстъ на западъ и столько-же на югъ отъ описаннаго мною мѣста. Остальныя затѣмъ данныя относятся уже къ правому берегу Ангары. Не взирая на то, что склоны долины р. Осы, впадающей въ Ангару около 10 верстъ выше Балаганска, обнажаютъ однѣ лишь красноцвѣтныя породы, развитыя и по берегамъ рч. Одусы, праваго притока Осы (см. карту Чекановскаго), по рассказамъ бурятъ на береговыхъ возвышенностяхъ той-же Одусы добываютъ гдѣ-то бруски, ближайшее изслѣдованіе которыхъ, по доставленіемъ мнѣ экземплярамъ, показало, что они состоятъ изъ песчаника совершенно тождественнаго съ юрскимъ. Если прибавить къ тому-же наблюденіе горнаго инженера Л. А. Ячев-

скаго, согласно которому, на высотѣ лѣваго берега р. Осы, обнажающаго красноцвѣтныя породы, земледѣльцы выпахиваютъ куски и плитки бураго угля, употребляемаго тамъ на нѣкоторыя подѣлки (напр. муштуки и т. п.), то залеганіе юры поверхъ красныхъ песчаниковъ системы р. Осы является болѣе чѣмъ правдоподобнымъ. Наконецъ, бывший здѣсь горный инженеръ Н. В. Маюровъ передавалъ мнѣ, что шурфъ, заложенный имъ около р. Уды (правый притокъ Ангары, берущій начало въ томъ-же Березовомъ хребтѣ недалеко отъ Осы), прошелъ сначала желтый песчаникъ, а затѣмъ углубился въ красныя породы.

Итогъ сообщенныхъ данныхъ указываетъ на то, что восточную границу водъ нашего краснаго бассейна образовалъ, должно быть, Березовый хребетъ, на восточномъ склонѣ котораго, слѣдовательно въ соответственныхъ частяхъ системы р. Лены, до сихъ поръ никто не находилъ еще осадковъ этого періода.

Такъ и по нашей дорогѣ, гдѣ южная оконечность названнаго хребта, хотя и образуетъ собою высшій пунктъ всего пути (680' надъ Иркутскомъ по «Сборнику высотъ» Крапоткина), но, повидимому, не превышаетъ нынѣ гипсометрической уровень сосѣдней съ нимъ юры, обнажая однѣ лишь красноцвѣтныя пласты. Тѣже осадки вмѣстѣ съ залегающимъ подъ нимъ известнякомъ сопровождаютъ дорогу и по весьма широкой, озеровидной долинѣ рр. Куданцы и Манзурки такимъ образомъ, что известнякъ образуетъ собою правый берегъ, впрочемъ, только до окрестностей станцій Хорбитской, между тѣмъ какъ красный песчаникъ и сподчиненные ему сланцы слагаетъ сначала только лѣвый берегъ долины, а отъ Хорбитской совершенно вытѣсняетъ собою известнякъ, распространяясь и на теченіе р. Лены.

Кромѣ указаннаго геогностическаго строенія, описанная часть дороги представляетъ еще слѣдующіе, интересные вопросы, рѣшеніе которыхъ требуетъ болѣе подробнаго изслѣдованія мѣстности. На первомъ планѣ стоитъ — такъ называемый — верхній ярусъ здѣшней юры, обнаженной, между прочимъ, въ каменоломняхъ Точильной горы, въ нѣсколькихъ верстахъ на С. В. отъ ст. Ользоновской. Чекановскій находилъ въ нихъ отпечатки растеній, принадлежащихъ, повидимому, къ ангиоспермамъ, но весьма плохо сохранившимся; если такъ, то ярусъ этотъ окажется принадлежащимъ не юрѣ, а какой либо менѣе древней формации. Оказывается, что гору эту, на которой добыча точиль производится только зимою, слѣдуетъ осматривать или во время работъ, или весною, такъ какъ къ осени ямы обыкновенно осыпываются, дѣлаясь не пригодными къ поискамъ ископаемыхъ остатковъ, куски глинъ, выброшенные работниками, распадаются, вмѣстѣ съ заключенными въ нихъ отпечатками. Въ такомъ видѣ засталъ каменоломню эту Чекановскій, — таже участь постигла и меня, посѣтившаго Точильную гору въ концѣ августа.

Другимъ темнымъ вопросомъ является Баендайскаѣ бѣлая глина. Разработка ея располагается въ 1¹/₂ верстахъ на востокъ отъ Баендаиской станціи, около пологого склона плоскаго, котловинообразнаго углубленія верховьевъ соименнаго ключа, среди красноцвѣтныхъ породъ хребта Березоваго: въ мѣстности, совершенно поросшей травою, виднѣются ямы и выработки до трехъ сажень глубины, частью осыпанныя, частью обнажающія не слоистую (но и не лесовидную) бѣлую глину, необнаруживающую никакихъ ископаемыхъ остатковъ; въ породѣ этой, въ особенности ближе къ ея, необнаженному, впрочемъ, лежащему боку, попадаетъ не мало неправильныхъ сростковъ землистой углекислой извести, поступающей въ продажу подъ названіемъ мѣла; кромѣ того, въ глинѣ располага-

ются еще особеннаго рода бѣлыя конкреціи съ гладкою поверхностью и весьма оригинальною скульптурою, плотнаго сложенія, иногда съ раковистымъ изломомъ, не вскипающія отъ кислоты; составъ ихъ остается мнѣ, однако, неизвѣстнымъ, такъ какъ нынѣ я не располагаю коллекціей этихъ образований. Очевидно, что при наличномъ итогѣ нашихъ свѣдѣній, возрастъ этой глины не можетъ быть опредѣленнымъ; судя, однако, по мѣстному характеру отложенія и по его залеганію въ мутьдовидномъ углубленіи долины Баендая, я полагаю, что оно не древнѣе третичнаго возраста. Наконецъ, крайне мало изслѣдованными являются и наносы, выполняющіе долины рѣкъ этой мѣстности.

Уже изслѣдованія Чекановскаго показали, что между этими осадками можно различать позднѣйшіе и болѣе древніе, означенные на его геогностической картѣ острововидными возвышеніями въ долинахъ рр. Куданци и Манзурки, съ верховьевъ которой наносы эти переходятъ даже черезъ водораздѣльную часть Оротскаго хребта въ долины Бугульдейки и Анги, системы рѣкъ Байкала; съ тѣхъ поръ же какъ изслѣдованія мои показали, что въ нѣкоторыхъ рѣчныхъ долинахъ прибайкальскихъ горъ (система рр. Олхи, Селенги, см. мой отчетъ за 1879 г.) залегаютъ третичные осадки, обличая столь значительную древность этихъ долинъ, — когда, къ тому же, и осмотръ упомянутыхъ выше наносовъ въ смежныхъ верховьяхъ Манзурки и Бугульдейки заставилъ меня поставить вопросъ: не принадлежитъ ли часть ихъ той же третичной, (миоценовой) эпохѣ, — съ тѣхъ поръ, повторяю, изученіе наносовъ описываемой части якутскаго тракта представляетъ еще болѣе интереса, такъ какъ можетъ доказать, что въ промежуткѣ между Березовымъ хребтомъ и р. Леною съ одной стороны, а въ системѣ р. Куды съ другой, существовало пространное третичное озеро, — явленіе во всякомъ случаѣ, послѣдовавшее

за отложеніемъ песчанка Точильной горы и отдѣленное отъ него періодомъ значительнаго размыва почвы этой мѣстности. По сѣверной оконечности описанной озеровидной долины протекаетъ и не большой отрѣзокъ р. Лены, вступающей въ узкую часть своей долины лишь въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Качуга.

Хотя съ теченіемъ р. Лены между Качугомъ и г. Киренскомъ связано уже изрядное количество именъ ученыхъ путешественниковъ (Злобинъ, Эрманъ, Щукинъ, Меглицкій, Миддендорфъ, Крапоткинъ, а наконецъ Чекановскій), тѣмъ не менѣе ни одному изъ нихъ нельзя было заняться спеціальнымъ и подробнымъ изслѣдованіемъ этой долины, проложенной, какъ извѣстно, въ плоской возвышенности и глубоко врѣзавшейся въ нее. Не упоминаая о всѣхъ недоразумѣніяхъ, противурѣчивыхъ показаніяхъ и спорахъ, возникшихъ вслѣдствіе такихъ, такъ сказать, мимолетныхъ изслѣдованій, и выяснившихся лишь во второй половинѣ истекшаго десятилѣтія, перейду къ геогностическимъ замѣткамъ, которыя я успѣлъ сдѣлать какъ на пути къ мѣсту моего назначенія, такъ и во время обратнаго слѣдованія въ Иркутскъ.

Знакомые намъ уже красные пласты съ преобладающимъ въ ихъ составѣ песчаникомъ и съ небольшими уклоненіями отъ горизонтальности (простираніе, повидимому, близкое къ $N. O.$), продолжаются до Усть-Кутска, тѣмъ не менѣе, будущимъ изслѣдователямъ необходимо знать, что въ промежуткѣ между станціями Банной и Туруцкой, высоко, на склонѣ горъ, видѣются въ одномъ мѣстѣ не большія обнаженія желтаго цвѣта (наносъ или болѣе древнее отложеніе?). О близкомъ сосѣдствѣ известняка я узналъ отъ туруцкихъ жителей, которые обжигаютъ эту породу по одному изъ ближайшихъ ключей, что же касается выступовъ известняка, то они были замѣчены мною только около Усть-Куты. Порода эта, видѣнная мною

также въ Кокуйскѣ (иначе Кокуй) и ниже его, продолжается, повидимому, на протяженіи не менѣе 150 верстъ отъ Усть-Куты, считая по теченію рѣки и только сейчасъ-же за ст. Марковой она видимо смѣняется красноцвѣтною толщею, пласты которой полого но ясно падаютъ внизъ по рѣкѣ, поворачивающей на SO, къ большой и сложной излучинѣ, образуемой ею между названною станціею и Безруковскою, т. е. ближайшею отъ г. Киренска. Въ громадномъ кривлякѣ этомъ, ниже ст. Красноярской, на правомъ берегу рѣки можно видѣть известковыя глыбы, обнаруживающія ясныя слѣды шлифованія и изборозжденія ихъ весеннимъ ледоходомъ, а ниже слѣдующей, Потаповской станціи известнякъ замѣчается и въ обнаженіяхъ съ видимымъ наклономъ пластовъ въ верхъ по теченію, повидимому, на S O. Также порода, какъ будто съ противоположнымъ (антилинальнымъ) паденіемъ пластовъ (внизъ по рѣкѣ) выступаетъ и на пути къ Безруковой, именно, въ виду (нѣсколько выше) деревни Криволуцкой, прославившейся въ нашей литературѣ со времени Злобина, наблюденіе котораго, невѣрно переданное въ его статьѣ, послужило поводомъ къ столькимъ недоразумѣніямъ. Главный интересъ этого обнаженія, располагающагося на правомъ берегу Лены, и никѣмъ еще неосмотрѣннаго со времени путешествія Злобина, состоитъ въ томъ, что низшая часть горы, до самаго основанія, состоитъ изъ пластовъ упомянутаго выше известняка, тогда какъ высшая, болѣе пологая часть ея покрыта осыпью красноцвѣтныхъ породъ, причемъ изъ подъ такого детритуса видѣются мѣстами и неразрушенныя части пластовъ, обличая согласное положеніе ихъ относительно известковыхъ.

Наблюденіе это, хотя оно сдѣлано съ противоположнаго, т. е. съ лѣваго берега рѣки, по которому проложенъ бичевникъ, не оставляетъ, однако, во мнѣ никакого сомнѣнія въ томъ, что Злобинъ въ дер. Криволуцкой имѣлъ дѣло съ песчаникомъ

того же стратиграфическаго уровня, съ которымъ мы не разставались, начиная съ долины р. Каменки до Усть-Куты, и которымъ Эрманъ, а затѣмъ Чекановскій, занимались въ окрестностяхъ Киренска; изъ этого песчаника и подчиненныхъ ему породъ должны происходить, поэтому, и описанныя Жираромъ окаменѣлости, опредѣляющія возрастъ этой толщи. Наконецъ что касается окрестностей Киренска, гдѣ, по мнѣнію Злобина: «горы краснаго песчаника покрываются уже известковымъ камнемъ», то тамъ, напротивъ, какъ извѣстно, Эрманъ пытался установить даже несогласное напластованіе тѣхъ-же красныхъ породъ на известнякѣ; Чекановскій же, которому удалось видѣть и самую плоскость соприкосновенія обоихъ отложеній, доказалъ, что красноцвѣтная толща, дѣйствительно, залегая поверхъ известняка, приподнята, однако, вполне согласно съ нимъ и падаетъ совмѣстно на OSO. Съ своей стороны, я могу лишь примкнуть къ воззрѣнію г. Чекановскаго, прибавивъ, что на пути къ с. Чечуйску, изъ котораго я перевалилъ на Нижнюю Тунгуску, въ промежуткѣ между Киренскомъ и Алексѣевскою станціею, нѣсколько ниже дер. Змѣиной (Змѣевка у Чекановскаго) я видѣлъ также описанное тѣмъ-же ученымъ, весьма образцовое залеганіе красныхъ породъ на известнякѣ при согласномъ же отношеніи слоевъ обѣихъ породъ.

Прежде чѣмъ перейти къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ по поводу существующихъ въ литературѣ мнѣній объ образованіи самой долины р. Лены, считаю необходимымъ передать имѣющеся у меня свѣдѣніе о нахожденіи ископаемыхъ остатковъ въ красныхъ песчаникахъ южнѣе дер. Криволуцкой. Въ 1877 г. я просилъ В. Г. Пиваровича, отправлявшагося въ то время на Олекму въ качествѣ горнаго отводчика, обращать вниманіе на возможность нахожденія окаменѣлостей въ ленинскихъ песчаникахъ, причемъ указалъ на дер. Криволуцкую.

Возвратившись изъ командировки, г. Циваровичъ сообщилъ мнѣ, что, хотя ему и не удалось осмотрѣть утесы около Криволицкой (онъ проѣзжалъ тамъ, кажется, ночью), тѣмъ не менѣе, гдѣ-то южнѣе этой деревни онъ успѣлъ отыскать остатки раковинъ, которые онъ сейчасъ же передалъ мнѣ. И дѣйствительно, врученные мнѣ штуфы состояли изъ краснаго песчаника, а на одномъ или на двухъ изъ нихъ (теперь уже не помню) виднѣлись весьма ясныя отпечатки маленькихъ двустворчатыхъ раковинъ вполне похожихъ на *Orthis*, экземпляры которыхъ имѣлись въ то время въ здѣшнемъ музеѣ, доставленные кажется съ р. Вилня. Я не замедлилъ отослать эти штуфы въ Петербургъ для ближайшаго опредѣленія раковинъ, но, къ крайнему моему сожалѣнію, слѣдуетъ полагать, что дорогою отпечатки эти подверглись разрушенію, такъ какъ въ отвѣтномъ письмѣ академика Ф. Б. Шмидта значилось, что на присланныхъ штуфахъ отпечатковъ не оказалось. Что же касается переданныхъ г. Циваровичемъ подробностей о мѣстѣ находенія найденныхъ имъ ископаемыхъ, то записка его, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими моими бумагами, сгорѣла во время извѣстнаго иркутскаго пожара, вслѣдствіе чего я не могъ воспользоваться ею ни для поисковъ въ этомъ, забытомъ мною мѣстѣ, ни для сообщенія въ настоящей статьѣ.

Прежніе изслѣдователи долины р. Лены объясняли ея образованіе, какъ извѣстно, исключительно рѣчными и атмосферными дѣятелями, причемъ указывали и на столь важнаго, а въ предѣлахъ развитія твердыхъ породъ, можно сказать, даже главнаго фактора, какимъ является растресканное состояніе песчаника, не входя, однако, въ подробности этой, весьма рациональной, но не вполне еще установившейся въ то время теоріи. Противъ такого объясненія возразилъ, однако, Крапоткинъ, находясь, очевидно, подъ вліяніемъ морской теоріи обра-

зованія долинь Лэйяли, которую онъ и хотѣлъ примѣнить къ настоящему случаю. Крапоткинъ въ своемъ возраженіи придаетъ, во первыхъ, значеніе твердости краснаго песчаника, указывая на него, какъ породу, якобы «трудно уступающую размывамъ», во вторыхъ, что толщи постъ-пліоценовыхъ наносовъ съ остатками мамонта и носорога выполняютъ собою не только долину Лены, но и узкія долинки ея притоковъ, изъ чего онъ заключаетъ, что во время отложенія этихъ осадковъ, долина Лены и ея притоковъ имѣла уже ту самую конфигурацію, которая свойственна ей и въ настоящее время; наконецъ, названный авторъ ставитъ на видъ то обстоятельство, что вода современной Лены ограничивается преимущественно размывомъ наносныхъ образований долины, производя лишь ничтожныя измѣненія въ очертаніи скалистыхъ береговъ, главнымъ образомъ на поворотахъ рѣки, причемъ и на поверхности дилувіальныхъ наносовъ наблюдается только незначительное количество осыпей разрушившихся береговыхъ скалъ даже тамъ, гдѣ осыпи эти не могли быть снесены водою. Наблюденія эти г. Крапоткинъ считаетъ достаточными для того, чтобы признать неудовлетворительность теоріи образованія долинь путемъ размыва рѣчными водами и прибѣгаетъ къ вліянію отступающаго моря,—обстоятельство, заставившее его допустить бывшее погруженіе въ море этой части Сибири въ періодъ предшествовавшій отложенію постъ-пліоценовыхъ наносовъ.

Все это было писано въ 1870 г.; поэтому, само собою разумѣется, что въ настоящее время, когда упомянутая выше теорія—Лэйяли не выдерживаетъ современной критики, самъ г. Крапоткинъ долженъ былъ бы отказаться отъ ея примѣненія не только къ Ленѣ, но и къ любой другой долинь; что же касается приведенныхъ выше наблюденій, долженствовавшихъ ослабить силу доказательствъ разлива проточными водами, то

по ихъ поводу считаю не лишнимъ сдѣлать нижеслѣдующія замѣчанія.

Красный песчаникъ, мѣстами дѣйствительно можно было бы назвать породю не очень легко уступающею силѣ воды, а о размывѣ какого-нибудь гранита, порфира, діабазы или базальта нельзя было бы и думать, еслибы породы эти не пересѣкались трещинами, дѣлящими ихъ по различнымъ направленіямъ на болѣе или менѣе правильные или же неправильные куски и глыбы, а на этомъ-то свойствѣ твердыхъ породъ «законъ и пророцы висятъ». О значеніи этого фактора въ дѣлѣ образованія долинъ въ горныхъ странахъ я говорилъ уже съ достаточною подробностью въ моихъ отчетахъ объ изслѣдованіи Байкала (за 1879 и 1880 гг.) и высокаго плоскогорія (1881 г.); тоже, до мельчайшихъ подробностей, примѣняется и къ размыву песчаника долины р. Лены и залегающаго подъ нимъ известняка, вслѣдствіе чего твердость ихъ какъ равно и другихъ породъ любой мѣстности можно и не принимать въ расчетъ, обращая вниманіе на степень растресканности, направленіе болѣе развитыхъ въ длину плоскостей отдѣльности и на степень равномерности распредѣленія трещиноватости породы въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіяхъ; отъ этого зависитъ какъ направленіе долины, такъ и особенности ея поперечныхъ и продольнаго разрѣзовъ (извилины, расширенія, появленіе пороговъ тамъ, гдѣ ихъ прежде не было и т. п.).

Изъ того же отчета видно, что г. Крапоткинъ опредѣлялъ направленіе нѣкоторыхъ трещинъ въ песчаникѣ р. Лены; съ своей стороны замѣчу, что если бы онъ обращалъ вниманіе на направленіе плоскостей тѣхъ именно трещинъ, по плоскостямъ которыхъ обнажились современные береговые утесы этой рѣки, то въ результатѣ обнаружился бы фактъ, что трещины эти вообще параллельны направленію долины какъ въ

прямолинейныхъ, такъ и въ самыхъ извилистыхъ ея отрѣзкахъ. Явленіе это относится не къ одной Лене: плоскостями такихъ трещинъ ограничиваются утесистые склоны всѣхъ горныхъ долинъ, ихъ расширеній и ущелій, озерныхъ бассейновъ съ ихъ скалистыми мысами и островами, наконецъ такими же поверхностями трещинъ ограничиваются и стѣны альпійскихъ цирковъ на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія. Законъ этотъ демонстрируетъ намъ самымъ нагляднымъ образомъ значеніе трещиноватости (отдѣльности) твердыхъ породъ въ дѣлѣ ихъ размыва вообще и образованія долинъ въ частности.

Заключатъ, что конфигурація долины р. Лены не измѣнилась со времени отложенія постпліоценовыхъ наносовъ, можно было бы лишь тогда, если бы по крайней мѣрѣ большая часть теченія ея русла пролежала среди осадковъ названнаго періода, чего, однако, не существуетъ, такъ какъ многіе отрѣзки этой долины обнаруживаютъ только аллювіальные образованія, знакомыя и г. Крапоткину, къ тому же многіе береговые утесы Лены непосредственно смываются водою или же отдѣлены отъ ней узкою и неизменною полосою наноса, состоящаго изъ очевиднѣйшей осыпи обнаженнаго тутъ же песчаника, погребенной въ глинисто-песчаномъ или глинистомъ рѣчномъ наносѣ, который покрывается въ свою очередь остросереберными кусками того же песчаника (въ нѣсколькихъ такихъ мѣстахъ я приставалъ для тщетныхъ, впрочемъ, поисковъ ископаемыхъ въ этихъ красноцвѣтныхъ породахъ); если вспомнить въ добавокъ, что наносы этой долины осмотрѣны до сихъ поръ только въ немногихъ пунктахъ, то разбираемый выводъ г. Крапоткина не можетъ быть принятъ, и отъ будущихъ исследователей мы въ правѣ ожидать болѣе подробныхъ свѣдѣній, относящихся къ этому вопросу; что же касается сообщеннаго тѣмъ же ученымъ факта, что историческій слой почвы около г. Верхоленска, въ теченіе болѣе двухъ сотъ лѣтъ

успѣлъ покрыться лишь весьма ничтожнымъ количествомъ осыпи, даже около основанія утеса, къ которому слой этотъ примыкаетъ, то явленіе это обусловлено достаточно уже извѣстною неравномѣрностью процесса разрушенія, благодаря которой уцѣлѣли и до сихъ поръ сохранили отчетливость многіе письма и рисунки древнихъ аборигеновъ, нерѣдко находимые на скалахъ, хотя древность такихъ изображеній далеко превосходитъ періодъ, истекшій со времени извѣстной битвы около Верхоленска; тѣмъ не менѣе на такихъ фактахъ никто не попытается нынѣ основывать возраженія противъ теории размыва.

Относительно наносовъ необходимо еще замѣтить, во первыхъ, что попадающіяся между ними прослойки ила съ нѣкоторыми наземными раковинами я причисляю къ рѣчнымъ образованіямъ, а не къ лессу, какъ это дѣлаетъ г. Краноткинъ, такъ какъ къ послѣдней категоріи наносовъ я отношу только результаты соединеннаго дѣйствія: 1) смыванія со склона детритуса образующихъ его породъ атмосферными водами. 2) произрастанія и вымиранія безчисленнаго ряда поколѣній травъ съ примѣсью мѣстами и нѣкоторыхъ представителей древесной растительности (береза, боярка и т. п.) и 3) пылевидныхъ частицъ, наносимыхъ вѣтромъ на тотъ же растительный покровъ, въ которомъ распредѣляется и детритусъ, смытый атмосферными водами; затѣмъ укажу на то, что, если не считать порфировую гальку, найденную мною въ наносѣ около ст. Туруцкой (выше Усть-Кутской), то южнѣе устья р. Киренги, въ отложеніяхъ р. Лены мнѣ не удалось видѣть породъ, принесенныхъ съ прибайкальскихъ горъ; между тѣмъ, какъ наносы Киренги и посѣщенной части Лены ниже Киренска переполнены ими, причемъ, между преобладающими порфировыми гальками, попадались и состоящія изъ метаморфизованнаго оолита, описаннаго мною раньше, по байкальскимъ

экземплярамъ (см. мои отчеты за 1879 и 1880 гг.); наконецъ я коснусь еще замѣченныхъ мною слѣдовъ древняго размыва на значительной высотѣ надъ современнымъ уровнемъ рѣки, — вопросъ, на который, мнѣ кажется, будущимъ изслѣдователямъ необходимо обратить особенное вниманіе.

Я подразумѣваю здѣсь высокія (повидимому, до двухъ сотъ футовъ), террасовидныя площади, ширина которыхъ въ нѣсколько разъ превышаетъ поперечникъ врѣзавшейся и углубившейся въ нихъ долины Лены. Такія площади я видѣлъ преимущественно въ верхней части описываемаго отрѣзка рѣки между Качугомъ и Усть-Кутю на высотахъ праваго берега; профиль этой террасы великолѣпно наблюдается, напр., со ст. Боярской, смотря внизъ по рѣкѣ, а также около Качуга, гдѣ она кажется занимаетъ болѣе низкій уровень, нежели упомянутая выше, а затѣмъ ближе къ ст. Коркинской (вторая станція ниже Верхоленска), гдѣ въ составѣ террасы замѣчается цементированный наносъ изъ плохо округленныхъ кусковъ краснаго песчаника, требующій ближайшаго изученія. Послѣ сказаннаго спрашивается, въ какомъ гипсометрическомъ отношеніи находятся высшія изъ этихъ террасовидныхъ площадей къ озеровиднымъ бассейнамъ р. Манзурки, и водораздѣла между нею и системою долинъ р. Куды, а слѣдовательно и Ангары?

Указанная выше цифра высоты, хотя и приблизительная, какъ опредѣленная глазомѣрно, позволяетъ, мнѣ кажется, подозрѣвать генетическую связь между этими террасами и долиною Манзурки, — связь, тѣмъ болѣе интересную, что въ названной долинѣ, какъ сказано выше, можно предполагать еще третичные осадки, воды которыхъ должны же были имѣть истокъ, получая притоки съ прибайкальскихъ горъ: что же касается второй части моего вопроса, то, кромѣ ближайшаго изслѣдованія ангарско-ленскаго водораздѣла, она тре-

буетъ еще не барометрической, но инструментальной нивелировки мѣстности.

Во всякомъ случаѣ высшія террасы эти являются свидѣтелями, вѣрнѣе плодами древней, если не древнѣйшей фазы развитія р. Лены, — фазы, въ основаніи которой только могли лежать какія либо углубленія почвы, которыя вода должна была избирать и пользоваться ими на пути своемъ отъ горъ. Къ этому только періоду и можетъ, по моему мнѣнію, примѣняться, такъ называемая озерная, теорія образованія рѣчныхъ долинъ; но слѣды этихъ первобытныхъ углубленій маскируются и совершенно исчезаютъ, какъ только рѣка станетъ углубляться и, дѣйствіемъ ея перемѣщающагося русла, склоны первичнаго озеровиднаго углубленія почвы, гдѣ такое существовало, примутъ брустверовидный характеръ, обнажая выходы пластовъ, разобщенныхъ этимъ размывомъ. Слѣды одного лишь рѣчнаго размыва найдутся, по всей вѣроятности, въ способѣ образованія и интересующихъ насъ высшихъ террасовидныхъ площадей даже въ тѣхъ изъ нихъ, которыя могли образоваться на фонѣ упомянутыхъ первичныхъ углубленій, что же касается всѣхъ особенностей Ленской долины на ея болѣе низкомъ и на современномъ гипсометрическихъ уровняхъ, то особенности эти, включая въ нихъ и всѣ озеровидныя расширенія, являются уже вполне типическими результатами чисто рѣчнаго размыва, — процесса, которому, въ 1882 г., я приписалъ образованіе такихъ же расширеній и въ здѣшнихъ горныхъ странахъ, напр., въ системѣ р. Селенги (см. Чикойско-Селенгинскій бассейнъ на стр. 88, отчета о моей экскурсіи на высокое плоскогоріе). Такое же воззрѣніе высказано въ послѣднее время и извѣстнымъ геологомъ, С. М. Никитинымъ, относительно знакомыхъ ему рѣчныхъ долинъ европейской Россіи (см. Извѣстія И. Р. Географич. Общества, Т. XX, вып. 2-й 1884 г., стр. 191—194, а также въ изданіяхъ Геологическаго Комитета).

Все вышесказанное позволяло-бы уже обойти молчаніемъ *предположенное г. Крапоткинымъ погруженіе этой мѣстности подъ уровень водъ Ледовитаго океана*, въ особенности, что гипотеза эта, какъ стоящая въ неразрывной связи съ морской теоріей образованія долинъ, падаетъ, разумѣется, вмѣстѣ съ послѣднею; такъ какъ, однако, возлюбленный вопросъ этотъ поддерживается еще присутствіемъ въ Байкалѣ нѣкоторыхъ представителей морской фауны, а въ послѣднее время, братомъ нашего извѣстнаго путешественника, В. И. Дыбовскаго, доказано еще, что одинъ видъ байкальской губки тождественъ съ водящимся въ Беринговомъ морѣ, то считаю не лишнимъ вставить здѣсь еще нѣсколько соответственныхъ замѣчаній.

Еще въ началѣ 1877 г., собравъ всѣ имѣвшіяся въ то время данныя относительно послетретичныхъ отложеній Восточной, а отчасти и Западной Сибири я показалъ, что осадки этого періода оказываются вездѣ прѣсноводными или-же атмосферными (наземными), такъ что южная граница водъ тогдашняго Ледовитаго океана почти совмѣщалась съ современною и только въ предѣлахъ Енисея воды эти образовали заливъ, вдающійся въ нынѣшній материкъ, впрочемъ, только до $67\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣверной широты. Данныя эти состояли не изъ какихъ либо отрывочныхъ свѣдѣній, а изъ цѣлаго ряда геологическихъ маршрутовъ, образующихъ уже довольно почтенную сѣть и весьма краснорѣчивую рамку, въ южной оконечности которой и располагается Байкаль съ его отчасти морскою фауною. Теченія рр. Лены съ Витимомъ съ одной стороны, а Енисея съ другой, образуютъ меридіональные бока этой рамки, извѣстныя рѣки системы Амура окаймляютъ ее съ юга, между тѣмъ, какъ внутри рамки имѣются столь цѣлесообразные маршруты, какъ: 1) отъ с. Качуга, на Ленѣ, почти параллельно склону нашей горной страны, черезъ Ангару и по московскому

тракту до Енисея, 2) по теченію р. Ангары, 3) маршрутъ по значительной части р. Средней или Подкаменной Тунгуски, 4) путешествіе отъ г. Киренска на Нижнюю Тунгуску и по всей длинѣ долины этой рѣки, до устья ея въ Енисей; если прибавить къ тому-же маршруты, исходящіе отъ той-же Нижней Тунгуски, и направляющіеся: одинъ, 5) по р. Вилюю, извѣстному лѣвому притоку р. Лены, а другой 6) черезъ часть верхняго теченія р. Хатанги на Оленекъ и внизъ по этой рѣкѣ до Ледовитаго моря, то, кажется, что на основаніи однѣхъ уже этихъ данныхъ я былъ въ правѣ возстать противъ извѣстной гипотезы Пешеля или, вѣрнѣе, Гумбольдта, развитой въ послѣдствіи Пешелемъ.

Указанной статьей моею (1877 г.) и пользовался г. Дыбовскій, почерпывая изъ ней геологическія данныя, противурѣчающія предполагавшемуся непосредственному сообщенію морскихъ водъ послѣ третичной эпохи съ Байкаломъ. причемъ онъ оставляетъ открытымъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ могла попасть въ наше громадное озеро описанная имъ океаническая губка. Со времени появленія въ печати цитированной моею замѣтки прошло уже, однако, почти восемь лѣтъ, въ теченіе которыхъ накопилося не мало новаго геологическаго матеріала, имѣющаго прямое отношеніе къ затронутому вопросу, весь же запасъ этихъ новыхъ данныхъ, какъ оказывается, не только не становится въ разрѣзъ съ моими выводами, но, напротивъ, прямо подтверждаетъ ихъ. И дѣйствительно, оконченное въ 1880 г. подробное изслѣдованіе всего побережья Байкала, обнаруживъ значительное развитіе послетретичныхъ отложеній, достигающихъ значительной высоты надъ современнымъ уровнемъ озера, убѣждаетъ, однако, въ озерномъ, а не морскомъ ихъ происхожденіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, четырехлѣтнія работы эти показали, что берега Байкала обнажаютъ также и третичные осадки, которые, въ свою

очередь, судя по найденнымъ въ нихъ остаткамъ растений и моллюсковъ, можно разсматривать не иначе, какъ древнія отложенія того-же озера. Что-же касается произведеннаго затѣмъ (1881 г.) изслѣдованія значительной части течения рр. Селенги, Чикоя, Хилка и Джиды, причемъ маршрутъ доведенъ до монгольской границы (Маймачень), то и на этой площади, какъ послетретичные, такъ и найденные тамъ въ изобиліи третичные пласты оказались озерными образованіями, сообщавшимися съ соотвѣтственными осадками Байкала, въ предѣлахъ котораго, какъ равно и всей иркутской губерніи, даже юра представлена въ видѣ прѣсноводныхъ отложеній.

Мало того, миоценовыя образованія, открытыя съ тѣхъ поръ и въ енисейской губерніи точно также обнаружили прѣсноводный характеръ, такъ что, подвигаясь отсюда все дальше и дальше на западъ, нерерѣзавъ цѣлый рядъ озерныхъ-же постмиоценовыхъ, а повидимому и миоценовыхъ образованій Западной Сибири, только въ системѣ водъ, стекающихъ съ Урала и на восточномъ склонѣ этого хребта, мы встрѣтимся съ толщами нижнихъ ярусовъ третичной формации, съ морскою фауною, стратиграфическія условія которыхъ заставляютъ допустить, что въ эту, болѣе древнюю уже часть третичной эпохи, только Арало-Барабинская часть сѣверной Азіи покрывалась моремъ съ неизвѣстными еще восточными границами*).

Такимъ образомъ, имѣя въ виду и всѣ данныя, доставленныя упомянутыми выше, позднѣйшими изслѣдованіями, очевидно, можно только повторить сказанное мною въ 1877 г.,

*) Читая о такъ называемой „опокѣ“ упомянутыхъ приуральскихъ отложеній, мнѣ всегда вспоминается сѣровато-бѣлая порода, залегающая на головахъ глинистаго сланца около г. Томска, о ней я упоминалъ еще въ 1872 г. (см. „Очеркъ геогностич. строенія окрест. г. Омска“ Извѣстія Сиб. Отдѣла Т. III № 2), но мнѣ не удалось подвергнуть ее ближайшему изслѣдованію.

именно, что тюлень, для того, чтобы попасть въ Байкалъ, могъ изобрать одинъ лишь озерно-рѣчной путь, служившій, прибавлю теперь, и зародышемъ описанной г. Дыбовскимъ губки. Въ каждое изъ послѣдовательныхъ озеръ на этомъ пути, они попадали также, какъ, напр., нынѣ тюлени поднимаются иногда до г. Туруханска и даже нѣсколько выше*), слѣдовательно, версть на 800 по р. Енисею въ февралѣ 1810, а затѣмъ и въ 1846 гг. они появлялись въ извѣстномъ Шампенскомъ озерѣ, причемъ, разумѣется, должны были проходить многія тысячелѣтїя, покамѣсть попытки эти увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ, который, впрочемъ, нашему тюленю дался не легко, такъ какъ въ настоящее время, въ противоположность неоправдавшемуся мнѣнію г. Радде, онъ является уже самостоятельнымъ видомъ, свойственнымъ только Байкалу, — другими словами, за все время столь медленнаго и продолжительнаго путешествованїя, тюлень этотъ, если его производить отъ пятнистаго (*Phoca annelata*), долженъ былъ измѣниться, потерявъ и пятна своего ближайшаго, повидимому, родича.

Считая предположеніе это единственно — возможнымъ въ виду геологическихъ фактовъ, подавляющихъ всякую другую гипотезу, — открытыми можно признавать нынѣ лишь слѣдующіе вопросы: 1) какими изъ бывшихъ въ то время прѣсноводныхъ путей могло совершиться интересующее насъ переселеніе, 2) въ какой геологической періодъ имѣла мѣсто эта эмиграція: въ постпліоценовый или въ нѣкоторую часть третичной эпохи, 3) какое было географическое распространеніе этихъ морскихъ выходцевъ по прѣсноводнымъ озернымъ бассейнамъ Сибири, включая въ то и Западную Сибирь, наконецъ, 4) когда послѣдовало перерожденіе тюленя, въ самомъ ли Байкалѣ?

*) См. Шмидтъ въ мемуарахъ Сиб. Академіи наукъ Т. XVIII № 1-й, стр. 41.

Понятно, что отвѣтъ на всѣ эти вопросы могутъ дать однѣ лишь палеонтологическія находки, точно также, какъ микроскопическое изслѣдованіе соответственныхъ отложеній можетъ обнаружить современемъ присутствіе въ нихъ иголокъ губки. Насколько-же такія находки слѣдуетъ считать рѣдкими и случайными, достаточно сказать, что около сотни пробъ, взятыхъ мною изъ несомнѣнно байкальскихъ, но древнихъ отложеній, дали отрицательный результатъ при поискахъ остатковъ губокъ, иглы которыхъ, только менѣе, я находилъ во многихъ пробахъ современныхъ осадковъ того-же озера; что же касается не найденныхъ до сихъ поръ въ Сибири ископаемыхъ остатковъ тюлена, то встрѣча съ ними точно также является дѣломъ случая, въ особенности если соразмѣрить пространство Сибири съ количествомъ путешествующихъ и живущихъ въ ней спеціалистовъ и если принять во вниманіе тотъ фактъ, что въ коллекціяхъ, собираемыхъ и людьми менѣе свѣдущими и не снабженными инструкціями, фигурируютъ почти всегда лишь кости самыхъ крупныхъ животныхъ, съ которыхъ обыкновенно и начинается наше знакомство съ фауною данной страны. Замѣтивъ кстати, что разспросныя свѣдѣнія, собранныя С. И. Висковскимъ во время его путешествія по Витиму, около извѣстнаго озера Орона, обнаруживаютъ (вполнѣ согласно съ такими-же сообщеніями И. С. Полякова), что въ названномъ озерѣ тюлени какъ не водились раньше, такъ не водятся и въ настоящее время*), перейду къ наблюденіямъ въ долину р. Нижней Тунгуски.

Теченіе р. Нижней Тунгуски, какъ извѣстно, было изслѣдовано въ 1873 г. покойнымъ Чекановскимъ въ сопровожденіи астронома Миллера, коллектора Ксенжопольскаго и топографа Нахвальныхъ; изъ результатовъ экспедиціи, относя-

*) Зписки И. Р. Геогр. Общества Т. III. Зоологическая часть, состав. И. С. Поляковымъ, стр. 80.

щихся къ посѣщенной мною части рѣки, обнаружены до сихъ поръ только письма Чекановскаго *) и дополнительные свѣдѣнія къ картѣ Нижней Тунгуски**), въ которыхъ заключаются общія свѣдѣнія какъ о топографіи и гидрографіи, такъ о геогностическомъ строеніи, фаунѣ и населеніи мѣстности; что-же касается подробной разработки собранныхъ матеріаловъ, то таковая еще не появилась въ печати. Нижеслѣдующія наблюденія мои, надѣюсь, послужатъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дополненіемъ къ трудамъ Чекановскаго, въ особенности, что я обращалъ всего болѣе вниманіе на ископаемую фауну наносовъ, выполняющихъ эту долину.

Перевалъ на Тунгуску совершается обыкновенно по рч. Бабошиной, лѣвому притоку р. Лены, съ устьемъ нѣсколько ниже Горбовской почтовой станціи (52 версты ниже г. Киренска). Низовья этой долины обнажаютъ одинъ лишь известнякъ, повидимому, не слоистый, образующій рядъ довольно живописныхъ утесовъ. По этой породѣ дорога подымается на лѣвый склонъ долины, направляясь затѣмъ къ высшимъ точкамъ перевала, гдѣ сначала красноватый цвѣтъ наноса, вѣрнѣе страшной грязи, по которой мнѣ довелось ѣхать, а затѣмъ и попадающіеся кусочки породы, обличаютъ, что путешественникъ опять вступаетъ въ предѣлы недавно покинутой имъ, красноцвѣтной толщи, гипсометрической уровень появленія которой позволяетъ не сомнѣваться въ томъ, что и здѣсь она покрываетъ собою известнякъ, спускаясь съ другой стороны подъ уровень Нижней Тунгуски, какъ это видно въ обнаженіяхъ нѣсколько выше д. Подволочной (иначе Заволокъ). Здѣсь, какъ извѣстно, Чекановскимъ найдены ископаемые остатки, убѣдившіе его въ томъ, что породы эти принадлежатъ «эпохѣ верхне-силурійской, быть можетъ съ переходомъ къ девонской».

*) Извѣстія И. Р. Геогр. Общества Т. IX. № 7 и 8.

**) Извѣстія Т. XII, выпускъ 5, стр. 403, съ картою.

Изъ цитированныхъ сообщеній этого ученаго видно, что *геогностическое строение долины* этой рѣки, *отъ Подволочной до мѣста моего назначенія*, столь-же однообразное, какъ и по р. Ленѣ: «выступы палеозойскихъ породъ, по преимуществу краснаго цвѣта, прекратились на пути экспедиціи лишь ниже с. Преображенскаго. Совмѣстно съ этими пластами на томъ же пространствѣ находятся также выходы другой породы, известняка, пласты котораго доказываютъ, что онъ подлежалъ многимъ метаморфическимъ процессамъ. Въ томъ известнякѣ, продолжаетъ г. Чекановскій, имѣющемъ самое значительное развитіе около д. Даниловой, д. Потеминской въ хребтѣ Осромъ, у р. Кремневки, окаменѣлостей не найдено. Но его относительный возрастъ опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ составляетъ постель для красныхъ палеозойскихъ пластовъ, какъ это, между прочимъ, обнаруживаетъ обнаженіе, находящееся около д. Ваниловой. «Если прибавить, что пласты красныхъ породъ отличаются вообще весьма незначительнымъ наклономъ, что волнообразные изгибы всѣхъ названныхъ породъ простираются на СВ., наконецъ, что на основаніи соответственныхъ палеонтологическихъ находокъ въ известнякѣ низовьевъ рѣки, порода эта признана силурійскою, то сказаннымъ исчерпываются геологическія свѣдѣнія, переданныя Чекановскимъ о интересующей насъ мѣстности, орографическій типъ которой принадлежитъ къ плоскимъ возвышенностямъ.

Все то, что я видѣлъ, относительно болѣе древнихъ (палеозойскихъ) породъ, можетъ служить только подтвержденіемъ сообщенному г. Чекановскимъ и если скажу, во-первыхъ, что метаморфозъ известняка, тамъ, гдѣ я могъ ознакомиться съ нимъ нѣсколько ближе, состоитъ главнымъ образомъ въ замѣщеніи углекислой извести кремнекислотой, вслѣдствіе чего въ породѣ наблюдаются нерѣдко кремневая прослойки и гнѣзда (напр., въ Кремневомъ утесѣ, съ 10 верстъ ниже д. Потеми-

ной), а во-вторыхъ, что около того-же Кремневаго утеса и нѣсколько ниже его появляются, а затѣмъ исчезаютъ, валуны (иногда до 3 футовъ въ діаметрѣ) кристаллической зелено-каменной породы (по всей вѣроятности «траппъ», выходы котораго показаны Чекановскимъ лишь ниже Преображенска), то свѣдѣнія эти составляютъ не болѣе какъ незначительное прибавленіе къ обнародованной части результатовъ извѣстной экспедиціи. Но, кромѣ того, считаю не лишнимъ возбудить одинъ вопросъ, на который, повидимому, Чекановскій не обратилъ достаточнаго вниманія и, если вопросъ этотъ не подвигнется полною разработкою всего собраннаго экспедиціей матеріала, то рѣшеніе его осуществится лишь будущими, болѣе подробными изслѣдованіями мѣстности и приисканіемъ лучшихъ обнаженій. Дѣло касается отношенія известняка къ красно-цвѣтнымъ породамъ.

Изъ описанія стратиграфическихъ условій залеганія этихъ породъ около Киренска (Чекановскій) мы видимъ уже, что хотя около плоскости соприкосновенія ихъ, пласты красныхъ глинистыхъ сланцевъ и сланцеватыхъ глинъ (съ зелеными и желтоватыми прослойками) падаютъ довольно круто (до 40°) и, повидимому, вполне согласно съ известнякомъ («подобно пластамъ известняка»), тѣмъ не менѣе, сейчасъ-же ниже по рѣкѣ, гдѣ известнякъ скрылся подъ уровнемъ Лены, слои красно-цвѣтной толщи являются уже близкими къ горизонтальнымъ, представляя наклонъ, не превышающій 15° , причемъ высота обнаженія этихъ породъ значительно меньше высоты, до которой обнажается известнякъ, выступающій изъ подъ нихъ, такъ сказать, мгновенно. вслѣдствіе чего отношеніе верхнихъ пластовъ красныхъ породъ къ известняку не можетъ быть изслѣдованнымъ.

Тоже самое наблюдается и на Нижней Тунгускѣ. И дѣйствительно, плывя изъ д. Даниловой вверхъ по рѣкѣ путеше-

ственникъ видитъ значительный известковый утесъ, возвышающійся сейчасъ же около деревни и образующій оконечность отрога, суживающаго здѣсь долину рѣки съ правой стороны; къ южному склону этого отрога, вѣрнѣе къ нижней части его склона, примыкаютъ ярко-красные пласты съ весьма слабымъ наклономъ вверхъ по теченію. Явленіе несогласнаго напластованія кажется уже почти несомнѣннымъ, какъ вдругъ, когда лодка поровняется съ плоскостью соприкосновенія названныхъ породъ, оказывается, что ближайшая къ известняку часть красныхъ и зеленыхъ сланцевъ, на протяженіи не болѣе 2 или 3 сажень, быстро и круто подымается, падая согласно склону известковой породы, слоистость которой я не могъ, впрочемъ, замѣтить. И въ этомъ мѣстѣ, слѣдовательно, не взирая на возможное, вполнѣ согласное положеніе слоевъ своихъ породъ на сохранившемся мѣстѣ ихъ соприкосновенія, отношеніе не достающихъ верхнихъ пластовъ красныхъ сланцевъ къ известняку остается не извѣстнымъ, оставляя мѣсто сомнѣнію относительно одновременности динамическаго импульса, вызвавшаго описанныя стратиграфическія условія, въ особенности, что пласты известняка, выступающаго какъ будто въ видѣ очень крутой, въ послѣдствіи значительно поврежденной и расчлененной, быть можетъ даже сложной, складки, являются, въ противоположность краснымъ сланцамъ, извилисто-изогнутыми, какъ это наблюдается въ упомянутомъ выше Кремневомъ утесѣ, который образуетъ собою, повидимому, сѣверную границу этой складки. Если прибавить къ сказанному, что отсутствіе тѣхъ-же красноцвѣтныхъ породъ въ составѣ прибайкальскихъ горъ, сѣверо-западный склонъ которыхъ состоитъ тѣмъ не менѣе изъ того-же известняка, склонило меня къ предположенію, что красныя породы эти могли быть выклиниваться впереди Олотскаго хребта, то вопросъ, вѣрнѣе сомнѣніе мое сводится къ слѣдующему: мнѣ кажется, что имѣ-

ющихся стратиграфическихъ данныхъ еще недостаточно для того, чтобы окончательно устранить мысль о томъ, что *не всть* складки описанныхъ двухъ толщъ *послт* отложеніе красноцвѣтной. Опредѣленіе и обработка палеонтологической коллекціи Чекановскаго, а въ крайнемъ случаѣ возможное въ будущемъ открытіе ископаемыхъ остатковъ въ известникѣ между Даниловой и Кремневымъ утесомъ или же на Ленѣ, должны причиниться къ разрѣшенію этого вопроса.

Въ такихъ палеозойскихъ породахъ промыла себѣ долину *Нижняя Тунгуска*. Долина эта состоитъ изъ цѣлаго ряда расширеній, отдѣляемыхъ короткими суженіями; такъ, напр., за расширеніемъ ниже д. Сосниной, слѣдуетъ другое, начинающееся около 20 верстъ выше д. Лагашинной и суживающееся нѣсколько ниже Гажинска; далѣе слѣдуетъ Непское расширеніе, ограниченное съ сѣвера отрогомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Краснаго яра, а затѣмъ нѣсколько болѣе короткое, суженное описаннымъ выше обнаженіемъ около Даниловой, ниже которой рѣка вступаетъ въ новый озеровидный бассейнъ, — Мартыновскій, въ нижней оконечности котораго располагается еще д. Потеминская, расположенная на соленомъ ключѣ (Усолка), ниже Потеминной къ рѣкѣ подступаетъ известковый утесъ островъ Камень, слѣдующее за которымъ расширеніе ограничивается знакомымъ уже намъ Кремневымъ утесомъ; далѣе слѣдуетъ Верхне-Калининское расширеніе суженное около д. Юрьевой, а наконецъ, Преображенское. Склоны долины, какъ въ узкихъ ея мѣстахъ, такъ и въ расширеніяхъ, гдѣ только они были доступны моему зрѣнію принадлежатъ къ типу подмывавшихся рѣкою, слѣды которой остались во многихъ мѣстахъ въ видѣ длинныхъ и узкихъ, различнымъ образомъ изогнутыхъ озеръ, которыя, мѣстами располагаются на высотѣ до двухъ (а можетъ быть и болѣе) сажень надъ современнымъ уровнемъ Тунгуски, услѣвшей съ

тѣхъ поръ глубоко врѣзаться въ наносы, выполняющіе ея долину.

Наносы эти состоятъ: изъ глины, обыкновенно песчанистой, песка всего чаще болѣе или менѣе глинистаго, и гальки, преобладающей, впрочемъ, лишь, въ современныхъ отложеніяхъ рѣки, тогда какъ обнаженная часть болѣе древнихъ (пост-плиоценовыхъ) осадковъ обличаетъ обыкновенно перемежаемость глинистыхъ и песчаныхъ слоевъ, иногда весьма тонкихъ, съ мѣстною примѣсью ила и торфа; такъ какъ, однако, галька, тамъ, гдѣ она наблюдается, занимаетъ низшій стратиграфическій уровень, едва подымаясь надъ поверхностью рѣки, то, по всей вѣроятности, изъ пласта этого, всего чаще скрытаго подъ водою, почерпывается значительная часть гальки современныхъ отложеній. Цвѣтъ наносовъ измѣняется отъ бурожелтаго до краснаго, смотря по близости выходовъ соотвѣтственныхъ палеозойскихъ породъ; положеніе пластовъ обыкновенно горизонтальное, переходитъ мѣстами въ извилистое, иногда наблюдаются ясныя прилеганія пластовъ позднѣйшаго происхожденія къ сравнительно болѣе древнимъ. Какъ на болѣе типичныя обнаженія наносовъ укажу на осмотровныя мною: въ Непскомъ расширеніи, затѣмъ около д. Потеминской и, наконецъ, насупротивъ села Преображенска. Первое изъ этихъ обнаженій располагается на правомъ берегу рѣки, нѣсколько выше, но въ виду Краснаго Яра, суживающаго Непское расширеніе съ сѣверной стороны; на глубинѣ около 5 футовъ отъ растительнаго слоя обнажается слой бурога ила, переполненный двустворчатыми раковинами, принадлежащими къ родамъ: *Limnacus* (*stagnalis* et *auricularius*) и *Cyclas* или *Pisidium*; покрываясь торфянистымъ образованіемъ, слой этотъ залегаетъ на бурой глинѣ, принимающей мѣстами ржавчино-бурый цвѣтъ; нижняя-же часть обнаженія, общая высота котораго достигаетъ 2 сажень, состоитъ изъ слабо цементированнаго, желто-бу-

раго, глинистаго песка, залегающаго на галькѣ. Насупротивъ Потеминной, между тѣмъ, все обнаженіе состоитъ изъ перемежаемости тонкихъ слоевъ глины и глинистаго песка, почти также, какъ въ Преображенскѣ, гдѣ до глубины около 9 футовъ, считая сверху, виднѣются два слоя толстыхъ древесныхъ стволовъ, погребенныхъ въ этомъ наносѣ, но вовсе еще не обугленныхъ. Отложенія эти оказываются весьма богатыми ископаемыми остатками, до того, что, выйдя въ одномъ мѣстѣ (между Лагашинной и Сосниной) на берегъ, на протяженіи не болѣе 100 сажень, я нашель девять костей, принадлежащихъ четыремъ видамъ вымершихъ постпліоценовыхъ животныхъ. Поэтому, на обратномъ пути, я условился съ людьми, тянувшими нашъ шитикъ на лямкѣ, чтобы они собирали все кости, какія только попадутся на бичевникѣ, причемъ время отъ времени шитикъ останавливался и собранные остатки передавались мнѣ за соответственное вознагражденіе. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ костями, найденными мною лично и съ двумя, доставленными мнѣ Е. Н. Балакшинымъ съ окрестностей д. Могн (нѣсколько ниже Преображенска, смотри карту Чекановскаго), набрано сто съ лишкомъ костей, принадлежащихъ десяти видамъ млекопитающихъ животныхъ, входившихъ въ составъ фауны постпліоценоваго періода этой мѣстности. Описаніе этихъ остатковъ читатель найдетъ въ прилагаемомъ ниже перечнѣ животныхъ, населяющихъ страну въ настоящее время, вмѣстѣ съ замѣтками о нихъ, теперь же сообщу только, что вещество всѣхъ костей сохранено здѣсь гораздо лучше нежели такихъ же остатковъ, находимыхъ въ болѣе южныхъ широтахъ, такъ что, если-бы подобнымъ сохраненіемъ отличались только остатки нѣкоторыхъ видовъ, то наносы, изъ которыхъ они вымыты, можно было бы считать менѣе древними. Окраска костей обыкновенно темно-бурая, иногда черно-бурая, въ свою очередь имѣетъ мѣсто безъ различія видовъ, какъ равно и то

обстоятельство, что поверхность находимых костей гладка, блестящая и не носитъ слѣдовъ даже разъѣдающаго дѣйствія корней растений, вслѣдствіе чего можно не сомнѣваться въ томъ, что остатки съ такими свойствами, хотя найденные по большей части уже въ вырытомъ состояніи, принадлежатъ одному возрасту; при этомъ, во всякомъ случаѣ, я обращалъ вниманіе на качество и особенности земли, выполнявшей неровности и каналы въ костяхъ, а для нѣкоторыхъ соображеній и на присутствіе или же недостатокъ слѣдовъ обтачивающаго дѣйствія воды. Замѣтивъ, что на песчаниковыхъ глыбахъ, около д. Кокориной (въ Верхне-Калининскомъ расширеніи, см. выше), я видѣлъ такіе-же слѣды шлифованія и изборозженія весеннимъ ледоходомъ, о какихъ я упоминалъ на Левѣ (см. выше), а во-вторыхъ, что тѣмъ-же ледоходомъ и сопровождающими его здѣсь иногда громадными разливами рѣки и наводненіями, глыбы упомянутаго выше траппа (до 2 футовъ въ діаметрѣ) приносятся иногда въ с. Преображенское и приносились раньше, какъ это доказываетъ большая глыба этой породы, едва выдающаяся изъ подъ растительнаго слоя, на юго-западной сторонѣ села, между нимъ и ручьемъ, называемымъ Вискою, въ разстояніи, повидимому, около ста сажени отъ русла рѣки и, должно быть, не менѣе сажени надъ нормальнымъ уровнемъ Тунгуски,—перейду къ свѣдѣніямъ и даннымъ собраннымъ мною относительно *организмовъ, какъ населяющихъ, такъ и населявшихъ эту мѣстность*, обращая вниманія главнымъ образомъ на *млекопитающихъ* *).

1). *Человѣкъ* (Номо). О томъ, что нижняя Тунгуска населена какъ русскими, такъ и тунгусами, извѣстно уже даже изъ древнихъ источниковъ; къ свѣдѣніямъ этимъ прибавлено кое-что позднѣйшими писателями и экспедиціею Чекановскаго

*) Мои метеорологическія наблюденія отосланы въ Главную Физическую Обсерваторію, обработка ихъ послужитъ матеріаломъ для ознакомленія съ климатомъ мѣстности.

(*loc. cit.* смотри также Miller. *Unter Tungusen und Jakuten*); но къ сожалѣнію, мѣстность эта никога еще не посѣщалась спеціалистомъ этнографомъ и антропологомъ, а ученые эти могли бы здѣсь найти богатый и интересный матеріалъ для изслѣдованія, въ особенности относительно *русскаго населенія*, которое, какъ давно заброшенное почти въ глухую тайгу, удивительное къ тому-же весьма недостаточными путями сообщенія съ югомъ, не могло не подвергнуться вліянію своеобразной обстановки, извѣстную роль въ которой должны были играть также и тунгусы. Не говоря уже о томъ, что предметъ этотъ не входитъ въ область моей спеціальности, я не могъ заниматься имъ еще и потому, что время, свободное отъ обязательныхъ (метеорологическихъ) наблюдений, я посвящаю окончанію первой части подробнаго отчета о Байкалѣ, вслѣдствіе чего я рѣдко выходилъ изъ квартиры. Во всякомъ случаѣ, не могу обойти молчаніемъ нѣкоторыя черты, такъ сказать, невольно бросающіяся въ глаза всякому, прожившему нѣкоторое время среди этихъ людей. Такъ, напр., въ нарѣчіи ихъ сразу обращаетъ на себя вниманіе употребленіе буквы *с* вмѣсто *ш*, — *ц* вмѣсто *ч*, точно также какъ буква *в* замѣщается у нихъ весьма часто согласною *л*, въ особенности въ окончаніи слова, напр., фамилія Орловъ выговаривается *Орлолъ*, вмѣсто чулки, говорятъ *цулки* и т. п.; частымъ, но неумѣстнымъ употребленіемъ пользуется также слово *будто*, которымъ придается характеръ неувѣренности и сомнѣнія фразѣ, абсолютно рѣшающей вопросъ. Жителя густо населенныхъ мѣстъ и городовъ Сибири (включая въ то и ближайшій къ интересующей насъ мѣстности, г. Киренскъ), гдѣ правдивость во истину незавидная, крайне поражаетъ въ свою очередь безпечность обитателей Тунгуски относительно своего имущества: различная домашняя утварь, хозяйственные орудія, бѣлье и т. п. зачастую оставляются на ночь на дворѣ, который лишь въ

рѣдкихъ домахъ обнесенъ заборомъ, причемъ и двери домовъ рѣдко гдѣ снабжены кое-какими приспособленіями для болѣе крѣпкаго запора; недаромъ еще на р. Ленѣ, нѣкоторые изъ плавившихъ меня ямщиковъ, указывали на «необразованность» жителей Тунгуски, вслѣдствіе которой «ихъ хошь кругомъ обери, — завсяко-просто». Необразованность эта, какъ оказалось, состоитъ, однако, лишь въ весьма отпадномъ явленіи уваженія какъ къ личности, такъ и къ принадлежащей ей собственности. — черта нѣсколько пошатнувшаяся только въ последнее время, подъ вліяніемъ ссыльнаго элемента. «Чудной-же тутъ народишко, въ самомъ дѣлѣ», говорилъ мнѣ одинъ цыганъ-поселенецъ, очевидно не соглашаясь съ приведеннымъ выше возрѣніемъ ленскихъ ямщиковъ, — «у нихъ тутъ и воровать никакъ нельзя; да вотъ я, на примѣръ, еще по первости, когда меня везли сюда, укралъ топоръ въ Сосниной, спряталъ его разумѣется, и задумалъ продать только проѣхавъ какихъ-нибудь версть съ полтораста. Сталъ продавать, такъ повѣрите-ли, мужакъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ да и: ахъ ты шельма, говоритъ, это вѣдь топоръ такого-то, Ивановича, что-ли; ты его укралъ! И давай меня лупить, и давай меня лупить! Съ тѣхъ поръ я и узналъ, что у нихъ, значить, воровать нельзя, да и уворуешь, такъ дѣвать некуда: ишь, мѣсто узкое, кругомъ тайга, а на Лену далеко. А спросите теперь у любого, какимъ хорошимъ работникомъ я сталъ, — ко всякой крестьянской работѣ приучился». Цыганъ говорилъ правду; на его разсказѣ, указывающемъ, впрочемъ, лишь на нѣкоторыя стороны вопроса, можно было бы основать философію ссылки въ такія мѣстности, рассчитывая на исправленіе преступниковъ. Это оправдывалось и на практикѣ, показавшей, что личности болѣе способныя примѣниться къ этой обстановкѣ дѣлались хорошими гражданами, тогда какъ неисправимыя, поживъ нѣкоторое время, убѣгали на Лену; но

таже практика обнаруживаетъ, что по мѣрѣ увеличенія процента ссыльныхъ, они принимаютъ уже роль развращающаго элемента, группируются, забираютъ (фактически) въ свои руки кабаки, образуя притоны, и попадаютъ иногда даже въ писаря. И вотъ начало текущаго десятилѣтїя ознаменовалось: первою крупною кражею со взломомъ, совершенною хотя и поселенцами, но при участїи одного крестьянина, кромѣ того, двумя первыми же въ лѣтописяхъ Тунгуски убійствами, совершенными поселенцами, впрочемъ, не съ корыстною цѣлью. Какъ на одну изъ хорошихъ сторонъ населенія слѣдуетъ указать еще на гостепрїимство, доведенное въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже до нерациональности. Я знаю, напр., одного крестьянина, который самъ почти никуда не ѣздитъ и потому не можетъ пользоваться гостепрїимствомъ другихъ, между тѣмъ, такъ какъ домъ его располагается въ деревнѣ служащей центромъ, куда съѣзжаются съ различныхъ мѣстъ, поэтому крестьянинъ этотъ по воскресеньямъ и праздникамъ, какъ равно и въ дни, назначенные для сходокъ, является до того обремененнымъ «гостями», что, не зная въ чемъ тутъ дѣло, я считалъ его нѣкоторое время содержателемъ постоялаго двора; неудобство такого положенія вещей высказывается уже и въ отзывахъ мѣстныхъ жителей, когда они говорятъ о подобныхъ личностяхъ: «такъ то они живутъ себѣ ладно, только что гостей у нихъ шибко много бываетъ».

Изъ отрицательныхъ сторонъ населенія можно указать во-первыхъ на весьма замѣтную въ немъ долю лѣни, а затѣмъ, на значительное пристрастїе къ спиртнымъ напиткамъ, присущее даже и прекрасному полу, — условїя способствующія, между прочимъ, и тому, что крыши на домахъ иногда не достраиваются, а окошки заклеиваются даже простой, писчей бумагой, вмѣсто общепринятой здѣсь слюды или брѹшины; и это въ виду зимы, грозящей морозами, достигающими 55° Цель-

зія! Неудивительно, что такіе холода (сообщу для примѣра, что съ 1-го по 20-е декабря 1885 г. максимумъ термометръ стоялъ постоянно ниже 30° , причемъ четыре дня показывалъ 40 , до 45° , тогда какъ минимумъ термометръ, въ тоже время, за исключеніемъ двухъ дней, въ которые онъ поднялся до $34,9^{\circ}$, стоялъ все ниже 40 , опускаясь два раза ниже 50°); при плохомъ устройствѣ жилищъ, они прибѣгаютъ къ раннему закрыванію трубъ и приобрѣли замѣчательную привычку къ угару до того меня поразившую, что одинъ лишь недостатокъ необходимыхъ принадлежностей помѣшалъ мнѣ признаться опредѣленіемъ процентнаго содержанія закиси углерода въ ихъ комнатной атмосферѣ. Количество же этого ядовитаго газа должно быть весьма значительно и безъ сомнѣнія больше нежели въ избахъ крестьянъ другихъ, знакомыхъ мнѣ мѣстностей какъ Восточной, такъ и Западной Сибири, гдѣ, хотя трубы закрываются столь же рано, но всѣ угли сгребаются въ одинъ уголь печи, называемый загнетою, тогда какъ на Тунгускѣ вся масса пылающихъ углей разгребается по печному полу въ видѣ толстаго слоя, изъ котораго подымается цѣлый рядъ синеватыхъ огоньковъ, и труба сначала прикрывается не совсемъ плотно, а вскорѣ выюшка, для большей герметичности, засыпается пескомъ или золою. Правда, что зимою слышатся почти ежедневныя жалобы на головную боль, но состояніе это не мѣшаетъ имъ, однако, работать, между тѣмъ какъ я, за удовольствіе посмотрѣть разъ на такой, пылающій слой углей (я и не подозрѣвалъ, чтобы труба могла быть «прикрытой»), крупно поплатился здоровьемъ.

Хлѣбопашество и рыбный, а отчасти лишь бѣличій промыселъ составляютъ главные средства къ пропитанію, къ чему не маловажнымъ подспоріемъ служитъ также скотоводство. Этихъ источниковъ дохода при нѣскольکو болѣе усовершенствованныхъ способахъ ихъ эксплуатаціи, а главное при

большой степени прилежанія, было бы вполне достаточно не только для наличнаго числа жителей, но и для еще большаго, такъ какъ расчистка лѣсовъ подъ пашни совершенныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на береговыхъ возвышенностяхъ долины, напр. въ Юрьевой, а также совершенно новый пунктъ хлѣбопашества посреди тайги, основанный еще недавно тремя поселенцами (братьями, изъ Малороссіи) между д. Сосниной и расположенной выше ея, ст. Листвяничной*), дала хорошіе результаты, обнаруживъ еще то преимущество, что пашни эти не затопляются разливами рѣки и не заносятся ея льдами, вслѣдствіе чего они могутъ быть ранѣе подготовляемы къ посѣву. Однимъ изъ важнѣйшихъ неудобствъ, тормозящихъ экономическое развитіе населенія составляетъ отдаленность отъ Лены и ея торговыхъ центровъ при весьма затруднительномъ сообщеніи, такъ какъ лѣтомъ возможны только или верховая ѣзда или-же въ лодкѣ, вверхъ по водѣ, переваль же на Лену совершается во всякомъ случаѣ верхомъ, не взирая даже на то, что, по моему мнѣнію, для устройства хорошей телѣжной дороги по этому перевалу недостаетъ лишь самой ничтожной доли предпримчивости и сознанія собственной пользы; насколько же сказанное можетъ относиться къ проложенію дороги и по самой Тунгускѣ, не берусь рѣшить. Понятно, что такія условія, отчисляя мѣстность эту въ разрядъ захолустій, порождаютъ и обыкновенное въ нихъ зло: отсутствіе конкуренціи и связанную съ нимъ, поголовную кабалу, расписываться о которой значило бы повторять чуть не слово въ слово то, что сообщается объ этомъ съ различныхъ пунктовъ сѣверныхъ окраинъ Сибири, хотя бы, напр., въ двухъ послѣднихъ столб-

*) Станція Листвяничная располагается на половинѣ разстоянія между д. Подволочною и Сосниной, до которой мѣстные жители считаютъ сто верстъ, не слѣдуетъ-ли считать какимъ либо недоразумѣніемъ то, что на картѣ Чекановскаго, гдѣ Листвяничное неозначено, отъ Подволочной до Сосниной показано только 50 верстъ?

цахъ десятой* страницы № 9-го газеты «Сибирь» за 1885 г.; въ связи съ тѣми же условіями является и достойная сожаленія безпомощность въ санитарномъ отношеніи, а мѣстность посѣщается между тѣмъ и такими болѣзнями какъ оспа, поносъ, дифтеритъ, перенесенный, впрочемъ, съ Лены лишь въ 1882 г. въ д. Подволочную (заолокъ), а оттуда и въ Данилову; наконецъ, къ болѣзнямъ этимъ присоединяется еще и сибирская язва; чувство сожалѣнія съ одной стороны, а само-сохраненія съ другой, при обоюдномъ невѣжествѣ, заставляютъ испытывать и прибѣгать ко всевозможнымъ какъ лекарственнымъ, такъ и якобы — лекарственнымъ средствамъ, — лечить кто чѣмъ гораздъ. Вещественный и весьма наглядный памятникъ такой безпомощности мнѣ удалось осматривать лично: это не большой тоннель, сооруженный общими силами преображенскихъ жителей, въ наносной почвѣ береговой террасы; назначеніемъ этого подземнаго хода было проводить по нему скотъ, пораженный язвою, отчего должно было послѣдовать выздоровленіе! Въ результатѣ, разумѣется, вышло разочарованіе; и вотъ, когда, испробовавъ всѣ наличныя средства, многіе прощались уже съ послѣдней своей животинкой, появились какіе-то проѣзжіе евреи, убѣдившіе ихъ въ томъ, что когда *terra non sanat, — ignis sanat*. Стали прижигать и этимъ спасли много заболѣвающихъ скотинъ, между тѣмъ какъ павшихъ предавали сожженію и надежъ прекратился.

Относительно *тунгусовъ* у Чекановскаго, бывшаго здѣсь, какъ извѣстно, только проѣздомъ, читаемъ между прочимъ, (Дополнит. свѣдѣнія, стр. 413), что они «стоятъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ населеніемъ, *поручаясь*, т. е. получая въ долгъ все необходимое въ ихъ быту», причемъ инородцы «эти оплачиваютъ оказанное имъ вниманіе неподдѣльною преданностью. Въ свою очередь и заимодавецъ, или, какъ его зовутъ, *другъ* дорожить своими покрученниками, такъ что дружба, разъ за-

ключенная, большею частью длится неизмѣнно всю жизнь». Съ своей стороны, я долженъ пояснить, что ближайшее знакомство съ этою дружбою или покрутою обличаетъ въ ней еще болѣе грубую и систематическую кабалу, нежели та, отъ которой страдаетъ ручная часть населенія; ячная мука, на-примѣръ, ставится друзьями своимъ покрученникамъ въ двойной цѣнѣ противъ нормальной и т. п. Не могу не сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о мотивахъ тунгусскихъ пѣсенъ, именно, что въ сравненіи съ бурятскими, мотивы эти поражаютъ несравненно высшимъ развитіемъ мелодіи до того, что нѣкоторые изъ нихъ положительно неотличимы отъ европейскихъ.

Въ заключеніе скажу о добытыхъ мною издѣліяхъ неолитическаго обитателя долины р. Нижней Тунгуски. Издѣлія эти, срисованныя мною на прилагаемой таблицѣ въ естественную величину, принадлежатъ еще къ первымъ находкамъ орудій доисторическаго человѣка въ долинѣ описываемой рѣки; два изъ нихъ найдены однимъ изъ умершихъ уже жителей Преображенска «гдѣ-то въ окрестной тайгѣ, во время промысла», насколько я могъ узнать отъ тѣхъ, которымъ орудія эти (фиг. 2 и 3) остались въ наслѣдство, причемъ значеніе «громовой стрѣлы» приписывалось только топорiku, сдѣланному изъ нефрита (фиг. 3), тогда какъ другое издѣліе, по-видимому, долото изъ аспидно-черной, криптокристаллической породы, чертящей стекло, они склонялись считать дѣломъ рукъ человѣческихъ; изъ такой-же черной породы сдѣлано и третье изъ добытыхъ издѣлій (фиг. 1), которому не достаетъ только отверстія для черня, чтобы быть весьма хорошо отдѣланнымъ молоткомъ, заостренный конецъ котораго могъ служить также топоромъ или долотомъ; инструментъ этотъ найденъ около устья рч. Кудингны болѣе ста верстъ ниже села Ербахочена и доставленъ мнѣ отцомъ упомянутаго выше Балакшина изъ д. Ждановой; наконецъ, четвертое орудіе, топоръ изъ нефрита

(фиг. 4) найденъ на поляхъ дер. Юрьевой (5 верстъ южнѣе с. Преображенскаго), причемъ окраска его шероховатостей и углубленій убѣждаетъ, что издѣліе это погребено было въ продуктахъ разрушенія красноцвѣтныхъ породъ, сѣверная граница распространенія которыхъ лишь немного переходитъ за широту Преображенска. Всѣ инструменты эти весьма хорошо отшлифованы, а изображенный на фиг. 1-й (а и в) указываетъ, что даже самыя ровныя и гладкія изъ его поверхностей, подготовлялись сначала отбивкою, а затѣмъ уже подвергалась шлифованію. Нефритъ, употребленный на упомянутыя издѣлія, неодинаковой наружности; на преображенскомъ топорикѣ онъ отличается весьма красивымъ темно-зеленымъ цвѣтомъ, причемъ въ немъ наблюдается трещинка до двухъ миллиметровъ въ діаметрѣ, совершенно выполненная зеленымъ же, но болѣе свѣтлаго цвѣта минераломъ съ замѣтнымъ асбестовиднымъ строеніемъ и твердостью, повидимому, одинаковою съ нефритомъ, слѣдовательно не змѣвиковымъ асбестомъ; самую интересною особенностью этого куска нефрита слѣдуетъ считать то, что одна поверхность топорика отличается бурымъ цвѣтомъ, на окраинахъ распространенія котораго замѣчается мраморовидная и облоковидная перемежаемость бураго цвѣта съ зеленымъ и достаточно постепенный переходъ другъ въ друга, а ближайшее испытаніе обнаруживаетъ, что, вмѣстѣ съ появленіемъ бурой окраски, измѣняется постепенно и твердость породы, въ слѣдствіе чего такія мѣста ея чертятся ножомъ и совершенно похожи на змѣвикъ, болѣе подробное изслѣдованіе котораго отлагаю до пріѣзда въ Петербургъ, гдѣ изъ топорика этого изготовятся препараты для изученія микроскопическихъ особенностей породы. Нефритъ юрьевскаго топорика отличается болѣе блѣднымъ травяно-зеленымъ цвѣтомъ, что, впрочемъ, какъ равно и разсѣяныя въ немъ мраморовидно, зеленовато-бѣлыя полосы, зависятъ отъ трещино-

ватости, безъ которой цвѣтъ этого нефрита не отличался бы отъ преображенскаго топорика, въ которомъ только можно указать на значительно меньшее количество видимыхъ невооруженнымъ глазомъ (макроскопическихъ), черныхъ включеній, по всей вѣроятности какой-нибудь желѣзной соли, нежели въ юрьевскомъ.

Въ допожарномъ музеѣ Иркутскаго Отдѣла Географич. Общества я имѣлъ случай видѣть не малое количество галекъ и валуновъ сибирскаго нефрита, въ числѣ которыхъ былъ одинъ небольшой валунъ съ одной стороны побурѣлый и чертящійся ножомъ, совершенно также какъ на преображенскомъ топорикѣ, причемъ въ одномъ изъ многочисленныхъ, какъ-бы раздѣденныхъ углубленій, которыми усѣяна была бурая часть валуна, уцѣлѣлъ еще отчасти асбестовидный минералъ, выполнившій прежде это углубленіе (въ настоящемъ случаѣ несомнѣнно змѣевиковый асбестъ); я не сомнѣваюсь поэтому, что какъ орудія съ Нижней Тунгуски, такъ и всѣ нефритовыя, видѣнныя мною изъ другихъ частей Восточной Сибири, сдѣланы изъ сибирскаго нефрита, а такъ какъ о мѣстороженіи этого минерала въ Восточной Сибири имѣются лишь весьма разнорѣчивыя сбивчивыя показанія въ европейской литературѣ, поэтому считаю великимъ знакомъ ознакомить читателей съ данными, которыя собраны мною по этому вопросу.

Объ указывавшихся въ знакомой мнѣ литературѣ мѣстороженіяхъ этого минерала я долженъ замѣтить, что о забайкальской области, какъ и въ прибайкальскихъ горахъ, въ которыхъ онъ долженъ якобы обиловать, о нефритѣ, не въ смыслѣ издѣлій или кусочковъ, занесенныхъ доисторическимъ человекомъ, не можетъ быть нынѣ и рѣчи; то же относится къ показаніямъ, гласящимъ о нахожденіи его около Иркутска, въ окрестностяхъ Култука, такъ что даже и нефриты найденныя будто-бы по рѣчкамъ Быстрой и по Слюдянкѣ слѣ-

слѣдуетъ считать штуфами съ абсолютно невѣрно указаннымъ ихъ мѣсторожденіемъ; остаются, слѣдовательно, системы рѣкъ Бѣлой и Китою, въ площади которыхъ располагаются всѣ остальные изъ указывавшихся мѣсторожденій, какъ то: верховья Оюта, р. Урикъ и Ботугольскій голецъ въ системѣ р. Бѣлой, а затѣмъ одинъ изъ лѣвыхъ притоковъ Китою.

Мѣстность эта, какъ извѣстно, принадлежитъ къ весьма мало изслѣдованной; она посѣщалась отчасти горнымъ инженеромъ Ковригинымъ (въ низовьяхъ Китою былъ еще горный инженеръ Стрельманъ), затѣмъ не малый маршрутъ сдѣланъ по ней г. Пермикинымъ, отчеты котораго не были печатаны и только его рукописною картою, страдающею громадными погрѣшностями, воспользовался астрономъ Шварцъ при составленіи своего извѣстнаго картографическаго труда; западную часть этой альпійской страны пересѣкъ впоследствии Крапоткинъ, посѣтившій также и Ботугольскій голецъ, гдѣ былъ, кромѣ того и Радде, незанимавшійся, впрочемъ, геологическими изслѣдованіями; наконецъ, самую высокую часть этой мѣстности удалось пересѣчь по нѣсколькимъ направленіямъ и мнѣ, причемъ на карту, приложенную къ № 5. Т. IV. Извѣстій Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, могу указать какъ на сравнительно самую точную, хотя на ней показаны только главнѣйшіе изъ притоковъ рѣкъ. На картѣ этой можно видѣть и маршрутъ, которому я слѣдовалъ; что же касается нѣкоторыхъ геогностическихъ подробностей, то читатель можетъ найти ихъ въ статьѣ моей: «Къ вопросу о слѣдахъ древнихъ ледниковъ въ Восточной Сибири въ системахъ Лены, Байкала, Иркуты, Китою и Бѣлой» (Т. XII, № 4 «Извѣстій»).

Въ упомянутомъ выше рукописномъ отчетѣ, а также и на картѣ г. Пермикина, которому только и удалось добраться, или, вѣрнѣе, быть очень близко отъ коренныхъ выступовъ

нефрита и собирать его валуны и гальки, мѣсторожденія этого минерала означены, насколько помню, только по слѣдующимъ рѣчкамъ: по рч. Даялокъ, составляющей правый притокъ р. Урикъ (системы р. Бѣлой) и берущей начало недалеко отъ верховьевъ р. Осны, т. е. Оюта (см. мою карту, на которой Даялокъ, впрочемъ, не обозначенъ), а также по рѣчкѣ Саганъ-Харь, лѣвому притоку Кютоя, съ верховьями, весьма близкими отъ истоковъ той-же Осны. Такъ какъ однако, по даннымъ, собраннымъ во время упомянутой выше моей поѣздки, оказалось, что на всемъ протяженіи моего маршрута нефритъ не встрѣчается ни въ видѣ коренной породы, ни въ галькахъ, поэтому изъ числа указывавшихся мѣсторожденій этого минерала слѣдуетъ исключить какъ верхнее теченіе Оюта, т. е. Осны, такъ рч. Саганъ-Харь, гдѣ, вмѣсто ожидавшагося нефрита, встрѣчены только различныя видоизмѣненія змѣвика, такъ равно всю пройденную мною часть верхняго теченія Кютоя, а наконецъ и Ботуголь съ его графитовыми залежами, не говоря уже о всей системѣ Иркута; изъ сказаннаго же очевидно, что мѣсторожденіе интересующаго насъ минерала известно до сихъ поръ только по рч. Даялокъ (правый притокъ Урика, впадающаго въ р. Бѣлую съ правой стороны), на что указываетъ тотъ фактъ, что изъ привезенныхъ Пермкинѣмъ зеленыхъ штуфовъ, галекъ и валуновъ, только тѣ оказались дѣйствительно нефритовыми, которые по каталогу значились съ р. Даялокъ, ближайшее изслѣдованіе которой, разумѣется, какъ нельзя болѣе желательно. Замѣтивъ, что съ той-же рѣчки долженъ происходить и громадный валунъ нефрита, упоминаемый г. Пыляевымъ («Драгоценные камни» и т. д.), такъ какъ деревня Иретская располагается въ системѣ р. Бѣлой и на деревни эти выходитъ дорога съ р. Даялокъ, вѣрнѣе съ Урика, перейду къ продолженію перечня млекопитающихъ животныхъ.

2) *Ушанъ* (*Plecotus auritus* Linn). Изъ многочисленныхъ летучихъ мышей, видѣнныхъ снующими въ разныхъ мѣстахъ по теченію Тунгуски, одинъ экземпляръ, который удалось добыть въ Преображенскѣ, оказался принадлежащимъ названному виду.

3) *Кротъ* (*Talpa europaea*). Индивидуумы, которые я имѣлъ отъ покойнаго Чекановскаго, такъ и одинъ, видѣнный мною въ Преображенскѣ, какъ по зубной системѣ, такъ и по наружнымъ покровамъ, повидимому, не отличаются отъ европейскаго.

4) *Болка* (*Canis lupus* L.). Животныя эти лишь изрѣдка посѣщаютъ Тунгуску; такъ, напр., одинъ появился лѣтъ съ 17 тому назадъ, а слѣды другаго одинъ изъ тунгусовъ видѣлъ уже въ мою бытность (1882 г.).

5) *Домашняя собака* (*C. familiaris* L.) отличается здѣсь уже болѣе волнообразною наружностью, съ стоячими ушами и нерѣдко съ пушистымъ толстымъ хвостомъ, который часто можно видѣть совершенно опущеннымъ. Мѣстные жители помнятъ одинъ только случай появленія бѣшенства.

6) *Песецъ* (*C. lagopus* L.), какъ извѣстно, со времени экспедиціи Чекановскаго, заходитъ иногда по Тунгускѣ до 60° сѣверной широты.

7) *Лисица* (*C. vulpes* L.). Кромѣ обыкновенной, попадаются здѣсь еще и такія разновидности, какъ *cusigea*, *melanogaster* и *nigra*; къ случаю альбинизма относится, очевидно, рассказъ одного тунгуса, прибавлю, хорошо знакомаго съ песцомъ, что въ 1881 г. въ его ловушку попала совершенно бѣлая лисица *).

*) Объ уклоненіяхъ въ зубной системѣ сибирскихъ лисицъ см. мою статью въ Т. V. № 1. Извѣстій.

8) *Бурый медвѣдь*. (*Ursus arctos* L.). Хотя около Преображенска животное это попадается лишь очень рѣдко, зато выше по рѣкѣ, въ мое-же время, въ особенности въ д. Подволочной, отъ него значительно страдалъ мѣстный скотъ. Не безынтересенъ рассказъ Преображенскаго старшины, согласно которому, въ 1880 г., онъ, вмѣстѣ съ товарищами, видѣлъ совершенно бѣлаго медвѣдя (очевидно, альбинаоса), подошедшаго къ нимъ настолько близко, что они готовились уже къ отраженію несостоявшагося, впрочемъ, нападенія; случай этотъ имѣлъ мѣсто лѣтомъ на рч. Еремѣ. Въ ископаемомъ состояніи бурый медвѣдь найденъ мною нѣсколько выше д. Лагашинной, въ лицѣ нижней части его плечевой кости, вмѣстѣ съ остатками вымершихъ постплиоценовыхъ животныхъ.

9) *Россомаха* (*Gulo borsealis* Nils), какъ равно и

10) *Соболь* (*Mustela zibellina* L), встрѣчающійся лишь въ среднемъ теченіи Тувгуски, принадлежатъ вообще къ довольно рѣдкимъ животнымъ*).

11) *Колонокъ или хорекъ* (*Foetorius sibiricus* Pal.) около Преображенска довольно рѣдкій.

12) *Горностай* (*F. ermineus* L.). Изслѣдованіе добытыхъ мною пятидесяти экземпляровъ (41 самцевъ, 11 самокъ) и сравненіе ихъ съ европейскими, измѣренными Гензелемъ въ его «*Craniologische Studien*»**), приводитъ къ убѣжденію, что величина, достигаемая здѣшними горностаями, замѣтно уступаетъ европейскимъ, въ особенности рѣзко у самокъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы, въ которой черепа распредѣляются по длинѣ ихъ основанія (*a* у Гензеля):

*) Объ уклоненіяхъ въ зубной системѣ соболя см. Отчетъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества за 1873 г.

**) *Nova Acta d. K. Leop.—Carol.—Deutschen Academie* B. XIV. № 4. 1881 года.

Длина основанія черепа въ миллиметрахъ.	САМЦЫ.		САМКИ.	
	Европа.	Тунгуска.	Европа.	Тунгуска.
46,0	1	—	—	—
44 цѣлыхъ и отъ 0 до 9 десятыхъ .	3	1	—	—
43 „ „ 2 „ 9 „ .	4	2	—	—
42 „ „ 0 „ 9 „ .	2	9	—	—
41 „ „ 0 „ 9 „ .	1	10	1	—
40 „ „ 0 „ 8 „ .	—	9	2	—
39 „ „ 0 „ 9 „ .	—	9	2	—
38 „ „ 0 „ 7 „ .	—	1	2	2
37,8 „ „ „ „ .	—	—	—	1
36 „ „ 0 „ 1 „ .	—	—	—	2
35 „ „ 4 „ 7 „ .	—	—	—	4
34 „ „ 5 „ 7 „ .	—	—	—	2
Количество экземпляровъ .	11	41	7	11

Замѣчу еще, что между сибирскими горностаями, черепа, пораженные пентастомой (*Pentastoma*), представляютъ весьма частое явленіе.

13) *Ласка* (*F. vulgaris* Erxl.). Не смотря на всѣ старанія, я успѣлъ достать только одинъ экземпляръ этого животнаго. О несостоятельности одонтографической діагнозы Блязіуса я писалъ еще въ 1874 г., основываясь на сибирскихъ недѣлимыхъ (Извѣстія Сиб. Отдѣла Т. V. № 3 и 4-й); Гензелемъ въ упомянутомъ выше сочиненіи (1881 г.) подтверждено это и относительно европейскихъ ласокъ.

14) *Выдра* (*Lutra vulgaris* Erxl.). Встрѣчается въ небольшомъ количествѣ лишь въ верховьяхъ рѣки.

15) *Бѣлка* (*Sciurus vulgaris* L.). Собранныя мною большая коллекція череповъ этого животнаго послужитъ совреме-

немъ матеріаломъ для краниологическихъ изслѣдованій; о межтемянной кости у сибирскихъ бѣлокъ помѣщено мое сообщеніе въ Т. VII. № 1 и 2-й Извѣстій Сиб. Отдѣла. Тунгусамъ извѣстны какъ бѣлыя, такъ пестрыя и черныя не дѣлимые бѣлокъ.

16) *Летля* (*Pteromys volans* L.). Мѣхъ этого перѣдкаго здѣсь животнаго употребляется иногда на легкія шубки и обшивки; мѣхъ извѣстенъ одинъ совершенно черный экземпляръ.

17) *Бурундукъ* (*Tamias striatus* L.) встрѣчается повсемѣстно.

18) *Водяная крыса* (*Nuridaeus amphibius*), извѣстная здѣсь подъ названіемъ крота, ужасно вредитъ мѣстнымъ огородамъ; образцы, по которымъ я опредѣлилъ этотъ видъ, принадлежали коллекціи Чекановскаго, такъ какъ мѣхъ самому не удалось добыть ни одного индивидуума.

19) *Полевки* (*Arvicolae*) замѣчались мною нѣсколько разъ въ кладовой, гдѣ онѣ являлись въ роли нашихъ домашнихъ мышей, которыхъ мѣхъ не довелось видѣть въ Преображенскѣ.

20) *Бобръ* (*Castor fiber*). О животномъ этомъ, населявшемъ когда-то Нижнюю Тунгуску, сохранилось отчасти лишь преданіе, какъ объ этомъ сообщаетъ Чекановскій. Въ ископаемомъ состояніи въ Восточной Сибири бобръ найденъ до сихъ поръ только по Ангарѣ, вмѣстѣ съ извѣстными остатками неолитическаго человѣка, открытыми Н. И. Витковскимъ.

21) *Заяцъ* (*Lepus variabilis*) распространенъ повсемѣстно, періодически измѣняясь въ количествѣ.

22) *Сѣверный олень* (*Cervus tarandus* L.), согласно Чекановскому, водится въ дикомъ состояніи во всей низовой по-

ловинѣ системы Нижней Тунгуски. Въ ископаемомъ состояніи животное это было найдено мною въ разныхъ мѣстахъ въ промежуткѣ между ст. Лиственничной и д. Лагашинной (мозговая часть черепа, отдѣльный рогъ, часть нижней челюсти, надпяточная кость и т. п.).

23) *Лось или Сохатый* (*C. alces* L.). Во время экспедиціи Чекановскаго лось попадался только въ крайнихъ верховьяхъ Тунгуски. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною отъ тунгусовъ и русскихъ старожиловъ, животное это, дѣтъ съ девяносто тому назадъ, водилось въ изобиліи по всей Тунгускѣ, послѣ чего совершенно исчезло, но затѣмъ, около 1872 г. стали появляться въ системѣ р. Непы (лѣвый притокъ Тунгуски), а около 1879 г. и по нѣкоторымъ мѣстамъ самой Тунгуски. Въ мою бытность его видѣли въ первый разъ около ст. Лиственничной и около Непы, а зимою того-же года знакомый мнѣ тунгусъ убилъ ихъ четыре штуки по рч. Чайкѣ системы р. Еремы, впадающей въ Тунгуску ниже Преображенска. Найденные ископаемые остатки доказываютъ, что лось обиталъ здѣсь и въ постплиоценовый періодъ, что-же касается надпяточной кости того-же животнаго, то ея измѣренія читатель найдетъ въ таблицѣ приложенной къ описанію остатковъ изюбра (см. ниже).

24) *Изюбрь* (*Cervus canadensis* [varietas asiatica]?). По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, животное это (*Cervus elaphus austriacus*) водилось здѣсь прежде, по крайней мѣрѣ до 61° сѣв. широты, но исчезло одновременно съ лосемъ и до сихъ поръ еще не появилось. Непскіе жители, въ мою бытность, убили, правда какое-то изъ крупныхъ животныхъ, въ которомъ они подозрѣвали изюбра, не рѣшаясь отнести его къ лосю, но, не взирая на обѣщанія, я не получилъ отъ нихъ ни одного кусочка, по которому можно было-бы основать опредѣленіе вида. А что прежде дѣйствительно водились здѣсь изюбри, это

доказывается неоспоримо найденною нижнею частью лѣваго рога этого животнаго въ ископаемомъ состояніи, нѣсколько выше д. Лагашинской, слѣдовательно, почти подъ 59° сѣверной широты. Судя по сравнительно небольшимъ размѣрамъ, рогъ принадлежалъ еще едва-ли вполне возмужалому животному, причемъ какъ шероховатости, такъ и вѣничикъ вокругъ основанія развиты еще слабо (сравнительно съ взрослыми и старыми индивидуумами), при немъ уцѣлѣли: основаніе нижняго надглазничнаго отростка и значительная часть верхняго, а также костное основаніе рога съ частью височной ямки; наименьшая длина костнаго основанія равняется 46 милл., при толщинѣ въ 38,5, наибольшій діаметръ рога сейчасъ-же надъ вѣничкомъ равняется 51,5 милл., а въ промежуткѣ между обоими надглазничными отростками достигаетъ 57,5 милл., тогда какъ нѣсколько выше верхняго изъ названныхъ отростковъ, толщина эта уменьшается до 42 милл. Такіе размѣры я могъ съ полнымъ правомъ назвать «сравнительно небольшими», когда у пяти измѣренныхъ мною сибирскихъ изюбровъ съ пятью и шестью отростками на рогахъ, діаметръ основанія послѣднихъ измѣнился отъ 65 до 91 миллиметровъ. Кромѣ описанной части рога, въ томъ-же наносѣ найдена еще надпяточная кость, которая, по особенностямъ задней суставной поверхности и по отношенію послѣдней какъ къ внутренней поверхности, такъ и къ заднему концу скафоидальной части нижней суставной поверхности, должна относиться къ тому-же виду животнаго, но къ самымъ гигантскимъ его представителямъ, какъ это доказывается прилагаемою таблицею измѣреній, гдѣ помѣщены также надпяточныя кости и другихъ жвачныхъ животныхъ, найденныхъ мною въ наносныхъ отложеніяхъ описываемой долины, а для сравненія измѣрена и соотвѣтственная кость первобытнаго быка (*Bos primigenius*), вырытая въ окрестностяхъ Иркутска.

	CERVUS.			BOS.	
	Canad.	Tarand.	Alces.	Priscus.	Primige.
1) Наибольшая длина кости по наружной ея сторонѣ — — — — —	74.3	50.8	84.0	84.3	98.0
	100	100	100	100	100
2) Тоже по внутренней сторонѣ кости —	70.3	47.5	76.5	75.7	87.2
	94.5	93.7	91.1	89.8	89.0
3) Наибольшая ширина голенной части кости	51.3	33.2	58.5	57.0	
4) Наибольшая ширина голеннаго блока, измѣряя между точками наружныхъ поверхностей ограничивающихъ его валиковъ —	69.0	65.4	69.8	67.0	
	43.0	27.3	49.0	53.0	
	57.2	53.7	58.2	62.0	
5) Наибольшая ширина нижней суставной поверхности — — — — —	50.2	32.0	53.8	56.0	63.5
	67.6	63.0	63.1	66.4	64.8
6) Наибольшая ширина верхняго конца задней суставной поверхности, измѣряя еще въ предѣлахъ параллельнаго направленія ея краевъ	34.3	26.0	37.5	37.5	44.2
	46.2	51.2	44.0	44.5	45.1
7) Ширина задней суставной поверхности въ области верхушки скафодальной части —	34.3	22.8	39.0	35.0	39.3
	46.2	44.0	46.4	41.5	40.4
8) Отъ верхушки задняго конца скафодальной части суставной поверхности къ точкѣ всего болѣе выдающейся назадъ на концѣ внутренняго края голеннаго блока — —	34.0	22.0	34.0	34.0	39.7
	45.8	43.1	45.5	40.3	40.5
9) Наибольшая толщина кости, измѣряя по внутренней ея поверхности — — — — —	43.0	29.0	44.0	45.0	52.0
	57.0	57.1	52.4	53.4	53.7
10) Наибольшая ширина верхняго конца задней суставной поверхности (см. измѣреніе № 6), вычисленная къ наибольшей ширинѣ нижней поверхности (измѣреніе № 5), принятой за сто — — — — —	68.3	81.2	70.7	67.0	69.0

Въ таблицѣ этой цифры, стоящія надъ чертою, означаютъ абсолютныя величины въ миллиметрахъ, тогда какъ подъ чертою поставлены относительныя, полученные отъ вычисленія даннаго измѣренія къ наибольшей длинѣ кости (№ 1), принятой за сто.

25) *Козуля* (*C. sargeolus*), согласно сообщенію Чекановскаго, заходитъ еще по временамъ съ Лены до верховьевъ р. Нены.

Примѣчаніе. Описанный мною въ Т. VII № 4 и 5, Извѣстій Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества

видъ антилопы по ископаемымъ остаткамъ, найденнымъ на р. Вилюѣ съ одной стороны, а въ нижнеудинской пещерѣ съ другой, отличался, очевидно, обширнымъ распространениемъ въ Восточной Сибири: въ минусинскомъ музеѣ, какъ видно изъ описанія Н. М. Мартыанова, хранятся два черепа этого животнаго: одинъ, вырытый около г. Красноярска, а другой въ системѣ р. Абакана, въ золотоносномъ пластѣ Михайловскаго прииска по рч. Узунжулу; имѣвшееся показаніе о нахожденіи череповъ какой-то антилопы на Ново-Сибирскихъ островахъ является гораздо болѣе вѣроятнымъ послѣ того, какъ однимъ изъ членовъ метеорологической станціи на устьяхъ р. Лены, именно д—ромъ А. Бунге, найденъ остатокъ того-же рода животныхъ недалеко отъ Ледовитаго моря*), интересны будутъ результаты ближайшаго опредѣленія этого остатка, вѣроятно, и онъ окажется принадлежащимъ тому-же виду антилопы.

26) *Домашняя овца* (*Ovis aries*) разводится въ предѣлахъ русскаго населенія Тунгуски (курдючная порода).

27) *Ископаемый зубръ* (*Bos bonasus s. priscus*). Остатки этого быка, какъ-то: обломки черепа, позвонковъ, лучевая кость, части бедра, надпяточная кость, измѣренія которой помѣщены выше, въ одной таблицѣ съ оленьими, а также нѣкоторыя изъ фалангъ находились въ различныхъ мѣстахъ на пространствѣ отъ ст. Листвяничной до д. Потеминской, къ тому-же у упомянутаго выше г. Балакшина находится довольно хорошо сохранившійся черепъ того-же животнаго, найденный имъ сѣвернѣе Преображенска, между Могою и Жановой.

28) *Первобытный быкъ* (*Bos taurus var. fossilis, s. primigenius*). Этому виду быка я отношу лѣвую лучевую кость, къ сожалѣнію съ отломаннымъ нижнимъ концемъ, найденную въ

*) Bulletin d. l'Acad. Imp. des Sciences de S. Petersbourg. T. XXVIII.

промежуткѣ между д. Сосниной и Лагашинной, слѣдовательно, около $58\frac{3}{4}$ сѣверной широты, гдѣ найдена также часть лѣвой надпяточной кости, принадлежащей, повидимому, тому-же виду.

Лучевая кость обнаруживаетъ вообще тѣ-же особенности, которыя описаны мною еще въ 1874 г. (Извѣстія С. О. Г. О. Т. V. № 3 и 4 стр. 108), по экземпляру изъ окрестностей г. Иркутска и изображенные на фиг. 7-й, приложенной тамъ таблицы рисунковъ; съ тѣхъ поръ лучевыя кости такого типа находились мною еще по рч. Унгѣ въ окрестностяхъ г. Балаганска (двѣ), затѣмъ еще разъ около Иркутска, а наконецъ въ 1884 г., такая-же кость съ не вполне слившимся еще эпифизомъ и не приросшею верхнею половиною шнае, привезена Л. А. Ячевскимъ изъ окрестностей того-же Балаганска. Такимъ образомъ, я собралъ шесть лучевыхъ костей типа первобытнаго быка, для сравненія съ которыми, кромѣ многочисленныхъ экземпляровъ здѣшнихъ домашнихъ быковъ, служили мнѣ четыре лучевыя кости ископаемаго зубра (двѣ изъ Иркутска, одна изъ окр. Балаганска); кости эти измѣрены мною въ приложенной ниже таблицѣ. Матеріаль этотъ позволилъ мнѣ, кромѣ того, провѣрить съ еще большею подробностью и точностью нѣкоторые признаки, предложенные г. Рютимейеремъ для отличія лучевыхъ костей первобытнаго быка отъ такихъ-же остатковъ зубра, — признаки, на непостоянность которыхъ я указалъ отчасти уже въ цитированной выше статьѣ. Результаты получились слѣдующіе.

а) Объ особенностяхъ верхней суставной поверхности необходимо замѣтить, что относительные размѣры и очертаніе ея не даютъ постоянныхъ признаковъ, а слѣдовательно и глубина вырѣзки для оесгапоп: къ балаганскому и вижнеудинскому лучамъ сказанное Рютимейеромъ примѣнимо болѣе, нежели къ другимъ, а одинъ изъ сравниваемыхъ экземпляровъ домашняго быка представляетъ верхнюю суставную поверх-

ность суживающуюся къ наружному концу даже гораздо значительно, нежели у всѣхъ ископаемыхъ зубровъ (а не наоборотъ), къ тому-же наружная часть этой поверхности у него правильно - квадратная, такъ какъ передне-наружній ея уголъ, въ противоположность ископаемымъ, почти вовсе не выдается впередъ, — особенность замѣтная отчасти лишь у № 6-го, а еще въ меньшей мѣрѣ у № 2-го, у которыхъ, однако, передне-задній діаметръ этой части значительно превышаетъ поперечный. Волнистость передняго края той-же поверхности, доходящая до угловатости, не столь характеристична для *V. primigenius* (а глубина средняго вдавленія и вовсе не характерна), какъ болѣе (наклонное) положеніе верхвей суставной поверхности относительно оси луча, тогда какъ у зубра, поверхность эта пересѣкаетъ ось кости обыкновенно подъ угломъ, болѣе близкимъ къ прямому; вообще-же признаки эти довольно шатки и не всегда уловимы.

б) Иитимность соединенія тѣла локтевой кости съ лучемъ, вѣрнѣе полное слитіе ихъ между собою, весьма характерно для первобытнаго быка въ его возмужаломъ возрастѣ; если же имѣть въ виду, что тѣло локтевой кости отличается у него значительнымъ переднезаднимъ діаметромъ, причемъ наружная его поверхность располагается почти въ одной плоскости съ такою же поверхностью лучевой кости (замѣтимъ кстати, что ширина наружной поверхности локтевой кости первобытнаго быка на половинѣ разстоянія между обоими спатіумами, слѣдовательно почти на половинѣ длины луча, значительно превосходитъ ширину наружной поверхности лучевой кости въ томъ же мѣстѣ), то признакъ этотъ, вмѣстѣ съ массивностью, неуклюжестью и абсолютными размѣрами кости, принадлежитъ къ лучшимъ; что же касается ширины соприкосновенія съ локтевымъ отросткомъ, то она не характеристична.

в) Болѣе плоскую верхнюю половину или верхнія двѣ трети длины передней поверхности лучевой кости въ свою очередь можно считать отличительнымъ признакомъ для первобытнаго быка, съ чѣмъ обыкновенно связано болѣе слабое развитіе передне-наружной грани, замѣтно выдающейся у зубра и переходящей въ нижней трети длины луча на середину его передней поверхности, гдѣ она раздвоена мышечнымъ углубленіемъ; впрочемъ, рѣзкихъ и острыхъ граней, ограничивающихъ это углубленіе, у зубра иногда не бываетъ, а, напротивъ, онѣ появляются у здѣшнихъ домашнихъ быковъ и у № 5-го (смотри таблицу измѣреній).

г) Дѣйствительно, болѣе косое расположеніе нижней суставной поверхности относительно оси луча у первобытнаго и у быковъ находятъ иногда равное себѣ и въ экземплярахъ, указывающихъ прямо на зубра, причемъ и сила дугообразнаго изгиба той-же поверхности бываетъ одинаковою у зубра и у здѣшнихъ домашнихъ быковъ.

д) Въ болѣе косомъ направленіи и въ степени рѣзкости возвышенныхъ линій, ограничивающихъ отдѣльныя части (фасетки) нижней суставной поверхности луча, нельзя искать характеристическихъ признаковъ для видѣнныхъ мною экземпляровъ, включая въ то и домашняго быка.

е) Ширина самыхъ фасетокъ почти одинакова какъ у домашнихъ, такъ и у имѣющихся ископаемыхъ быковъ; фасетка для ладъезидной кости (*os naviculare*) продолжается на заднюю поверхность почти до самой границы эпифиза, сохраняя тамъ равномерную ширину; у здѣшнихъ домашнихъ быковъ фасетка эта продолжается столь же далеко назадъ, оканчиваясь тамъ округленнымъ углубленіемъ, впереди котораго она замѣтно суживается; легкій намекъ на такую особенность наблюдается только у номера 2-го.

ж) Поверхность для трехгранной кости (*os triquetrum*) не носитъ иногда слѣдовъ раздѣльной линіи слагающихъ ее двухъ костей и у зубра такъ же, какъ у первобытнаго быка, у котораго полнѣйшее слитіе локтевой кости съ лучемъ въ этомъ мѣстѣ опережаетъ приращеніе эпифиза къ лучу.

з) Особенная суставная фасетка (къ наружи отъ поверхности для трехгранной кости), описанная Рютимейеромъ на лучахъ зубра и несуществующая у европейскаго тауруса замѣчается на всѣхъ сибирскихъ экземплярахъ ископаемыхъ и домашнихъ быковъ съ тѣмъ лишь различіемъ, что у домашнихъ и нѣкоторыхъ первобытныхъ она не расширяется такъ къ наружному концу, хотя бываетъ и противоположное.

	Bos primigenius.						Bos prisus.				B. taurosdom.
	Тунгска. № 1	Балаганскъ. № 2	Унта. № 3	Иркутскъ. № 4-5	Унта. № 6	Тунгска. № 7	Балаганскъ. № 8	№ 9-10	Иркутскъ.	Иркутскъ.	
Длина луча по его внутренней поверхности	повр. 394.5	повр. 375.9	повр. 381.0	повр. 375.9	повр. 348.3	повр. 339.0	342.7	338.5	331.0	260.5	
Тоже по наружной поверхности	повр. 384.5	повр. 367.5	повр. 365.7	повр. 367.5	348.3	327.0	337.5	327.5	314.0	260.5	
Наибольшая длина верхней суставной поверхности	108.5	111.3	117.0	110.0	108.8	96.0	99.2	94.0	97.9	67.7	
Наибольший переднезадний диаметр той-же поверхности	52.2	51.5	58.0	58.0	54.0	48.5	47.5	48.2	51.7	34.0	
Наибольший переднезадний диаметр наружной части ея-же	39.0	35.7	43.7	35.7	36.0	34.3	32.7	32.2	32.5	18.7	
Наименьший переднезадний диаметр той-же суставной поверхности	34.8	30.0	31.0	32.3	35.3	31.0	27.0	30.3	30.9	18.7	
Наибольшая ширина верхнего конца луча	124.7	120.2	129.7	122.0	114.2	106.3	108.3	102.0	109.0	75.2	
Ширина луча на половинѣ его длины	67.5	62.3	71.5	66.7	64.5	54.0	53.7	49.0	52.0	37.2	
Наибольшая ширина нижняго конца кости	повр. 110.0	повр. 111.0	повр. 121.0	повр. 111.0	повр.	98.5	101.5	95.3	96.0	67.0	
Наибольшая длина нижней суставной поверхности	повр. 106.5	повр. 105.0	повр. 111.0	повр. 105.0	повр.	90.0	92.5	90.0	89.0	58.6	

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ животнымъ, считаю не лишнимъ коснуться вопроса о *попадающихся иногда ископаемыхъ пястныхъ костяхъ быка (ossa metacarpi), несоразмерно развитыхъ въ ширину.* Уже дармштатскую кость, описанную въ VI томѣ извѣстнаго сочиненія Кювье (стр. 330), необходимо считать замѣтно превышающею нормальные поперечные размѣры пястныхъ костей какъ зубра, такъ даже первобытнаго и домашнихъ быковъ: принимая длину ея за 100, наибольшая ширина верхняго конца этой кости равняется 37,5, — ширина ея на половинѣ длины достигаетъ 25,0, а наибольшая ширина нижняго конца кости 35,8. Найденная затѣмъ Нордманномъ пястная кость (въ окрестностяхъ г. Одессы, *Paleontologie Sudrusslands Tab. XVI, fig. 2*) оказывается еще болѣе широкою въ нижнемъ ея концѣ: относительные размѣры ея въ цифрахъ, расположенныхъ въ той же послѣдовательности какъ и для дармштатской (см. выше), даютъ: 37,2 — 25,5 и 39,8. Далѣе, въ 1876 г., въ долинѣ рч. Унги, недалеко отъ г. Балаганска, мнѣ удалось найти еще болѣе широкую пястную кость быка съ поперечными діаметрами въ 40,5 — 23,9 и 40,2; наконецъ, въ 1884 г. въ лессѣ праваго берега долины р. Ушаковки въ Иркутскѣ я нашелъ такую же кость, но съ поперечными размѣрами, превосходящими уже все до сихъ поръ видѣнное и даже читанное: вычисленные такимъ же образомъ относительные размѣры даютъ для ширины ея верхняго конца 43,1, на половинѣ долины кости 27,6, а для ширины нижняго конца 46,8!

Одесскую кость, какъ извѣстно, Нордманнъ склонился считать принадлежащею скорѣе ископаемому зубру, нежели первобытному быку, относительно чего Рютимейеръ, въ своей *Fauna der Ptalbauten* (выноска къ стр. 101), высказалъ сомнѣніе: соглашаясь на то, что эту широкую и неуклюжую кость трудно отнести къ первобытному быку, онъ полагаетъ

тѣмъ не менѣе, что ископаемый зубръ врядъ-ли могъ столь рѣзко отличаться отъ своей тонконогой современной братіи.

Съ своей стороны я долженъ замѣтить, что съ послѣднимъ положеніемъ Рютимейера можно вообще лишь согласиться, что-же касается кажущагося затрудненія относить такіа кости къ первобытному быку, то затрудненіе это съ одной стороны почти до крайности уменьшается находившимися мною пястными костями сибирскихъ домашнихъ быковъ, поперечные діаметры которыхъ значительно превышаютъ нормальные, въ особенности на нижнемъ концѣ кости, гдѣ относительная ширина ея достигаетъ до 41,2, причемъ, какъ и между ископаемыми, имѣется рядъ довольно постепенныхъ переходныхъ формъ; съ другой же стороны, вопросъ осложняется опять тѣмъ обстоятельствомъ, что самая широкая ископаемая пясть (№ 1-й въ таблицѣ измѣреній) отличается такою незначительною длиною, которая, сама по себѣ, вполне укладывается въ среднюю цифру длины пястныхъ костей видѣнныхъ мною ископаемыхъ зубровъ (средняя длина эта, вычисленная по четыремъ экземплярамъ, равняется 217,6 съ колебаніемъ отъ 208,3 до 223,0), хотя длина остальныхъ изъ перечисленныхъ широкихъ пястей не выходитъ за границы колебаній, извѣстныхъ въ предѣлахъ типа первобытнаго быка, — къ тому же въ допожарномъ музеѣ здѣшняго отдѣла хранились двѣ пястныя кости ископаемаго зубра длиною въ 221,5 и 216,7 миллиметровъ, относительная ширина которыхъ, вычисленная какъ выше, даетъ для верхняго ихъ конца 34,9 и 35,8, — для половины ихъ длины 20,8, а для нижняго конца по 37,0.

Имѣя въ виду всѣ эти данныя, я склоняюсь считать всѣ эти пястныя кости (за исключеніемъ развѣ № 1-го) всего вѣроятнѣе образцами крайнихъ индивидуальныхъ различій всегда неуклюжаго первобытнаго быка, сознавая, впрочемъ, что отъ ближайшаго изслѣдованія сибирской постплиоценовой фауны, съ которою до сихъ поръ мы знакомы еще весьма по-

верхостно, слѣдуетъ ожидать еще многого; оно современемъ убѣдитъ насъ, быть можетъ, и въ существованіи особеннаго вида быка, которому будетъ принадлежать № 1-й нижеслѣдующей таблицы, въ которой, кромѣ всѣхъ упомянутыхъ здѣсь, широкихъ пястныхъ костей, я помѣстилъ еще измѣренія двухъ нормальныхъ пятей первобытнаго быка (№ 8 и 9), а также три кости здѣшнихъ домашнихъ быковъ (№ 5, 6 и 7).

	ИСКОПАЕМЫЯ.				ДОМАШНІЯ.		Bos primigenius.	
	Иркутскъ. № 1	Унта. № 2	Одесса. № 3	Кюмбег. № 4	№ 5, 6 и 7	Иркутскъ.	№ 8 Иркутскъ.	№ 9 Шотландія.
Наибольшая длина пясти по наружной поверхности кости	210.0	241.0	231.0	280.0	186.0	177.5	170.0	254.0
Наибольшая ширина верхняго конца кости	90.5	97.7	86.0	105.0	67.0	60.0	58.8	80.0
Наибольшая ширина верхней суставной поверхности	88.0	91.5	—	—	66.3	58.0	57.7	—
Наибольшій переднезадній діаметръ той-же поверхности	49.2	47.8	—	—	37.0	33.0	35.0	41.5
Ширина тѣла кости на половинѣ ея длины	58.0	57.7	59.0	70.0	39.0	36.7	37.0	49.7
Переднезадній діаметръ тамъ-же	40.0	40.0	—	—	26.0	24.0	23.0	31.2
Наибольшая ширина кости (ея нижней суставной поверхности)	98.3	97.0	92.0	100.0	76.5	68.7	61.5	84.0
Наибольшій переднезадній діаметръ той-же поверхности (всѣгда на внутренней части этой поверхности)	48.2	49.0	—	—	37.0	32.3	32.0	повр.

Къ первобытному быку я отношу также пяточную (calcaneus) лѣвой ноги изъ коллекціи Л. А. Ячевскаго изъ окрестностей Балаганска; рѣзкія шероховатости для мышечныхъ прикрѣпленій говорятъ въ пользу такого мнѣнія, а размѣры кости ставятъ ее въ число самыхъ большихъ недѣлимыхъ, измѣренныхъ Рютимейеромъ, какъ это видно изъ прилагаемой таблицы, въ которой помѣщены еще двѣ такія-же кости: одна изъ окрестностей г. Иркутска (ей принадлежитъ надпяточная кость, измѣренія которой помѣщены въ описаніи остатковъ оленей) и другая, найденная мною въ долину упоминавшейся уже выше рч. Унги, къ тому же для сравненія я прибавилъ еще измѣренія пятки зубра.

	Bos primigenius.				Bison
	Балаганскъ.	Иркутскъ.	У н г а.	Рютимейеръ.	Рютимейеръ.
Наибольшая длина пяточной кости - - - - -	192.5	повр.	188.0	173 — 195	158
Длина бугра по его верхней поверхности - - - - -	124.3	повр.	111.7	114 — 129	104
Наибольшая высота бугра въ его основаніи - - - -	70.0	69?	69.5	61 — 64	56
Наибольшая высота наружнаго боковаго отростка - -	76.8	78.2	77.0	64 — 68	60
Длина его по верхнему краю	68.3	75.0	70.7	61 — 65	55

29) *Доматный быкъ* (Bos taurus var. domestica). Въ границахъ русскаго населенія разводится въ не маломъ количествѣ вообще малорослая порода этого вида животныхъ, поль-

зуюсь самым жалким уходом со стороны своих хозяевъ. Нѣкоторыя деревни, напр., вовсе не держатъ пастуховъ, вслѣдствіе чего нерѣдки случаи, что нѣкоторыя коровы ночуютъ въ полѣ и не доятся поэтому иногда даже по два и по три дня; зимою же нерѣдко доводятъ ихъ до отмораживанія сосковъ. Изслѣдованія сибирскихъ и вообще средне-азіатскихъ породъ домашняго быка и сравненіе ихъ какъ съ ископаемымъ ихъ родичемъ, такъ и съ европейскими породами, должно привести современемъ къ весьма интереснымъ и важнымъ результатамъ, но матеріаль этотъ, требующій жизни не одного специалиста и осложненный еще скрещиваніемъ здѣшняго тауруса съ монгольскимъ Якомъ, до сихъ поръ остается нетронутымъ.

30) *Лошадь* (*Equus caballus* L.) Веѣ, найденныя до сихъ поръ въ Восточной Сибири остатки этого животнаго, состоятъ лишь изъ нѣкоторыхъ костей туловища и конечностей, а также нѣсколькихъ коренныхъ зубовъ и обломка нижней челюсти съ молочными зубами. Несомнѣнно дилувіальныя остатки эти, указывая на довольно значительныя колебанія какъ въ ростѣ, такъ и въ относительной толщинѣ костей, ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ здѣшнихъ современныхъ лошадей. Къ сожалѣнію, въ пластахъ этихъ ни разу не находили еще болѣе или менѣе поучительныхъ частей черепа, вслѣдствіе чего знакомство наше съ видовыми особенностями нашей пост-плиоценовой лошади еще весьма поверхностно, хотя, какъ слѣдуетъ ожидать, снаряженная уже и отправившаяся въ путь, ново-сибирская экспедиція должна вывести оттуда богатый матеріаль въ этомъ отношеніи, такъ какъ о нахожденіи лошадиныхъ череповъ на этихъ островахъ мы знаемъ еще отъ Геденштрема.

Прежде чѣмъ перейти къ перечню остатковъ изъ наносовъ долины Тунгуски, скажу здѣсь кстати нѣсколько словъ

о части лѣвой половины черепа лошади, найденной Л. А. Ячевскимъ въ долину р. Хилка (системы Селенги). Остатокъ этотъ отличается довольно свѣжею наружностью верхней челюсти, зубовъ, костяного неба и всей нижней поверхности черепа, тогда какъ вещество верхней его части дряблое и довольно густо усѣяно точечными дендритообразными пятнышками, такъ что я склоняюсь скорѣе допустить, что кость эта долго лежала на своей верхней поверхности, будучи отчасти покрытою современнымъ наносомъ, нежели счесть этотъ черепъ современникомъ мамонта и носорога. О черепѣ этомъ я упоминаю здѣсь лишь потому, что его верхнечелюстная кость нѣсколько впереди отъ шва скуловой кости и ниже линіи наименьшаго разстоянія между глазницею и отверстіемъ *canalis infraorbitalis* представляетъ хотя и очень плоское, но рѣзко замѣтное углубленіе болѣе сорока миллиметровъ въ обоихъ діаметрахъ; особенность-же эту, не свойственную какъ дикимъ, такъ и домашнимъ представителямъ описываемого вида, слѣдуетъ разсматривать какъ намекъ на углубленія, нормальное для *Архитерія*, *Гиппаріона* и *Гиппидія*, а также для *Equus Stenonis*, какъ это доказано недавно Форзитомъ (*Forsyth Major*). Замѣтивъ, что видѣннаго мною до сихъ поръ количества череповъ сибирскихъ домашнихъ лошадей далеко еще недостаточно для того, чтобы судить о процентѣ такой не безынтересной аномаліи, возвращусь къ наносамъ Нижней Тунгуски, изъ которыхъ я добылъ: двѣ первыя фапанги, одну копытную, одну пястную кость и, наконецъ, надпяточную кость, значительно поврежденную отъ оттачиванія водою. Нижеслѣдующая таблица измѣреній знакомитъ насъ съ особенностями какъ упомянутой пястной кости, такъ и съ четырьмя плюсневыми костями, изъ которыхъ самая длинная найдена Л. А. Ячевскимъ въ окрестностяхъ г. Балаганска, а остальные три привезены мною оттуда-же, съ долины р. Урги, причемъ

прибавлю, что длина самой короткой пястной кости (metacarpus) ископаемой лошади, помещенной въ этой таблицѣ и происходившей изъ наносовъ той-же Унги, равнялась 217,5 миллиметрамъ.

	Meta-	Ossa metatarsi.			
	carpus				
Длина кости по наружной поверхности - - - - -	234.0	281.5	268.0	260.5	253.0
Ширина верхней суставной поверхности - - - - -	47.3	45.0	57.3	53.3	53.7
Ширина кости на половинѣ ея длины - - - - -	34.0	30.0	37.0	37.0	35.7
Ширина нижней суставной поверхности - - - - -	48.7	44.0	55.2	53.0	54.3

Само собою разумѣется, что для сопоставленія этого, обнаруживающаго различія, какъ въ длинѣ, такъ и въ толщинѣ, взяты кости вполне взрослыхъ животныхъ.

Въ домашнемъ состояніи лошади разводятся здѣсь въ предѣлахъ русскаго населенія.

31) *Сибирскій носорогъ* (*Rhinoceros antiquitatis* s. *tichorhinus*). Кости этого животнаго находились мною главнымъ образомъ около Гажинска, Логашинной и Сосвинной; кромѣ того, отъ г. Балакшина я получилъ правую вѣтвь нижней челюсти взрослою недѣлимаго съ зубами и съ сохранившимся синфизомъ, найденную нѣсколько сѣвернѣе Преображенска. Такъ какъ въ моемъ распоряженіи находились еще кости того-же вида носорога, собранныя Л. А. Ячевскимъ въ окрестностяхъ Балаганска, поэтому весь матеріаль мой дасть нѣкоторыя, немаловажныя данныя для изученія скелета этого животнаго, въ особенности что къ описанію костей я прилагаю и измѣренія; для сравненія я пользовался извѣстною моно-

графією покойнаго академика Брандта (Versuch einer Monographie etc. въ Memoires de l' Academie Imp. des. Sciences S. Petersbourg. VII Serie. T. XXIV. № 4) и приложенными къ ней таблицами.

Первый шейный позвонокъ представленъ въ двухъ экземплярахъ съ Нижней Тунгуски; крылья ихъ и нѣкоторыя части задней суставной поверхности повреждены. Сохраняя характеристическія особенности вида, они доказываютъ только, что глубина вырѣзки передняго края дуги бываетъ значительно большею, нежели на рисунокѣ Брандта, причемъ и очертаніе ея измѣняется отъ правильно-дугообразнаго да почти прямолинейнаго, тупо-угольнаго; кромѣ того, бугоръ, играющій роль остистаго отростка, является вовсе необъособленнымъ, а въ видѣ гладкаго вздутія.

	№ 1.	№ 2.
Наибольшее разстояніе между наружными краями передней суставной поверхности — —	157.0	169.7
Высота мозгового канала спереди — —	69.5	81.3
Его наибольшій поперечный діаметръ — —	69.7	67.5
Наименьшая ширина позвонка въ области вырѣзокъ впереди крыльевъ — — — —	165.0	176.0
Наименьшее разстояніе между внутренними краями сосудистыхъ отверстій — — — —	57.3	52.0
Ширина дуги по средней линіи — —	60.3	повр.
Наибольшая толщина дуги (вмѣстѣ съ бугромъ)	29.7	31.5
Наименьшій переднезадній діаметръ тѣла позвонка (безъ отростка) — — — —	41.5	46.3

Второй шейный позвонокъ имѣется въ двухъ экземплярахъ, оба изъ коллекціи г. Ячевскаго. Въ видѣ прибавленія къ

описанію Брандта, о нихъ слѣдуетъ замѣтить: а) что поперечные отростки ихъ являются не квадратными („quadratisch und gleich breit“), а напротивъ, суживаются равномерно къ своимъ концамъ, заостреннымъ и болѣе вздернутымъ кверху, нежели на рисунокѣ Брандта; б) отростки эти и на описываемыхъ экземплярахъ (въ противоположность показанію Гибеля) прободаются сосудистымъ каналомъ съ широко-открытыми, почти совершенно круглыми отверстіями; в) на одномъ изъ позвонковъ къ тому-же нормальный желобъ на передней части наружной поверхности основанія дуги (позади верхняго края передней суставной поверхности) превращается почти въ полу-каналъ, благодаря соответственнымъ, гребневиднымъ возвышеніямъ; г) на обоихъ позвонкахъ верхнее очертаніе канала для спиннаго мозга правильно-округленное, и не заостренное; наконецъ, д) на заднемъ концѣ нижней грани (гребня) тѣла позвонка замѣчается одиночный бугоръ, а не двойной, какъ на рисунокѣ Брандта.

	№ 1.	№ 2.
Наибольшая длина тѣла съ зубовиднымъ отросткомъ — — — — —	128,0	повр.
Тоже (по нижней поверхности), но безъ зубца	97,8	повр.
Продольной діаметръ задней суставной поверхности — — — — —	77,0	повр.
Поперечный діаметръ той-же поверхности —	58,0	62,0
Наибольшее разстояніе между наружными краями передней суставной поверхности — —	143,5	141,3
Наибольшая (отвѣсная) ширина той-же поверхности — — — — —	31,0	36,0

Отъ самой выдающейся точки наружнаго края передней суставной поверхности къ такой-же точкѣ задней поверхности тѣла, позади основанія поперечныхъ отростковъ	—	—	—	—	69,0	69,0
Наибольшее расстояние между поперечными отростками	—	—	—	—	повр.	161,0?
Отъ конца поперечнаго отростка къ ближайшей точкѣ передней суставной поверхности	—	—	—	—	повр.	60,0
Длина основанія дуги	—	—	—	—	40,5	42,0
Длина основанія остистаго отростка (спереди назадъ по наружной поверхности)	—	—	—	—	81,3	81,0
Длина гребня остистаго отростка	—	—	—	—	повр.	99,0
Высота остистаго отростка спереди	—	—	—	—	повр.	47,0
Тоже сзади	—	—	—	—	повр.	49,0
Наибольшее расстояние между наружными краями заднихъ суставныхъ отростковъ	—	—	—	—	86,0	85,0
Высота позвонка сзади къ верхней поверхности суставнаго отростка	—	—	—	—	191,0	повр.

Третій шейный позвонокъ. Изъ двухъ имѣющихся экземпляровъ, одинъ съ поврежденнымъ тѣломъ, отъ котораго осталась лишь задняя четверть длины и обломанными отчасти поперечными отростками, происходитъ съ Нижней Тунгуски; другой же безъ остистаго отростка и съ менѣе поврежденными поперечными принадлежитъ коллекціи г. Ячевскаго. На основаніи этого матеріала могу лишь согласиться съ мнѣніемъ академика Брандта, что позвонокъ, описанный имъ и срисованный на таблицѣ IX, фиг. 3 и 4, дѣйствительно слѣдуетъ считать третьимъ шейнымъ, причемъ и рисунокъ его принадлежитъ къ лучшимъ изъ имѣющихся въ печати: ошиб-

ку художника можно подозрѣвать лишь въ томъ, что передняя суставная поверхность изображается почти правильно эллиптической, тогда какъ верхняя часть ея контура, какъ соответствующая дну мозгового канала, является замѣтно усѣченной. Характеристическія особенности этихъ позвонковъ читатель найдетъ ниже, въ сравнительномъ описаніи четвертаго шейнаго, гдѣ помѣщена и таблица измѣреній всѣхъ этихъ позвонковъ, знакомящая, между прочимъ, и съ довольно значительными индивидуальными ихъ различіями, о которыхъ скажу здѣсь только, что измѣненіямъ этимъ подлежатъ: длина и ширина дуги, толщина переднихъ суставныхъ отростковъ и глубина вырѣзокъ, отдѣляющихъ ихъ отъ такихъ-же заднихъ отростковъ; очертанія мозгового канала сверху бываетъ какъ угловое, такъ и округленное; верхняя вѣтвь поперечнаго отростка можетъ сплющиваться и принимать острые края, почти рѣжущіе сзади; наконецъ, передній край нижней вѣтви поперечнаго отростка бываетъ не только дугообразнымъ, какъ на рисункѣ Брандта, но и прямолинейнымъ, даже нѣсколько зубренымъ и рѣжущимъ. Какъ на анамалию, слѣдуетъ указать на то, что на нижне-тунгускомъ экземплярѣ передняя часть основанія остистаго отростка поворачиваетъ нѣсколько въ право и въ видѣ пластинки до 14 миллиметровъ высоты, вдается на 16 мил. впередъ, въ правую часть передней вырѣзки дуги, вызывая ассиметрію этой вырѣзки; кромѣ того, отверстіе праваго сосудистаго канала этого позвонка значительно меньше лѣваго и расположено нѣсколько ниже его.

Четвертый шейный позвонокъ, какъ извѣстно, описанъ до сихъ поръ лишь по одному экземпляру Гибелемъ, который ограничивается, впрочемъ, лишь сравненіемъ его съ позвонкомъ современнаго двурогаго носорога; что же касается Брандта, то онъ могъ пользоваться только рисункомъ, помѣщеннымъ въ извѣстномъ атласѣ Кловье; поэтому нижеслѣдующее описаніе

экземпляра изъ коллекціи г. Ячевскаго, сравненія его съ третьими шейными позвонками, какъ равно и подробная таблица измѣреній слѣдуетъ считать вполне умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ.

Тѣло позвонка болѣе широкое, нижняя грань гораздо ниже, тупѣе и оканчивается сзади двумя низкими буграми, а не однимъ, какъ у третьяго позвонка (слѣдуетъ замѣтить, что на описываемомъ экземплярѣ значительная часть шва задняго эпифиза еще не успѣла закрыться). Передняя суставная поверхность болѣе широкая, снизу широко-округленная, а не заостренная, что равнымъ образомъ относится и къ задней суставной поверхности, окруженной болѣе равномерно-толстыми краями. Дуга вообще массивнѣе и шире; вырѣзка задняго края верхней поверхности дуги не дугообразная, какъ на третьемъ, а остроугольная, окаймленная толстыми и выпуклыми краями, видимо переходящими въ паружные края основанія задней поверхности отломаннаго остистаго отростка. Массивные суставные отростки значительно менѣе обособлены, отдѣляясь сверху (на наружныхъ краяхъ дуги) лишь очень узкою и неглубокою вырѣзкою. Продольныя оси обоихъ суставныхъ отростковъ (передняго и задняго) пересѣкаются подъ острымъ угломъ, а не подъ почти прямымъ, какъ это характерно для третьяго; передняя пара этихъ отростковъ развита не менѣе, а даже нѣсколько сильнѣе заднихъ, къ тому же, при большомъ переднезаднемъ діаметрѣ они отличаются сравнительно малою толщиной, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что наибольшая толщина ихъ настолько отодвинута назадъ, что очертаніе поперечнаго разрѣза этихъ отростковъ является удлинено-кошьевиднымъ съ острымъ концемъ обращеннымъ впередъ. Последнее обстоятельство вліяетъ и на своеобразныя особенности основанія дуги: въ горизонтальномъ разрѣзѣ оно имѣетъ видъ треугольника, округленная вершина котораго об-

ращена впередъ, тогда какъ на третьемъ шейномъ позвонкѣ вершина этого треугольника направляется въ противоположную сторону, т. е. назадъ. Поэтому на поверхности основанія дуги послѣдняго (т. е. третьяго позвонка) различаются: передняя, слегка вогнутая, наружная и внутренняя, выпуклая поверхности, между тѣмъ какъ на четвертомъ имѣются: наружная, нѣсколько выпуклая, внутренняя, почти прямолинейная и задняя съ едва замѣтною вогнутостью. Последняя изъ названныхъ поверхностей суживается книзу и переходитъ въ задній край верхней вѣтви поперечнаго отростка, болѣе низкой и значительно болѣе отодвинутой назадъ, нежели на третьемъ. Замѣтивъ затѣмъ, что мозговой каналъ четвертаго позвонка развитъ болѣе въ ширину, нежели высоту, что отверстія сосудистыхъ каналовъ располагаются замѣтно ниже, нежели на третьемъ позвонкѣ, не смотря на толщину основанія нижней вѣтви поперечнаго отростка, значительно превосходящую таковую у третьяго позвонка, наконецъ, что уцѣлѣвшая задняя часть поперечнаго отростка указываетъ на полнѣйшее сходство этихъ отростковъ съ рисункомъ въ атласѣ Кювье (см. Брандтъ, таблица IX, фиг. 5), отсылаю читателя къ нижеслѣдующей таблицѣ измѣреній.

	III-е.		IV-й.
	Балаганскъ	Тунгуска	Балаганскъ
Длина тѣла по средней линіи нижней поверхности	52.5	повр.	60.8
Тоже по верхней поверхности тѣла — —	53.0	повр.	58.7
Наибольшая высота передней суставной поверхности — — — — —	72.0	повр.	74.5
Наибольшій поперечный діаметръ той-же поверхности — — — — —	47.5	повр.	53.7
Наибольшая высота задней суставной поверхности — — — — —	75.5	85.0	85.3
Поперечный ея діаметръ — — — — —	60.0	63.0	70.0

Наименьшая ширина позвонка въ промежуткѣ между суставными и поперечными отростками —	87.0	88.0	88.0
Длина дуги по средней линіи — — —	36.5	47.7	44.3
Наибольшая ширина дуги въ области переднихъ суставныхъ отростковъ — — — —	119.0	130.0	132.5
Тоже въ области заднихъ суставныхъ отростковъ	97?	100.0	103.0
Наименьшая ширина дуги между промежутками, отдѣляющими передніе суставные отростки отъ заднихъ — — — — — — —	81.5	80.0	96.5
Наибольшая толщина (поперечная) передняго суставнаго отростка — — — — —	17.0	28.0	25.3
Наименьшее разстояніе между задними краями заднихъ суставныхъ отростковъ — — —	36.5	42.0	29.5
Наименьшая ширина основанія дуги (спереди назадъ) — — — — — — —	36—40	повр.	45.0
Наибольшая толщина его — — — — —	26.8	26.5	23.3
Ближайшее разстояніе между краями: задней суставной поверхности и суставной поверхности задняго суставнаго отростка — — — —	27.3	31.0	14.3
Ближайшее разстояніе между заднимъ краемъ основанія дуги и краемъ передняго отверстія сосудистаго канала — — — — —	28.0	26.0	24.0
Наименьшая ширина основанія нижней вѣтви поперечнаго отростка — — — — —	37.7	43.9	48.0
Наименьшая толщина его, спереди, подъ сосудистымъ каналомъ — — — — —	15.0	повр.	25.3
Наименьшая ширина верхней вѣтви поперечнаго отростка — — — — —	25.7	25.0	21.0
Наибольшій діаметръ задняго отверстія сосудистаго канала — — — — —	31.0	24.7--29.8	29.3
Поперечный діаметръ его-же — — — — —	17.3	14.0--15.3	18.0
Высота мозговаго канала (отвѣсно отъ верхняго края верхней суставной поверхности) — —	27.3	30.3	26.0
Наибольшая ширина самой узкой части этого канала — — — — —	35.0	35.0	41.0
Наименьшее разстояніе отъ передняго края основанія дуги позвонка къ вырѣзкѣ въ задней части нижняго края поперечнаго отростка — —	—	—	105.5
Тоже отъ ближайшей части окружности передняго отверстія сосудистаго канала — — —	—	—	53.0
Высота позвонка сзади (отъ середины нижняго края задней суставной поверхности до высшей точки задняго суставнаго отростка) — — —	132.0	15.0	153.0

Изъ костей *передней конечности* найдена пястная кость лѣвой ноги, наибольшая длина которой равняется 173,3, наибольшая ширина верхней суставной поверхности 80,3; ширина кости на половинѣ длины 61,3, наибольшая ширина ея нѣсколько выше нижней суставной поверхности 73,5; наибольшая ширина нижней суставной поверхности 59,5.

Между Лагашинной и Сосниной, на берегу Нижней Тунгуски, я нашелъ великолѣпно сохранившуюся *тазовую кость* носорога, которая затѣмъ ударомъ бичевоы была сброшена съ крыши лодки въ рѣку, гдѣ и утонула; такъ какъ, однако, въ коллекціи г. Ячевскаго нашлись три весьма поврежденные безъимянныя кости и нѣсколько ея обломковъ, поэтому я счелъ нелишнимъ описать и измѣрить эти остатки, имѣя въ виду, во-первыхъ, то обстоятельство, что кость эта описана съ большею подробностью до сихъ поръ всего лишь по одному экземпляру, безъ измѣреній, а во-вторыхъ, что кости эти представляютъ весьма замѣтныя различія. Такъ, напр., тазовая кость съ долины р. Хилка, системы р. Селенги (забайкальской области): суставная впадина для головки бедра окружена одинаково высокими краями какъ въ предѣлахъ лобковой, такъ и сѣдалищной ея лопастей, отдѣленныхъ другъ отъ друга очень узкою вырѣзкою, причемъ сѣдалищная лопасть почти на цѣлую треть шире лобковой; отъ нихъ, на пути къ верхушкѣ подвздошной лопасти той-же суставной поверхности, края эти постепенно, но значительно понижаются и опять возвышаются, направляясь къ тому же почти прямолинейно, въ слѣдствіе чего суставная впадина является замѣтно сжатою съ боковъ и слегка суживается кверху такъ, что наибольшая ширина ея располагается на линіи, пересекающей вырѣзку ниже перехода ея въ углубленіе для круглой связки. Самая узкая часть подвздошной кости отличается значительною толщиной и рѣзко выраженной трех-

гранною формою, благодаря возвышенной и достаточно острой внутренней грани, составляющей продолженіе лобковаго гребешка, замѣтное до самаго крестцово-подвздошнаго сочлененія; сѣдалищная кость отличается значительнымъ развитіемъ нижней (передней) грани, въ особенности въ передней (верхней) половинѣ, гдѣ она достигаетъ толщины мизинца, а кость въ этомъ мѣстѣ является трехгранною; наружная грань самая тупая, между тѣмъ какъ внутренняя (со стороны овальнаго отверстія) дѣлается даже почти рѣзущею въ области значительно развитаго углубленія подъ вырѣзкою тазобедренной суставной поверхности, ближайшіе края которой, если поставить кость отвѣсно (имѣя центръ впадины передъ глазами), прикрываютъ собою сопредѣльные части окружности овальнаго отверстія, соотвѣтственно измѣняя видимое очертаніе послѣдняго.

Въ противоположность описанному типу, приближающемуся въ большей части его особенностей къ кости мюнхенскаго скелета, срисованной у Брандта, являются балаганскія кости. * Очертаніе ихъ суставной впадины приближается къ кругу; боковые края ея болѣе равномерной высоты; край лобковой лопасти выдается весьма незначительно и въ видѣ тупаго выступа, или же вовсе не выдается надъ прилежащею поверхностью лобковой кости; лобковая лопасть къ тому же шире сѣдалищной или почти равняется ей; вырѣзка между ними значительно шире, а такъ какъ углубленія подъ нею или вовсе не существуетъ, или же замѣчается весьма не значительное и то только около сѣдалищной лопасти, поэтому дно вырѣзки открывается непосредственно на толстый (до 20 мил.) и тупой край овальнаго отверстія, въ контуръ котораго, при указанномъ выше положеніи кости, суставная поверхность вовсе не входитъ; если прибавить къ тому же, что продолженіе очень тупаго лобковаго гребешка исчезаетъ уже въ самомъ началѣ расширенія подвздошной кости, уменьшая этимъ соотвѣтственный діаметръ кости, и что ни-

сходящая вѣтвь сѣдалищной кости не трехгранная, а только съ значительно выпуклою нижнею (переднею) поверхностью, то указанные различія нельзя считать маловажными. Тѣмъ не менѣе, между тѣми же балаганскими остатками встрѣчаются и нѣкоторыя переходныя формы между двумя описанными крайними типами (см. № 3-й таблицы измѣреній), состоящія, впрочемъ, лишь въ утонченіи края овальнаго отверстія, на который открывається вырѣзка, затѣмъ въ томъ, что при условленномъ положеніи кости, оконечность сѣдалищной лопасти суставной впадины вдається въ предѣлы овальнаго отверстія и, наконецъ, что на сѣдалищной кости появляются видимыя слѣды передней (нижней) грани, а на подвздошной кости слѣды внутренней грани, при увеличеніи поперечнаго діаметра шейки.

	Хи- локъ.	Б а л а г а н с к ѣ .		
Наибольшей продольной діаметръ суставной поверхности — — — — —	111.0	114.0	111.0	121.0
Наибольшій поперечный діаметръ ея —	102.0	113.0	103.0	107.0
Наименьшая ширина вырѣзки — —	10.0	17.5	24.5	22.5
Переднезадній діаметръ самаго узкаго мѣста шейки подвздошной кости — — — —	72.0	71.0	повр.	80.0
Наибольшій поперечный діаметръ тамъ-же —	54.5	48.5	51.5	повр.
Наименьшая толщина ея же — — —	42.5	37.5	42.5	повр.
Наименьшее разстояніе отъ наружнаго края суставной впадины къ заднему краю кости —	79.5	91.0	89.5	87.5
Наименьшая ширина нисходящей вѣтви сѣдалищной кости (отъ края овальнаго отверстія)	46.5	53.0	49.5	60.5
Наибольшая толщина тамъ-же — —	52.5	44.5	44.5	56.0
Наибольшая толщина лобковой кости въ плоскости проходящей черезъ высшую точку края лобковой доности суставной впадины — —	74.5	60.5	59.5	повр.
Наименьшее разстояніе между внутреннимъ краемъ суставной впадины и продолженіемъ лобнаго гребешка — — — — —	63.0	58.0	57.5	повр.
Продольный діаметръ овальнаго отверстія —	повр.	98.5	110.0	116.0

Наибольшая длина упомянутой выше *надпяточной кости* (лѣвая) измѣряя по внутренней поверхности, равняется 83,7; наибольшая ширина верхняго конца кости 83,7; наибольшая ширина голеннаго блока 77,0; наибольшая ширина нижняго конца кости 84,0; наибольшая ширина нижней суставной поверхности 81,0; наибольшій переднезадній діаметръ той-же суставной поверхности 51,5. Наконецъ,

32) *Мамонтъ* (*Elephas primigenius*). Остатки этого животнаго какъ то: одинъ зубъ, позвонокъ часть локтевой кости, часть таза, обломокъ бедра и одна изъ предплюсневыхъ костей, были находимы въ различныхъ мѣстахъ въ промежуткѣ между деревнями: Потеминскою и Соснинскою.

Въ заключеніе настоящей статьи, считаю не лишнимъ передать здѣсь еще нѣсколько свѣдѣній, относящихся къ фаунѣ этой мѣстности.

Во-первыхъ сообщу данныя, собранныя мною относительно *весенняго перелета нѣкоторыхъ птицъ* въ с. Преображенскѣ. Такимъ образомъ:

Plectrophanes nivalis («свигири») прилетѣли во второй половинѣ Марта 1883 г.

Вороны - - - - -	Апрѣля	7-го	стар.	стиля
Коршуны (<i>Milvus</i>) - - - - -	„	16-го	„	„
Утки - - - - -	„	21-го	„	„
Лебеди и плшки (<i>Motacilla</i>) -	„	23-го	„	„
Гуси - - - - -	„	26-го	„	„
Чайки - - - - -	„	28-го	„	„
Журавли - - - - -	М а я	1-го	„	„
Гагары (<i>Colymbus</i>) - - - - -	„	11-го	„	„
Кукушки - - - - -	„	15-го	„	„
Ласточки - - - - -	„	17-го	„	„

Во-вторыхъ, *относительно рыбъ*, именно *карасей*, которыхъ я могъ видѣть громадное количество, сообщу, что наи-

большая длина ихъ достигаетъ 365 миллиметровъ, и то у экземпляровъ, привозимыхъ изъ окрестностей Ербохочена; нормальная ширина ихъ лишь немногимъ превышаетъ 40 процентовъ длины. Встрѣчаются, однако, отклоненія отъ этой нормы, достигающіе 53 процентовъ, причемъ такая ширина обуславливается соответственнымъ удлинениемъ остистыхъ отростковъ такъ, что если принять наибольшую длину карася за 100, самый длинный остистый отростокъ у обыкновенныхъ индивидуумовъ равняется 9,8, тогда какъ у необычайно широкихъ 16,8. Въ Тункѣ я видѣлъ карасей, длина которыхъ достигала 405 миллиметровъ.

Наконецъ, передамъ и полученные мною свѣдѣнія относительно *переселенія нѣкоторыхъ насѣкомыхъ*. Обильные въ Преображенскѣ тараканы привезены на Нижнюю Тунгуску уже очень давно; на сѣверъ отъ рч. Еремы (смотри карту Чекановскаго) они распространились, однако, лѣтъ около двадцати трехъ тому назадъ; мѣстные жители того мнѣнія, что насѣкомыя эти не могли переживать переѣздъ черезъ названную рѣчку. Что-же касается блохъ, то они и до сихъ поръ успѣли поселиться только въ ближайшей отъ Лены деревнѣ, именно Подволочной, откуда хотя и развозятся проѣзжающими до Преображенска и далѣе внизъ по рѣкѣ, но «пропадаютъ» спустя три или четыре дня.

И. Д. Черный.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПИЩА ЯКУТОВЪ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ ряду другихъ причинъ, давшихъ возможность якутскому племени проявить столь замѣчательную энергію въ борьбѣ съ суровой природой ленскаго края, играла не маловажную роль пища. Уже одной этой причины достаточно, чтобы получить право говорить о подобномъ предметѣ публично. Но вопросъ этотъ важенъ не только для любознательности историка. Знаемъ, что со времени покоренія Сибири ни одно изъ туземныхъ племенъ, занимавшихъ земли, лежація на широтахъ соответственныхъ положенію якутской земли, не только не размножилось, не расширило первоначальныхъ границъ своей осѣдлости, но каждое уменьшилось и сгузило свои старыя границы. Одно якутское племя, находившееся въ болѣе тяжелыхъ климатическихъ условіяхъ, размножалось и размножается (конечно, сравнительно съ условіями) правильно*) и далеко раздвинуло свои границы, коснувшись Енисея, обоихъ океановъ и даже по самой Ленѣ подвинувшись немного на югъ, въ земли, уже занятыя русскими. Созданный ими обиходъ ежедневной жизни настолько цѣлесообразенъ, удобенъ и такъ мѣтко приаровленъ къ мѣстнымъ условіямъ, что почти безъ измѣненій принимается и пришлымъ русскимъ населеніемъ, способствуя тѣмъ отчасти его ассимиляціи съ якутской массой. Не будь на Ленѣ якутскаго народа, весь этотъ обширный край, по чрезмѣрной суровости своего климата, долго еще былъ бы закрытъ для европейской колонизаціи, а дальнѣйшее развитіе и успѣхи этой колонизаціи прямо зависятъ отъ развитія якутскаго на-

*) За послѣднее 50-ти-лѣтіе якутское населеніе Якутской области увеличилось на 60%.

рода. Сохраненіе поэтому устойчивости и энергіи этого симпатичнаго племени составляетъ прямой интересъ всѣхъ цивилизованныхъ людей вообще, сибирскаго же осѣдлаго населенія въ особенности.

Теперь, когда подъ вліяніемъ новыхъ условій въ якутской жизни совершается крутой экономическій переворотъ, когда этотъ до сихъ поръ преимущественно пастушескій, отчасти рыболовный, изрѣдка же и неохотно охотничій народъ начинаетъ въ главномъ центрѣ своей осѣдлости переходить къ земледѣлію, все болѣе и болѣе привыкая къ употребленію хлѣба, можетъ быть, не бесполезно будетъ узнать, чѣмъ и какъ кормится нынѣшній якутъ и отвѣчаетъ ли это питаніе необходимѣйшимъ требованіямъ тамошнихъ условій.

Разсмотримъ главные роды якутской пици по порядку, такъ сказать, европейскому, а не якутскому:

1) *Хлѣбъ*. Не подлежитъ сомнѣнію, что употребленіе хлѣба было якутамъ извѣстно въ древности, если примемъ во вниманіе, что туруханскіе инородцы хлѣбъ и вообще мучную пищу обозначаютъ словомъ «бурдукъ», т. е. также какъ и якуты, что названіе это не могло быть заимствовано ни туруханскими инородцами отъ якутовъ, ни обратно, то ясно, что названіе это могли они взять изъ какого нибудь общаго источника. Источникомъ этимъ были, должно быть, хлѣбородные и издавна воздѣлываемые склоны Алтая, первоначальная родина якутскаго народа. Перейдя на Лену слишкомъ далеко отъ земледѣльческихъ странъ, якуты разстались на долго съ хлѣбомъ и старались недостатокъ его замѣнить разными растительными суррогатами. Изъ нихъ наиболѣе распространены:

а) Заболонь сосны (бѣсъ масъ), снятая вмѣстѣ съ корой въ іюнѣ или іюлѣ и высушенная на солнцѣ для удобнаго сохраненія, занимала между этими суррогатами, а въ сѣверныхъ улусахъ и теперь еще занимаетъ первенствующую роль. Для

употребленія она толчется и просѣивается; толчется въ ступахъ деревянныхъ или же сдѣланныхъ изъ навоза, вылитыхъ водой и замороженныхъ. Растолченная и просѣянная заболонь называется «одуль». Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ нѣтъ сосновыхъ лѣсовъ, употребляется съ этой же цѣлью заболонь лиственницы (титъ масъ). Точно такъ же сушатся и толкутся для употребленія, о которомъ ниже, луковицы или корни растений:

б) *Lilium spectabile* называемаго «Саргдакъ (Верхоянскъ), «Моно» (Виллюйскъ) и Хорунь (Якутскъ), нѣкоторыхъ другихъ растений какъ «Кейенгесъ», «Ымыяхъ» и Бэрь-оть, какъ перечисляетъ Павловскій, но употребленіе этихъ послѣднихъ не столь уже повсемѣстно. Полученный, такимъ образомъ, изъ забалони, луковиць или корней плохо стертый порошокъ кладется въ количествѣ нѣсколькихъ ложекъ въ воду, молоко или тарь и варится. Но такъ какъ подобный супъ слишкомъ жидокъ, то для сгущенія его употребляется корень растенія *Butomus umbellatus* L. называемаго «Унюла и Ундсула или иначе аньягынь г. Анагасынь (Якутскъ) или прямо Кюельаса (озерная пища) (Виллюйскъ). Онъ тоже сушится и стирается въ порошокъ. На довольно большой горшекъ кладется обыкновенно 1 ложка унюлы. Послѣ сосновой забалони это важнѣйшій растительный продуктъ въ якутскомъ хозяйствѣ, да и теперь такимъ остался въ мѣстностяхъ не познакомившихся еще съ хлѣбомъ. Для сгущенія супу, кромѣ унюлы, употребляется еще растеніе нохсурганъ. Только съ 50-хъ годовъ т. ст. якуты начинаютъ «ломать землю», т. е. знакомятся по немногу съ культивировкой хлѣбныхъ растений. Прежде всего началось разведеніе ячменя, достигшее теперь довольно значительныхъ размѣровъ, другіе хлѣба и до сихъ поръ какъ то мало очень распространились.

Приготовленная очень примитивными способами мука употребляется въ видѣ лепешекъ изъ прѣснаго тѣста, слегка за-

пекаемыхъ на палочкахъ передъ огнемъ камелька и супу, приправленнаго нѣсколькими ложками ячной муки. Тотъ-же супъ, разболтанный по-гуще, носить уже громкое названіе кагы (каша), а сваренный съ молокомъ (ють-кагы) или ягодами (отонъ-казы) составляетъ уже нѣкоторое лакомство. Раіонъ воздѣлыванія ячменя распространяется очень замѣтно и жизнь якутскаго скотовода испытываетъ теперь значительный и чувствительный кризисъ вслѣдствіе слишкомъ поспѣшнаго перехода отъ скотоводства къ земледѣлію. Дѣло въ томъ, что усиленный вывозъ мяса и масла поднялъ цѣны на до сихъ поръ основные продукты якутской пищи и произвелъ то, что скотъ потребляется въ большемъ противъ своего естественнаго роста количествѣ. Вывозка мяса на пріиски уже на столько уменьшила количество скота въ ближнихъ старо-якутскихъ улусахъ, что поставщики начали уже выгонять скотъ и вывозить мясо изъ дальней вилюйской земли; если же откроются еще пріиски и въ системѣ Алдана*), то взятый въ тиски съ двухъ сторонъ скотоводъ якутскій не устоитъ противъ соблазна и продастъ послѣднюю скотину. Выше мы сказали, что якутъ потребляетъ хлѣбъ въ видѣ прѣсныхъ полусырыхъ лепешекъ. Кислый хлѣбъ до сихъ поръ представляется якуту какимъ то недосыгаемымъ совершенствомъ и въ улусахъ якутскихъ *нигдѣ* *положительно* не готовится. Въ такомъ, значить, видѣ, въ какомъ хлѣбъ теперь потребляется якутами, приноситъ онъ имъ пользы *не многимъ больше сосновой заболони*, особенно если обратимъ вниманіе на то, что заболонь варилась и варится почти всегда съ таромъ, т. е. молокомъ, хлѣбъ же потребляется съ чаемъ или замѣняющими его другими травами (о чемъ ниже). Распространенію кислаго хлѣба препятствуетъ съ одной стороны неумѣніе, незнаніе самого производства съ

*) Развѣдки дѣятельно ведутся уже нѣсколько лѣтъ компаніей богатыхъ капиталистовъ.

другой, и это препятствіе значительнѣе, отсутствіе русскихъ печей, неумѣніе выдѣлывать кирпичъ и класть печки. Устраненіе этихъ препятствій въ значительной мѣрѣ облегчило бы населенію переходъ къ новой жизни, защитило бы отъ многихъ потрясеній, но увы въ Якутскѣ нѣтъ и помину объ этихъ вопросахъ! И теперь уже не мало якутскихъ дѣтей питается полусырой лепешкой да чаемъ, процентъ такъ питающихся будетъ съ каждымъ годомъ увеличиваться, возрастетъ, конечно, и смертность. Думаемъ поэтому, что сткрытіе въ Якутскѣ, не какой нибудь образцовой, а простой, крестьянской фермы, на которой уже подрастающіе мальчики по 1—2 съ улуса (14—18 л.) безплатно обучались бы простыми людьми только подъ руководствомъ интеллигентнаго человѣка земледѣльческимъ работамъ, выдѣлыванію кирпича, кладкѣ печей и печенію хлѣба, спасло бы въ будущемъ можетъ цѣлыя тысячи людей полезныхъ, выносливыхъ болѣе почти, чѣмъ нашъ скоть. Такъ думаемъ, ибо въ виду надающаго скотоводства *распространеніе простѣйшихъ земледѣльческихъ познаній, умѣнія строить печки и готовить кислый хлѣбъ* ставить въ ряду самыхъ насущныхъ вопросовъ, когда рѣчь идетъ о пищѣ якутскаго народа.

2) *Мясо* конское и скотское до недавняго времени составляло главную пищу якута. Скотское мясо теперь переходитъ въ область воспоминанія, такъ что и говорить о способахъ его приготовленія не стоитъ. Довольно будетъ, если замѣтимъ, что якутъ, какъ далекій сѣверянинъ, большой и тонкій знатокъ всякихъ сортовъ жиру, особеннымъ деликатесомъ считаетъ жиръ изъ загривка и почечный жиръ, не брезгая, конечно, никакимъ жиромъ вообще, а какъ чистый татаринъ-скотоводъ конину ставить выше всякаго мяса. Убой лошади, совершаемый до сихъ поръ совершенно по-варварски,

съ соблюденіемъ всѣхъ старыхъ обычаевъ^{*)}) и теперь еще для якутской семьи составляетъ настоящій праздникъ. Конское мясо цѣнится въ 2 и 3 раза дороже скотскаго. Когда средняя цѣна послѣдняго бываетъ на базарѣ 2 руб. пудъ, конина пластная 5 и болѣе рублей. Правда, что конское мясо долго еще останется значительнымъ подспорьемъ въ якутской кухнѣ, но его дороговизна дѣлаетъ его все менѣе и менѣе доступнымъ для массы населенія. Большинство якутовъ съѣсть всегда съ жадностью не только конское, но и какое угодно мясо, павшее, гнилое; неразборчивость ихъ въ этомъ отношеніи ужасна и положительно не поддается описанію, нужно непременно видѣть, чтобы понять и повѣрить, какое мясо можетъ ѣсть якутъ.

3) *Рыба*. Лена, начиная отъ Олекминска, Алданъ и Вилюй съ притоками изобилуютъ всякаго рода рыбой не только бѣлой, но и красной, а множество озеръ даетъ почти каждому роду немалое количество столь любимыхъ якутами карасей (съѣдаемыхъ всегда съ внутренностями) и разной другой мелкой рыбы. Для жителей Нижне-Вилюйскаго и Жиганскаго улусовъ, побережьевъ Алдана и Лены, особенно внизъ отъ Якутска рыба составляетъ очень важный, мѣстами почти единственный продуктъ питанія. Но теперь даже та незначительная часть рыбныхъ богатствъ страны, которая извлекается населеніемъ изъ водъ ея, потребляется въ такомъ видѣ, что приносить населенію скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Не говорю о такой рыбѣ какъ стерлядь (хатысь балыкъ) и таймень (той-онъ балыкъ, т. е. господинъ рыба), которая попадаетъ на столъ болѣе зажиточнаго класса, но мелкая рыба, которой питается большинство населенія, *сохраняется въ прокъ совершенно безъ соли*. Не смотря на богатѣйшія залежи каменной соли, нахо-

^{*)} Описано подробно Гольманомъ въ памятной книжкѣ якутской области за 1871 г.

дящаяся въ Вилюйской землѣ, не смотря на то, что правительство тратитъ ежегодно тысячи рублей на снабженіе населенія солью, соли нѣтъ и большая часть добываемой рыбы употребляется въ пищу въ невозможномъ для европейскаго воображенія состояніи. Есть мѣстности, въ которыхъ, какъ въ улусахъ Дюпсинскомъ, Барагонскомъ и Нижне - Вилюйскомъ, кромѣ тару къ обыкновенной пицѣ принадлежитъ такъ называемая сыма. Сыма готовится изъ мелкой рыбы, ловимой въ мѣстныхъ озерахъ, которая, *все лето безъ соли киснетъ въ кадахъ, но чаще въ земныхъ ямахъ*, въ которыхъ ужасно прованиваетъ и убійственно дѣйствуетъ даже на привычное къ ней населеніе. Люди, которые долго жили въ улусахъ, никогда не могутъ безъ отвращенія говорить о сымѣ, а запахъ, который издають ямы, наполненныя сымой, можно сравнить только съ запахомъ разлагающагося трупа. Точно также сохраняется и болѣе крупная рыба, пойманная весной и лѣтомъ, во всемъ Жиганскомъ улусѣ, такъ гибнутъ богатые весенніе и лѣтніе уловы прекраснаго сельдя колымскаго, такъ, наконецъ, дѣлается по всей области, за исключеніемъ одного Якутска. Даже та рыба, которая ловится недалеко отъ устья въ Лены (немного ниже Булуна) и незначительную часть которой привозятъ въ Якутскъ, по большей части вслѣдствіе недостатка соли привозится сгнившей и испорченной. Въ виду этого *снабжение населенія въ достаточномъ количествѣ дешевой солью и распространеніе соленія рыбы считаемъ второй насущной потребностью* для поддержанія болѣе правильнаго питанія якутскаго народа.

4) *Молочные продукты* до сихъ поръ играютъ и безспорно вслѣдствіе своей неудобовывозимости долго еще среди якутскихъ пищевыхъ продуктовъ будутъ занимать важное мѣсто. Молоко якуты потребляютъ преимущественно въ видѣ тару. Таръ готовится изъ сладкаго снятаго молока, ко-

торое послѣ варки сливаютъ въ большую посуду, во многихъ мѣстахъ, зимой, конечно, приготовляемую изъ навоза, въ которыхъ оно киснетъ. Варятъ тоже и кислое снятое молоко и замораживаютъ. Одинъ пудъ тару стоитъ 20—30 копѣекъ, но въ голодные годы цѣна эта подымается до 70 к. Таръ въ чистомъ видѣ рѣдко употребляется, но обыкновенно какъ приправа къ супу. Въ горшокъ, въ которомъ варится вышеупомянутая тертая заболонь сосны, кладется, смотря по зажиточности и запасу, таръ, затѣмъ сгущается унюлой и сваренный такимъ образомъ супъ зовется бутугасъ. Конечно, тамъ гдѣ имѣется мука, заболонь и унюла уже не употребляются. Но названіе бутугасъ удерживается за всякимъ супомъ, въ составъ котораго входитъ хотя не много тару, въ отличіе отъ суповъ безъ тару приготовляемыхъ, которые называются йерье (jergia)*). Супъ рыбный безъ тару—балыкъ ѳрье, со сладкимъ молокомъ ють-ѳрье, съ одной заболонью и унюлой (во время голоду) только ѳрье. Кромѣ масла топленого буспутъ или улларбутъ-ары и бѣлаго сѣнкѣй-ары, кухня якутская знаетъ цѣлый рядъ кушаній, составляющихъ нѣкоторое лакомство, какъ бы праздничныя блюда. Прежде всего принадлежитъ здѣсь кумысъ истребляемый въ большомъ количествѣ на весеннемъ ысэхѣ (праздникъ въ маѣ) и во время уборки сѣна. Пьютъ кумысъ на ысэхахъ чаронами, кубками деревянными, по $\frac{1}{4}$ и болѣе ведра вмѣщающими. Приготавливается кумысъ въ кожаныхъ турсукахъ (сирисить). Топленое масло, кусочками въ кумысъ положенное, считается признакомъ особаго уваженія со стороны хозяина.

Кислое молоко называется сора и сорать кислое молоко, разбитое съ масломъ и замороженное, зовется хаяхъ; причемъ на одинъ пудъ молока кладется не менѣе 5 фунтовъ масла.

*) Хотя можетъ быть лучше по-русски написать ѳрье?

Сладкое молоко съ масломъ разбитое и замороженное — хахонъ.
Сушеное кислое молоко (творогъ) ѳдигэй.

Вотъ и всѣ болѣе употребительныя кушанія изъ молока. Чтобы ни можно было сказать противъ заготовленія молока и потребленія въ видѣ тару, но, приглядѣвшись къ нынѣшнимъ условіямъ якутской жизни, сказать здѣсь можемъ, что измѣненіе этого способа сохраненія молока было бы для якутовъ по своимъ послѣдствіямъ очень печально. Молочные продукты, сохраняемые въ прокъ, хотя и въ болѣе можетъ быть удобопитательной формѣ *нир* въ видѣ сыру (что, впрочемъ, неизвѣстно) сдѣлались бы непременно предметомъ вывоза, какъ сдѣлалось имъ мясо и масло. Мѣстное населеніе лишилось бы такимъ образомъ того главнаго изъ имѣемыхъ имъ еще питательныхъ продуктовъ, сохраненіе котораго теперь именно составляетъ необходимое условіе поддержанія жизненныхъ силъ племени.

5) *Чай*. Говоря теперь о пищѣ якутскаго народа, нельзя не упомянуть объ чаѣ, который уже прибрѣлъ въ цѣлой странѣ широкое распространеніе. вмѣстѣ съ ячными лепешками чай составляетъ ежедневную и почти единственную пищу уже многихъ якутовъ. Чай якуты пьютъ, конечно, безъ сахара. Бѣдняки замѣняютъ чай листьями и цвѣтами растенія курунъ — отъ *erilobium angustifolium*). Растеніе это растеть наиболѣе на выгорѣлыхъ мѣстахъ, кои называются по-якутски вообще курунъ или курумъ. Оттуда и названіе его, вовсе же не отъ русскаго слова горѣлое, гарь какъ ошибочно думаетъ Павловскій. Даже рѣчки текуція между горъ съ выгорѣвшимъ лѣсомъ называются всегда курунъ или курумъ.

Изъ всего вышесказаннаго можемъ вывести слѣдующія положенія:

1) Якутское населеніе, лишившись значительной части самыхъ питательныхъ, удобоваримыхъ продуктовъ мясныхъ и,

получивъ вмѣсто таковыхъ менѣе питательные, съ большей затратой энергіи получаемые очень притомъ не умѣло къ потребленію приготовляемые продукты хлѣбные, станутъ истощаться и терять свою жизненную энергію.

2) Вслѣдствіе исключительно суровыхъ климатическихъ условій страны, занимаемой якутами, процессъ истощенія народа и затѣмъ вымиранія обнаружится скоро и совершится быстро.

Адамъ Шиманьскій.

МОГИЛА КАРАБАЯНА.

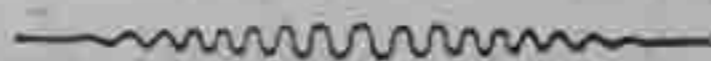
Могила Карабаяна находится въ 2 километр. къ S. W. отъ Хуторскаго селенія, среди широкой долины Урулюнгуя, на небольшомъ овальномъ возвышеніи. Могила состоитъ изъ двора (А) и собственно могилы (В). Дворъ представляетъ собой почти квадратное углубленіе на $\frac{1}{4}$ метръ слишкомъ глубины. Стороны квадрата отъ 9,6 до 9,8 метр. въ длину. Эта площадь, почти въ 100 квадр. метр., вся обнесена плитами (а, а, а), изъ слюдяннаго сланца, расположенными въ стоячемъ положеніи вокругъ двора. Наибольшая величина плить достигала до 1 метра въ длину и ширину и до 2 дециметр. слишкомъ въ толщину. По срединѣ двора расположена собственно могила (В), представляющая углубленіе длиной (съ О на W) слишкомъ 2 метра, шириной $1\frac{1}{2}$ м. и глубиной въ 1 м. Мертвые полагались въ это углубленіе, засыпались землей до высоты почвы двора, а съ этого уровня закладывались плитами (б, б) въ нѣсколько горизонтальныхъ рядовъ и, наконецъ, опять засыпались землей (Д) до поверхности. Закладка плитами производилась, повидимому, довольно тщательно, такъ какъ промежутки и неровности между плитами заполнялись камнями и щебнемъ. Плиты въ могилѣ Карабаяна рас-

положены были въ четыре горизонтальныхъ ряда, между которыми находился небольшой (3 сантим.) слой земли. Плиты засыпаны были слоемъ земли въ $\frac{1}{2}$ м. слишкомъ толщиною.

Центральное углубленіе, или собственно могила закрыта была двумя громадными плитами, подъ которыми найдено было: 2 черепа, нѣсколько реберныхъ костей, локтевыхъ и др. Кромѣ череповъ, всѣ остальные кости сильно попортились. Изъ расположенія костей въ могилѣ можно заключить, что одинъ трупъ (I), расположенный къ N сторонѣ могилы, находился въ лежачемъ положеніи, спиной внизъ и головой къ востоку, а другой трупъ (II), занимающій южную половину могилы, сидя, обнявъ голову руками, поклонился на востокъ до земли. Подъ головой этого трупа найдено нѣсколько волосъ, смѣшанныхъ съ сухой травой. У головы перваго трупа найдено десять маленькихъ монисточекъ цилиндрической формы и одна крупная монистка изъ бирюзы. Въ промежуткахъ между трупами найдено двѣ горсти древеснаго угля. Одежды не найдено. Въ 22 метр. къ O отъ могилы поставлены два каменныхъ столба (с, с), изъ того же слюдяннаго сланца, врытыхъ въ землю на глубину $\frac{3}{4}$ метр. Длина столбовъ до 2 м., ширина слишкомъ $\frac{3}{4}$ м. и толщины до 20 м.

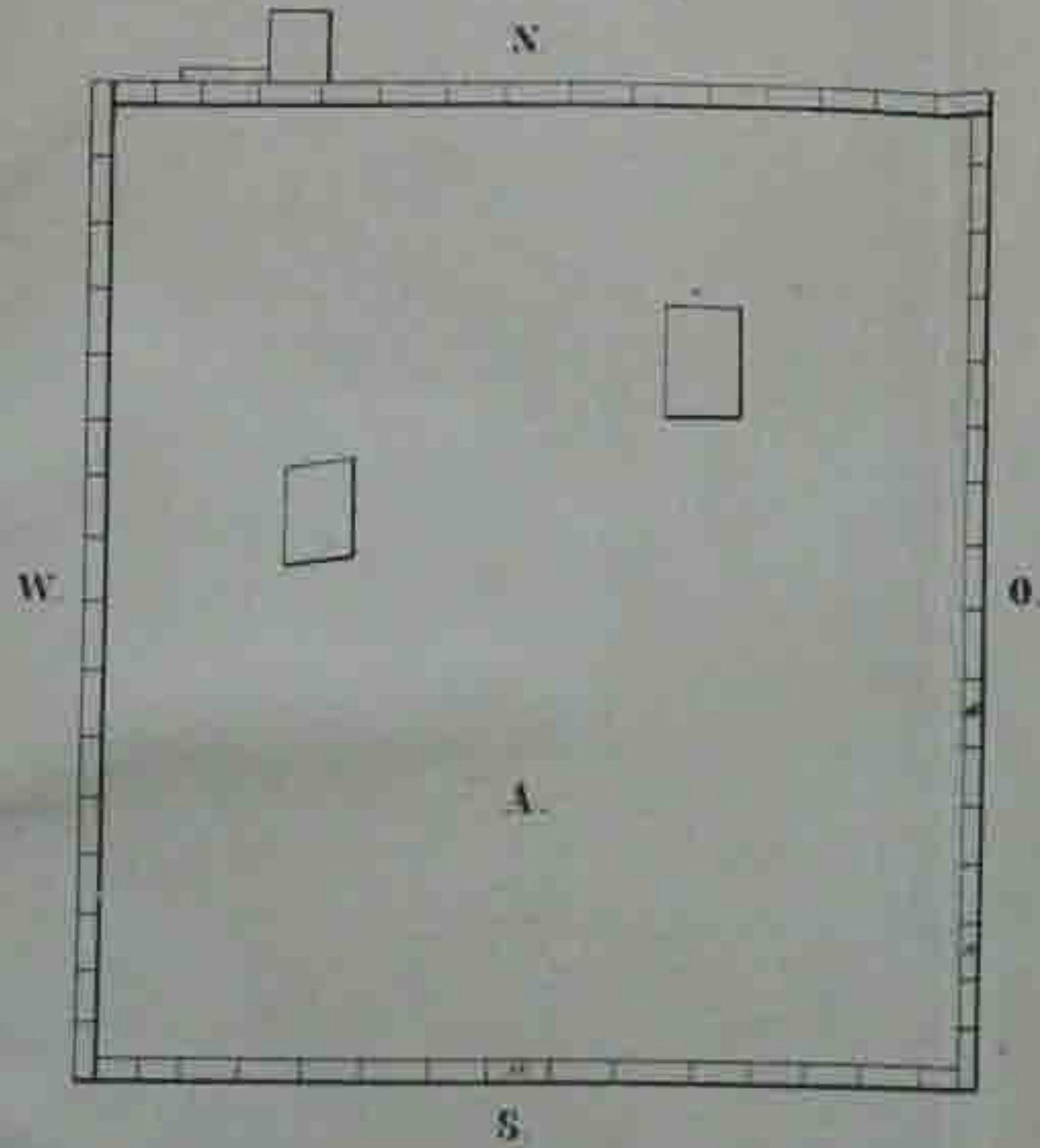
На передней сторонѣ столба с, т. е. на сторонѣ обращенной къ могилѣ, находятся высѣченные два знака одинъ подъ другимъ. Знаки представляютъ собой линіи, пересѣкающіяся подъ угломъ и образующія римскую цифру X.

М. Нестеровъ.

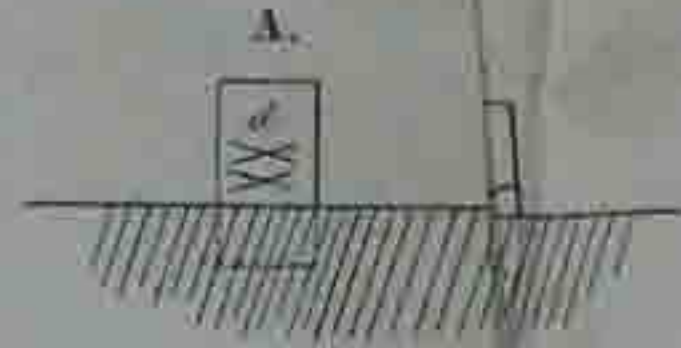

Могилы Карабахяна близ с. Кутарского

Вид сверху

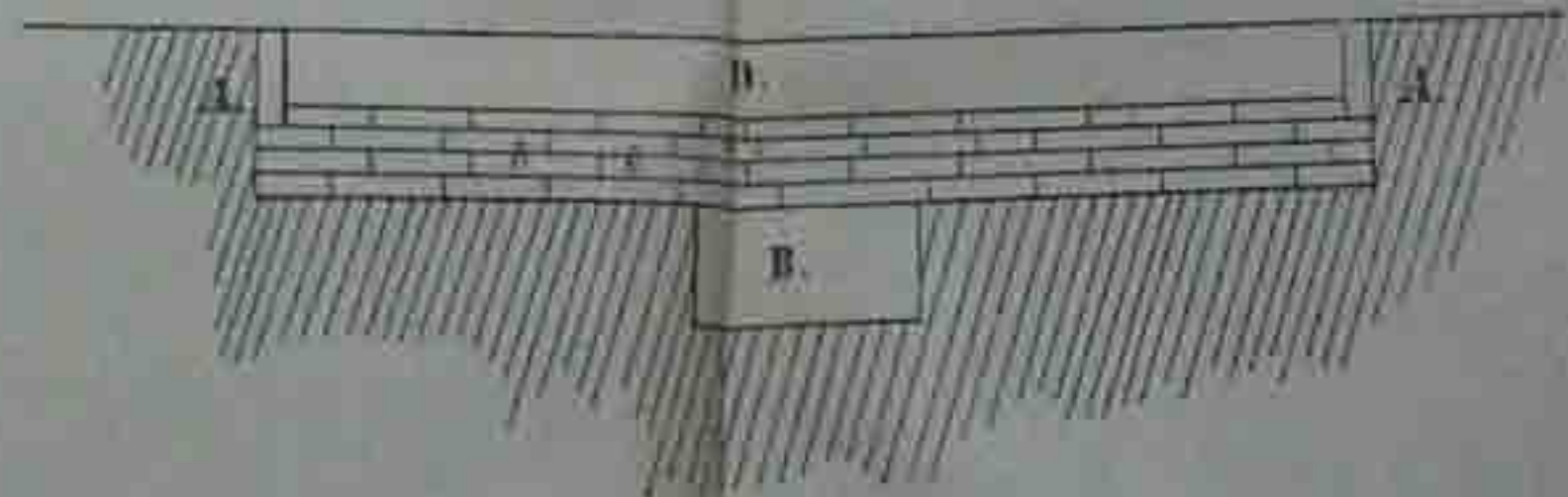
Вид с запада со стороны

Вид с запада сверху

С запада к 0, с W

Масштаб

Въ одномъ изъ засѣданій Распорядительнаго Комитета 18 января 1884 г. прочитано слѣдующее письмо Г. Н. Потамина на имя Владиміра Платоновича Сукачева.

С а н ь - ч у а н ь. Оставивъ Гуйхуачень, я не писалъ Вамъ съ дальнѣйшей дороги. Теперь я уже далеко на югъ, живу въ мѣстности Сань-чуань, на лѣвомъ берегу Желтой рѣки въ 4 дня пути выше Лань-чжеу. Сообщу Вамъ вкратцѣ о пройденномъ пространствѣ.

19 (31 іюля) мы вышли изъ Гуйхуачена и 22 іюля (3 августа) достигли до г. Хэкоу, гдѣ переправа черезъ Желтую рѣку, а 28 іюля (9 августа) пустились въ дальнѣйшій путь въ Ордосъ. Въ физико-географическомъ отношеніи Ордосъ страна очень оригинальная. Это равнина, пересѣченная плоскими хребтами и среднимъ числомъ имѣющая около 2,000 ф. высоты надъ уровнемъ океана. Хребты, проходящіе по ней, только въ двухъ мѣстахъ достигаютъ значительной высоты, именно въ хашунѣ Джунгаръ, въ вершинахъ р. Улань-мурена и въ хашунѣ Отокъ; только этимъ двумъ возвышенностямъ можетъ быть дано имя горъ; остальные же хребты имѣютъ видъ плоскихъ валовъ, рѣдко прорѣзанныхъ глубокими долинами. Вся страна усѣяна барханами, т. е. песчаными буграми, надуваемыми, повидимому, преимущественно юго-западными вѣтрами; только гребни упомянутыхъ плоскихъ хребтовъ выступаютъ нагіе изъ этого песчаного моря. На сѣверѣ эти пески примыкаютъ вплотъ къ Желтой рѣкѣ и нѣкоторые барханы сыпятся прямо въ рѣку; но на лѣвый берегъ рѣки пески, по крайней мѣрѣ, гдѣ мы ее пересѣкли, не переходятъ. Во впадинахъ между хребтами пески лежатъ на черной перегнойной почвѣ, образующей пластъ до 2 футовъ толщины; на югѣ, вмѣсто перегнойной, начинаетъ господствовать солонцеватая почва. Впадины очень часто залиты водой, которая образуетъ или группы

отдѣльныхъ озеръ или цѣлую систему, въ которой озера соединяются между собой или проливами или ручьями съ текущей водой. Если вода не выступаетъ наружу, она все-таки держится въ такихъ мѣстахъ близко къ земной поверхности; стоитъ сдѣлать яму въ аршинъ глубиной, какъ она наполняется водой. Эти мокрые луга, съ озерами или безъ озеръ, здѣшніе монголы называютъ *чай дамъ* или *чай тамъ*. Барханы не только окружаютъ эти озера, которыя рѣдко бываютъ болѣе 100 сажень*) въ окружности, но врѣзываются между ними и разобщаютъ ихъ; такимъ родомъ образуется лабиринтъ изъ песчаныхъ бугровъ и сѣти озеръ. Нѣкоторые барханы стоятъ такъ плотно надъ водой, что проходя по сыпучей его подошвѣ, скользишь ногой въ воду. Чайдамы покрыты густой луговой растительностью и служатъ мѣстами для пастбищъ; барханы также нерѣдко покрываются растительностью; какъ только закончилось образованіе бархана, и песокъ, его составляющій, пересталъ двигаться и форма бархана стала устойчивою, какъ поверхность бархана начинаетъ проростать однимъ или большимъ злакомъ или шявыкомъ (*Artemisia*); такіе поросшіе шявыкомъ барханы здѣсь называются *ерень*, т. е. пестрыми. Кромѣ того, по барханамъ разселяются *Hedysarum laeve*, роскошно усыпанный розовыми цвѣтами, *Astragalus melilifloides*, въ южной же части Ордоса обильно появляются впервые вывезенный изъ Ордоса г. Пржевальскимъ *Rugionium cognatum* на южныхъ склонахъ бархана и туйя на сѣверныхъ. Въ глубокихъ же и узкихъ впадинахъ между барханами, гдѣ обнажается перегнойная почва, засѣли густыя заросли изъ ивы и облѣпихи, образующія въ буквальномъ смыслѣ трущобу, пробираться сквозь которую очень трудно. Болѣе же открытыя и болѣе сухія впадины между барханами бываютъ заняты паш-

*) Кромѣ этихъ мелкихъ озеръ въ Ордосѣ есть нѣсколько большихъ озеръ.

нями, на которыхъ засѣваются просо, овесъ, гречиха и пшеница. Я мало знакомъ съ барханами другихъ мѣстностей и не знаю, такое богатое орошеніе ордоскихъ бархановъ представляетъ ли ихъ особенность или нѣтъ. Если такое орошеніе не имѣетъ мѣста въ другихъ барханныхъ площадяхъ, то Ордось можно бы характеризовать именемъ орошенныхъ сыпучихъ песковъ.

Пересѣкая Ордось съ сѣвера на югъ, мы сдѣлали три болѣе значительныя остановки въ пути: въ ставкѣ джунгарскаго князя, въ ставкѣ князя вана и въ Боробалгасунѣ, гдѣ находится одна изъ станцій бельгійской христіанской миссіи. Джунгарскій князь (бэйли) принялъ насъ очень радушно; онъ кажется наиболѣе окитаившійся ордосскій князь и цѣнитъ культуру; онъ очень любитъ европейскія вещи; въ своемъ домѣ онъ насчитываетъ до 200 часовъ; нѣкоторые изъ нихъ очень цѣнны. Ему лѣтъ за 60; это высокій и сухощавый старикъ, здоровье котораго сильно поколеблено куреніемъ опиума. Онъ былъ женатъ сначала на монголкѣ, родомъ дархаткѣ, но овдовѣлъ; теперь онъ имѣетъ двѣ жены, которыя обѣ пекинскія китаянки. Отъ первой жены онъ имѣетъ двухъ взрослыхъ сыновей. Джунгарскій бэйли отличился во время мусульманскаго возстанія принятіемъ энергическихъ мѣръ къ очищенію Ордоса отъ мятежниковъ и по смерти князя хашуна Ушинъ получилъ званіе да - нойона, т. е. управителя надъ всею Ордосомъ.

Съ семействомъ вана, хашунъ котораго примыкаетъ къ джунгарскому съ юга, намъ не довелось увидѣться. Насколько джунгарскій бэйли доступенъ для европейцевъ и интересуется внѣшнимъ міромъ, въ чемъ на него походить, говорятъ, только алашаньскій князь, пріятель г. Пржевальскаго, на столько ванъ отличается боязнью предъ всякой вещью, которая выходитъ изъ предѣловъ степной жизни. Наши палатки позволили

поставить не ближе, какъ въ 10 ли отъ ставки вана, вѣроятно изъ опасенія, чтобъ наши испаренія не навѣяли на князя какой-нибудь болѣзни. Во время стоянки близъ ставки вана я съѣздилъ въ долину р. Чжамхакъ, гдѣ стоитъ Еджень-хоро, «ставка Еджена». Подъ Едженемъ разумѣется Чингисъ-ханъ, а подъ его ставкой двѣ войлочные юрты, въ которыхъ въ серебряной ракъ хранятся кости или тѣло Чингисъ-хана. Присмотръ за этой святыней Ордоса имѣетъ особое сословіе, которое называется *дархатъ*. Въ 6 лунѣ въ 21 число около Еджень-хоро устраивается таилганъ, т. е. общественное жертвоприношеніе: колятъ лошадь, и сваренное мясо дархаты дѣлятъ между присутствующими; доли этого мяса называются *Чингисенъ-атисъ*, „счастье Чингисъ-хана“. Ордосскій таилганъ сопровождается многочисленными обрядами: кропленіемъ молока, раздачей хатаковъ, потертыхъ о Чингисову раку, гаданьемъ по трепещущемуся сердцу заколотого въ жертву животнаго, а также выставкой вещей, будто бы принадлежавшихъ Чингисъ-хану. Кромѣ его меча, лука, трубки, кнута и другихъ вещей здѣсь также выставляется два коня, одинъ, на которомъ онъ ѣздилъ по имени Найманъ-шаргыморинъ, другой его сэтэръ, т. е. конь, который былъ Чингисъ-ханомъ посвященъ богамъ; этотъ послѣдній называется Ондюго-чаганъ-моринъ. Кромѣ этихъ лошадей, въ этотъ день къ Еджень-хоро является человѣкъ, который называется Алтынъ-хатысунъ, „золотой колъ“. Его обязанность стоять цѣлый день неподвижно съ зарытыми въ песокъ ногами. Существуетъ преданіе, что предокъ этого человѣка похитилъ у Чингисъ-хана золотой колъ, къ которому ханъ привязывалъ выше упомянутую бѣлую лошадь Ондюго-чаганъ-моринъ. За это преступленіе потомки похитителя по завѣту Чингисъ-хана обречены ежегодно въ 21 число 6 луны совершать этотъ подвигъ столпничества.

Въ Боробалгасунѣ мы останавливались съ цѣлью нанять рабочихъ монголовъ на путь до Ланъчжеу, что намъ и помогли сдѣлать здѣшніе миссіонеры. Подъ именемъ Боро-балгасунъ, „сѣрый городъ“ извѣстны здѣсь развалины города, разрушеннаго по мѣстному преданію Чингисъ-ханомъ. Тоже преданіе говоритъ, что до разрушенія въ этомъ городѣ жилъ Ельд-жигенъ-тологойтой-ханъ, т. е. царь съ ослиной головой.

Южная часть Ордоса прилегаетъ къ горамъ, которыя отдѣляютъ его отъ провинціи Шеньси и которыя начинаютъ видѣться съ дороги еще не доходя до Боробалгасуна. Китайское населеніе вездѣ перешло на сѣверную сторону этихъ горъ. Ближе къ этимъ горамъ поверхность Ордоса начинаетъ замѣтнѣе волноваться; хребты, пересекающіе страну, становятся выше; однако барханы простираются вплоть до Великой стѣны, которая здѣсь отдѣляетъ китайское населеніе отъ монгольскаго. Къ западу отъ Боробалгасуна находится группа изъ 4 соленыхъ озеръ, самое большое изъ которыхъ называется номонъ-ихи-чикыръ. Посѣтивъ эти озера, мы обратились на югъ, и вошли во внутренней Китай, пересѣкши Великую стѣну у городка Хуамачи. Изъ Хуамачи мы опять пошли на западъ въ городъ Линъ-чжеу. До самаго этого города характеръ мѣстности былъ тотъ же, что въ южномъ Ордосѣ, т. е. плоскіе хребты, засыпанные при подрывахъ барханами. Но въ Линъ-чжеу насъ ожидала новая картина. Линъ-чжеу лежитъ въ долинѣ Желтой рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта долина стѣсненная ранѣе горами сильно расширяется и сливается съ равниной Ордоса. Окрестности Линъ-чжеу можно назвать однимъ изъ богатѣйшихъ оазисовъ южной Монголіи. Низменность, на которой стоитъ Линъ-чжеу, орошена искусственнымъ каналомъ, который выведенъ изъ Желтой рѣки и по всей длинѣ канала тянется непрерывное густое населеніе, состоящее изъ китайцевъ (на половину язычниковъ, на половину мусульманъ). Отъ Линъ-

чжеу до городка Цзинь-ци-ну мы ѣхали точно въ саду; фанзы утопаютъ въ зелени персиковыхъ, яблочныхъ, абрикосовыхъ, грушевыхъ и жужубовыхъ деревьевъ, которая изрѣдка разступается, чтобы дать мѣсто полямъ, засѣяннымъ рисомъ или другими злаками. Къ ю. отъ Цзинь-ци-ну мы вступили въ горы, которыми шли до города Цзинь-юань, стоящаго на правомъ берегу Желтой рѣки. Здѣсь мы перешли на лѣвый берегъ этой рѣки, и 22 октября (3 ноября) вступили въ Лань-чжеу. Характеръ горъ отъ Цзинь-ци-ну до Лань-чжеу одинъ и тотъ же; внизу всѣхъ разрѣзовъ залегаютъ или конгломераты или песчаники, окрашенные краснымъ цементомъ; на этихъ осадочныхъ пластахъ лежитъ лесъ, который покрываетъ собою и самыя высочайшія вершины пересѣченныхъ нами хребтовъ.

Въ Лань-чжеу мы раздѣлились: г. Скасси остался зимовать въ Лань-чжеу, г. Березовскій уѣхалъ въ городокъ Хойсянь, въ 1000 ли къ ю. отъ Лань-чжеу, а я поѣхалъ въ Сань-чуань. На пути въ эту мѣстность я посѣтилъ страну саларовъ, небольшой отрывокъ турецкаго племени, живущій на правомъ берегу Желтой рѣки, въ окрестностяхъ города Сюнь-хуа-тина. Салары не забыли своего роднаго языка и исповѣдуютъ мусульманскую вѣру. Въ Сань-чуани я живу посреди другаго интереснаго племени, которое себя называетъ просто монголами; въ отличіе же отъ сѣверныхъ монголовъ они иногда придаютъ себѣ имя широнголь-монголь. Это тоже племя, которое г. Пржевальскій называетъ Далда. Повидимому, это монголы, которые переселились сюда въ очень раннюю эпоху. Въ ихъ языкѣ, я думаю, не мало найдется монгольской старины. Въ ихъ средѣ есть фамиліи, которыя держатся шаманства, т. е. поклоняясь китайскимъ и буддѣйскимъ божествамъ, они чтутъ еще и боговъ, изображенія которыхъ освящаются шаманами. Другія же фамиліи широнголовъ не счи-

таютъ себя обязанными поклоняться этимъ шаманскимъ божествамъ.

Г. Березовскій, какъ онъ пишетъ мнѣ въ письмѣ, достигъ до г. Хойсяна благополучно. Онъ очень доволенъ своей поѣздой и надѣется здѣсь на болѣе успѣшную охоту. Уже на пути до Хойсяна онъ имѣлъ 30 птицъ, тогда какъ за весь Ордосъ, вообще очень бѣдный птицами и по словамъ г. Пржевальскаго, онъ собралъ только 160 птицъ. Г. Скасси также здоровъ и занимается приведеніемъ въ порядокъ своей съемки.

Гр. Потанинъ.

